

802-15
1133

ИСТОРИЯ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

ВЪ ГЕРМАНИИ.

ПО ЛѢТОПИСЯМЪ И РАЗСКАЗАМЪ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

Д-ра В. ЦИММЕРМАНА.

ПЕРЕВОДЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. ЗАЙЦЕВА.

ТОМЪ I.

Изданіе редакціи журнала: „Русское Слово“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1865.

45894-0
Въ типографіи Рюмина и К^о.

2014142149

Рѣдки становятся въ Германіи высокіе мужи, соединяющіе въ себѣ силу ума съ силою характера. На почвѣ нашей литературы лишь изрѣдка встрѣчаются еще могучіе дубы, выросшіе въ болѣе сильную эпоху германскаго духа и олицетворяющіе собою мужество и свободу. Года и бури помрачили и покрыли мхомъ ихъ вѣтви; но съ прежней энергіей дѣйствуетъ въ нихъ присущая имъ безсмертная сила жизни.

Въ Васъ, высокочтимый учитель, видимъ мы одного изъ такихъ мощныхъ мужей.

Позвольте мнѣ называть Васъ учителемъ. Въ буквальномъ смыслѣ я никогда не былъ вашимъ ученикомъ; я даже ни разу не видѣлъ Васъ. Но, дѣйствуя силою духа на обширнѣйшія области, Вы безъ вашего вѣдома поучали меня, и я буду гордиться, какъ лучшей славой моею, если Вы признаете меня своимъ достойнымъ ученикомъ.

Были дни, когда большинство германскихъ историковъ боялись говорить правду и не стыдились исказить ее; въ эти дни Вы остались вѣрны исторіографическимъ законамъ древнихъ, ни разу не сказали неправду и не боялись говорить истину. Вы проливали яркій свѣтъ на все неправое въ исторіи, одинаково обличая несправедливости, исходившія какъ сверху, такъ

и снизу, указывая какъ на нравственно высокое и благородное, такъ и на низкое и подлое въ жизни.

И я научился у Васъ чтить честность, совѣстливость и чистоту лицъ и событій; чтить и въ Васъ челоуѣка, принявшаго на себя трудъ историка, какъ священную обязанность, какъ призваніе свыше искать и находить, беречь и хранить истину. Зная жизнь также хорошо, какъ и науку, Вы обладаете не одними только достоинствами собирателя и изслѣдователя источниковъ; Вы выказали сверхъ того умъ государственнаго челоуѣка и критика, образованный разумъ, способный видѣть въ событіяхъ идеи и обнимать ихъ въ общей ихъ связи; Вы любите свободу и добродѣтель; Вы обладаете мужествомъ вступаться за права угнетенныхъ и проницательностью пророка, который въ одно и то же время смотреть и назадъ, и впередъ, сравниваетъ, предостерегаетъ, поучаетъ и предсказываетъ. Поэтому Вы писали исторію ясно и сильно, и вотъ что я научился уважать въ Васъ и уважаю.

Семь мѣсяцевъ тому назадъ Вамъ исполнилось восемьдесятъ лѣтъ, но ни умъ, ни рука ваши не утомились. Въ вашемъ любезномъ отвѣтѣ мнѣ Вы говорите, что посвѣщеніе Вамъ моей книги приносить Вамъ честь. Но принятіе этого посвященія есть высокая честь, которую Вы, учитель, оказали мнѣ и моему труду.

Леонброннъ 16 іюня 1865 г.

В. Циммерманъ.

Ф. Х. ШЛОССЕРУ

Съ глубокимъ уваженіемъ посвящаетъ

АВТОРЪ.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Скажу нѣсколько словъ объ источникахъ, которыми я пользовался. Не стану перечислять печатные, потому что они извѣстны каждому ученому. Знающій человѣкъ повѣритъ мнѣ на слово, да притомъ и увидитъ изъ самаго сочиненія моего, что я прочелъ и сличилъ всѣ имѣющіяся печатныя сочиненія по моему предмету. Но даже самыя знаменитыя источники такого рода, какъ напр. книга Гнодаля, были мнѣ почти совершенно бесполезны, такъ какъ при сравненіи съ рукописными актами и рассказами современниковъ они оказываются почти невѣроятно поверхностными, недостаточными и несправедливыми. Поэтому я пользовался печатными источниками только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не имѣлъ рукописныхъ, что впрочемъ случалось чрезвычайно рѣдко и то лишь относительно саксонскихъ событій; за то чрезвычайно богата рукописная литература касательно событій въ Швабіи, Франконіи, Эльзасѣ, Швейцаріи, Австріи, состоящая какъ изъ актовъ, такъ и изъ рассказовъ очевидцевъ и людей, писавшихъ со словъ очевидцевъ. Въ примѣчаніяхъ я вездѣ указалъ на эти источники.

Важнѣйшій источникъ, которымъ до меня еще никто не пользовался съ этою цѣлью, составляютъ акты швабскаго союза, которые я цитирую въ текстѣ подъ именемъ союзныхъ актовъ. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, изъ коихъ многія заключаютъ въ себѣ болѣе 100 номеровъ или фоліантовъ и находятся въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ.

Тамъ же находится другой богатый кладъ для историка крестьянской войны. Это собраніе покойнаго прелата фонъ-Шмида. Этотъ благородный ученый занимался около 40 лѣтъ собираніемъ матерьяла для исторіи крестьянской войны, но умеръ, не успѣвъ ничего сдѣлать, кромѣ известной статьи въ «Энциклопедіи Эрша и Грубера». Частію этого собранія воспользовался Эксле, но воспользоваться всею коллекціею, чрезвычайно богатою актами и выдержками изъ нихъ и разсказами современниковъ, было предоставлено счастливымъ случаемъ мнѣ.

Между прочимъ собраніе это включаетъ въ себѣ копіи съ рукописи: 1) Ганса Луца, герольда Трухзеса Вальдбургскаго во время крестьянской войны. 2) Никласа Томана, Вейсенгорнскаго капелана во время войны. Онъ писалъ частію какъ очевидецъ, частію со словъ Вейсенгорнскаго бургормистра, Дипольда Шварца, который все время состоялъ при Трухзесѣ и пользовался большимъ значеніемъ въ Швабскомъ союзѣ. Рукопись Томана, оконченная въ 1533 году, включаетъ въ себѣ много важныхъ актовъ. 3) Роггенбургскаго лѣсничаго Якоба, бывшаго также очевидцемъ многого. Рукопись его относится къ 1530 году. 4) Зейдлера. Рукопись эта есть копія съ рукописи Цейля, секретаря Трухзеса, «который всюду бывалъ съ нимъ и вездѣ присутствовалъ». Зейдлеръ списалъ ее впоследствии въ вольфеггской канцеляріи.

Я всюду отмѣтилъ въ примѣчаніяхъ мѣста, для которыхъ я воспользовался печатными трудами Эксле и Бензена, основанными на изученіи рукописныхъ источниковъ, а также превосходными статьями Шрейбера въ его историческомъ альманахѣ; касательно нѣкоторыхъ подробностей читатель можетъ сравнить эти труды, не потерявшіе своей цѣны и своего значенія и по появленіи моего.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ жизни народовъ и государствъ доселѣ гораздо менѣе изучали болѣзненные состоянія, причины ихъ и ихъ излеченія, чѣмъ времена процвѣтанія и здоровья. Слишкомъ мало обращали еще вниманія на внутреннюю борьбу и развитіе ихъ и всего менѣе изслѣдовали и всего пристрастнѣе судили то, что жило, дѣйствовало и страдало въ глубинѣ обществъ, что томилось тамъ, и вырывалось на поверхность. Эта жизнь мало изслѣдована повсюду въ Европѣ, но въ особенности въ Германской Имперіи, хотя безъ полного пониманія этой жизни и этого движенія въ глубинахъ невозможно правильное пониманіе исторіи вообще.

Еще въ отдаленнѣйшія эпохи среднихъ вѣковъ слышится по временамъ, точно подземный гулъ вулканическихъ силъ, какое-то глухое броженіе подъ тою почвою, на которой расположились господствующіе классы общества. По временамъ то тамъ, то сямъ происходила вспышка или взрывъ. Какъ газы и пары и потоки пламенной лавы изъ отверстій и разсѣлинъ кратера, такъ поднимались возстанія изъ глубины общества. Они свѣдѣтельствовали о внутреннемъ пламени, но на нихъ не обращали вниманія и вѣрили, что это броженіе можетъ продолжаться безвредно; думали потушить внутренній огонь, закупоривъ отверстіе, сквозь которое онъ прорывался, и успокоивались, когда за взрывами слѣдовали продолжительныя паузы, въ которыхъ все казалось спокойно. Когда за тѣмъ земля начинала снова дрожать, и

снова грозилъ взрывъ, но миновалъ благополучно, люди, жившіе на вершинѣ вулкана, безумно вѣрили, что грозная стихія подъ ними совершенно исчезла.

Но пока на поверхности все казалось спокойнымъ, подъ ногами общества накоплялось все болѣе и болѣе матерьяловъ для взрыва. Общество не знало этого и благоденствовало, но благоденствовало путемъ неправды.

Настала эпоха перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Мысль работала, дѣлались открытія, печатали и читали. Новыя идеи проникли въ глубь, гдѣ кипѣло негодованіе, и довели его до крайней степени напряженія. Послѣ долгаго спокойствія снова явились предостерегающіе признаки, указывая на приближеніе великаго взрыва. Были люди, чувствовавшіе, что почва подъ ними подрыта и трепещетъ; но всѣ властвующие не вѣрили въ серьезную опасность, не смотря на то, что уже начинались подземные удары. Они не вѣрили, потому что за этими ударами вмѣсто взрыва снова водворялась тишина. Они даже усилили иго, хотя уже явились чрезвычайные симптомы, какихъ не замѣчали при прежнихъ взрывахъ. Тогда разразилась катастрофа. Взрывъ воспослѣдовалъ внезапно со всѣми ужасами естественнаго явленія.

Новыя силы мысли подѣйствовали могущественно и въ обширныхъ размѣрахъ на низшіе слои общества, а гнетъ, давившій на нихъ сверху, ежедневно усиливалъ жаръ, горѣвшій въ нихъ, и силу паровъ, клокотавшихъ въ глубинѣ, пока наконецъ отъ этого давленія не лопнуло бремя, нагнетаемое сверху. Какъ при изверженіи вулкана земля дрожитъ на большомъ разстояніи въ окружности, молніи взлетаютъ черезъ горы къ облакамъ, и при страшномъ гулѣ вся поверхность земли горитъ яркимъ пламенемъ и слышится трескъ низвергающихся каменныхъ массъ, такъ было и при общественномъ взрывѣ, при гулѣ и грохотѣ вставали надъ землею огненные стол-

бы пламени пожаровъ, день и ночь обагрятъ небо. Гибли невинные съ виновными; низвергнувшіяся скалы покрывали горы и часто на далекое пространство загромождали равнины; то были осколки разрушенныхъ замковъ властителей.

Доселѣ всюду лежатъ тысячами развалины монастырей и замковъ, остатки и свидѣтели этой катастрофы. Задача этой книги описать ее. Въ нѣдрахъ общества загорѣлось. Отъ этого пламени размягчилось, растопилось и потекло потокомъ огненной лавы все, застывшее и окаменѣвшее; лежавшее внизу было поднято вверхъ; земля разсѣлась; кора тогдашнихъ общественныхъ отношеній лопнула; но вотъ пламя утихло, улеглось, и извергнутыя массы остыли. За внезапнымъ поднятіемъ Германіи посредствомъ революціи религіозной и политической наступило медленное поднятіе ея посредствомъ постепеннаго прогресса, совершающееся уже три вѣка.

Взрывъ опустошилъ и разрушилъ все и всюду, куда проникли потоки его лавы. Онъ былъ посланъ въ наказаніе и наказалъ. Его вызвали человѣческіе поступки. Вопіющія несправедливости накликали это страшное бѣдствіе на тѣхъ, которые ихъ творили или на дѣтей и внуковъ ихъ. Несчастіе поразило ихъ, какъ наказаніе за преступленія, перешедшія всякую мѣру. Послѣ взрыва все измѣнилось. Вся страна приняла другой видъ. Настало новое время; день занялся среди разрушеній и потрясеній, въ бурѣ и крови. Но это миновало, и при наступившей за тѣмъ тишинѣ люди увидѣли вмѣсто ночи день. Это была насильственная сторона великаго процесса перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ. Отжившіе и пережившіе свой принципъ элементы общества, уже давно склонявшіеся къ упадку, были окончательно низвергнуты этимъ ударомъ. Пробывъ полъ-тысячелѣтія рабами, крестьяне не могли усвоить себѣ въ теченіе одной мартовской ночи духъ и характеръ свободы и прочную любовь къ ней. Во многомъ они дѣйствовали не луч-

ше своихъ господъ, которые съ дѣтства и систематически ожесточали ихъ и дѣлали дикарями. Кто въ исторіи крестьянской войны желаетъ останавливаться лишь на бесполезныхъ, иногда страшныхъ, эпизодахъ, тотъ точно такъ же долженъ видѣть одни только эти эпизоды и въ реформации, и въ католицизмѣ. Или развѣ кто нибудь рѣшится сказать, что въ исторіи ихъ нѣтъ ничего ужаснаго?

Если-бы германская революція 1525 года была доведена до конца, она создала бы политическое и религіозное единство Германіи. Но по причинамъ, которыя указаны въ этой книгѣ, она не удалась. Однако, не смотря на это, она многое уничтожила, выравнила, дала доступъ воздуху и свѣту, оставила неизгладимые слѣды не только разрушенія и правосудія, но и провела борозды и бросила въ нихъ сѣмена будущаго развитія.

Сѣмена эти произросли съ неотразимой силой и стали благодѣяніемъ для человѣчества, между тѣмъ какъ уже давно забыты дикія и бѣдственные стороны взрыва. Духъ времени и вліяніе работающей человѣческой мысли дѣйствуютъ не только на страсти, разыгрывающіяся на верху общества, но и на дѣятельность въ глубинѣ его.

Въ крестьянской войнѣ мы видимъ нѣкоторыя идеи, которыя на первый взглядъ поражаютъ насъ, но въ которыхъ при болѣе близкомъ знакомствѣ мы узнаемъ зародыши будущаго прогресса. Все, къ чему шло впоследствии человѣчество въ теченіе многихъ вѣковъ и къ чему идетъ и теперь, — все, что оно доселѣ вырабатываетъ и развиваетъ, — представляется намъ еще въ революціи 1525 г. уже вполне сознаннымъ и опредѣленнымъ, возможнымъ, даже необходимымъ, долженствующимъ исполниться немедленно и остаться господствующимъ, прочнымъ навсегда. Это есть то желанное и ожидаемое состояніе общества, которое перекрещенцы называли тысячелѣтнимъ царствомъ, гдѣ государство и церковь стали бы излишними для народа, до-

стигшаго совершеннолѣтія, гдѣ люди слѣдовали бы каждый собственному побужденію, личному закону подъ непосредственнымъ правленіемъ самаго Бога. Фихте говоритъ, что всякое правительство по самой сущности своей стремится сдѣлать себя излишнимъ. Вліяніе этого стремленія онъ называетъ культурой свободы, самоуправленія. Къ тому съ излишней, быть можетъ, крутостью стремились люди въ бурѣ и вихрѣ 1525 года, но въ самыхъ ошибкахъ ихъ лежалъ зародышъ глубокой истины. 1525 годъ несъ въ своемъ потоцѣ зародыши многого, что теперь глубоко волнуетъ жизнь европейскихъ націй. Дурныя волны потока пронеслись, но зародыши остались и развивались въ тиши. Идея совершеннолѣтія и самостоятельности народа, составляющая центръ всѣхъ европейскихъ стремленій и мысленій, всѣхъ общественныхъ событій, уже лежала въ основаніи движенія 1525 года. Тогда же первый разъ явилась живо въ сознаніи идея единства націй.

Подобно вулканическимъ силамъ, которыя послѣ долгаго спокойствія пробиваютъ себѣ новые пути въ странѣ отъ мѣста перваго взрыва и поражаютъ новыя, совершенно особыя, явленія, такъ и духъ новаго времени выразился въ слѣдующіе разы уже не на германской почвѣ. Его послѣдующіе взрывы происходили въ сторонѣ, но сначала по близости отъ мѣста катастрофы 1525, а именно въ Нидерландахъ; затѣмъ послѣдовалъ взрывъ въ Англіи, потомъ въ сѣверной Америкѣ, у двухъ народовъ германскаго происхожденія. Вскорѣ послѣ послѣдняго совершился великій взрывъ во Франціи. Всѣ они были совершенно непохожи другъ на друга въ политическомъ отношеніи. Но, не смотря на разницу въ результатахъ ихъ, въ нихъ были стороны почти совершенно одинаковыя или, по крайней мѣрѣ, весьма схожія. Это ясно изъ сравненія англійской и французской революцій съ германской 1525.

Въ этомъ новомъ передѣланномъ изданіи я старался еще

нагляднѣе выяснитъ причины, возбудившія эту революцію, помѣшавшія ея развитію и вызвавшія ея окончаніе. Я постарался изслѣдовать соки и силы, бывшіе въ броженіи, возбуждавшіе и возбужденные элементы, связь событій, ихъ значеніе и вліяніе. Со времени выхода перваго изданія архивы и литература представили много новаго матерьяла, а критика освѣтила многое ярче прежняго. Шлоссеръ не разъ наводилъ меня на истинный взглядъ. Я во многомъ также воспользовался разборами моего сочиненія гг. Бутке и Кортюма. Такіе критики столько же служатъ дѣлу, какъ и автору. Я столько же благодаренъ г. Бутке за его порицаніе, какъ и за похвалу. Меня порадовалъ лестный отзывъ Гервинуса о моихъ исторіографическихъ приемахъ. Наконецъ я самъ сталъ не только богаче опытомъ и знаніемъ, но и пережилъ въ это время подобное же народное движеніе и отчасти самъ принималъ въ немъ участіе. Я могъ дѣлать наблюденія и сравненія надъ живою дѣйствительностью, и она научила меня многому.

Духъ истины стремится впередъ, смѣясь надъ усиліями реакціи остановить его. Кто не чувствуетъ этого движенія впередъ, тотъ стоитъ слишкомъ далеко назади и слишкомъ низко. Остановясь, онъ воображаетъ, что съ нимъ остановилось и время, не замѣчая, что оно давно пролетѣло мимо него и вступило въ новый свѣтъ, въ новый воздухъ, въ новую жизнь. Молодежь, выросшая на нашихъ глазахъ, невольно дышетъ инымъ воздухомъ чѣмъ тотъ, который окружалъ насъ въ нашей юности. Притоки новаго духа питаютъ ея сердце и умъ, и старости не преградить этихъ притоковъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Исторія народовъ имѣетъ свои грозы и бури, какъ и внѣшняя природа. Какъ землетрясеніе или наводненіе, рушатъ народныя бури города и уничтожаютъ человѣческія существованія. На нихъ привыкли смотрѣть съ отвращеніемъ и ужасомъ, какъ на кровавыя бѣдствія. Иначе смотреть на нихъ историкъ. Наука и возвышенный ея разумъ ставятъ его выше всякихъ временныхъ бѣдствій. Онъ спокойно наблюдаетъ за ходомъ мировыхъ событій и движеніями народной жизни, взвѣсивая и соображая, какъ астрономъ за ходомъ свѣтилъ. Въ разрушеніи онъ отличаетъ живительное начало, видитъ силу духа тамъ, гдѣ, повидимому, дѣйствуютъ только грубыя физическія силы.

Человѣчество идетъ впередъ и преобразовывается; народы вырабатываютъ себѣ высшія способности и въ тяжелой борьбѣ стремятся къ своей цѣли. Эта цѣль—свобода. Въ ней одной все величіе и весь блескъ жизни; только она можетъ облагородить и возвысить человѣчество, говоритъ Шиллеръ. Только подъ покровомъ мудрыхъ и свободныхъ учрежденій могутъ роскошно распуститься цвѣты культуры, говоритъ Александръ Гумбольдтъ. Безъ политической свободы нѣтъ совершенствованія, говоритъ англичанинъ Финле. Но свобода, кроткая и благотворная когда возмужаетъ, является на свѣтъ при тяжкихъ страданіяхъ и должна окреститься кровью. Такъ бываетъ всегда, потому что тѣ, у которыхъ въ рукахъ власть, забываютъ научить народъ справедливости и отвѣчаютъ жестокостями и презрѣніемъ на его справедливыя требованія. Борьба за право не прекращается, пока право не возстановится или пока не будетъ уничтожено то, что назывывается народомъ.

Сколько вѣковъ уже свобода служила и знаменемъ въ борьбѣ и наградой, которая, казалось, ждала побѣдителей. Однако во всѣ времена ее не понимали или понимали ложно, какъ все простое и глубокое.

Народы пользовались бы большими правами и большей свободой, если бы не искали свободы ложными путями. Но они или не умѣютъ искать ея, или засыпаютъ на полдорогѣ, утомленные жертвами и усиліями. Нерѣдко засыпаютъ цѣлыя націи, но въ націи всего чаще низшіе классы. Народы, какъ и отдѣльныя лица, нуждаются отъ времени до времени въ толчкѣ, который бы разбудилъ ихъ и заставилъ идти впередъ.

Такие толчки даютъ войны, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Поводы къ нимъ накапливаются среди народовъ медленно и постепенно. Когда же накопившійся матеріалъ воспламенится и пройдетъ бѣдой по всей странѣ, люди называютъ его бичомъ судьбы или неба. Но сопротивление является вслѣдствіи того, что беззаконіе и близорукость угнетаютъ право. Когда безнравственность, роскошь, насилія и притѣсненія становятся отличительнымъ характеромъ властвующихъ, низшіе классы побуждаются всѣмъ этимъ къ возстанію. Ядъ излечивается ядомъ. Однимъ изъ бѣдственнѣйшихъ событій, какимъ-то вторженіемъ темныхъ силъ природы въ жизнь германскаго общества, считаютъ вооруженное возстаніе крестьянъ, извѣстное подъ не совсѣмъ точнымъ именемъ — Большой Крестьянской Войны. Остановившаяся болѣе на отрывочныхъ фактахъ и явленіяхъ, чѣмъ на общемъ духѣ и характерѣ ея, въ ней привыкли видѣть только мрачный факелъ пожара и смерти, поднесенный грубою рукою мятежа къ сердцу германскаго отечества.

При этомъ обыкновенно упускали изъ виду главнымъ образомъ три вещи. Во первыхъ то, въ чемъ особенно обвиняютъ крестьянскую войну, обыкновенно сопровождало всѣ войны того времени. Во-вторыхъ, что крестьяне были возбуждены къ край-

ностямъ непомернымъ игомъ, которое терпѣли отъ господъ и ихъ вѣроломствомъ въ теченіи борьбы. Наконецъ, въ третьихъ, что необходимо очень внимательно прислушиваться, чтобы слышать слабый голосъ истины среди оглушительныхъ криковъ монашескаго и аристократическаго фанатизма, къ которымъ послѣ пораженія присоединили свой голосъ и побѣжденные, чтобы отклонить отъ себя преслѣдованіе. Побѣди народъ, мы бы имѣли совершенно инныя извѣстія. Наши лѣтописи говорили бы языкомъ освободившихся швейцарцевъ и англичанъ. Но народъ былъ побѣжденъ, и вслѣдствіе этого все движеніе было оклеветано, всѣ величественныя стороны его обойдены молчаніемъ или искажены въ разсказахъ. Мы знаемъ теперь, что въ основаніи движенія лежали и въ немъ выражались великіе принципы и высокіе интересы человѣчества.

Движеніе это было остроумно названо пророческой увертюрой новой исторіи. Это дѣйствительно громкая увертюра спектакля, разыгрывающагося на почвѣ новаго времени и нелишеннаго трагизма. Въ движеніи 1525 г. заключаются всѣ явленія позднѣйшихъ социальныхъ движеній въ Европѣ. Европейскія революціи не только начались имъ, но и отразились въ немъ всѣ, всѣми своими сторонами. Всѣ явленія, измѣнившія государства въ теченіи слѣдующихъ вѣковъ, а равно и тѣ, которыя готовятъ въ наше время преобразование общества, имѣютъ свои первообразы въ движеніи 1525, какъ относительно идей, такъ и относительно дѣятелей. Трейчке справедливо называетъ личность Томаса Мюнцера зеркаломъ, въ которомъ пророчески отразились всѣ явленія послѣдующихъ временъ. Онъ справедливо указываетъ, что изъ массы идей, наполнявшихъ духъ Мюнцера и осмѣянныхъ его современниками, каждая нашла себѣ въ послѣдствіи представителя, выработавшаго ее и заслужившаго этимъ славу и удивленіе, какъ Вильямъ Пенъ, Спенеръ, графъ Цинцендорфъ, Жанъ-Жакъ Руссо, французскіе демагоги и натур-

Философы. А теперь сколько новыхъ извѣстныхъ именъ могъ бы онъ прибавить къ этому списку! Весь ходъ идей слѣдующихъ вѣковъ и новаго времени, на сколько онъ заключаетъ въ себѣ политическихъ и религіозныхъ революціонныхъ элементовъ, выражено въ Мюнцерѣ намеками или совершенно ясно. То, что въ немъ было несовершенно и являлось лишь вспышкою, выразилось съ совершенною ясностью столѣтіе спустя въ англійской революціи. Начатое и неудавшееся въ Тюрингіи, оно осуществилось раньше всего въ обоихъ великихъ англо-саксонскихъ государствахъ по сю и по ту сторону Атлантического океана, у соплеменныхъ народовъ на почвѣ Англій и Сѣверной Америки.

Движеніе 1525 имѣетъ свою прекрасную и свою мрачную стороны. Чистыя и благородныя силы управляли имъ на ряду съ нечистыми и темными. Но духъ, вызвавшій борьбу, былъ духъ свободы и свѣта. Какъ бы печальны не были отдѣльные явленія, омрачающія его, онъ не теряетъ отъ нихъ своей цѣны и, напротивъ, примиряетъ насъ съ ними.

Движеніе это не было ни внезапно, ни случайно. Оно долго готовилось и имѣло основаніемъ тогдашнее положеніе крестьянъ. Поэтому такъ быстро распространилось оно и едва не увлекло всю Европу. Народъ былъ давно готовъ къ нему, съ тѣхъ поръ какъ началось его угнетеніе. Любовь къ свободѣ не угасаетъ и въ цѣпяхъ.

Исторія долго или вовсе обходила это великое событіе, или, затрогивая его, представляла его въ искаженномъ видѣ по недостатку безпристрастной и возвышенной точки зрѣнія. Даже тѣ изъ писателей, разсматривавшихъ различные эпизоды его, которые вносили въ свой разборъ болѣе свободныя воззрѣнія, относились къ своему предмету робко, не раскрывая сущности его—тяжкихъ властвовавшихъ преступленій и тысячи ранъ, покрывавшихъ грудь доведеннаго до отчаянія народа.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ происходили по временамъ крестьянскія возмущенія противъ дворянъ и духовныхъ владѣтелей; они были направлены на защиту древней свободы отъ произвола высшихъ классовъ, которые хотѣли усилить бремя, тяготѣвшее надъ несвободными, и обратить ленниковъ въ крѣпостныхъ.

Борьба эта происходила во всей Европѣ. Но крестьяне постоянно терпѣли неудачи, потому что силы ихъ были разрознены; они не могли дѣйствовать одновременно общими силами на огромномъ пространствѣ; предводители ихъ были люди неспособные или измѣнники, а сами они не умѣли владѣть оружіемъ.

Крестьяне счастливо боролись въ нижней Германіи только въ Дитмарсенѣ и Кеннемарѣ; въ верхней Германіи съ успѣхомъ дѣйствовали швейцарцы. Обоимъ благопріятствовала мѣстность ихъ странъ: первымъ—рѣки, море и болота; вторымъ—альпійскія горы и тѣснины.

Побѣда швейцарцевъ и распространіе ихъ союза до Констанцкаго озера и Шварцвальда произвели сильное впечатлѣніе на всю Швабію и даже на Франконію. Съ одной стороны вліяніе свободныхъ и свѣтлыхъ мыслей, съ другой—готовство и развратъ высшихъ классовъ, которые, вслѣдствіе этого, усиливали бремя, лежавшее на низшихъ классахъ, возбуждали въ народѣ желаніе измѣнить свое положеніе. Въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія изобрѣтеніе книгопечатанія занесло въ Швабію кое-какіе летучіе листки; въ массѣ неграмотныхъ часто попадался человѣкъ, умѣвшій читать и растолковать прочимъ содержаніе бумажки; часто оно оказывалось враждебнымъ духовнымъ или свѣтскимъ господамъ, а иногда и тѣмъ и другимъ.

То тамъ, то сямъ происходили вспышки, и страсти, таившіяся въ глубинѣ массъ, вырывались наружу. Въ 1476 г., Гансъ Беймъ изъ Никласгаузена, прозванный «Иванушкой Свистуномъ», проповѣдывалъ въ вюрцбургской области про общее равенство и про свободу. Долго наигрывалъ онъ на своей дудкѣ въ церковные праздники и на свадьбахъ; но вдругъ заговорилъ о новомъ царствѣ господнемъ, «гдѣ не будетъ ни князей, ни папы, никакихъ господъ и повинностей, гдѣ всѣ будутъ братья, каждый самъ себѣ будетъ зарабатывать насущный хлѣбъ, и никто не будетъ желать имѣть больше, чѣмъ другіе». Епископъ вюрцбургскій велѣлъ схватить его ночью и сжечь, и волненіе утихло.

Въ 1491 нидерландскіе крестьяне были принуждены голодомъ, дороговизною, налогами и монетными операціями просить объ облегченіи ихъ положенія; имъ отвѣчали на это новымъ налогомъ по два червонца съ дома; это вынудило ихъ возстать. Ихъ называли *сырниками*, потому что они нарисовали на своихъ знаменахъ скверный ячменный хлѣбъ съ зеленымъ сыромъ. Для подавленія этого возстанія потребовалась большая военная сила. Въ верхней Германіи возбужденіе было такъ сильно, что, по словамъ современниковъ, движеніе распростра-

нилось бы по Мозелю и по Рейну, если бы во время не прекратили возмущеніе сырниковъ.

Съ исходомъ второй половины XV столѣтія, точно какая-то нить соединила всѣхъ крестьянъ; слышно было, что какіе-то люди ходятъ по деревнямъ и тайно носятъ грозные планы и рѣшенія. Крестьяне стремятся соединиться. Не всѣ еще забыли старое доброе время.

О тогдашнемъ положеніи крестьянъ и о средствахъ, которыми они были лишены своей свободы, можно судить по событіямъ въ Алльгау въ верхней Швабіи, а именно въ Оксентаузенѣ и въ княжескомъ аббатствѣ Кемптенѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О томъ, какъ лишились своей независимости свободные кемптенскіе крестьяне.

Лѣтописи алльгаускаго аббатства Кемптена и мѣстные акты наглядно показываютъ, какимъ образомъ тамошніе крестьяне были постепенно лишены своей свободы и обременены несправедливыми повинностями.

Прекрасная область Алльгау возвышается на восточномъ берегу Констанцкаго озера и склоняется на сѣверной сторонѣ Тирольскихъ горъ къ рѣкѣ Леху, спереди же непосредственно примыкаетъ къ Альпамъ. Съ давнихъ временъ здѣсь удержалось многочисленное свободное крестьянское населеніе, «свободный родъ»; они жили деревнями и дворами, а иные одиноко. Первоначально личность и имѣніе ихъ были такъ же свободны, какъ въ дворянствѣ. Они могли по своему желанію выбирать себѣ покровителя, уходить, когда и куда угодно, и были подчинены своему ленному владѣльцу только въ судебномъ отношеніи. Многочисленный классъ вольныхъ оброчныхъ крестьянъ

имѣлъ нѣкоторыя другія права, какъ то: передавать свое имѣніе по завѣщанію своимъ родственникамъ, заключать договоры, по произволу располагать своимъ имуществомъ и выѣзжать, не платя за себя и за свое имущество. Они платили только небольшую поземельную подать аббатству и извѣстную сумму своему ленному владѣльцу, котораго могли перемѣнять по своему усмотрѣнію. Они не несли никакихъ повинностей: ни барщинныхъ, ни дорожныхъ, ни наслѣдственныхъ; пошлина на наслѣдство состояла въ подаркѣ господину лучшаго платя покойника или покойницы. Но монастыри, бароны и города мало по малу подчинили ихъ себѣ. Въ Кемптенѣ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Сначала увеличили пошлины на наслѣдство; затѣмъ, стали обязывать свободныхъ монастырскихъ ленниковъ нести тѣ же подати и повинности, которыя несли крѣпостные монастырскіе крестьяне; вольныхъ оброчниковъ стали причислять къ одному разряду съ крѣпостными. Такъ какъ они не остереглись и не возстали во время за свои права, то мало по малу были причислены къ крѣпостнымъ и подверглись соотвѣтственному обращенію. Аббатство присвоило себѣ большую часть поземельной собственности, такъ-что вольные оброчники сдѣлались вассалами монастыря и стали считаться крѣпостными. Прежде всего у нихъ отняли право свободно вступать въ браки. Аббатство запретило безбрачнымъ крестьянамъ, бывшимъ его ленниками, вступать въ браки съ людьми, которые были или совершенно свободны, или находились въ подданствѣ у другихъ господъ, потому что по аллеманскому закону дѣти свободныхъ женщинъ считались свободными; на оборотъ, аббатство покровительствовало бракамъ свободныхъ оброчниковъ съ его крѣпостными, потому что дѣти, рождавшіяся отъ такихъ браковъ, были монастырскими крѣпостными.

Достоверно извѣстно, что въ половинѣ XII вѣка многіе крестьяне были еще совершенно свободны и находились подъ непосредственнымъ императорскимъ покровительствомъ, будучи обязаны только военной службой. Монастырь всячески старался

привлечь ихъ подъ свое покровительство, что давало ему возможность постепенно обращать ихъ въ несвободныхъ и все болѣе и болѣе заирать въ свои руки. Многіе свободные люди терпѣли это, не находя удобнаго времени для того, чтобы требовать возвращенія своей свободы и правъ, такъ-что наконецъ долговременная несправедливость обратилась въ *древнее право*.

Монастырь дѣйствовалъ систематически. Чтобы ограничить свободу крестьянъ, каждый аббатъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ и продолжалъ работу своего предшественника; наконецъ отъ свободныхъ крестьянъ потребовали тѣхъ же повинностей, которыми были обложены монастырскіе крѣпостные; однако они воспротивились. Тогда аббатъ прибѣгнулъ къ грубому обману: онъ велѣлъ состряпать актъ и выдалъ его за учредительную грамоту Карла Великаго; такъ какъ въ ней упоминалось о требуемыхъ повинностяхъ, то онъ обращался этимъ въ древнее право монастыря. Крестьяне знали, что съ ними поступаютъ несправедливо, но противъ нихъ былъ документъ — старый пергаментъ. Они не могли обличить обманъ; въ то время—это было въ началѣ XV вѣка—въ тѣхъ странахъ крестьяне не были такъ просвѣщенны, чтобы подозрѣвать подобное надувательство со стороны столь знатнаго и благочестиваго человѣка; притомъ они не имѣли нужныхъ научныхъ свѣдѣній, чтобъ имѣть возможность доказать подложность документа, а духовенство, которое бы могло пособить имъ въ этомъ случаѣ, никогда не дѣйствовало въ подобныхъ дѣлахъ противъ своего брата. Въ такихъ обстоятельствахъ крестьяне прибѣгли къ своему древнему, основанному на грамотахъ, праву перемѣнять леннаго владѣтеля, въ случаѣ притѣсненій съ его стороны. Они отдались подъ покровительство графа Вильгельма фонъ-Монтфортъ-Теттанга. Аббатъ возопилъ противъ нарушенія своихъ правъ. По приказанію герцога Лудвига баварскаго дѣло было отдано на рѣшеніе высшаго суда, составленнаго изъ дворянъ и горожанъ. Земское дворянство и горожане рѣшили противъ крестьянъ: графу было запрещено принимать ихъ подъ свое покровительство

Крестьяне избрали своимъ покровителемъ монастырскаго фогта, рыцаря фонъ-Фрейберга, владѣвшаго Волькенбергомъ, и стали силою защищать противъ монастыря свое доброе старое право. Монастырь обратился къ папѣ Мартину V, и рыцарю фонъ-Фрейбергу было приказано, подѣ страхомъ отлученія отъ церкви, не принимать монастырскихъ крестьянъ подѣ свое покровительство и въ теченіи 14 дней явиться къ папскому делегату въ Констанцъ. Такъ какъ онъ не явился, то былъ отлученъ отъ церкви, со всѣми своими слугами и подданными, и осажденъ въ своемъ замкѣ Волькенбергѣ.

Вольнымъ оброчникамъ также угрожали отлученіемъ, если они не согласятся платить монастырю должныя десятины, оброки и подати и не явятся въ теченіи четырнадцати дней въ Констанцъ для оправданія своихъ поступковъ. Третейскій судъ, состоявшій изъ предсѣдателя, дворянина Бертольда фонъ-Штейна, и членовъ—ульмскаго гражданина Ульриха Лѣва и дворянина Петра фонъ-Гогенека, потребовалъ, когда споръ протянулся до весны 1423, чтобы аббатъ поклялся, что онъ и предки его пользовались налогами, оброками и повинностями съ монастырскихъ ленниковъ, какъ съ своихъ крѣпостныхъ; затѣмъ двое знатнѣйшихъ членовъ капитула должны были присягнуть, что клятва аббата чиста. Аббатъ просилъ отсрочки; крестьяне требовали немедленной присяги. Отсрочка была разрѣшена. 4 іюля 1423 аббатъ принесъ присягу, и крестьяне проиграли дѣло. Свободные оброчники, жившіе въ городѣ, были счастливы: ихъ защитили города и, что весьма странно, самъ святѣйшій престолъ, хотя въ Швабіи духовенство дѣятельно поддерживало другъ друга противъ крестьянъ.

Всѣ епископства и монастыри считали тяжбу вольныхъ оброчниковъ съ Кемптенскимъ аббатствомъ своимъ собственнымъ дѣломъ. Сорокъ прелатовъ соединились на двѣнадцать и болѣе лѣтъ, чтобы общими силами вести тяжбу съ крестьянами, съобща платить судебныя издержки и всячески помогать другъ другу.

Чтобы лишить крестьянъ папскаго покровительства, аббатъ

позволилъ себѣ солгать въ письмѣ къ святѣйшему престолу, будто бы свободные оброчники съ незапамятныхъ временъ несутъ тѣ же повинности, какъ и крѣпостные; нѣсколько прелатовъ подтвердили эту ложь своими свидѣтельствами и печатами.

Но крестьяне также отправили посольство въ Римъ, обличили лживость письма аббата и добились того, что аббатъ принужденъ былъ просить посредничества городовъ. Но затѣмъ они согласились не представлять болѣе дѣло святѣйшему престолу.

Клятвопреступленіе, ложь и другія подлости, до которыхъ дошелъ аббатъ въ тяжбѣ съ крестьянами, начали беспокоить его совѣсть. Онъ обратился къ папѣ, который разрѣшилъ его отъ всѣхъ грѣховъ, заставивъ его предварительно исповѣдаться аббату Цвифальтенскому. Но онъ не вознаградилъ крестьянъ за свою несправедливость къ нимъ. Такимъ образомъ, свободные оброчники были лишены посредствомъ явнаго клятвопреступленія и обмана своей свободы и древнихъ правъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ монастырь выпросилъ у императора запрещеніе, кому бы то ни было, принимать подѣ покровительство, противъ воли аббата, монастырскихъ крѣпостныхъ и оброчниковъ. Такимъ образомъ, императоръ лишилъ вольныхъ оброчниковъ послѣдней возможности избавиться отъ притѣсненій монастыря и однимъ почеркомъ пера уничтожилъ ихъ древнее право свободно переселяться и отказываться отъ лена, въ случаѣ несправедливыхъ притѣсненій. Но притѣсненія не прекратились и даже усилились. Мѣстные акты доказываютъ, что этотъ самый аббатъ, который выпросилъ у императора такой указъ, обратилъ въ крѣпостное состояніе многихъ свободныхъ крестьянъ; его племянникъ и наслѣдникъ требовалъ и взыскивалъ съ вольныхъ оброчниковъ барщинныя, оброчныя и наслѣдственныя повинности и подати, какъ съ своихъ крѣпостныхъ. Когда вольная дѣвушка или женщина выходила замужъ за монастырскаго оброчника, ей до тѣхъ поръ не давали причастія, пока

она не отдавалась въ подданство монастыря; если вольный оброчникъ женился на крѣпостной, то его также отлучали, отъ церкви, чтобы принудить перейти въ крѣпостное состояніе.

Если это насиліе, совершаемое надъ совѣстью, оказывалось недостаточнымъ, то мужа сажали въ тюрьму и томили, пока новобрачная не подчинялась монастырю. Жалобы и воспоминаніе о своей прежней свободѣ наказывались тюрьмою и цѣпями. Въ подобныхъ обстоятельствахъ двадцать шесть семействъ вольныхъ оброчниковъ рѣшились, вопреки императорскому постановленію, отдаться подъ чье-нибудь покровительство. Они утверждали, что постановленіе императора Сигизмунда не имѣетъ значенія, потому что противорѣчитъ ихъ древнимъ грамотамъ, такъ какъ императоръ не зналъ истинной сущности дѣла. Нѣкоторые семейства ссылались на особыя грамоты, но преимущественно на одну древнюю книгу, гдѣ находилась грамота 1144 года, въ которой положительно было сказано, что вольные оброчники должны платить только оброкъ и пошлину съ наслѣдствъ. Вопреки этому, говорили они, аббатъ принуждаетъ насъ къ военной службѣ, требуетъ податей и другихъ повинностей, причемъ нѣкоторые изъ насъ потерпѣли тюремное заключеніе, такъ что мы вынуждены искать другого покровителя, согласно нашимъ грамотамъ, которые даютъ намъ право поступать такимъ образомъ.

Монастырь ссылался на указы и приговоры, изданные противъ крестьянъ во время прежнихъ тяжбъ аббатства съ крестьянами. Но эти акты не могли имѣть никакого значенія. Они заключали въ себѣ несправедливость, облеченную въ законную форму, и теряли всякую силу передъ древними, подлинными грамотами, которыя были найдены крестьянами. Аббатъ долженъ былъ признать древнія грамоты своихъ предшественниковъ и право перехода крестьянъ. Онъ удержалъ за собой лишь нѣсколько семействъ, о которыхъ не было упомянуто въ древнихъ грамотахъ; чтобы удержать ихъ въ своемъ поддан-

ствѣ, онъ подтвердилъ свои права на нихъ клятвою, послѣ чего эти оброчники стали считаться законными крѣпостными монастыря.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О томъ, какъ кемптенцы защищали свои права въ концѣ XV вѣка.

Въ то самое время, когда въ Нидерландахъ происходили возстанія сырниковъ, крестьяне аббатства Кемптена возмутились противъ своего господина. Нѣкоторые изъ нихъ ушли отъ притѣсненій въ Швейцарію. Прочіе терпѣли такія притѣсненія, что неудовольствіе ихъ возрастало и кончилось наконецъ открытымъ сопротивленіемъ. Наглость и высокомеріе канониковъ погубили многихъ монастырскихъ крестьянъ.

Аббатъ Іоаннъ II, принявшій въ концѣ 1481 пасторскій и княжескій жезлъ, старался, повидимому, мудро и осторожно, кротостью исцѣлить раны своего народа. По крайней мѣрѣ, таковы были надежды крестьянъ въ первое время его правленія. Но вскорѣ «овца превратилась въ волка», какъ выражается монастырская хроника. Всѣ повинности и налоги—и прежде несправедливые и тяжкіе—были возвышены. Поступки новаго аббата были таковы, что давали поводъ думать, что онъ намѣренъ обратить всѣхъ свободныхъ крестьянъ своего округа въ ленниковъ, а ленниковъ въ крѣпостныхъ. Тѣхъ, которые противились этому, долго таскали по духовнымъ судамъ, сажали въ тюрьмы, заставляли представлять за себя поручителей или лишали имущества. Строгость наказаній смиряла самыхъ строптивыхъ и мужественныхъ; они давали требуемую клятву не отдаваться подъ чужое покровительство и по-

случно несли подати и повинности. Свободныя женщины и дѣти оброчниковъ были обращены въ подданство монастыря. То же бремя падало и на совершенно свободныхъ людей, которые брали въ аренду монастырскую землю. Крѣпостные, умирая, должны были отдавать аббату половину своего наслѣдства. У сиротъ отнималось имущество. Дѣти, находившіяся подъ опекой, записывались въ крѣпостное состояніе. Непослушныхъ наказывали денежными пенями, простиравшимися до ста гульденовъ или даже до третьей части всего имущества; потомъ пени эти обращались въ постоянный оброкъ съ ленныхъ имуществъ. Оброкъ и налогъ, взимаемые съ оброчниковъ и составлявшіе сначала всего два шиллинга, были, смотря по величинѣ имѣнія, произвольно возвышены до 2, 3 и 4 гульденовъ. Двойной сборъ налоговъ и увеличеніе судебныхъ пеней считались самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. На жалобы отвѣчали, что «налогами обременены теперь не только крестьяне, но и князья и дворянство, и что даже императоръ и короли бываютъ нерѣдко принуждены поступать противъ своей воли; зачѣмъ же дѣлать исключеніе въ пользу крестьянъ?»

Аббатъ и его защитники говорили въ свое оправданіе, «что поступаютъ не хуже другихъ землевладѣльцевъ». Это оправданіе служить страшнымъ свидѣтельствомъ противъ дворянства. Никто не возразилъ на эти слова, никто не опровергъ ихъ. Вѣроятно, они были справедливы, если не въ отношеніи всего дворянства, то въ отношеніи большей части его. Въ 1489 случилась великая дороговизна, распространившаяся изъ Швабіи до Нидерландовъ и доходившая до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мальтеръ ржи стоилъ восемь фунтовъ геллеровъ. Однако, не смотря на то, что въ слѣдующіе два года дѣло дошло до совершеннаго голода, аббатъ наложилъ на своихъ подданныхъ новые налоги.

Они не могли платить, хотя ихъ заставляли. 15 ноября 1491 все крестьянское населеніе собралось въ Луибасѣ и цѣлый день совѣщалось о составленіи союза на защиту своихъ древнихъ грамотъ и правъ. Семь дней спустя, они снова со-

брались близъ Дураха, поклялись не отступать другъ отъ друга и рѣшили прежде всего подать жалобу на аббата дворянству и городамъ швабскаго союза. Старшиной своимъ они избрали Іёрха Гуга изъ Унтерасрида. Они поручили ему защищать ихъ дѣло передъ швабскимъ союзомъ. Князь аббата знаменательно назвалъ этого крестьянскаго старшину Гуга «унтерасридскимъ Гуссомъ».

Но дворянство и города считали дѣло аббата своимъ собственнымъ, такъ какъ волненіе распространилось и въ ихъ; владѣнія; поэтому, они обѣщали аббату помочь ему усмирить «мятежныхъ подданныхъ». Только Нёрдлингенъ былъ противъ этого и требовалъ законнаго разбора крестьянской жалобы. Поэтому уполномоченные союза собрались въ кемптенской ратушѣ подъ предсѣдательствомъ рыцаря Ганса фонъ-Фрондсберга изъ Миндельгейма, дяди знаменитаго Георга.

Крестьянскіе депутаты на колѣняхъ вымаливали правосудіа: «если мы ошибаемся, говорили они, пусть намъ докажутъ это, и если окажется, что мы поступаемъ противозаконно, то мы готовы отвѣтить за это головами». Но благородные члены швабскаго союза слѣдовали своей выгодѣ, а не праву. Они ограничились тѣмъ, что не допустили князя-аббата до кровавой мести крестьянамъ. Въ замкѣ Либентаннѣ было заключено соглашеніе, весьма выгодное для аббата. Поэтому, крестьяне не хотѣли покоряться ихъ приговору, хотя сложили оружіе. Они послали свою жалобу самому императору и поручили Гейнриху Шмидту изъ Луибаса защищать свои права передъ высшимъ главою имперіи, который при коронаціи присягалъ защищать свободу и бѣдныхъ. Но крестьянскій депутатъ на пути къ императорскому двору былъ по приказанію аббата схваченъ и пропалъ безъ вѣсти. Счастливѣе былъ другой крестьянскій уполномоченный, Себастьянъ Бехереръ изъ Кемптена. Въ возвращеніи его уже отчаялись, какъ вдругъ онъ неожиданно вернулся и привезъ извѣстіе, что императоръ намѣренъ пригласить князя къ отвѣту по жалобамъ вольныхъ оброчниковъ и бѣдныхъ монастырскихъ крестьянъ.

Аббатъ неоднократно позволялъ себѣ насилія противъ крестьянъ и въ особенности противъ ихъ депутата; это заставило ихъ снова собраться. Аббатъ просилъ швабскій союзъ помочь ему смирить своихъ непокорныхъ подданныхъ. Союзъ грозно потребовалъ, чтобы крестьяне сложили оружіе и возвратились къ повиновенію. Они простодушно согласились, чтобы жалобы ихъ были снова отданы на разсмотрѣніе союзному сейму въ Эслингенъ. Но рѣшеніе сейма было, разумѣется, таково, что крестьяне не могли принять его.

✕ Тогда союзъ постановилъ: «силою принудить крестьянъ къ послушанію, потому что дальнѣйшая снисходительность можетъ подвергнуть опасности всѣ власти и всѣхъ благородныхъ людей; схватить и наказать зачинщиковъ, и оружіемъ смирить крестьянъ, если они не покорятся добровольно».

✕ Союзное войско собралось въ Гюнцбургѣ, а въ Миндельгеймѣ стояли наемники аббата. Однако власти не рѣшились прибѣгнуть къ силѣ. Мирно проходили недѣли, мѣсяцы, потому что хотѣли успокоить крестьянъ и внушить имъ увѣренность въ безопасности. Крестьяне дѣйствительно перестали ожидать нападенія: но вдругъ вечеромъ, въ Михайловъ день, союзная конница и пѣхота окружили деревни и напали на крестьянъ. Солдаты били, мучили и убивали ихъ, грабили ихъ добро, жгли жилища. Убытокъ простирался болѣе, чѣмъ до 30 тысячъ гульденовъ. Схваченные зачинщики были отведены въ тюрьму. Нѣсколько сотъ человѣкъ крестьянъ бѣжали въ Швейцарію. Послѣ такого начала, союзъ назначилъ новый сеймъ въ Меммингенѣ для законнаго разбора крестьянскаго дѣла. Но крестьяне лишились не только своего имущества, но, что важнѣе, своихъ начальниковъ, предводителей и ораторовъ. Тѣмъ не менѣе, на сеймъ пришли 252 депутата изъ двадцати двухъ деревень.

Имъ сказали: «вы, подданные аббата, должны повиноваться, подчиняться, служить ему и нести всѣ повинности, какъ присягали ему при началѣ его правленія; вы должны расторгнуть вашъ союзъ и не заключать новаго; обязаны платить ежегодно всѣ налоги, оброки, подати, пошлины, которые пла-

тили доселѣ, пока не докажете законно, что имѣете право поступать иначе.»

«Третейскій судъ разберетъ жалобы князя на своихъ подданныхъ и жалобы крестьянъ на аббата, въ томъ числѣ споръ о военныхъ и другихъ повинностяхъ; всѣ обязаны вернуться домой, и обѣ стороны должны обѣщать другъ другу забыть прошлое. По принятіи договора плѣнные будутъ освобождены, опальные прощены. Въ договоръ будетъ включенъ всякій, кто пожелаетъ; впрочемъ каждому предоставляется право не принимать договоръ; но кто отвергнетъ его, тотъ останется въ томъ положеніи, въ какомъ находился прежде, и отношенія монастыря къ крестьянамъ останутся на прежней ногѣ».

Нѣкоторые крестьяне вернулись домой, явились въ аббатство и присягнули договору; но большинство отвергло его. Они не безъ основанія утратили довѣріе къ законнымъ рѣшеніямъ и перестали жаловаться, находя обстоятельства неблагоприятными для хода своего дѣла. Повидимому, князь примирился съ частью своихъ подданныхъ. На время все утихло, но неудовольствіе осталось, потому что остались его причины *). Крестьянскія жалобы не были удовлетворены; аббатъ же вскорѣ снова началъ угнетать крестьянъ. Къ этому времени относится первое извѣстіе о «Башмакѣ».

До сихъ поръ нигдѣ не найдено указанія на то, что крестьяне въ кемптенской области водрузили въ своемъ лагерѣ «Башмакъ»; но рассказываютъ, что въ то время башмакъ уже давно считался знакомъ народнаго возстанія. Происхожденіе этого знака гораздо древнѣе, хотя неизвѣстно, гдѣ и когда онъ былъ въ первый разъ принятъ. Во время несогласій крестьянъ съ княземъ-аббатомъ, на одной свадьбѣ въ городѣ, гости, которыхъ было до двухсотъ человѣкъ, выпивши, вздѣли башмакъ на высокій шестъ. Это происходило въ

*) По Гаггенмюллеру. Geschichte v. Kempten обработана по монастырскимъ и городскимъ лѣтописямъ и мѣстнымъ актамъ. Это громкое, неопровержимое свидѣтельство противъ дворянства и за народъ. I. 408—114.

предмѣстїи, въ трактирѣ «Колокола». Народъ сбѣжался и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на это зрѣлище. Онъ желалъ дож-
даться того времени, когда можно будетъ «разсчитаться съ
аббатомъ».

Узнавъ, что въ предмѣстїи поднять башмакъ, совѣтъ по-
слалъ въ трактиръ городского старшину съ магистратскими
служителями. Старшина объяснилъ гостямъ, какую важность
имѣетъ поднятіе башмака, и уговорилъ прекратить эту шут-
ку *).—Это было въ 1492.

Употребленіе башмака вмѣсто знамени имѣло слѣдующій
смыслъ: рыцарь носилъ, въ знакъ особаго отличія, сапоги;
крестьянинъ, по крайней мѣрѣ несвободный, — башмаки, въ
знакъ подчиненности и неволи; башмаки эти обвязывались
вокругъ ноги ремнемъ, вслѣдствіе чего крестьянскій башмакъ
назывался Bundschuh.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Башмакъ въ Альзасъ.

Во время дороговизны города были обязаны кормить бѣд-
ныхъ на общественный счетъ; но поселяне не получали вкуснаго
киселя, раздававшагося въ голодное время городскимъ бѣднымъ.
Поэтому, на второй годъ дороговизна и нужда дошли въ де-
ревняхъ до послѣдней крайности.

Эта нужда и непомѣрные требованія землевладѣльцевъ сое-
динила въ 1493 г. въ Альзасъ горожанъ съ крестьянами. Союзъ
этотъ былъ облеченъ въ глубокую тайну. Члены его были

*) Гаггенмюллеръ. стр. 415.

связаны между собою таинственными символами и обрядами.
Новичковъ принимали съ особыми церемоніями, при страшныхъ
угрозахъ измѣнникамъ. Ночью члены тихо пробирались въ
мѣсту своихъ общихъ собраній на уединенной Голодной горѣ.
Вскорѣ союзъ имѣлъ въ числѣ своихъ членовъ многихъ жи-
телей Шлеттштадта, Зульца, Дамбаха, Эпфига, Андлау, Штоц-
гейма, Кестенгольца, Тифенталя, Шервейлера и другихъ окрест-
ныхъ мѣстъ. Членами его были люди не только низшихъ клас-
совъ, крестьяне и рабочіе, но и лица, занимавшія городскія
должности. Разсказываютъ, что «въ тайныхъ совѣщаніяхъ
принимали участіе гнусныя личности»; но свидѣтельства эти
вообще не скрываютъ своего нерасположенія къ простому
народу.

Союзъ имѣлъ двоякую цѣль: во-первыхъ, преобразовать со-
временный религіозный и политическій порядокъ; во-вторыхъ,
расположить простой народъ въ пользу этого преобразованія.
Въ видахъ послѣдняго, было предположено грабить и истреблять
евреевъ, учредить юбилейный годъ, въ который должны пре-
кращаться всякія долговныя обязательства, и отмѣнить разные
повинности, подати и пошлины. Въ видахъ перваго, хотѣли
ограничить духовенство, отмѣнить духовный и роттвейльскій
суды, дать общинамъ самоуправленіе, судъ присяжныхъ и
право самимъ налагать на себя подати.

«Священникъ, имѣющій болѣе одного прихода — гласилъ
пятый параграфъ, — долженъ уступить лишніе безъ всякаго
вознагражденія, потому что имъ не слѣдуетъ получать болѣе
50 или 60 гульденовъ въ годъ». Тайная исповѣдь, въ кото-
рой заключается главное основаніе власти духовенства, отмѣ-
нялась совершенно. Народъ получалъ право, по своей волѣ,
налагать на себя налоги, а общины — сами судить себя.

Чтобъ начать борьбу, заговорщикамъ было необходимо
имѣть точку опоры и значительныя денежныя средства. Съ
этой цѣлью, было рѣшено овладѣть укрѣпленнымъ Шлеттштад-
томъ и кассами этого города и тамошнихъ монастырей, чтобы
оттуда поднять весь Альзасъ.

Заговорщики долго совѣщались о томъ, какое выбрать знамя и что изобразить на немъ, чтобы привлечь къ себѣ простой народъ; они полагали, что знамя имѣетъ въ себѣ магическую силу и что безъ него нельзя обойтись. Было рѣшено изобразить на немъ башмакъ и возстать, какъ скоро соберется достаточное число заговорщиковъ; они не сомнѣвались, что городское и сельское простонародье пристанетъ къ нимъ, и намѣревались призвать на помощь *швейцарскій союзъ*, если собственной силы ихъ окажется недостаточно, чтобы доставить торжество народному дѣлу.

Вскорѣ общество значительно возросло. Можно было съ точностью опредѣлить срокъ поднятія знамени возстанія и свободы. Онъ былъ назначенъ на страстной недѣлѣ. Въ первые дни ея должно было произойти нападеніе на Шлеттштадтъ.

Но тайна открылась. Ошибка заговорщиковъ состояла въ томъ, что въ общество принимали не однихъ только крестьянъ, но всякій народъ: горожанъ, мѣщанъ, поселянъ и солдатъ; при томъ упускали изъ виду брать клятву со всякаго, вступавшаго въ общество.

Не смотря на строжайшія наказанія, которыми грозили за измѣну обществу, оно было предано и уничтожено. Многіе, во время узнавшіе объ обнаруженіи ихъ замысловъ, успѣли разбѣжаться, но многіе были схвачены неожиданно. Нѣкоторые ~~зажиточные~~ шлеттштадскіе граждане были пойманы на пути въ Базель, уличены въ участіи въ обществѣ и четвертованы. Казни, конфискаціи, отсѣченія рукъ и пальцевъ постигли многихъ другихъ; нѣкоторые успѣли скрыться и избѣжать облавы, устроенной на заговорщиковъ. Но, попавъ на чей нибудь слѣдъ, правительства преслѣдовали жертву, пока не овладѣвали ею. Рейтаръ Ульрихъ Шюценъ изъ Андлау отдался подъ покровительство одного дворянина, Давида фонъ-Ландека, жившаго въ замкѣ Эбнетъ близъ Фрейбурга. Дворянинъ, знавшій бѣглеца, принялъ его гостепріимно, но фрейбургскіе граждане, побуждаемые шлеттштадцами, преслѣдовали его и требовали его выдачи; областной начальникъ поддерживалъ ихъ требо-

ванье. Фонъ Ландекъ, пользовавшійся въ Фрейбургѣ правомъ гражданства, былъ, такимъ образомъ, осажденъ требованіями своихъ согражданъ и императорскаго намѣстника, но за то нашелъ поддержку въ мѣстномъ дворянствѣ. Дѣло разсматривалось нѣсколькими земскими судами. Дворянство дѣятельно хлопотало, и въ Фрейбургѣ господствовало сильное волненіе. Однако граждане настояли наконецъ на томъ, чтобы бѣглецу отрубили два пальца, которые онъ поднималъ, присягая обществу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Швейцарцы.

Многіе бѣжали къ швейцарцамъ. Швейцарцы приняли бѣглецовъ гостепріимно и симпатично. Они все еще были, — даже больше прежняго, — бѣльмомъ на глазу для дворянства всѣхъ странъ. Чтобъ не допустить духъ свободы распространиться за Рейнъ, нѣмецкое дворянство заключало между собою частные союзы и даже призывало на Швейцарію дикія орды грабителей и убійцъ — арманьяковъ; но швейцарцы со срамомъ прогнали эту жалкую сволочь и союзныхъ съ нею нѣмецкихъ рыцарей. Они въ высшей степени презирали дворянъ, считая ихъ «наглыми негодьями, которые разбойничаютъ и жрутъ, и сквернымъ образомъ развратничаютъ, картежничаютъ и пьянствуютъ.» «Когда мы, заколотимъ говорили они, этихъ негодяевъ на смерть, то объ нихъ, вѣрно, никто не пожалѣетъ».

Но дворяне еще больше презирали швейцарскихъ мужиковъ. — Это обнаружилось въ швейцарской или швабской войнѣ, 1499 г. Война эта возгорѣлась бы даже въ томъ случаѣ, если бы къ ней не подали повода особенныя несогласія изъ-за податей

и владѣній, потому что въ душѣ и на языкѣ швабская аристократія воевала съ швейцарцами задолго до объявленія войны. Высокомѣрное дворянство раздражало швейцарцевъ дерзкими рѣчами: «мы поищемъ, говорили рыцари, въ крестьянскихъ животахъ коровьихъ хвостовъ». Но дворянство постоянно терпѣло въ этой войнѣ позорныя неудачи.

Многіе крестьяне этихъ дворянъ заразились швейцарскимъ вольнодумствомъ; весь Брегенцкій Лѣсъ, все Вальгау пристали къ швейцарцамъ при первомъ появленіи ихъ въ Гегау. Крестьяне разрушили множество дворцовъ и замковъ, въ томъ числѣ Рандекъ, Штейслингенъ, Гомбургъ-об-Штарингенъ, одинъ изъ богатѣйшихъ замковъ, Фридингенъ, Штауфенъ, Оберштадтъ, Розенекъ, Блуменфельдъ, Гейльсбергъ, Мегдебергъ, Ворблингенъ и др. Еслибъ швейцарцы разрушали только дворянскіе замки и щадили деревни, то простой народъ всюду присталъ бы къ нимъ и принялъ бы ихъ, какъ освободителей; но они разпространяли свободу тѣмъ, что жгли мѣстечки и деревни, опустошали поля и этимъ возстановили противъ себя простой народъ, который былъ сначала расположенъ къ нимъ. Они лишили его хлѣба и крова, безъ которыхъ свобода не могла ему нравиться. Къ такимъ поступкамъ швейцарцевъ возбудило дворянство непомѣрными жестокостями, которымъ предавалось въ войнѣ съ ними. Такъ напр., князья и дворяне сожгли деревню Тайингенъ, близъ Шафгаузена, и перерѣзали встрѣчныхъ и поперечныхъ. Тридцать человѣкъ крестьянъ искали спасенія въ церкви, но дворяне подожгли ее и удушили ихъ. Одинъ крестьянинъ съ своимъ ребенкомъ на рукахъ взобрался на колокольню и, когда пламя достигло туда, бросился съ ребенкомъ съ вершины креста; рыцари подставили свои копья и пронзили его, но ребенокъ уцѣлѣлъ.

Послѣдняя блестящая побѣда швейцарской свободы возбудила смѣлость и надежды въ пограничныхъ крестьянахъ. Во время мирныхъ переговоровъ, происходившихъ въ Базелѣ, по городу расхаживалъ крѣпостной крестьянинъ изъ Лейненталя, по имени Биттерле; на немъ были надѣты длинный плащъ

шолковые башмаки и береттъ съ плюмажемъ графа фонъ-Фюрстенберга, убитого швейцарцами въ этой войнѣ; за нимъ шла толпа мужиковъ, изображавшая его драбантовъ. На вопросъ епископа вормскаго, что они за люди, они отвѣчали: «мы мужики, которые наказываютъ дворянъ».

Если бы швейцарскіе крестьяне сумѣли воспользоваться побѣдой, то привлекли бы къ себѣ всѣ окрестныя страны и далеко распространили бы свой союзъ. Однако, нѣмецкіе крестьяне все-таки сохранили къ нимъ расположеніе. Среди нихъ все болѣе и болѣе распространялись правила и стремленія шлеттштатскаго «Башмака». Отъ истоковъ Рейна до его устья, отъ Констанцкаго озера и тирольскихъ альпъ до береговъ Сѣвернаго моря, крестьянъ волновало, не духъ мятежа, а глубокое и общее чувство необходимости политическаго освобожденія громаднаго большинства народа отъ ничтожнаго, меньшинства привилегированныхъ лицъ. Политическія и религіозныя идеи въ одно и то же время волновали массы. За стремленіе освободить народъ уже много людей было четвертовано, сожжено, обезглавлено, посажено въ тюрьмы, изгнано. Крестьянское дѣло уже имѣло своихъ мучениковъ; а тѣ, которымъ удалось бѣжать, продолжали тихо работать, не устрашившись ни неудачи, ни кровопролитія и жестокостей.

При вступленіи на престолъ Максимилиана, крестьяне возымѣли прекраснѣйшія надежды касательно намѣреній этого государя. Максъ и его друзья сами давали поводъ къ разговорамъ, ходившимъ въ народѣ, о томъ, что императоръ хочетъ возвратить всѣмъ права и прекратить угнетенія. Но кромѣ преобразованія судопроизводства не было предпринято никакихъ реформъ. О крестьянахъ не было и помину, и не было учреждено ни одного судебного мѣста, куда бы мужикъ могъ жаловаться на своего господина. Духовные же и свѣтскіе господа хозяйничали по своему, не зная надъ собой никого. Бѣдные люди рѣшительно не видѣли, кто можетъ пособить имъ, кромѣ ихъ самихъ, и смѣлыя головы старались составлять брат-

ства и общества такъ, чтобы безсильныя частныя вспышки разразились общей грозой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Оксенгаузенская учредительная грамота.

Еще въ половинѣ XV вѣка изъ рядовъ князей церкви раздавались голоса, предостерегавшіе касательно грозы, собирающейся въ нѣмецкомъ народѣ: «эти злоупотребленія и безпорядки, писалъ кардиналъ Юліанъ папѣ Евгенію IV, возбуждаютъ народную ненависть противъ всего духовенства, и если ихъ не уничтожатъ, то надо опасаться, чтобы народъ не поступилъ съ духовенствомъ по примѣру гусситовъ. Уже явно слышатся угрозы въ этомъ духѣ. Всѣ умы съ напряженіемъ ждутъ, что будетъ сдѣлано, и дѣло, повидимому, кончится очень трагически. Ядъ, который они носятъ противъ насъ въ своихъ сердцахъ, обнаруживается явно. Вскорѣ они будутъ думать, что, въ угоду Богу, надо обращаться съ духовенствомъ, какъ съ людьми, равно ненавистными и Богу, и людямъ» *).

Аббаты и епископы были не всегда сами виноваты, подобно князьямъ кемптенскимъ, въ недостойныхъ поступкахъ многихъ нѣмецкихъ монастырей съ своими крѣпостными и свободными крестьянами. Большею частью виноваты были ихъ чиновники. У крестьянъ вошла въ пословицу поговорка, что «нѣтъ такой мелкой должности, за которую не слѣдовало бы вѣшать». Главная отвѣтственность падаетъ на этихъ чиновниковъ и на защитниковъ ихъ — юристовъ римскаго права.

*) Сочин. Энея Сильвія. Стр. 66 — 67.

Кромѣ кемптенскихъ событій происшествія, случившіяся въ духовномъ владѣніи *Оксенгаузенъ*, лучше всего показываютъ, какими средствами монастыри увеличивали свои доходы, и съ какою алчностью кидались они на наслѣдства. Существованіе въ Оксенгаузенѣ одного акта, представляющаго родъ конституціи, на основаніи которой были удовлетворены нѣкоторыя жалобы, доказываетъ, что тамъ, гдѣ притѣсненія прекращались во время, — крестьяне вели себя мирно, хотя кругомъ повсюду пылало зарево и свирѣпствовала буря. Оксенгаузенскія событія замѣчательны кромѣ того тѣмъ, что описаны въ лѣтописяхъ до малѣйшихъ частныхъ и даже болѣе подробно, чѣмъ кемптенскія.

Богатое аббатство Оксенгаузенъ находилось тамъ же, гдѣ и Кемптенъ, т. е. въ Алльгау, на рѣкѣ Ротѣ, и аббатъ его, подобно кемптенскому, былъ непосредственнымъ имперскимъ чиномъ.

Еще въ 1466 г. крестьяне имѣли несогласіе съ аббатомъ, который, незадолго до того, противозаконно, силою отнялъ у нихъ имѣнія и наслѣдства.

Оксенгаузенскіе крестьяне пользовались многими правами, хотя между ними было мало людей совершенно-свободныхъ. Въ теченіе многихъ столѣтій эти древнія права передавались изъ рода въ родъ, не только какъ преданіе, но какъ фактическое достояніе. Крѣпостное состояніе не сопровождалось здѣсь своими обычными явленіями и было извѣстно только по имени, но ни аббатъ, ни крестьяне не имѣли грамотъ, которыя бы опредѣляли ихъ права и обязанности, основывавшіяся поэтому только на многолѣтнемъ обычаѣ.

Монастырь началъ позволять себѣ несправедливости лишь въ началѣ XV вѣка. Нѣкоторые крестьяне повели дѣло судебнымъ порядкомъ и выиграли его, хотя впрочемъ дорогою цѣною. Поэтому монастырь принялъ за правило, въ случаѣ, если крестьяне снова рѣшатся пожертвовать деньгами и временемъ, чтобы снова начать противъ него тяжбу, не допускать

дѣло до законнаго рѣшенія и стараться кончить его полюбовно *).

Однако, когда аббатъ вознамѣрился овладѣть деньгами и имѣніемъ, оставшимся послѣ отца Георга Гана, послѣдній не согласился на мировую сдѣлку и представилъ дѣло въ судъ.

Аббаты утверждали, что касательно наслѣдства существуетъ слѣдующій древній обычай: если на монастырской землѣ живутъ мужъ съ женой, имѣющіе законныхъ дѣтей, которые женаты и выдѣлены, то по смерти родителей наслѣдство переходитъ не къ дѣтямъ, а къ монастырю; если же дѣти при смерти родителей еще не выдѣлены, то наслѣдство достается имъ, и младшее дитя получаетъ все имѣніе въ пожизненное ленное владѣніе.

Іерхъ Ганъ выигралъ тяжбу; аббатъ долженъ былъ возвратить ему наслѣдство.

Монастырскіе чиновники оставили дѣло на время въ покоѣ, стараясь только расположить нѣкоторыхъ крестьянъ въ пользу своего возрѣнія на наслѣдство; съ этою цѣлью они предоставляли имъ различныя выгоды. Прошло нѣсколько лѣтъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ; наконецъ монастырь началъ выдавать свое притязаніе на наслѣдство послѣ своихъ крестьянъ—за древній обычай. Онъ могъ представить свидѣтелей, которые подтверждали его слова. Свидѣтели эти были сыновья и внуки тѣхъ, которые согласились содѣйствовать видамъ монастыря.

По крестьянскому обычаю, многіе предпочитали уступить, чѣмъ начинать тяжбу, на которую большинство не имѣло денегъ. Изъ числа же начинавшихъ процессъ, одни выигрывали его, другіе проигрывали. Часто случалось, что по смерти крестьянина аббатъ и наслѣдникъ умершаго наперерывъ спѣшили захватить, что можно. Такимъ образомъ, споры изъ-за притязаній монастыря на наслѣдство тянулись довольно долго. Прошло болѣе полувѣка, почти цѣлое столѣтіе со вре-

*) Показаніе родственника аббата Никласа, Эриха Іерха Фейффера, данное подъ присягою.

мени процесса Іерха Гана, когда наконецъ, въ концѣ XV столѣтія, монастырь рѣшился осуществить, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, свои мнимыя права. Онъ началъ захватывать наслѣдства силою. Въ это время въ Оксенгаузенѣ жилъ Гейнцъ Динкмутъ старшій. Тестъ его умеръ прежде своей жены и оставилъ послѣ себя «изрядное имущество, въ томъ числѣ порядочную сумму денегъ въ мѣшочкѣ». Но пришли приказники аббата и забрали наслѣдство въ пользу аббата и монастыря.

Динкмутъ, считавшій законной наслѣдницей свою жену, обратился къ третейскому суду ближайшаго имперскаго города Ульма, на что аббатъ согласился. Къ бургомистру и совѣтникамъ этого города явились истецъ, Гейнцъ Динкмутъ, съ своимъ адвокатомъ, ульмскимъ совѣтникомъ Мартиномъ Грэкомъ, и отвѣтчикъ, аббатъ, съ адвокатомъ, бывшимъ ульмскимъ бургомистромъ Виталемъ Овеномъ. Начался допросъ свидѣтелей.

Надъ аббатомъ и монастыремъ собралась грозная туча. Допросъ свидѣтелей обнаружилъ цѣлый рядъ незаконныхъ поступковъ и злоупотребленій монастыря, дѣйствовавшего вопреки праву и обычаю. Свидѣтели — даже большинство тѣхъ, на которыхъ ссылался аббатъ, — уличили его въ присвоеніи многого, что прежде не принадлежало монастырю. Таковы были десятинный сборъ съ сѣна, налогъ на топливо и т. п. Всѣ призванные свидѣтели, даже тѣ, которые въ вопросѣ о наслѣдствѣ показывали въ пользу аббата, свидѣтельствовали касательно этихъ поборовъ противъ него. По словамъ ихъ, до недавняго времени ничего подобнаго не бывало; но нынѣшній аббатъ, вопреки древнему обычаю, требуетъ отъ нихъ податей, о которыхъ прежде никто не слыхивалъ. Одинъ старикъ, служившій прежде при монастырѣ, показалъ: «сорокъ лѣтъ тому назадъ, я уже 24 года былъ слугою монастыря. Съ бѣдныхъ людей никогда прежде не требовали тѣхъ податей, которыхъ требуютъ нынче. Они пользовались своими правами безвозмездно. Впрочемъ я не знаю, было ли это законно».

Аббатъ былъ уличенъ въ томъ, что съ нѣкотораго времени наложилъ подати на людей, которые, въ теченіе пятидесяти и болѣе лѣтъ, владѣли отцовскимъ наслѣдствомъ, не встрѣчая ни съ чьей стороны препятствій; на другихъ онъ наложилъ, вопреки древнему обычаю, новыя тяжкія повинности и даже принуждалъ платить новыя оброки за бороны и за глину.

Аббатъ былъ уличенъ въ томъ, что притязаніе монастыря на наслѣдованіе отнюдь не основано на древнемъ обычаѣ, а присвоено четырьмя послѣдними аббатами; что крестьяне никогда не признавали этихъ притязаній, считая ихъ противными обычаю, и постоянно оспаривали ихъ. Большинство призванныхъ свидѣтелей показали, что никогда не знали и не слыхивали о подобномъ обычаѣ, который постоянно оспаривался.

Даже третейскіе судьи и адвокатъ истца объявили, что свидѣтели аббата опровергли существованіе подобнаго обычая и доказали лишь, что въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ были *нѣкоторые* случаи наслѣдованія монастыремъ имущества своихъ крестьянъ. Но обычай этотъ чуждъ Оксенгаузену; по всѣмъ императорскимъ, естественнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ правамъ, дѣло аббата о наслѣдованіи—несправедливо, если бы даже было согласно съ древнимъ обычаемъ. По словамъ свидѣтелей, даже тѣ крестьяне, которые не противились поступкамъ аббата въ дѣлахъ о наслѣдствѣ, уступали съ неудовольствіемъ; по мнѣнію крестьянъ, это притязаніе обременительно, нестерпимо и невыносимо для нихъ, противно разсудку, праву и обычаямъ страны.

Этому не противорѣчилъ даже защитникъ аббата; но самъ аббатъ ссылаясь на обычай страны и сказалъ: «однажды я пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ благородныхъ и умныхъ людей изъ сосѣднихъ дворянъ и совѣтниковъ Ульма и другихъ городовъ; они всячески старались убѣдить крестьянъ жить на монастырскихъ земляхъ, согласно *мѣстному праву*. Въ такомъ случаѣ я бы уступилъ имъ въ дѣлѣ о наслѣдствахъ. Но они не приняли этого предложенія, объявивъ, что не хотятъ нарушать монастырскихъ обычаевъ, существующихъ уже

200 или 300 лѣтъ». Аббатъ утверждалъ далѣе, что обычай относительно наслѣдованія приносить монастырю не прибыль, а ущербъ. Если бы оксенгаузенскіе обычаи не составляли въ этомъ отношеніи исключенія изъ мѣстнаго права, то монастырь имѣлъ бы слишкомъ тысячу фунтовъ геллеровъ ежегоднаго дохода болѣе, чѣмъ теперь. Если крестьяне хотятъ пользоваться обычаями монастыря, которые выгодны для нихъ относительно оброковъ, то должны слѣдовать имъ и относительно наслѣдованія. Ибо кто хочетъ пользоваться одною стороною дѣла, тотъ долженъ быть согласенъ и на другую. Древній обычай наслѣдованія монастыремъ крестьянскихъ имуществъ не вымышленъ и не навязанъ силою, но честно существуетъ 200 или 300 лѣтъ; поэтому, онъ справедливъ, а не противенъ праву, и, напротивъ, подтверждается всѣми древними законоположеніями.

Аббатъ представилъ суду нѣсколько старыхъ монастырскихъ счетныхъ книгъ и грамоты, которыми аббатству предоставлялись разныя права. По его словамъ, аббаты собственноручно записывали свои доходы въ эти книги въ теченіи болѣе ста лѣтъ; по нимъ обыкновенно разсматриваются въ судахъ спорныя дѣла. Грамоты же доказываютъ, что императоры и папы утвердили древнія права и обычаи монастыря.

Аббату возразили на это: книги эти незапечатаны, такъ что каждый аббатъ могъ писать въ нихъ все, что ему было угодно,—слѣдовательно имъ нельзя придавать никакого значенія. Никто не имѣетъ права утверждать несправедливые обычаи. Ни папа, ни императоръ не могутъ утверждать обычаи или давать привиллегіи, противныя праву. Крестьяне справедливо отвергли предложенія, которыя дѣлалъ имъ аббатъ во время происходившаго у него собранія дворянства, потому что, по собственному сознанію аббата, *обычай* требовалъ, чтобы они платили монастырю только по одной мѣрѣ ржи съ участка, тогда какъ по мѣстному праву, на которое ссылается аббатъ, имъ пришлось бы платить по десяти мѣръ.

Желая, во что бы то ни стало, доказать справедливость своихъ притязаній на право наслѣдованія, аббатъ представилъ

въ судъ старыя записки своихъ предшественниковъ; но на основаніи этихъ же записокъ—на основаніи его же собственныхъ свидѣтельствъ, — ему доказали, что притязанія его на десятину съ сѣна, на пошлину съ дровъ и бревенъ изъ монастырскихъ лѣсовъ, противорѣчатъ обычаю и даже несогласны съ представленными имъ записками. Кромѣ того, было доказано, что онъ насильственно завладѣлъ многими наслѣдствами.

Наконецъ судъ рѣшилъ, чтобы аббатъ подтвердилъ подъ присягою, что притязанія его на право наслѣдства согласны съ правомъ и обычаемъ и чтобы затѣмъ двое канониковъ поклялись въ чистотѣ клятвы аббата. Исполнивъ это, они могутъ вступить въ пользованіе своими правами,—и Динкмутъ проигрываетъ свою тяжбу. Если же аббатъ или его каноники откажутся присягать, то судъ рѣшитъ по справедливости.

Такимъ образомъ, по мнѣнію тогдашнихъ юристовъ, присяга могла замѣнить право.

Аббатъ согласился дать присягу, но Динкмутъ и его адвокатъ, помня присягу князя-аббата и канониковъ кемптенскихъ, объявили неудовольствіе на рѣшеніе суда и подали апелляцію. Они взяли изъ суда всѣ акты этого процесса, чтобъ на основаніи ихъ продолжать искъ.

Процессъ имѣлъ вліяніе на отношенія монастырскихъ крестьянъ къ аббату. Они не согласились на измѣненіе древняго права и обычая и платили только то, что платилось въ старину, не считая себя обязанными удовлетворять новымъ требованіямъ. Аббатъ жаловался швабскому союзу, говоря, что крестьяне собираются, противъ его воли, по ночамъ у него за спиной и сговариваются не отправлять повинностей, которыми доселѣ пользовался монастырь.—Аббатъ говорилъ далѣе, что крестьяне дошли до такой дерзости, что грозили ему вооружиться и сопротивляться по мѣрѣ силъ, если монастырскій управляющій будетъ настаивать на своихъ требованіяхъ.

Но крестьяне повели дѣло законнымъ путемъ. Имъ велѣно было обратиться къ судьямъ швабскаго союза. Они просили совѣта у юридическаго факультета тюбингенскаго универси-

тета, и затѣмъ представили союзнымъ судьямъ запечатанную бумагу, заключающую въ себѣ ихъ жалобы. Начался словесный допросъ. Крестьяне считали себя въ правѣ не платить аббату до окончанія тяжбы того, что считали противозаконнымъ требованіемъ и на что жаловались.

Но монастырскіе управляющіе прибѣгли къ силѣ; тогда крестьяне взялись за оружіе и общими силами отразили управляющихъ. Аббатъ доносилъ, что поступки ихъ преступны и просилъ швабскій союзъ, котораго былъ членомъ, силою уничтожить опасное, вооруженное сопротивленіе его крестьянъ; онъ умолялъ союзъ помочь ему, какъ своему члену,—оружіемъ смирить крестьянъ, наказать ихъ за неповиновеніе и принудить къ покорности.

Союзный военачальникъ, Гёрхъ фонъ-Фрейбергъ, созвалъ союзниковъ, и на помощь аббату двинулось многочисленное войско дворянъ и прелатовъ, состоявшее изъ конницы и пѣхоты.

Но «благоразумные, благородные и мудрые бургормистры и совѣтники городовъ Ульма и Меммингена, узнавъ о бунтѣ и желая предупредить дальнѣйшее несогласіе, возмущеніе и бѣдствіе, которыя могли бы произойти, — рѣшились» *) послать своихъ искуснѣйшихъ и любимѣйшихъ крестьянами повѣренныхъ съ порученіемъ употребить всѣ усилія, чтобы предупредить наказанія и другіе поступки, которые намѣреваются предпринять противъ бѣдныхъ людей, и склонить обѣ стороны къ примиренію.

Посланнымъ удалось убѣдить крестьянъ, что имъ нельзя противиться союзнымъ силамъ, и что потому лучше дожидаться исхода процесса, который стоилъ имъ столько труда, издержекъ и непріятностей. Въ противномъ случаѣ, имъ прійдется еще хуже. Посланные говорили, что крестьянамъ невозможно силою прекратить разъ навсегда свои несогласія съ монастыремъ; поэтому имъ лучше заключить съ аббатомъ условіе,

*) Изъ объявленія ульмскаго совѣта.

на основаніи котораго дѣло должно быть предоставлено на полюбовное рѣшеніе третейскому суду изъ шести уважаемыхъ лицъ. Приговоръ этого суда будетъ безапелляціоненъ; предсѣдательствовать въ немъ предоставляется троимъ союзнымъ судьямъ.

Вѣроятно, посланные давали крестьянамъ самыя благопріятныя обѣщанія, потому что крестьяне приняли предложеніе. Вѣроятно также, они сдѣлали самыя серьезныя представленія аббату и капитулу, потому что послѣдніе также согласились, хотя посланные прямо сказали аббату, что «прекратить раздоръ можно лишь улучшеніемъ положенія крестьянъ».

Лица, устроившія это соглашеніе, были Іерхъ фонъ-Фрейбергъ—предсѣдатель союзныхъ прелатовъ, графовъ и господъ Швабіи; рыцарь Эгольфъ фонъ-Ридгеймъ-цу-Ангельбергъ и уполномоченные городовъ Ульма и Меммингена, старшій ульмскій бургомистръ, Яковъ Эгингеръ, Конрадъ Фѣлинъ, бургомистръ меммингенскій и ульмскій совѣтникъ, Матвѣй Лупинъ.

Третейскій судъ былъ избранъ. Аббатъ назначилъ засѣдать въ немъ одного изъ своихъ канониковъ и двухъ управляющихъ; крестьяне избрали трехъ уважаемыхъ людей изъ народа. Судъ произнесъ приговоръ. Чтобы спасти честь высокой особы, было постановлено, чтобы всѣ монастырскіе крестьяне, возставшіе противъ аббата, сложивъ оружіе, поверглись къ его стопамъ съ непокрытыми головами и босикомъ, просили у него прощенія за свое ослушаніе, сказавъ, что не понимали незаконности своихъ поступковъ, и почтительнѣйше умоляли его снова сдѣлаться ихъ всемилостивѣйшимъ господиномъ. Во-вторыхъ, они должны были снова присягнуть ему на вѣрность. Въ-третьихъ, они должны были заплатить триста гульденовъ за издержки. Но союзъ прощалъ имъ пени, которыя слѣдовало взыскать съ нихъ за неповиновеніе; союзъ наложилъ бы на нихъ взысканіе лишь въ томъ случаѣ, если бы они не приняли договора или, принявъ, не стали соблюдать. Въ-четвертыхъ, они обязывались уничтожить свой союзъ и по-

клясться, что никогда не будутъ составлять заговоровъ и обществъ противъ аббата и монастыря и не будутъ никоимъ образомъ дѣйствовать противъ нихъ. Затѣмъ оканчивалось всякое неудовольствіе, немилость и вражда между обѣими сторонами. Обѣ стороны должны примириться и присягнуть соблюдать договоръ, въ которомъ третейскіе судьи опредѣлили и изложили въ новомъ видѣ и въ новой формѣ обязанности и права монастыря и крестьянъ.

Аббатъ, его капитулъ и должностныя лица одобрили эти условія и согласились принять ихъ. Возставшіе крестьяне сложили оружіе и пали безъ шапокъ и босикомъ на колѣни передъ аббатомъ, сообразно съ предписанными имъ условіями. Аббатъ изрекъ милостивое прощеніе.

Эти условія были, повидимому, въ пользу аббата, хотя въ сущности крестьяне выиграли дѣло въ главныхъ пунктахъ: аббатъ лишился всего, присвоеннаго имъ вопреки обычаю, за исключеніемъ десятины, которая осталась за нимъ по праву давности. Право на наслѣдство, изъ-за котораго монастырская политика столько хитрила и котораго добивалась въ теченіи ста лѣтъ, было навсегда отнято у монастыря.

По новому закону, монастырскія имѣнія должны были считаться наслѣдственными ленами, такъ что монастырь навсегда утрачивалъ право наслѣдовать ихъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда не было законныхъ наслѣдниковъ. Прежде монастырь наслѣдовалъ все движимое имущество своихъ крестьянъ: одежду, постель, полотно, нитки, ленъ, паклю и др.; новая же договорная грамота постановила, «что движимое имущество крестьянъ должно по праву переходить къ прямымъ наслѣдникамъ, которые могутъ распоряжаться имъ, какъ заблагоразсудятъ. Имѣнія даются въ наслѣдственные лены двумъ лицамъ: мужу и женѣ; имъ наслѣдуютъ прямые наслѣдники, если въ теченіи трехъ мѣсяцевъ возьмутъ имѣніе у монастыря въ ленъ, за что должны заплатить двадцатую часть стоимости имѣнія; при продажѣ при жизни владѣльца имѣніе должно быть переведено на имя покупателя и

его жены. Каждый долженъ вѣчно пользоваться правомъ безпрепятственно продавать и промѣнивать свое имѣніе; продавецъ обязанъ лишь всеподданнѣйше просить прелата отдать имѣніе въ ленъ покупщику за уплатою двадцатой части стоимости имѣнія со стороны покупщика. При передачѣ имѣнія въ ленъ должна изготавляться наслѣдственная ленная грамота, и новый владѣлецъ долженъ давать монастырю реверсъ и гульденъ въ пользу аббата. Монастырскими имѣніями могутъ владѣть только монастырскіе крестьяне, хотя бы другіе давали за нихъ законную цѣну. Чтобы богатые не притѣсняли бѣдныхъ, не должно позволять ни одному монастырскому крестьянину владѣть болѣе, нежели однимъ участкомъ; исключеніе допускается только въ такомъ случаѣ, если покупщикъ хочетъ владѣть имѣніемъ сообща, съ другимъ монастырскимъ крестьяниномъ. За движимое имущество наслѣдники должны платить монастырю столько же фунтовъ геллеровъ, — считая по ульмскимъ цѣнамъ, — сколько приходится заплатить гульденовъ за недвижимое: за платье одинъ фунтъ геллеровъ; если умираетъ мужчина, то монастырю слѣдуетъ отдавать лучшаго вола его; если женщина — то лучшую корову; если у покойника скота не было, то наслѣдники не даютъ ничего; ремесленники должны платить наслѣдственную пошлину съ своего ремесла.

Доселѣ монастырскіе управляющіе отдавали въ наймы участки общинныхъ леновъ, что уменьшало доходы общинъ. Новой грамотой было запрещено отдавать въ наймы эти участки безъ разрѣшенія общинъ. Кромѣ того бороненіе, выгоны, дрова и бревна были предоставлены въ общее безвозмездное пользованіе, согласно древнему обычаю, съ тѣмъ однако, чтобы бревна и дрова выдавались монастырскимъ сторожемъ по просьбѣ крестьянъ, которые не имѣютъ права сами брать, продавать и дарить ихъ.

Древній обычай, по которому крестьяне могли принимать или отвергать чрезвычайные налоги, былъ сохраненъ въ пользу крестьянъ.

Такимъ образомъ, въ 1501 г. обязанности и права оксенгаузенскаго монастыря и его крестьянъ были опредѣлены письменнымъ договоромъ, заключеннаго при посредничествѣ сосѣдняго дворянства имперскихъ городовъ и подъ покровительствомъ швабскаго союза. Причиной этого былъ вѣрный взглядъ на положеніе дѣла и опасеніе, возбужденное имъ въ городахъ Ульмѣ, Аугсбургѣ и Меммингенѣ, которые были сосѣдями Оксенгаузена. Оксенгаузенъ же находился въ Алльгау, а Алльгау граничилъ съ Швейцаріей. Впрочемъ не мало способствовало этому и то, что притязанія монастыря были лишены всякаго основанія, тогда какъ права и обиды крестьянъ были ясны и несомнѣнны *).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Баимакъ въ Брухрайнѣ въ Унтеррумбахѣ.

Шпейеръ стяжалъ себѣ особенную извѣстность, благодаря веселой жизни своихъ епископовъ, которые жили, какъ богатый Лазарь.

Сами защитники духовенства рассказываютъ, на основаніи историческихъ данныхъ, о томъ, какъ изволилъ шутить шпейерскій епископъ Матфій съ горожанами и съ самимъ его импе-

*) Монастырскіе акты въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ, а именно: „договоръ и соглашеніе между Оксенгаузеномъ и его подданными для полюбовнаго рѣшенія впредь ихъ несогласій. Fasc. I. 12. 6. — Приговоръ швабскаго союза въ Аугсбургѣ, въ понедѣльникъ, канунъ св. Екатерины 1501 года, касательно тяжёбныхъ расходовъ и пеней. — Соглашеніе между монастыремъ и его подданными по поводу ихъ ослушанія и составленія ими союза. Fasc. LV I (II 28) Пятница послѣ Успенья 1501. Договоръ въ день Воздвиженья 1501 о правахъ монастыря. Fasc. LV I (II. 23).

раторскимъ величествомъ. Предметомъ княжеской шутки была жизнь одного невиннаго человѣка, котораго императоръ и граждане рекомендовали въ должность при соборномъ капитулѣ. Въ этомъ-то епископствѣ, при приѣмникѣ Матфія, Лудвигѣ Гельмштедтѣ, обнаружились первые слѣды дальнѣйшаго развитія альзасскаго тайнаго общества.

Въ Брухрайнѣ въ Унтергрумбахѣ, близъ Брукзала, принадлежавшемъ къ шпейерской области, нѣсколько смѣлыхъ людей задумали освободить своихъ собратьевъ отъ ига духовенства и дворянства. Еще въ 1502 г. шпейерскій дворъ получилъ извѣстіе о новыхъ, опасныхъ для аристократіи движеніяхъ въ простомъ народѣ. Но бдительность властей внушала обществу осторожность, такъ что правительство не могло поймать нити заговора. Заговорщики продолжали дѣйствовать втайнѣ. Вскорѣ къ обществу принадлежало до семи тысячъ человѣкъ, и о немъ знали четыреста женщинъ. Нити заговора были распространены по всѣмъ рейнскимъ округамъ, вверхъ и внизъ по теченію Рейна, по Майну и по Неккару. Дѣло шло не о мѣстномъ, но о всеобщемъ движеніи, въ которое предполагалось увлечь крестьянъ всей имперіи. Цѣлью предпріятія было ниспроверженіе духовной и свѣтской аристократіи.

Цѣль эта ясно выражалась въ ихъ лозунгѣ: «Угадай, что это значитъ?» спрашивалъ одинъ, а другой долженъ былъ отвѣчать: «Намъ плохо отъ поповъ и дворянства.» Главными правилами ихъ было: свергнуть съ себя иго крѣпостной зависимости, освободить себя оружіемъ, подобно швейцарцамъ, овладѣвъ духовными имуществами раздать ихъ народу и не признавать никакой власти, кромѣ римскаго короля.

Вступленіе въ союзъ сопровождалось религіозными церемоніями. Вступающій долженъ былъ на колѣняхъ прочитать пять разъ «Отче нашъ» и столько же «Богородицу», и каждый членъ обязанъ былъ ежедневно исполнять это. Обрядъ этотъ выражалъ собою религіозное настроеніе, которое во всѣ времена было весьма благопріятно для политическихъ вол-

неній; кромѣ того, онъ служилъ знакомъ, по которому члены узнавали другъ друга, не навлекая на себя подозрѣнія.

Каждый долженъ былъ также стараться по мѣрѣ силъ распространять общество между своими знакомыми. Въ числѣ постановленій общества нѣкоторыми отмѣнялись всѣ десятины, оброки, налоги и повинности, платимые князьямъ, дворянамъ и духовенству; было постановлено, что охота, рыбная ловля, луга и лѣса должны быть доступны всѣмъ, потому что Богъ создалъ ихъ для всѣхъ. Монастыри и церковныя имущества должны были быть отобраны и розданы народу, за исключеніемъ нѣсколькихъ монастырей. Эти постановленія должны были привлечь къ союзу всѣхъ крестьянъ, которые были такъ обременены повинностями, что принуждены были употреблять въ пользу господъ четвертую часть рабочаго времени.

Рѣшено было прежде всего напасть на Брукзаль, половина жителей котораго участвовала въ заговорѣ, и, овладѣвъ имъ, сдѣлать его центромъ движенія. Затѣмъ главныя силы должны были немедленно вступить въ марграфство Баденское и идти все далѣе, нигдѣ не останавливаясь болѣе, чѣмъ на сутки, пока всѣ страны не вступятъ въ союзъ и пока не будетъ восстановлена свобода, а съ нею царство Господне на землѣ. Они надѣялись, что горожане и крестьяне всей имперіи добровольно присоединятся къ нимъ изъ любви къ свободѣ.

«Только Божье правосудіе» гласила надпись на союзномъ знамени. Оно было бѣлое и голубое; посрединѣ образъ Спасителя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился святому Георгію; передъ крестомъ—колѣнопреклоненный крестьянинъ; рядомъ—большой башмакъ, а вокругъ эта надпись.

Предводители поступили благоразумно, принявъ въ союзъ только деревни, села и мелкіе города, интересовъ которыхъ дѣло это касалось близко; тѣмъ не менѣе заговоръ былъ преданъ.

Альзасское общество поступило разсчетливо и предусмотрительно, запретивъ исповѣдь. Исповѣдь погубила брухрайнскій заговоръ. Одинъ изъ заговорщиковъ, Лукасъ Раппъ, ввѣрилъ

тайну своему духовнику на исповѣди, а священникъ этотъ выдалъ ее правительству. Духовенство и свѣтскіе князья и дворяне, даже самъ швабскій союзъ, поспѣшили принять мѣры, опасаясь, чтобы заговорщики не вошли въ сношеніе съ швейцарцами.

Тогдашнія основы германской имперіи и престола были гнили и ветхи. Въ свободѣ крестьянъ и непосредственномъ единствѣ германской націи заключался принципъ новой имперіи.

Но римскій король Максимилианъ былъ заклятый врагъ всякаго народнаго движенія, потому что во-первыхъ былъ Габсбургъ, а во-вторыхъ испыталъ непріятности со стороны Нидерландовъ и Швейцаріи. Онъ забылъ, что имѣетъ теперь возможность осуществить свою юношескую мечту, — быть королемъ народа. Въмѣсто того, чтобъ взять сторону народа и, пособивъ крестьянскому горю, основать свое могущество на его любви, — онъ, узнавъ объ ихъ планахъ, велѣлъ жестоко преслѣдовать и наказывать заговорщиковъ. Приказано было конфисковать имущества всѣхъ, принимавшихъ участіе въ союзѣ и достигшихъ законнаго возраста; изгонять изъ страны ихъ женъ и дѣтей, а самихъ четвертовать; предводителей и агентовъ движенія было велѣно привозить къ эшафоту, привязавъ къ конскому хвосту.

При первомъ извѣстіи объ угрожающемъ крестьянскомъ возстаніи, депутаты князей, дворянъ и городовъ собрались въ Шлеттштадтѣ. Въ трехъ засѣданіяхъ были приняты рѣшенія касательно необходимыхъ мѣръ. Въ совѣтѣ присутствовали совѣтники его императорскаго величества, послы фальцграфа, города Страсбурга и его епископа, герцога Виртембергскаго, графовъ Ганау, Бичъ, Напольштейнъ, города Кольмара и др. городовъ и господъ, во владѣніяхъ которыхъ находились вѣтви заговора, и тѣхъ, которые имѣли причины опасаться у себя возстанія.

Но прежде чѣмъ войско князей и дворянъ, согласно рѣшенію ихъ, вступило въ главный центръ крестьянскаго союза, вожди послѣдняго успѣли бѣжать. Сопровиженіе было бы беспо-

лезно, потому что приготовленія къ нему не были еще кончены. Большая часть крестьянскихъ предводителей бѣжала благополучно. Солдаты хватили по деревнямъ, а судьи пытали и казнили лишь второстепенныхъ участниковъ. Однако число казненныхъ было невелико. Кровавые приказанія Максимилиана не исполнялись. Если бы князья и дворяне принялись наказывать по нимъ всѣхъ участниковъ, то разорили бы самихъ себя, потому что во многихъ мѣстахъ къ союзу принадлежали рѣшительно всѣ крестьяне. Нѣкоторыхъ изуродовали, но большинство отдѣлалось денежными пенями. Заговоръ былъ такъ хорошо составленъ, что рассказываютъ, будто многіе тайные коноводы спокойно остались дома; тѣ же, которые бѣжали, подолгу проживали безнаказанно, никѣмъ неузнаваемые, въ императорскихъ земляхъ и во владѣніяхъ чиновъ, присутствовавшихъ въ Шлеттштадтѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Башмакъ въ Лезнѣ.

Послѣ удара, поразившаго «Башмакъ» въ Брухрайнѣ, нѣсколько лѣтъ въ народѣ царствовала глубокая тишина; но крестьяне не лишились мужества и не отчаялись въ своемъ дѣлѣ; они хотѣли только усыпить бдительность дворянства. Настроеніе умовъ и отношенія крестьянъ къ дворянству и духовенству не измѣнились. Большая часть бѣглецовъ удалилась въ свободную Швейцарію, многіе въ Шварцвальдѣ, въ Брейсгау и въ Виртембергѣ. Они всюду находили друзей; всюду видѣли такіе же бѣдствія, такое же желаніе переменъ. Еще въ 1503 брухрайнскій «Башмакъ» сильно распространился въ Виртембергѣ. Въ 1504 г. одинъ плѣнный изъ крестьянъ

«Бѣднаго Конрада» показалъ, что общество ихъ началось одиннадцатъ лѣтъ тому назадъ и сначала называлось Башмакомъ.

Въ народѣ были люди, желавшіе дѣйствовать, а не болтать и жаловаться; они не хотѣли покидать своего дѣла и не теряли надежды, хотя первыя попытки ихъ были разстроены измѣною.

× Таковъ былъ Иоссъ Фрицъ, родившійся и жившій въ Унтергумбахѣ и бывшій однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ тамошняго «Башмака». Ему удалось спастись бѣгствомъ отъ плѣна и отъ неизбежной мучительной смерти отъ руки палача, которая ожидала его. Долго, никѣмъ неузнаваемый, скитался онъ въ Верхней Германіи; но и въ изгнаніи, и въ бѣгствѣ не утратилъ онъ своихъ надеждъ, не забылъ свою цѣль. Человѣкъ, который знаетъ, чего хочетъ, — непобѣдимъ и, потерпѣвъ неудачу въ десятый разъ, приступаетъ въ одиннадцатый къ дѣлу, полный мужества и вѣры въ будущее. — Таковъ былъ Иоссъ Фрицъ; онъ носилъ съ собой вдали отъ родины свои планы, уже однажды неудавшіеся, онъ умѣлъ скрывать свои мысли до тѣхъ поръ, пока не наступила благопріятная минута и пока не нашлись нужные люди.

Иоссъ обладалъ красивою наружностью и щегольски одѣвался; онъ носилъ то черную французскую одежду и бѣлые штаны, то красную съ желтымъ, то коричневую съ зеленымъ. Его обращеніе и манеры также отличали его отъ простонародья; онъ участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ и усвоилъ себѣ ловкость и достоинство воина. Кромѣ того онъ былъ краснорѣчивъ, умѣлъ притворяться и господствовать надъ людьми, умѣлъ внушать вѣру и надежду недовѣрчивому, мужество и спокойствіе робкому; умѣлъ примѣнять свою рѣчь къ характеру каждаго собесѣдника, одного увлечь матеріальной, другого религіозной стороною. Не недѣли и не мѣсяцы, а цѣлыя годы посвятилъ онъ на то, чтобы неумоимо сшивать и связывать порванные нити своего плана.

Онъ жилъ то на озерѣ въ Ленцкирхѣ и Штокахѣ, гдѣ женился на Эльзѣ Шмидтъ, то въ разныхъ мѣстахъ Шварцвальда, въ Виллингенѣ и Горбѣ.

Около 1512 г., онъ прибылъ въ окрестности Фрейбурга въ Брейсгау и поселился въ деревнѣ Леэнѣ, отстоящей на часъ пути отъ этого города и принадлежавшей дворянину Бальтазару фонъ-Блуменеку. Онъ былъ даже выбранъ въ старосты; тогда онъ счелъ, что наступила благопріятная минута.

Сначала, заходя въ кабакъ или въ дома, онъ жаловался въ общихъ выраженіяхъ на современные нравственные и матеріальные недостатки. Когда бѣдные люди собирались у своего новаго старосты, который много гулялъ по свѣту, и, обступивъ его, внимательно слушали его рѣчи, онъ умѣлъ краснорѣчиво рассказывать имъ о томъ, какъ исчезаютъ честность и богобоязненность и вмѣсто нихъ распространяются грѣхи, лихоимство, прелюбодѣяніе, пьянство и все дурное, чему начальство и не думаетъ препятствовать. Затѣмъ, мало по малу переходя отъ разсужденій о религіи и нравственности къ политикѣ, онъ сперва слегка касался того, что господа слишкомъ угнетаютъ бѣдныхъ людей, такъ что, если это будетъ продолжаться, дѣло кончится плохо, какъ можетъ судить каждый самъ. Господскія прегрѣшенія, о которыхъ онъ любилъ говорить, были велики. Всякій видѣлъ своими глазами то, о чемъ онъ свободно говорилъ; каждый чувствовалъ и понималъ, что рѣчь его лилась изъ сердца и что онъ говоритъ сущую правду. Поэтому крестьяне всею душою привязывались къ нему. Онъ не могъ рассчитывать на сочувствіе только тѣхъ, «которые превозносились до небесъ и приучили себя много ѣсть и мало работать». Ему сочувствовали всѣ, неутратившіе еще мужества и сознанія тяжести своего положенія.

Онъ благоразумно долго не высказывалъ того, къ чему стремится. Часто и подолгу говорилъ онъ крестьянамъ объ ихъ тяжеломъ положеніи, о порокахъ времени, — но ни о чемъ болѣе. Наконецъ, изслѣдовавъ, осмотрѣвъ и приготовивъ почву, онъ началъ осторожно сѣять по зернышку сѣмя свободы; онъ

возбудилъ въ крестьянахъ сознаніе своихъ бѣдствій и полное довѣріе къ нему; тогда только началъ онъ говорить имъ, что, если они обѣщаютъ ему молчать, то онъ скажетъ имъ нѣчто, что послужитъ имъ на благо и на пользу.

Онъ говорилъ съ каждымъ наединѣ и соображаясь съ характеромъ слушателя. Встрѣчая робкую совѣсть въ собесѣдникѣ, который спрашивалъ его, честно-ли то дѣло, о которомъ онъ обѣщаетъ молчать, ибо, если оно безчестно, то онъ и слушать не хочетъ, — Иоссъ говорилъ съ нимъ «простодушно и такъ сладко, что всякій убѣждался, что, благодаря ему, сдѣлается счастливымъ и богатымъ»; «онъ говорилъ, какъ бы по лукавому внушенію дьявола», какъ выражаются акты процесса. «То, говорилъ онъ, что я тебѣ скажу, есть дѣло честное, такое дѣло, которое касается самого меня и многихъ благочестивыхъ людей; это предпріятіе угодно Богу, благородно и справедливо». Когда затѣмъ мужикъ давалъ ему обѣщаніе молчать, онъ сообщалъ ему, что хочетъ соединить угнетенныхъ и что къ нему уже многіе пристали. Если слушатель все еще колебался, онъ убѣждалъ его, что дѣло, задуманное имъ, вполне согласно съ священнымъ писаніемъ и само по себѣ божественно, справедливо и удобоисполнимо. Затѣмъ онъ удалялся, предоставляя собесѣднику наединѣ обдумать его предложеніе.

Къ другому онъ приходилъ на домъ и говорилъ: «видишь, каково намъ: нынче у насъ отбираютъ то, завтра другое и уничтожаютъ наши старинные обычаи и права. Если ты желаешь помочь намъ выполнить божественное правосудіе, то долженъ молчать и никому не говорить ни слова объ этомъ». Если собесѣдникъ отвѣчалъ, что охотно послушаетъ его, если онъ укажетъ ему, какъ помочь бѣдѣ, то Иоссъ продолжалъ: «мы хотимъ жить честно и по божески, избавиться отъ знатныхъ обдиралъ, которые поступаютъ нечестно и не по божески; мы не хотимъ терпѣть, чтобы они брали съ насъ проценты, равные капиталу поэтому не будемъ отправлять барщину; мы хотимъ управляться сами, по своему праву и по своимъ стариннымъ обычаямъ, ко-

торыхъ господа насильно лишили насъ. Ты вѣдь знаешь, что мы долго тягались съ нашимъ бариномъ въ императорскомъ правленіи въ Энзисгеймѣ за наше имущество и получили его по праву и приговору суда, который постановилъ, что крестьяне деревни Леэнъ могутъ безпрепятственно пользоваться и распоряжаться своимъ добромъ; но, вопреки грамотѣ, печати и праву, баринъ лишилъ насъ нашего добраго права и отдалъ наше имѣніе за деньги другимъ. Кромѣ того мы потерпѣли отъ него обиды, во многихъ другихъ случаяхъ». Затѣмъ онъ уходилъ, не распространяясь на первый разъ далѣе.

Подобныя рѣчи глубоко западали въ душу слушателей; они обдумывали ихъ и сами приходили къ Иоссу; тогда онъ шелъ далѣе и говорилъ, что необходимо совершенно измѣнить организацію имперіи, прибавляя, что, если они придутъ въ назначенный часъ въ назначенное мѣсто, то встрѣтятъ тамъ его и другихъ, и кое-что узнаютъ.

На дорогѣ изъ Леэна въ Мундергофенъ, простирается по опушкѣ лѣса, по ту сторону рѣки Дрейзама, уединенный лугъ, называемый Гартматтэ; въ сумерки Иоссъ созвалъ туда крестьянъ на тайное совѣщаніе. Когда они собрались, онъ сказалъ имъ, что было бы хорошо, если бы не было помѣщиковъ и вообще никакихъ властей, кромѣ Бога и папы; что необходимо даже добиться этого; что виновныхъ слѣдуетъ представлять мѣстному судѣ, а не таскать по всей странѣ, какъ теперь. Съ этою цѣлью слѣдуетъ уничтожить роттвейльскіе суды, а духовнымъ судамъ должно предоставить только духовныя дѣла. Нужно также положить конецъ злоупотребленіямъ духовенства относительно приходовъ и отнять у священниковъ лишніе приходы, раздавъ ихъ тѣмъ, у которыхъ нѣтъ ни одного. Налоги и пошлины наложены на крестьянъ несправедливо, а непрерывныя войны князей губятъ народъ. Поэтому во всемъ христіанскомъ мірѣ долженъ быть утвержденъ вѣчный миръ; крестьянамъ должна быть возвращена прежняя свобода, лѣса и сѣнокосы; рѣки и охота должны быть общими, а изъ монастырскихъ и епископскихъ избытковъ слѣдуетъ помочь бѣднымъ.

Собранию понравились эти предложенія. На Гартматтѣ присутствовали люди бѣдные: крѣпостные, раззоренные и недовольные. Однако нѣкоторые поколебались, когда Юссъ сказалъ, что основаніе «*Башмака*» есть единственное средство осуществить эти мысли. Они обратились къ своему священнику, патеру Иоганну, и спросили его, что думаетъ онъ о «*Башмакѣ*», предполагаемомъ Юссомъ? но Иоганнъ, дѣйствовавшій за одно съ Юссомъ, отвѣчалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: «это дѣло богоугодное, ибо доставить торжество справедливости. Самъ Богъ желаетъ этого. И въ священномъ писаніи сказано, что такъ должно быть». Первые леэнскіе крестьяне, приставшіе къ Юссу, были: Августинъ Эндерлинъ, Киліанъ Майеръ, Гансъ Фрейдеръ, Гансъ и Каріусъ Гейцъ, Петеръ Штюблинъ, Якобъ Гаузеръ и Гансъ Гуммель, портной, родомъ изъ Фейербаха близъ Штутгарта, долго жившій въ Альзасѣ и Брейзгау. Они дѣятельно вербовали въ общество членовъ, повсюду отыскивая нужныхъ людей: ходили по домамъ, въ поле, въ кабаки, на церковные праздники; но всего дѣятельнѣе и искуснѣе дѣйствовалъ въ Леэнѣ отъ имени Юсса въ пользу Башмака нѣкто Гіеронимъ, булочный подмастерье изъ приэчскихъ странъ, служившій на леэнской мельницѣ. Онъ побывалъ во многихъ земляхъ и былъ искуснымъ ораторомъ.

Эти люди искусно располагали своихъ знакомыхъ въ пользу своихъ цѣлей. Они готовили новобранцевъ, сообщая имъ планъ свой лишь въ общихъ чертахъ, затѣмъ отправляли ихъ къ Юссу, который посвящалъ ихъ въ тайну подробнѣе. Онъ говорилъ имъ, что «*Башмакъ*» возстановитъ правосудіе и спасетъ святой гробъ Господень. Подъ святымъ гробомъ онъ подразумѣвалъ гробъ народной свободы. Заговорщики ободряли робкихъ, рассказывая имъ о сильномъ распространеніи общества во всѣхъ сословіяхъ и областяхъ; они увѣряли ихъ, что къ нему принадлежатъ благородные и неблагородные, духовные, горожане и крестьяне, и что онъ распространенъ до Кельна.

Увѣренія эти были не лишены основанія. Юссъ Фрицъ, еще

до основанія леэнскаго общества соединилъ прежнія нити шпейерскаго заговора и завязалъ новыя на обоихъ берегахъ Рейна, въ Шварцвальдѣ, маркграфствѣ Баденскомъ и Виртембергѣ.

Юссъ имѣлъ тѣсныя сношенія съ другимъ агитаторомъ, котораго называютъ то Вельтлиномъ, то Штофелемъ изъ Фрейбурга. Онъ большею частью жилъ въ Альткирхѣ, въ загородномъ трактирѣ, близъ пробства; онъ одѣвался по рыцарски, имѣлъ много различныхъ платьевъ и головныхъ уборовъ, но чаще всего носилъ бѣлый плащъ, обшитый чернымъ бархатомъ, беретъ съ серебрянымъ лучомъ и разбѣжалъ на бѣломъ конѣ въ верхнемъ Рейнѣ, въ Кинцигталѣ, въ Шварцвальдѣ и на Дунаѣ до Эхингена въ Швабіи, куда являлся очень часто.

Этимъ двумъ людямъ удалось составить огромное общество, такъ умно организованное, что каждый членъ зналъ по имени только своихъ ближайшихъ знакомыхъ. Однако, положеніе ихъ все-таки было опасно, вслѣдствіе чего они не пренебрегали содѣйствіемъ нищихъ и бродягъ, которые служили имъ гонцами, разсыльными и агентами; они предназначали имъ болѣе важную и опасную роль, когда наступитъ время дѣйствовать. Бродяги, бывшіе въ то время чрезвычайно многочисленны и пользовавшіеся привилегіей безпрепятственно переходить изъ страны въ страну, составляли нѣчто въ родѣ официально-признаннаго цеха и имѣли выборныхъ старшинъ и предводителей. Юссъ и Штофель вошли въ сношеніе съ старшинами, которые предоставили въ ихъ распоряженіе свои нищенскія шайки.

Имъ было обѣщано 2,000 гульденовъ съ тѣмъ, чтобы въ назначенный часъ они начали возстаніе въ маркграфствѣ Брейсгау и Альзасѣ, и когда въ Альзасѣ-Цабернѣ будетъ происходить ярмарка или освященіе церкви, привели въ Розенъ 2,000 человекъ для овладѣнія Цаберномъ. Изъ жителей предмѣстья этого города въ заговорѣ участвовалъ трактирщикъ съ сыномъ и работникомъ, а изъ горожанъ—отставной капитанъ

французской службы Георгъ Шнейдеръ, Вюльфленъ Зельцеръ и Павелъ Шпрингеръ. Нищѣ должны были поступить подъ начальство этихъ лицъ. Такъ какъ въ Цабернѣ въ праздничные и ярмочные дни бывало много простаго народа, и какъ многіе горожане знали о заговорѣ, то предпріятіе могло рассчитывать на успѣхъ.

Но нищѣ имѣли въ немъ незначительное участіе. За то обязанности помощниковъ вождей заговора были очень важны; въ каждомъ округѣ были лица, приславшія вождамъ донесенія о положеніи дѣлъ въ своей мѣстности и о количествѣ завербованныхъ людей. Имъ было обѣщано значительное вознагражденіе за каждаго новобранца. Иоссъ и Штофель по временамъ ѣздили наблюдать за ходомъ дѣла и осматривать новобранцевъ. Смотры происходили большею частью по ночамъ. Особенно старались вовлечь въ заговоръ трактирщиковъ, въ домахъ которыхъ происходили сходки.

Въ союзѣ участвовали и дворяне. Кромѣ леэнскаго священника, упоминаютъ о рыцаряхъ Якобѣ Бегерсѣ-цу-Нидеринбергенѣ, Томасѣ Виртѣ-цу-Эгенцшвейлерѣ, служившемъ офицеромъ во французской службѣ, и о Стефанѣ, дворянинѣ изъ Дердингена близъ Бреттена; онъ владѣлъ самымъ нижнимъ изъ горныхъ замкомъ, и въ Дердингенѣ, въ домѣ Клэ-Вельтена, гдѣ помѣщался монастырскій трактиръ, познакомился съ фальцкимъ солдатомъ, Иоссомъ Бреттенскимъ, близкимъ другомъ Иосса Фрица.

Слѣдствіе показало, что общество распространялось по всему Альзасу, въ Брейсгау, въ маркграфствѣ, въ Шварцвальдѣ, въ Верхней Швабіи, въ Верхнемъ Крайхгау, гдѣ главный городъ Бреттенъ, и въ Нижнемъ Крайхгау или Брухрайнѣ, гдѣ главный городъ Брукзаль. Безъ сомнѣнія, оно скорѣе перешло бы за средній Рейнъ. Въ Виртембергѣ оно было преимущественно распространено въ Цабергау и въ Ремской долині.

По временамъ, въ трактирахъ или гдѣ нибудь по близости происходили ночныя собранія, куда являлись или лишь главные члены, или цѣлыя толпы заговорщиковъ. Такія сходки часто происходили въ Миттельберхгеймѣ въ Альзасѣ, въ Кни-

бисѣ близъ Клестерлейна и въ об-гаслахскомъ лѣсу. Заговорщики отдѣльныхъ округовъ собирались по праздникамъ и торговымъ днямъ.

Иоссъ выдумалъ особенный знакъ, по которому заговорщики могли узнавать другъ друга; знакъ этотъ имѣлъ форму латинскаго Н, былъ сшитъ изъ чорнаго сукна на красномъ еуконномъ полѣ и пришивался спереди къ нагруднику; нѣкоторые заговорщики не носили этого значка, и вмѣсто того дѣлали три крестообразные разрѣза на правомъ рукавѣ. У нихъ былъ также тайный лозунгъ, который они произносили, приходя другъ къ другу. Въ собраніи на Гартматтѣ Иоссъ сказалъ имъ, что необходимо имѣть подобный лозунгъ. Думали принять лозунгъ Шпейерскаго Банмака, перемѣнивъ въ немъ нѣсколько словъ «Да благословить тебя Богъ, товарищъ! какъ поживаешь?»—долженъ былъ спрашивать одинъ, а другой отвѣчать: «бѣдному человѣку на свѣтѣ живется плохо». Другіе предлагали взять лозунгомъ имя святого Георга, но не приняли ни того, ни другого. Иоссъ выдумалъ новый, который поповидимому, былъ сообщенъ большинству уже не задолго до возстанія, а сначала былъ извѣстенъ лишь небольшому кружку; онъ хранился въ тайнѣ и не дошелъ до насъ. Даже пытка не могла заставить плѣнниковъ выдать его. Киліанъ Майеръ сознался подъ пыткой, что у нихъ былъ лозунгъ, но утверждалъ, что онъ забылъ его; этимъ онъ спасъ многихъ заговорщиковъ, потому что при прежнихъ преслѣдованіяхъ многихъ открыли по лозунгу.

На гартматтскомъ совѣщаніи, послѣ частныхъ сходовъ и многихъ преній, были составлены постановленія общества, содержащія въ себѣ то, что предлагалъ Иоссъ:

«Во-первыхъ, отмѣняются всѣ власти, кромѣ Бога, императора и папы; во-вторыхъ, всѣ будутъ судиться мѣстнымъ судомъ; роттвейльскій судъ будетъ уничтоженъ; духовнымъ судамъ предоставляются только духовныя дѣла; въ-третьихъ, всѣ ленные проценты (оброки), платившіеся такъ долго, что въ сложности стали равны капиталу, отмѣняются, и всѣ векселя и заемныя письма объявляются недѣйствительными; въ-чет-

вертыхъ, относительно процентовъ, которые составляютъ меньше двадцатой части капитала, будетъ поступлено сообразно съ божественнымъ правомъ; въ-пятыхъ, птичья и рыбная ловля, дрова, строевой лѣсъ и сѣнокосъ будутъ свободны; бѣдные и богатые будутъ пользоваться ими сообща; въ-шестыхъ, священники не могутъ имѣть болѣе одного прихода; въ-седьмыхъ, число монастырей будетъ ограничено, лишнее имущество будетъ у нихъ отобрано, и изъ него составитъ военная касса общества; въ-восьмыхъ, прекращаются всѣ несправедливые налоги и пошлины; въ-девятыхъ, будетъ учрежденъ вѣчный миръ для всего христіанства; съ этою цѣлью должно убивать всѣхъ, противящихся ему, а тѣмъ, которые непремѣнно хотятъ воевать, нужно давать денегъ и посылать противъ турокъ и невѣрныхъ; въ-десятыхъ, вступающимъ въ общество должно гарантировать жизнь и имущество, а противящихся этому—наказывать; въ-одиннадцатыхъ, общество должно овладѣть хорошимъ городомъ или крѣпостью, чтобъ имѣть центръ и опору для предпріятія; въ-двѣнадцатыхъ, каждый членъ общества долженъ содѣйствовать его успѣхамъ; въ-тринадцатыхъ, должно увѣдомить о предпріятіи его императорское величество, какъ только соберутся всѣ силы общества, и въ-четырнадцатыхъ, въ случаѣ, еслибъ его императорское величество отвергъ общество, просить помощи и союза у швейцарской федераціи».

Таковы были параграфы общества по показанію разныхъ свидѣтелей.

Но, повидимому, въ обществѣ были и такія лица, которымъ параграфы и предпріятіе казались слишкомъ опасными и сомнительными, потому что въ одномъ собраніи на Гартматтѣ Іоссъ Фрицъ былъ принужденъ защищать ихъ и предлагать доказать ихъ справедливость священнымъ писаніемъ. Онъ вызвался письменно изложить всѣ доказательства и потомъ прочесть ихъ, чтобы показать, что всѣ его планы и намѣренія богоугодны, благонамѣренны и справедливы. Булочный подмастерье Піеронимъ искусно и ревностно содѣйствовалъ ему.

Наконецъ всѣ присутствующіе присягнули Килиану Майеру быть вѣрными обществу, свято хранить тайну и не отставать другъ отъ друга.

Они также придавали большое значеніе знамени: «они думали—хотя сначала ихъ было мало,—что всѣ бѣдные пристанутъ къ нимъ, когда они распустятъ свое знамя». Поэтому они не щадили ничего, чтобъ пріобрѣсти знамя.

Члены общества были такъ бѣдны, что съ трудомъ могли собрать деньги на знамя. Собравъ деньги, Іоссъ поспѣшилъ съ большими предосторожностями заказать знамя. Онъ избралъ одного крестьянина, принадлежавшаго къ обществу, но бывшаго родомъ издалека и незнавшаго никого, ни въ Фрейбургѣ, ни въ окрестностяхъ. Іоссъ послалъ его въ Фрейбургъ къ живописцу Фридриху заказать ему знамя съ башмакомъ; но живописецъ немедленно донесъ объ этомъ городскому совѣту. Однако, такъ какъ крестьянинъ исчезъ и никто не зналъ, кто онъ и откуда, то невозможно было догадаться, въ какой мѣстности готовится вспыхнуть «столь возмутительный пожаръ». Фрейбургскій совѣтъ не могъ ничего предпринять и долженъ былъ ограничиться извѣщеніемъ объ этомъ фактѣ своихъ чиновниковъ, которымъ было приказано зорко наблюдать за крестьянами. Въ городѣ бдительность была также усилена, и было тайно приказано розыскать это дѣло.

Когда первая попытка добыть знамя не удалась, Іоссъ рѣшился сдѣлать вторую лично. Въ это самое время леэнскую церковь расписывалъ другой фрейбургскій живописецъ, Теодозій. Однажды вечеромъ Іоссъ пришелъ къ нему съ старшиной Гансомъ Эндерлиномъ и Килианомъ Майеромъ; они весело распили нѣсколько стакановъ вина, и Іоссъ сказалъ живописцу, что въ деревню пришелъ какой-то чужой человѣкъ, которому хочется имѣть расписное знамя. Іоссъ спросилъ живописца, можетъ ли онъ сдѣлать это и сколько это будетъ стоить. Живописецъ пожелалъ знать, что требуется изобразить на знамени, но когда Іоссъ отвѣчалъ: «Башмакъ» — живописецъ перепугался и сказалъ, что ни за что въ мірѣ не напишетъ

такое знамя; Иоссъ не настаивалъ, но сказалъ, что, кромѣ воздуха и земли, никто не долженъ знать о ихъ разговорѣ, прибавивъ, что если онъ проболтается, то ему придется плохо. Леэнскій старшина взялъ съ живописца такую же клятву въ томъ, что онъ будетъ молчать, какую тотъ давалъ, присягая городу. Живописецъ смолчалъ, боясь, что леэнскіе крестьяне не заплатятъ ему денегъ, слѣдовавшихъ за работы въ церкви.

Иоссъ Фрицъ понималъ, какъ опасно было бы сдѣлать третью попытку, особенно такъ близко отъ той мѣстности, гдѣ должно было начаться движеніе. Шолковая матерія для знамени была уже куплена и сшита; оно было голубое съ бѣлымъ крестомъ. Всѣ, видѣвшіе его, радовались, но нѣкоторые полагали, что, вмѣсто бѣлаго креста лучше нарисовать орла. Имъ казалось недостаточнымъ имѣть знамя; они полагали, что необходимо, чтобы оно было раскрашено и разрисовано знаменательными символами, которымъ они приписывали магическую силу. Иоссъ по опыту зналъ, какую сильную вѣру и какое сильное религиозное чувство питаютъ солдаты къ св. заступнику, изображенному на военномъ знамени, и такое же вліяніе должно было имѣть, по его мнѣнію, на крестьянъ знамя съ изображеніемъ башмака.

Въ это время онъ отправлялся по разнымъ другимъ дѣламъ въ Швабію. Во время этого путешествія онъ сдѣлалъ третью попытку пріобрѣсти знамя и на этотъ разъ достигъ цѣли.

Онъ пришелъ къ одному живописцу въ имперскомъ городѣ Гейльброннѣ на Неккарѣ. Выдавъ себя за швейцарца, онъ простодушно началъ рассказывать ему, что былъ въ большомъ сраженіи и среди опасности боя далъ обѣтъ, если уцѣлѣетъ, сходить на богомолье въ Ахенъ и пожертвовать Богородицѣ знамя. Онъ просилъ его нарисовать ему такое знамя, чтобы на немъ было изображено распятіе и рядомъ съ нимъ Пречистая Дѣва и св. Іоаннъ креститель, а внизу башмакъ. Последнее привело гейльброннского живописца въ недоумѣніе; онъ спросилъ Фрица, что это значитъ? Но Иоссъ прикинулся дурачкомъ и сказалъ, что онъ — сынъ башмачника, что отецъ его

имѣетъ заведеніе въ Штейнѣ въ Швейцаріи и, какъ всѣмъ извѣстно, на вывѣскѣ у него башмакъ; поэтому ему хочется изобразить на знамени вывѣску своего отца, чтобы всѣ знали, кѣмъ оно пожертвовано. Эта простодушная рѣчь обманула живописца; онъ нарисовалъ все, чего желалъ Иоссъ, и вскорѣ знамя было готово.

На немъ было нарисовано распятіе, у креста Богоматерь Марія и св. Іоаннъ Креститель, а рядомъ — папа и императоръ; внизу крестьянинъ на колѣнахъ и подлѣ него башмакъ, а кругомъ надпись: «Господи, помоги намъ своимъ божественнымъ правосудіемъ!»

Радостно спрятавъ Иоссъ подъ нагрудникъ это знамя, о которомъ такъ долго хлопоталъ, и поспѣшилъ въ Леэнъ; но прежде чѣмъ онъ пришелъ туда, общество было предано и разсѣяно.

Передъ отъѣздомъ Иоссъ принялъ всѣ мѣры, чтобы возстаніе вспыхнуло тотчасъ по его возвращеніи. По его приказанію двое заговорщиковъ, въ томъ числѣ нѣкто Йилькъ изъ Леэна, отправились черезъ Симоновъ лѣсъ готовить друзей къ возстанію и сзывать прежнихъ и новыхъ союзниковъ. Церковный праздникъ въ Бингенѣ, который долженъ былъ происходить 9 октября, былъ назначенъ днемъ большой сходки, гдѣ слѣдовало условиться о послѣднихъ мѣрахъ и, главнымъ образомъ, о томъ, на какой городъ напасть прежде, — на Фрейбургъ ли, Брейзахъ ли, или на Эндингенъ. Альзаскіе союзники получили приказаніе перейти, какъ только начнется возстаніе, въ Брейсгау, черезъ Рейнъ при Буркгеймѣ, гдѣ на противоположномъ берегу будетъ развиваться знамя общества. Предводителямъ бродягъ были также даны новыя опредѣленные инструкціи. Нищіе должны были ревностнѣе прежняго наблюдать за городами, располагаясь въ трактирахъ, на башняхъ и у воротъ, и доставлять подробные отчеты обо всемъ въ Леэнъ. Сами леэнскіе заговорщики должны были стараться пріобрѣсти приверженцевъ въ Фрейбургѣ и непременно привлечь на свою сторону двухъ или трехъ человѣкъ изъ каж-

даго цеха, чтобы черезъ нихъ распространять общество между прочими членами цеховъ. Иоссъ принялъ мѣры и на тотъ случай, если бы предпріятіе не удалось или было раньше открыто, такъ что члены общества были бы принуждены разсѣяться. Въ такомъ случаѣ леэнскій старшина долженъ бы былъ хранить знамя у себя до болѣе благопріятнаго времени, чтобы, когда понадобится, можно было найти его. Но съ уходомъ Иосса общество лишилось главнаго руководителя.

Вербованье въ союзъ производилось въ его отсутствіе самымъ неловкимъ образомъ; можно подумать, что съ приближеніемъ срока возстанія заговорщики стали считать лишними всякія предосторожности. Двое членовъ общества встрѣтили на большой дорогѣ, въ полумили отъ Фрейбурга, одного крестьянина, шедшаго по своимъ дѣламъ. Они сказали, чтобы онъ поклялся всѣми святыми молчать о томъ, что услышитъ отъ нихъ. Такъ какъ онъ не соглашался, то они свели его съ дороги въ лѣсъ и тамъ сильно настаивали на своемъ, увѣряя въ правотѣ того, что скажутъ ему, такъ что наконецъ онъ былъ вынужденъ дать клятву; тогда они сказали ему, что, такъ какъ простой народъ бѣденъ и терпитъ нужду и голодъ, то они, въ числѣ шестисотъ или семисотъ человѣкъ, рѣшились поднять Башмакъ и напасть на богатыхъ духовныхъ и свѣтскихъ, овладѣвъ сначала Фрейбургомъ, гдѣ надѣются найти все, что имъ нужно; «ты долженъ помочь намъ», прибавили они. Крестьянинъ противился и сказалъ, что такой поступокъ безчестенъ. Тогда они хотѣли убить его, но, услышавъ на дорогѣ лошадиный топотъ, оставили его и убѣжали въ лѣсъ. Прійдя домой, мужикъ сказалъ на исповѣди своему духовнику о случившемся съ нимъ приключеніи и о томъ, что онъ вынужденъ былъ дать нехорошую тяжкую клятву, вслѣдствіе чего не знаетъ, какъ быть. Священникъ выдалъ исповѣдь фрейбургскому комиссару, мейстеру Иоганну Цезару. Комиссаръ, не называя священника и крестьянина, сообщилъ объ этомъ городскому совѣту.

Совѣтъ въ величайшемъ ужасѣ немедленно обратился къ

маркграфу и умолялъ его побудить мейстера Иоганна Цезара назвать крестьянина, съ которымъ случилось это происшествіе. Въ то же время въ самомъ обществѣ нашлось два измѣнника; то были: Гансъ Манцъ изъ Вольфенвейлера и Михаэль Ганзеръ изъ Шалльштадта.

Послѣдній вступилъ въ общество недавно и былъ посвященъ въ тайну однимъ изъ ближайшихъ друзей Иосса Фрица, — Матерномъ Вейнманомъ изъ Мэнгена. Но кромѣ самаго факта существованія заговора и ближайшихъ плановъ заговорщиковъ, Михаэль Ганзеръ не зналъ ничего, а изъ членовъ общества — очень немногихъ; тѣмъ не менѣе, онъ разсказалъ маркграфу Филиппу Баденскому все, что зналъ. Въ то же время Гансъ Манцъ сообщилъ маркграфу подробныя указанія на общество. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ его и зналъ большую часть нитей заговора, особенно въ Альзасѣ и Шварцвальдѣ.

Маркграфъ поспѣшилъ сообщить свои открытія фрейбургскому совѣту и императорскому правленію въ Энзисгеймѣ. Въ тотъ же день, 4 октября, поздно ночью, Гансъ фонъ-Шенау и Бликкардтъ Ландшадъ переѣхали черезъ Рейнъ, отправляясь съ извѣстіемъ о заговорѣ въ Энзисгеймъ; курьеры и гонцы поскакали изъ Фрейбурга во всѣ сосѣдніе города, везя разные предостереженія и указанія. Маркграфъ Филиппъ совѣтовалъ прежде всего пресѣчь путь Йильгу и его товарищу, посланнымъ въ Шварцвальдъ, и овладѣть ими. Онъ считалъ неблагоприятнымъ тотчасъ же схватить всѣхъ своихъ подданныхъ, участіе которыхъ въ заговорѣ было извѣстно. Онъ опасался, что шумъ, произведенный ихъ арестованіемъ, заставитъ бѣжать многихъ заговорщиковъ, остававшихся пока неизвѣстными. На слѣдующій день нейенбургскій совѣтъ получилъ извѣстіе изъ Реттельна, что тамъ, по указанію фрейбургскаго совѣта, арестованъ одинъ человѣкъ, показавшій, что на слѣдующее утро, 6 октября или 7, т. е. въ пятницу, ночью, гдѣ-то въ Тюнгенѣ, Бингенѣ или Менгенѣ, а можетъ быть, во

всѣхъ этихъ трехъ мѣстечкахъ, соберется много крестьянъ, съ цѣлью начать возстаніе.

Стража у воротъ, на башняхъ и стѣнахъ Фрейбурга была усилена, и граждане призваны къ оружію. Леэнскіе заговорщики во время узнали, что фрейбургцы получили увѣдомленіе о Башмакѣ. Иоссъ еще не возвратился. Тиролецъ Геронимъ, самый способный изъ заговорщиковъ, былъ также въ отсутствіи. Килианъ Майеръ созвалъ ночью леэнскихъ заговорщиковъ на Гартматтѣ. Въ собраніи этомъ господствовали страхъ, нерѣшительность и упадокъ духа. Всѣ хотѣли отступить отъ дѣла и прекратить его. Килианъ взялъ со всѣхъ присутствующихъ обѣщаніе хранить молчаніе обо всемъ, что происходило на этой сходкѣ и до нея.

Между тѣмъ правительства принимали энергическія мѣры. Они спѣшили овладѣть важнѣйшими заговорщиками прежде, чѣмъ силы общества успѣютъ собраться. Маркграфъ схватилъ въ Менгенѣ Матерна Вейнмана. Въ полночь 200 вооруженныхъ фрейбургскихъ гражданъ напали на деревню Леэнъ, взяли старшину Ганса Эндерлина съ сыномъ, жену Иосса Фрица, Эльзу, и нѣкоторыхъ другихъ, и привели ихъ въ Фрейбургъ. На слѣдующее утро полиція арестовала въ мунцингенской церкви Маркса Штюдлена. По взятіи ихъ, прочіе заговорщики обратились въ бѣгство. Они направились въ Швейцарію, въ томъ числѣ Килианъ Майеръ, Якобъ Гаузеръ, Аугустинъ Эндерлинъ и всѣ прочіе главнѣйшіе участники. Штоффель совершенно исчезъ. Иоссъ Фрицъ также бѣжалъ съ тирольцемъ Геронимомъ. Возвращаясь изъ своего путешествія, предпринятаго съ цѣлью приготовить возстаніе, онъ узналъ объ измѣнѣ и о паденіи общества и поспѣшилъ въ Швейцарію. Въ Зевенѣ, за Базелемъ, онъ встрѣтилъ Аугустина Эндерлина, Томаса Мюллера, Килиана Майера и Якоба Гаузера, которые бѣжали сперва въ Баденъ, гдѣ узнали, что сотоварищи ихъ въ Зевенѣ.

Иоссъ имѣлъ при себѣ знамя, которое Килианъ Майеръ увидѣлъ здѣсь въ первый разъ. Иоссъ снова доказалъ, что энергія его непобѣдима. Все, что онъ такъ долго и умно подготовлялъ,

было разрушено и уничтожено; но онъ не отчаявался въ своемъ дѣлѣ. Онъ продолжалъ вѣрить въ возможность вынудить у судьбы побѣду, и тщательно хранилъ на груди своей знамя, какъ ручательство въ томъ, что еще не все потеряно. Сама судьба, казалось, хотѣла поддержать въ немъ эту увѣренность. Его счастливая звѣзда, проводя его здоровымъ и невредимымъ чрезъ столько опасностей, не покинула и теперь.

Въ Зевенѣ было рѣшено отправиться на день въ Цюрихъ. Товарищи отправились въ путь; но въ полѣ, между Зевеномъ и Листалемъ, ихъ настигъ разъѣздъ базельскаго совѣта, посланный по приказанію императорскаго энзистеймскаго правленія. Килианъ Майеръ и Якобъ Гаузеръ были взяты, но Иоссу и прочимъ удалось бѣжать.

Правительства приняли относительно заговорщиковъ самыя строгія мѣры; но изъ плѣнныхъ одни знали весьма немногихъ соучастниковъ; другіе же были такъ мужественны, что никакія мученія пытки не могли вынудить у нихъ показанія. Матернъ Вейнманъ сказалъ—и то только на второй пыткѣ,— что Марксъ Штюдленъ сообщилъ ему, будто въ заговорѣ принимаетъ участіе много народа изъ Кейзерштуля и въ маркграфствѣ. Но онъ не хотѣлъ называть другихъ именъ. Маркса Штюдлена онъ называлъ, зная, что онъ взятъ въ Фрейбургѣ и что для него нѣтъ спасенія. Такимъ образомъ, одни члены общества убѣждали, другіе ничего не показали, такъ что фрейбургцы и маркграфъ не могли раскрыть весь заговоръ, тѣмъ болѣе, что и старшина Гансъ Эндерлинъ, на котораго былъ сдѣланъ доносъ фрейбургскому совѣту живописцомъ Теодоріемъ, касательно его просьбы нарисовать знамя, — ни въ чемъ не сознался.

Но вдругъ изъ Базеля было получено извѣстіе объ арестованіи Килиана Майера и Якоба Гаузера; однако и они указали лишь въ общихъ чертахъ на планъ и ходъ общества, не назвавъ ни одного имени, исключая тѣхъ, которые были за границею въ безопасности или уже сознались сами, какъ напр. Конрадъ Броунъ и Киріакъ Штюдленъ.

Епископъ констанцскій отнялъ у фрейбургцевъ леэнскаго священника Іоанна, желая произвести надъ нимъ духовное слѣдствіе и, въ случаѣ виновности, подвергнуть его церковному наказанію, такъ какъ очень могло статься, что откроются преступленія и противъ церкви.

Такимъ образомъ, мстительности свѣтскихъ властей оставалось мало жертвъ. Но за то тѣмъ страшнѣе была ихъ участь. Власти хотѣли навести страхъ, понимая, что необходимо обезпечить себя со стороны крестьянъ. Еще въ октябрѣ четвертовали въ Баденвейлерѣ Маркса Штюдлена; старшину Ганса Эндерлина съ сыномъ четвертовали въ Фрейбургѣ; Конрада Броуна и Киріяка Штюдлена беценгаузенскаго казнили тою же казнью; Матернъ Вейнманъ и нѣкоторые другіе были обезглавлены; Киліанъ Майеръ и Якобъ Гаузеръ были приговорены въ Базелѣ къ отсѣченію головы топоромъ, но «по просьбѣ ихъ, имъ оказали милость и казнили мечомъ». Другимъ были отрублены послѣдніе суставы пальцевъ.

Въ Альзасѣ подробности заговора были раскрыты лучше, вслѣдствіе чего казней было столько, что народъ заговорилъ противъ кровопролитія, и распространился слухъ, будто императоръ приказалъ не притягивать больше къ суду ни одного заговорщика, а если кто попадется, то не наказывать, не представивъ сперва ему дѣло на разсмотрѣніе. Но императорскій намѣстникъ и альзасскіе городскіе совѣты публично опровергли этотъ слухъ, объявивъ, что это выдумка, распушенная друзьями общества и заговорщиковъ. Власти говорили, что его императорское величество желаетъ, чтобы всѣ эти злодѣи были наказаны со всею строгостью закона, такъ какъ они замыслили позорное истребленіе всѣхъ властей и своихъ законныхъ господъ; стремились освободиться отъ лежащихъ на нихъ справедливыхъ повинностей и не хотѣли исполнять своихъ обязанностей. За столь злостное и несправедливое предпріятіе, его императорское величество строжайше повелѣваетъ задерживать членовъ общества повсюду, во всѣхъ помѣстьяхъ, округахъ и областяхъ, подвергать ихъ

пыткѣ, судить, обвинять и наказывать со всею законною строгостію, не щадя никого.

Преслѣдованіе бѣжавшихъ предводителей возобновилось съ новымъ усердіемъ. Императорскій совѣтникъ Рудольфъ фонъ-Блуменекъ и послы города Фрейбурга лично отправились въ Швейцарію и привезли списки и примѣты бѣглецовъ. 22 октября въ шафгаузенской области были взяты Аугустинъ Эндерлинъ и Томасъ Мюллеръ, и допрошены подъ пыткой. Но счастливая звѣзда Іосса спасла его отъ подобной участи. Товарищи его сдѣлали подъ пыткой нѣкоторые показанія, и шафгаузенцы употребляли всѣ усилія, чтобы найти его, но безуспѣшно. Жена Іосса, Эльза, отрицала свое соучастіе, и потому 26 октября, была освобождена изъ подъ ареста по взысканіи судебныхъ издержекъ. Въ слѣдующемъ году она была снова заподозрѣна въ томъ, что принимаетъ къ себѣ мужа. Его слѣдъ показывался и исчезалъ во мракѣ Шварцвальда, какъ молнія среди ночи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Современныя крестьянскія волненія въ Швейцаріи.

Нѣкоторые швейцарскіе кантоны не безъ причины съ такою готовностью помогали, вопреки своему обычаю, германскимъ правительствамъ преслѣдовать и наказывать крестьянъ. Въ самой Швейцаріи деревенскій народъ волновался противъ городского дворянства. Червь точилъ швейцарскую свободу. Въ правительствахъ господствовали преступления, вѣроломство и несогласія. Трудолюбивыя общины, бѣдное городское и деревенское населеніе находились въ самомъ жалкомъ положеніи.

Неудовольствіе народа возбудило лѣтомъ 1513 г. возстанія, вспыхнувшія сначала въ Люцернскомъ кантонѣ, потомъ въ Золотурнѣ и наконецъ въ Бернѣ. Бернскіе крестьяне собрались на церковный праздникъ въ Кюнюцъ, и пока бернскіе господа танцовали за городомъ, они вломились въ дома наиболѣе ненавистныхъ аристократовъ, выламывали двери и окна, били мебель, посуду, грабили погреба и опустошали все, что встрѣчали. Гансъ Блатеръ, портной изъ Валлиса, надѣлъ на себя шолковую одежду, опушенную лисьимъ мѣхомъ, одного городского совѣтника, прыгалъ и съ восторгомъ кричалъ: «Теперь и я дворянинъ и бернскій господинъ!» Крестьяне припоминали аристократамъ, что въ прошлый карнавалъ они «презрительно передразнивали и осмѣивали крестьянское сословіе, нарядившись въ мѣшки съ сажей, и разными другими комедіями».

Бернскіе господа поспѣшили отклонить отъ себя грозу, назначивъ походъ въ Дофинэ и пожертвовавъ своими товарищами, которыхъ народъ особенно ненавидѣлъ за продажность и разныя другія преступленія. Крестьяне подвергли розыску и пыткамъ аристократовъ, которыхъ имъ удалось поймать.

Возставшіе крестьяне угрожали тѣмъ общинамъ, которыя остались въ повиновеніи. Распространеніе движенія принудило бернскихъ аристократовъ, не шутя, уступить требованіямъ крестьянъ и принять посредничество третейскаго суда. Городской совѣтъ въ публичномъ засѣданіи лишилъ большую часть совѣтниковъ ихъ должностей и почестей и предалъ ихъ уголовному розыску. На ихъ мѣсто были избраны люди, пользовавшіеся довѣріемъ города и земства.

Крестьяне требовали головъ; впрочемъ они удовлетворились двумя жертвами; остальные преступники были подвергнуты пыткамъ и наказаны лишеніемъ почестей и денежными пенями. За то всѣ земскія общины, не только тѣ, которыя возставали, но и тѣ, которыя оставались спокойны, получили новыя вольности; сверхъ того начальство ихъ было смѣнено, и всѣ распоряженія его отмѣнены. Аристократы весьма не-

охотно принимали участіе въ игрѣ, «въ которой свинья забрала власть надъ царемъ».

Люцернскіе крестьяне, подобно бернскимъ, жаловались на налоги. Первые голоса противъ городскихъ дворянъ раздались въ Виллизау, но аристократы вознамѣрились силою заткнуть мужикамъ глотки. Тогда виллизаускіе крестьяне соединились съ другими общинами и поклялись въ Русвилѣ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ единодушно и не отступать другъ отъ друга. По просьбѣ ихъ, къ нимъ присоединилось множество бернскихъ и золотурнскихъ крестьянъ, не смотря на запрещеніе своего начальства. Они отвѣчали начальству, что хотятъ лишь быть посредниками и будутъ стараться уладить дѣло добромъ.

Въ день св. Ульриха они явились подъ Люцерномъ въ числѣ шести тысячъ съ твердою рѣшимостью не отступать, пока не будутъ исполнены ихъ требованія. Они требовали, чтобы ихъ оставили при ихъ древнемъ обычаѣ и освободили отъ новыхъ налоговъ, и чтобы прекратили союзы съ иностранными государями, вслѣдствіе которыхъ они теряютъ своихъ сыновей и друзей, и, благодаря которымъ, между ними столько вдовъ и сиротъ; они требовали также, чтобы часть денегъ, платимыхъ иностранными государствами, отдавалась крестьянамъ, которые заслужили свою часть; и наконецъ, чтобы городъ выдалъ имъ подлецовъ и злодѣевъ, замышлявшихъ измѣну, а именно: городского старшину Ферра съ сыномъ и пять другихъ членовъ совѣта.

Люцернскіе дворяне подняли мостъ городского рва и заперли ворота. 8 іюня депутаты союза уговорили крестьянъ согласиться на договоръ. Люцернскіе дворяне должны были обѣщать имъ исправиться, снять налоги и не выдумывать новыхъ, согласиться на уступку денегъ, не трогать предводителей возстанія и, арестовавъ семерыхъ названныхъ членовъ совѣта, предать ихъ суду, долженствовавшему состоять изъ четырехъ членовъ Малаго, четырехъ — Великаго Совѣта, четырехъ членовъ общинъ и нѣсколькихъ другихъ, по одному отъ каж-

даго округа. Судъ этотъ долженъ былъ немедленно постановить приговоръ, еслибъ открылось какое нибудь преступленіе.

Затѣмъ крестьяне удалились. Виновные члены городского совѣта были посажены въ башню, и пятеро изъ нихъ, особенно городской старшина, подвергнуты пыткамъ. Старшина былъ лишенъ чести и имущества, русвильскій управляющій Эрнемозеръ казнень, а прочіе задержаны въ башнѣ для дальнѣйшаго розыска.

Но вскорѣ дворяне стали дѣйствовать по прежнему, и въ день Всѣхъ Святыхъ крестьяне снова собрались и вторично соединились противъ своихъ господъ съ тѣмъ, чтобы—если послѣдніе не уступятъ, — призвать другія общины и «наказать господъ за ихъ постыдный обманъ».

Испуганные дворяне согласились на все, но крестьяне ограничили тѣмъ, что пригласили въ третейскіе судьи общины трехъ лѣсныхъ кантоновъ. Они-успокоились лишь черезъ полгода, истративъ много денегъ и времени.

Въ то же время поднялись и золотурнскіе крестьяне, изъ Буксгау, близъ Ольтена. 3 августа они подступили къ Золотурну въ числѣ 4,000 чел., съ фалькенштейнскимъ знаменемъ. Они обѣщали вести себя въ городѣ мирно, вслѣдствіе чего имъ было позволено входить въ городъ, отрядами по 600`человѣкъ. Черезъ три дня городскіе дворяне принуждены были согласиться подвергнуть часть городского совѣта пыткамъ и розыску, лишить ихъ, послѣ жестокихъ мученій, почестей и должностей, и возвратить поселянамъ многія важныя права.

Такъ какъ безпокойный духъ обнаружился въ швейцарскихъ крестьянахъ единовременно съ заговоромъ Башмака въ Лезнѣ, то соединеніе ихъ могло бы имѣть опасныя и грозныя послѣдствія для дворянства замковъ, монастырей и городовъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Бѣдный Конрадъ или Коонъ.

Однимъ изъ ближайшихъ сосѣдей Швейцаріи былъ Виртембергъ. Страна эта, пересѣкаемая множествомъ мелкихъ владѣній, простиралась, какъ прекрасный садъ, по обоимъ берегамъ Неккара. Но среди этой чудной, разнообразной природы простой народъ былъ также бѣденъ и забитъ, какъ и въ другихъ государствахъ Германіи. Послѣ счастливаго царствованія Эбергарда Бородатаго царствовалъ его двоюродный братъ, Эбергардъ Младшій. «Онъ держалъ при себѣ скверныхъ, развратныхъ негодяевъ» и жилъ такъ безобразно, что, какъ выражался императоръ Максъ, «и говорить-то объ этомъ не хочется»; поэтому, черезъ два года, виртембергскіе чины изгнали его, и онъ умеръ въ нищетѣ. Мѣсто его занялъ его родственникъ, еще дитя, именемъ котораго въ теченіи шести лѣтъ страною управляли нѣсколько аристократическихъ фамилій, непреминувшихъ воспользоваться кратковременнымъ могуществомъ для своего обогащенія.

Эбергардъ Бородатый, любившій свой народъ и предвидѣвшій будущія событія, мудро постановилъ считать государя совершеннолѣтнимъ не раньше 18-го или 20-го года жизни. Не смотря на это и не взирая на договоры, императоръ и виртембергскіе чины признали шестнадцатилѣтняго Ульриха совершеннолѣтнимъ и предоставили ему правленіе страною.

Вскорѣ народъ, къ своему несчастью, убѣдился, что въ роскоши и пышности Ульрихъ далеко оставилъ за собою своего предшественника. Банкеты и турниры, пиры и маскарады, медвѣжьи травли и военные походы, поѣздки за границу и всякія увеселенія составляли кругъ его дѣятельности.

Онъ хотѣлъ, чтобы въ числѣ его совѣтниковъ и слугъ были знатные графы и дворяне, которымъ онъ давалъ большое жалованье; онъ потѣшалъ свое самолюбіе, угощая при своемъ

маленькомъ герцогскомъ дворѣ могущественныхъ имперскихъ государей. Герцогъ тратилъ огромныя деньги на пѣвцовъ и музыкантовъ, стрѣлковъ и сокольничихъ, на конюшни и псарни. Онъ выписывалъ все самое замѣчательное по этой части изъ Италіи, Франціи, Испаніи и Англіи. Приѣзжая къ императорскому двору, онъ привозилъ съ собою триста рыцарей, одѣтыхъ наряднѣе, чѣмъ слуги прочихъ государей. Съ этой веселой ватагой Ульрихъ зачастую проживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ какомъ нибудь городкѣ. Правленіе было предоставлено прежнимъ опекунамъ герцога. Въ администраціи господствовали взяточничество и воровство, а судопроизводство отличалось безстыдными и явными несправедливостями. Въ 1511 г., на свадьбѣ Ульриха съ племянницей императора, баварской принцессой Сабиной, присутствовало болѣе семи тысячъ знатныхъ гостей. Двухнедѣльные празднества были до того роскошны, что, по словамъ многихъ очевидцевъ, были куплены цѣною разоренія всей страны. Но эта баснословная роскошь была только началомъ еще болѣе расточительной придворной жизни, гдѣ пиры и танцы слѣдовали другъ за другомъ непрерывно каждый день. Доходнѣйшія должности отдавались тѣмъ, которые отличались особенно изобрѣтательностью въ устройствѣ увеселеній, и самыми жирными приходами пользовались священники, угодившіе герцогу искусною игрою на скрипкѣ или флейтѣ. Большая часть свѣтскихъ и духовныхъ должностей были предоставлены иностранцамъ. Придворные, даже тѣ, которые не отправляли при дворѣ никакой службы, держали на герцогскій счетъ превосходныхъ лошадей, а герцогскіе коннозаводчики сами жили и пировали по герцогски. Иностранцы и туземные аристократы, бывшіе друзьями и товарищами герцога, дѣлали, что хотѣли, и позволяли себѣ относительно народа всякія дерзости и насилія. Они нерѣдко безнаказанно наносили подданнымъ увѣчье и убивали горожанъ и крестьянъ. Грабежъ и разбой на большихъ дорогахъ считались забавной шуткой и невиннымъ развлеченіемъ. — Когда однажды одинъ судья

предалъ ихъ за подобные поступки суду и изгналъ изъ страны, — герцогъ позволилъ имъ немедленно возвратиться, и судья пришлось бояться за свою жизнь.

Судьба народа была въ рукахъ подобнаго двора и подобнаго правительства. Народъ одинъ несъ на себѣ все повинности, такъ какъ, вопреки древнему обычаю и договорамъ, герцогъ освободилъ своихъ придворныхъ и лѣсничихъ отъ всехъ налоговъ и государственныхъ повинностей. Сверхъ того, ежеминутно посягали на собственность и честь подданныхъ. Егеря и охотники топтали своими лошадьми и собаками поля и виноградники гражданъ и крестьянъ, а дикіе звѣри, особенно кабаны, наносили чувствительный вредъ сельскому хозяйству. Осенью птицы опустошали виноградники, но за ловлю птицъ, а особенно хищныхъ звѣрей, крестьянъ строго наказывали. Древнія права общинъ, позволявшія имъ пользоваться лѣсомъ, сѣнокосомъ и рыбною ловлею, были стѣснены или нарушены въ пользу княжескихъ слугъ и придворныхъ. Герцогскіе чиновники овладѣли въ свою пользу доходами богадѣленъ и другихъ богоугодныхъ заведеній. Лѣсничіе продавали въ свою пользу даже хворостъ, который издавна былъ предоставленъ бѣднымъ. Общины имѣли право выбирать своихъ должностныхъ лицъ, но придворные и чиновники не обращали на это никакого вниманія и дарили или продавали все общинныя должности — отъ бургомистра и секретаря магистрата, до пономаря, сторожа и полицейскаго служителя. Чиновники считали общественныя должности источникомъ своихъ доходовъ, брали взятки и требовали подарковъ. Они были невѣжественны и негодны, но обнаруживали остроуміе въ изобрѣтеніи средствъ добывать деньги; все они — особенно лѣсничіе, — были наглы, своевольны, высокомерны и жестоки. Нѣкоторые отдавали свои должности другимъ, но жалованье брали себѣ; иные торговали фруктами и виномъ и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Они грабили общественныя кассы, никому не давали, отчета, и когда бѣдный человѣкъ жаловался на нихъ штутгартской канцеляріи, — на жалобу не обращали вниманія и не отвѣчали.

Правительству было не до того; у него была другая забота: Правители строили себѣ и своимъ дѣтямъ великолѣпные дома, копили деньги и переводили ихъ за границу. Они изобрѣли себѣ новый оригинальный источникъ дохода, постановивъ, чтобы свидѣтельства, которыя всегда выдавались прежде мѣстнымъ начальствомъ бесплатно, впредь продавались, и не иначе, какъ въ штутгартской канцеляріи. Такъ, напр., свидѣтельство на полученіе денегъ стоило въ канцеляріи 1 флоринъ 15 крейцеровъ. Римское право, которое въ это время было введено повсюду, было еще болѣе обременительно и стоило еще дороже. То, что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ обходилось въ судѣ въ 10 фениговъ, стоило теперь болѣе 10 гульденовъ, не считая траты времени и непріятностей. Дворянство не обращало на римское право никакого вниманія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно противорѣчило его интересамъ. Все это совершалось въ странѣ, обладавшей сеймовой конституціей и весьма значительными вольностями. Герцогъ не заботился о дѣлахъ, пока совѣтники его платили ему деньги, а придворные доставляли удовольствіе. Онъ выросъ въ ихъ обществѣ и сдѣлался бездушнымъ, высокомернымъ тираномъ; безъ малѣйшей любви къ своему народу; конституцію онъ въ грошъ не ставилъ. Вольности, данныя народу его благороднымъ и великимъ предшественникомъ, были, по его мнѣнію, нарушеніемъ его высокой власти, ввѣренной ему Богомъ. При низложеніи Эбергарда Младшаго чины увеличили народныя вольности, но Ульрихъ считалъ эти новыя права народа—плодомъ мятежа и полагалъ, что, будучи законнымъ государемъ, онъ можетъ считать недѣйствительными народныя привилегіи, возникшія во время безначалія; поэтому при каждомъ удобномъ случаѣ онъ выражалъ презрѣніе къ законамъ и къ конституціи. Презирая подданныхъ, онъ видѣлъ въ странѣ только самого себя. При малѣйшемъ противорѣчій со стороны придворныхъ или гражданъ, онъ не помнилъ себя отъ ярости и грозилъ дерзкому кулаками.

Такой порядокъ существовалъ въ Виртембергѣ уже двѣнадцать лѣтъ.

Всѣ кассы, общественныя кладовыя и запасныя магазины были пусты; на случай войны или голода не оставалось ничего; сверхъ того Ульрихъ надѣлалъ долговъ на цѣлый милліонъ, что для того времени и для его государства было непомерной суммой. Такимъ образомъ, былъ исчерпанъ послѣдній обычный источникъ дохода—кредитъ. Любимцы Ульриха изобрѣтали новыя подати и налоги. Герцогъ предпочиталъ погубить всю страну, чѣмъ хотя сколько нибудь ограничить свое мотовство. Цѣлыя округа и общины были заложены кредиторамъ герцога, и жителей ихъ принуждали отдавать въ залогъ свое имущество. Стоимость денегъ была повышена; выпустили новую монету, достоинство которой было ниже нарицательной цѣны. Тощее поле земледѣльца было въ началѣ 1512 г. обложено новыми податями; акцизъ былъ повышенъ, за провозъ ведра вина взималось 5 шиллинговъ, за полведра — 15 пфениговъ. Это дѣлалось въ странѣ, гдѣ винодѣліе и виноторговля составляютъ главную отрасль промышленности и торговли.

Но всего этого было недостаточно. Герцогъ, отличавшійся столько лѣтъ тѣмъ, что держалъ въ своей службѣ князей и графовъ, былъ принужденъ самъ искать мѣста съ жалованьемъ у другихъ государей. Тогда совѣтники его выдумали новый налогъ на имущества. Было приказано платить ежегодно, въ теченіи 12 лѣтъ, по пфенигу съ каждаго гульдена. Ульрихъ хотѣлъ обойти необходимое утвержденіе этого налога чинами и съ этою цѣлью разъѣзжалъ по городамъ, требуя отъ магистратовъ согласія на него. Но взиманіе этой подати было неудобно и производилось слишкомъ медленно, поэтому была изобрѣтена другая. Дошли до того, что обложили пошлиной все количество мяса, муки и вина, идущее на ежедневное потребленіе каждаго человѣка. Мясники, мельники, булочники и трактирщики должны были платить герцогу по три шиллинга съ каждаго центнера мяса, шестую часть съ каждой мѣры вина и муки; при этомъ правительство ввело

въ употребленіе новыя фальшивыя вѣсы и мѣры. Дворъ радовался этому изобрѣтенію, считая его счастливой находкой.

О первомъ герцогѣ народъ говорилъ: «еслибъ Богъ не былъ Богомъ, то Богомъ слѣдовало бы быть Эбергарду.» Въ то время сосѣди постоянно острили надъ преданностью виртембергцевъ своему государю; но при Ульрихѣ эта преданность охладѣла. Въ послѣдніе семь лѣтъ его царствованія, измученные, презираемые и голодные виртембергскіе крестьяне были готовы послѣдовать за людьми, которые заботились объ ихъ освобожденіи. Уже цѣлыя округа, какъ Цабергау и вся Ремская долина, побывали въ союзѣ съ брукхайнцами.

Нѣкоторыя мѣстности Виртемберга находились въ очень близкомъ разстояніи отъ Брукхайна, а виртембергская полиція была весьма плоха; поэтому, послѣ неудачи унтергрумбахскаго движенія многіе бѣжали въ Виртембергъ. Такіе люди, какъ члены брукзальскаго общества, могли свободно и безопасно возобновить свои планы въ Виртембергѣ—странѣ, гдѣ всѣ отношенія были въ такой степени перепутаны и гдѣ правители такъ беззаботно играли народомъ.

Спустившись съ Гогенштауфена, путешественникъ вступаетъ въ дикую, почти мрачную долину, гдѣ течетъ Ремсъ. Немного далѣе, на берегахъ его, возвышаются привѣтливыя холмы, покрытыя виноградниками.

Съ 1503 г. въ Ремской долинѣ начало составляться тайное общество, которое было отраслью унтергрумбахскаго Башмака; оно имѣло сначала видъ мужицкой шутки.

Въ числѣ членовъ ремстальскаго общества былъ одинъ веселый малый, отличавшійся забавными выходками; онъ придумалъ комическое соотношеніе между своимъ именемъ и положеніемъ; его звали Конрадъ, и онъ говорилъ о себѣ, что до него нѣтъ дѣла никакому совѣту (по нѣмецки kein Rath или, по мѣстному произношенію, Коан-Roth). Острота понравилась, и общество назвалось «братствомъ бѣднаго Безъ-совѣта или Конрада.»

Оно тайно существовало подъ этимъ именемъ, скрывая

подъ веселыми выходками и проказами планы прежнихъ крестьянскихъ обществъ.

Подобно леэнскому Башмаку, общество это имѣло особенную организацію, съ своими должностями и законами и съ опредѣленными днями и мѣстами собраній. Во главѣ общества находился начальникъ, носившій бѣлый полотняный крестьянскій китель и сѣрую войлочную шляпу; онъ велъ списки членамъ и по временамъ училъ военнымъ приемамъ неловкихъ и неспособныхъ. Въ общество принимались не всѣ. Сначала въ него не допускались тѣ, которые еще сохранили какой нибудь достатокъ; нищіе, бродяги и негодяи были исключены изъ общества,—впрочемъ только въ началѣ. Изъ бѣдняковъ принимались только рабочіе, которымъ съ каждымъ днемъ становилось все хуже, которые не получали никакого вознагражденія за свой дневной трудъ и, возвращаясь вечеромъ домой, находили плачущихъ голодныхъ дѣтей и грустную жену или встрѣчали господъ, смотрѣвшихъ на нихъ гордо и презрительно. Начальникъ принималъ въ братство ударомъ по плечу и раздавалъ членамъ владѣнія «на лунѣ», поля и виноградники «на голодной горѣ» въ «Нѣтовой землѣ», на «нищемъ Рейнѣ» и въ «пустомъ округѣ» и т. п.; много было подобныхъ остротъ, повидимому, пустыхъ и забавныхъ, но развѣдавшихъ, какъ ѣдкая соль, нравственные раны бѣднаго люда. Подобно другимъ крестьянскимъ обществамъ, ремстальское братство имѣло знамя, похожее на прочія. На голубомъ полѣ было нарисовано распятіе и передъ нимъ колѣнопреклоненный крестьянинъ съ надписью: «Бѣдный Конрадъ.» Но знамя, планы и лозунгъ общества были извѣстны лишь немногимъ. Общество ежедневно возрастало и вскорѣ распространилось въ нѣсколькихъ округахъ.

Правительство долго не знало объ этомъ, будучи занято другими заботами. Оно ничего не вѣдало, хотя во всей окрестности часто слышались фразы: «такой-то тоже принадлежитъ къ Бѣдному Конраду» и даже угрозы: «ты долженъ поступить къ намъ, къ Бѣдному Конраду.» Нагло и легкомыслен-

но тѣшилсѣ деспотизмъ, а у подножія его престола замышлялась народная месть, скрывавшаяся покуда подъ видомъ дикаго шутовства.

Центромъ общества былъ Бейтельспахъ; но главные заговорщики жили въ Шорндорфѣ. Ремстальцы избрали Шорндорфъ точкою опоры для своихъ дѣйствій, когда наступитъ время.

Послѣ паденія леэнскаго Башмака никто не подумалъ облегчить участь крестьянъ, и, напротивъ того, ихъ осыпали насмѣшками. Явились каррикатуры, въ томъ числѣ большая гравюра, называвшаяся: «дурацкій корабль Башмака»; на ней былъ изображенъ корабль, а на немъ толпа мужиковъ въ дурацкихъ колпакахъ; въ текстѣ осмѣивалась глупость архидураковъ, хотѣвшихъ перебить своихъ господъ и сдѣлать новые законы; эпиграфъ гласилъ: «я желалъ бы теперь знать, принадлежишь ли ты къ Башмаку?» Но самой горькой насмѣшкой были восслѣдовавшія затѣмъ новыя угнетенія. Насмѣшливые поступки дворянъ были болѣе мѣтки, чѣмъ ихъ насмѣшливыя рѣчи.

Въ началѣ 1514 г. въ Виртембергѣ былъ установленъ и обнародованъ налогъ на имущества. Тогда начальникъ бѣднаго Конрада собралъ на открытомъ полѣ собраніе, поднялъ лопа-той большой обручъ, положилъ его на землю, вошелъ въ этотъ кругъ и сказалъ: «я—бѣдный Конрадъ. Кто не хочетъ платить неправаго налога, пусть войдетъ въ этотъ кругъ *).

Желающихъ нашлось до двухъ тысячъ человѣкъ крестьянъ и горожанъ, что доказываетъ, что Бѣднымъ Конрадомъ представлялись не одни неимущіе и обнищавшіе, какъ долго повторяли писатели одинъ за другимъ, потому что бѣдняковъ не задѣлъ бы за живое налогъ на имущество. Кромѣ того это доказываетъ, что зажиточные люди присоединились къ обществу, чтобы противиться несправедливому налогу, противному конституціи.

*) Der arm Konrad heisz ich, bin ich, bleib ich,
Wer nicht will geben den bösen Pfenning,
Der trete mit mir in diesen Ring.

Здѣсь Бѣдный Конрадъ въ первый разъ приобрѣлъ политическое значеніе. Но прежде, чѣмъ окончательно сбросить маску, онъ еще разъ явился въ принятой на себя роли шута, подъ видомъ дурачества и подъ покровомъ народнаго остроумія.

Начальникъ жилъ въ Бейтельспахѣ. Это была безпокойная голова, и враги его говорили о немъ, что у него злой, возмутительный языкъ, а на имѣніи много долговъ. У него было четверо дѣтей; онъ назывался Петеръ Іейсъ. Когда налогъ на съѣстные припасы, этотъ перлъ финансоваго искусства, долженъ былъ войти въ силу и быть сперва испробованъ на мясѣ, Іейспетеръ *) предложилъ собранію испытать на водѣ—не фальшивы ли вѣсы: «если всплывутъ, то герцогъ правъ; если же утонутъ, то правы мы». Собраніе весьма одобрило это предложеніе. Это происходило утромъ 15 апрѣля, въ страстную субботу; въ этотъ день, по распоряженію правительства, новые вѣсы должны были въ первый разъ войти въ употребленіе. Толпа отправилась въ ратушу и взяла оттуда хранившіеся тамъ барабаны и трубы; изъ ратуши пошли къ мяснику, гдѣ Іейспетеръ взялъ новые вѣсы и велѣлъ своимъ товарищамъ нести ихъ. Забили барабаны, заиграли трубы, и вся толпа пошла къ Ремсу, возрастая съ каждымъ шагомъ. У рѣки Іейспетеръ взялъ вѣсы у своихъ товарищей, которые несли ихъ на шеѣ, и, бросивъ въ воду, сказалъ: «если крестьяне правы, утони; если же герцогъ правъ, всплыви». Гири, конечно, потонули, и народъ возликовалъ: «наша взяла!» Мѣсто это доселѣ называется Вѣсами (Wage).

Эта народная острота была достойнымъ возраженіемъ придворнымъ и финансовымъ острякамъ. Подъ покровомъ забавной шутки здѣсь видѣнъ ѣдкій сарказмъ:—таковъ юморъ швабскаго народа. Эта, повидимому, съумасбродная продѣлка была задумана и рассчитана заговорщиками, хотя имѣетъ видъ экспромта. Это доказываетъ скандалъ, съ которымъ затѣя эта была приведена

*) Въ Швабіи простой народъ, называя другъ друга, сливаетъ имя съ фамиліей въ одно слово, причѣмъ имя ставится въ концѣ.

въ исполненіе: процессія къ ратушѣ и взятіе деревенской музыки. Цѣлью выдумки было произвести скандалъ. Они хотѣли поднять на смѣхъ перлъ финансовой мудрости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, произвести опытъ, чтобы узнать, на сколько можно рассчитывать на крестьянъ Ремской долины. Іейспетеръ и вся толпа немедленно перешли Ремсъ, отправились въ Геппахъ, гдѣ съ такимъ же торжествомъ и съ равнымъ успѣхомъ повторили эту комедію. Въ то время, какъ Іейсъ шелъ внизъ по долину, другой заговорщикъ, Шлехтлинсъ-Кляусъ, пошелъ съ тою же цѣлью вверхъ по рѣкѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ неурожай не только на виноградъ, но и на хлѣбъ. Мѣра вина поднялась съ обыкновенной цѣны—21 крейцеровъ 5 геллеровъ до 2 флориновъ 4 крейцеровъ 3 геллеровъ; къ тому же морозъ снова побилъ виноградники. Крестьянинъ долженъ былъ отказаться отъ пятой части стакана вина, который доставался ему такъ рѣдко. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходилось дорого платить за хлѣбъ и мясо.

Іейспетеръ громко заговорилъ о необходимости вооружиться и соединиться. Онъ увѣрялъ, что въ такомъ случаѣ къ крестьянамъ просоединится много народа, особенно изъ областей сосѣднихъ имперскихъ городовъ, Гмюнда и Эслингена, потому что тысячи людей страдаютъ и желаютъ того же, что и они, и нигдѣ нѣтъ недостатка въ товарищахъ, владѣющихъ имѣніями на «Голодной горѣ» и въ «Нѣтовой землѣ».

Въ тотъ же вечеръ крестьяне вооружились и отправились изъ Геппахъ, Грумбаха и Бейтельспаха къ городу Шорндорфу, находящемуся оттуда въ двухъ часахъ ходьбы. На пути къ нимъ присоединилось много народа, такъ что къ городу подступило 3,000, а по другимъ 5 тысячъ человѣкъ крестьянъ. Они приглашали городъ пристать къ нимъ, говоря, что хотятъ уничтожить новые налоги и возвратить свои древнія права. Намѣстникъ города, Адельманъ фонъ-Адельмансфельдъ, и фогтъ, Георгъ фонъ-Іейсбергъ, были очень любимы народомъ; они вышли къ крестьянамъ за городъ, дружески разговаривали съ ними, велѣли вынести имъ за ворота вина и хлѣба и ска-

зали имъ, что представляютъ ихъ жалобу герцогу и исходотайствуютъ отмѣненіе налога.—Попивъ и поѣвъ, крестьяне ночью разошлись по деревнямъ.

Въ то время Ульрихъ совершалъ одну изъ своихъ многочисленныхъ увеселительныхъ поѣздокъ за-границу и былъ въ гостяхъ у ландграфа Филиппа Гессенскаго. Три главныхъ грѣшника изъ штуттгартской канцеляріи испугались народной демонстраціи и написали герцогу, умоляя его возвратиться.

Онъ прибылъ 2 мая; въ Ремской долину было уже все тихо, такъ что онъ счелъ движеніе безумной минутной вспышкой, въ которой крестьяне упустили изъ виду свои обязанности въ отношеніи государя. Онъ былъ убѣжденъ, что его присутствіе и лицезрѣніе возбуждаютъ въ нихъ полное раскаяніе и прежнюю покорность.

Поэтому онъ поѣхалъ самъ въ Шорндорфъ, взявъ съ собою свою обычную свиту—80 рыцарей. Передъ отъѣздомъ онъ написалъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, что новый налогъ отмѣняется и будетъ созванъ сеймъ, который разсмотритъ крестьянскія жалобы. Онъ считалъ необходимымъ дать подобное обѣщаніе, чтобы разсѣять неудовольствіе. Въ Шорндорфѣ онъ призвалъ къ себѣ крестьянъ. Они пришли безъ оружія на ту самую площадь, гдѣ стояли въ страстную субботу, и герцогъ сказалъ имъ рѣчь. Крестьяне просили прощенія, говоря, что не понимаютъ, кто и какимъ образомъ могъ увлечь ихъ въ это дѣло. Ульрихъ обѣщалъ не наказывать ихъ, уѣхалъ домой и написалъ къ сосѣднимъ имперскимъ городамъ, что въ Ремской долине все обстоитъ спокойно и благополучно.

Намѣреніе Бѣднаго Конрада обнаружилось еще во время похода къ Шорндорфу, гдѣ стало также ясно, кто руководитъ обществомъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, крестьянами руководилъ Гансъ Вольмаръ изъ Бейтельспаха. Этотъ смѣлый и зажиточный человѣкъ рисковалъ жизнью и хорошимъ матеріальнымъ положеніемъ. Крестьяне принудили его принять начальство надъ ними въ движеніи къ Шорндорфу. Быстрый успѣхъ первой попытки привести народъ въ движеніе

ободрялъ заговорщиковъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Не должно смѣшивать заговорщиковъ, т. е. общество Бѣднаго Конрада, съ массою народа, которою общество управляло и которую оно увлекало. Общество и не думало просить у герцога прощенія, но, напротивъ того, обнаруживало послѣ страстной субботы многостороннюю дѣятельность, стараясь расшевелить страсти и поднять всю страну. Главной квартирой заговорщиковъ былъ домъ шорндорфскаго гражданина слесаря Каспара Прегницера.

Достоверно извѣстно, что изъ числа шорндорфскихъ жителей къ обществу принадлежали не только простой народъ, но и должностные и именитые люди, богатые граждане и члены городского совѣта. Хотя нѣкоторые изъ нихъ руководствовались эгоистическимъ расчетомъ, но многіе также дѣйствовали подъ впечатлѣніемъ общественныхъ бѣдствій и подъ вліяніемъ новыхъ идей, распространившихся въ народѣ. Такъ какъ герцогскіе чиновники зорко наблюдали за городомъ и за каждымъ шагомъ гражданъ, то послѣдніе сходились лишь по ночамъ въ домъ Прегницера. Герцогъ старался предупредить взрывъ различными полумѣрами, которыя по его приказанію предпринимались фонъ-Гайсбергами въ городѣ и округѣ. Тѣмъ временемъ онъ готовился пригласить иностранныя войска, чтобы съ ихъ помощью дѣйствовать рѣшительно. Но, между тѣмъ, заговорщики дѣятельно писали циркуляры, разсылали гонцовъ по всѣмъ округамъ и находили единомышленниковъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ.

Вопреки конституціи, которой Ульрихъ присягалъ, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ не собиралъ сейма; поэтому никто не вѣрилъ его обѣщанію созвать ландтагъ. Онъ поступилъ чрезвычайно неосторожно, разгласивъ о своемъ намѣреніи призвать иностранное войско. Недовольные ухватились за это и писали всѣмъ общинамъ, совѣтуя имъ принять мѣры къ защитѣ себя отъ вооруженныхъ враговъ. Они назначили общее собраніе въ Унтертюркгеймъ. Каждая община должна была отправить туда депутатовъ подъ предлогомъ тамошняго цер-

ковнаго праздника, но въ сущности, съ цѣлью повидаться съ заговорщиками и условиться о необходимыхъ мѣрахъ.

Заговорщики называли домъ Прегницера «канцеляріей Бѣднаго Конрада.» Секретаремъ ихъ былъ адвокатъ Ульрихъ Энтенмайеръ, который сочинялъ циркуляры. Жители другихъ городовъ также принадлежали къ многочисленному шорндорфскому клубу и присутствовали при совѣщаніяхъ. Шорндорфскій клубъ и бейтельспахцы составляли главный комитетъ движенія, который находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ со всѣми недовольными страны. Онъ посылалъ агентовъ, лазутчиковъ и гонцовъ во всѣ округи и получалъ всѣ извѣстія о всемъ, происходившемъ въ долинахъ и въ другихъ мѣстахъ.

Въ назначенный день, 28 мая, много недовольныхъ со всѣхъ сторонъ стеклись въ Унтертюркгеймъ на Неккарѣ. Депутаты округовъ Бѣблингена, Леонберга, Бакнанга, Винендена, Марбаха, Маркгрёнингена, Ураха и другихъ обѣщали ремесламъ помощь въ случаѣ возстанія. На совѣщаніи присутствовали даже послы изъ области Дикаго Альпа *). Конрадъ Гризингеръ изъ Блейхштеттена близъ Мюнзингена и Гансъ Зингеръ изъ Вюртингена вызвались собрать въ Гехингенѣ всѣхъ альпскихъ крестьянъ и овладѣть городами Урахомъ и Мюнзингеномъ. Изъ Эрмской долины въ собраніи присутствовалъ Гансъ Бантель изъ Деттингена и обѣщалъ помощь своей и Эхацкой долины. Рѣшили вооружиться и возстать.

По возвращеніи, Бантельгансъ сталъ готовиться къ возстанію. Онъ долго служилъ въ войскѣ Ульриха и другихъ государей, а въ послѣднее время былъ зажиточнымъ гражданиномъ и жилъ въ Деттингенѣ близъ Ураха; онъ имѣлъ много знакомыхъ и друзей въ долинахъ Эрмса, Эхаца, Лаутера и по всему Альпу до Блаусской долины; Бантель былъ уменъ, краснорѣчивъ, пользовался общимъ уваженіемъ, имѣлъ домъ и землю и отлично ѣздилъ верхомъ.

*) Альпъ (Gabreta или Alba mons древнихъ)—отрасль Юрскаго хребта, идущаго отъ Тутлингена къ Кобургу. Дикій Альпъ—одна изъ вѣтвей его между-Мундингеномъ и Фельдштеттомъ. — Прим. Ред.

Въ Деттингенѣ ему помогали Гансъ Брендлинъ и Томасъ Бадеръ, также люди зажиточные. Послѣдній пожертвовалъ для крестьянскаго дѣла всѣмъ имуществомъ. Когда его пытали, онъ сказалъ, что «готовъ снова пожертвовать жизнью и всѣмъ своимъ добромъ на защиту своихъ и народныхъ правъ, и что крестьянское дѣло такъ дорого ему, что онъ радъ умереть за него.»

Брендлинъ руководствовался менѣе благородными чувствами. Поступки деттингенскаго бургомистра, урахскаго фогта Швикгера фонъ-Гундельфингена и лѣсничаго Стефана Вейлера были въ высшей степени возмутительны и возбуждали народные проклятія. Однажды въ Вюртингенѣ Брендлинъ сидѣлъ въ трактирѣ Кляуса Гауга. Разговоръ коснулся современныхъ событій, Брендлинъ бросилъ на столъ четыре гульдена и воскликнулъ: «послушай, Никласъ! если ты сложишь шею нашему бургомистру, то получишь эти деньги, а хочешь, такъ и больше.» Впрочемъ пока дѣло кончилось словами.

Черезъ восемь дней послѣ Тюркгеймскаго праздника Банстельгансъ уже имѣлъ на своей сторонѣ всю общину своего города и въ Троицынъ день принудилъ бургомистра и магистратъ принять въ совѣтъ двадцать четыре новыхъ члена отъ крестьянства. Вскорѣ и здѣсь разнесся слухъ о предстоящемъ нашествіи иностраннаго войска; тогда община выбрала Бантеля въ бургомистры, чтобы имѣть опытнаго военначальника на случай нападенія.

Бантель дѣятельно разѣзжалъ взадъ и впередъ по Альпу въ Бѣрингенъ, Цайнингенъ, Доннштеттенъ, Фельдштеттенъ, Лайхингенъ, Гуттенбергъ, въ Леннингскую долину, въ Энингенъ, Фуллингенъ и въ долину Эхаца. Онъ не прекращалъ сношеній съ Бѣднымъ Конрадомъ Ремской долины. «Гонецъ, пріѣзжавшій изъ канцеляріи Бѣднаго Конрада, всегда спрашивалъ: гдѣ живетъ Бантельгансъ?» Ночью онъ возилъ извѣстія объ успѣхахъ Бѣднаго Конрада въ Мецингенъ, гдѣ въ домѣ Мартина Мецгера происходили главныя собранія

тамошнихъ заговорщиковъ. Кромѣ Мартина Мецгера, въ Мецингенѣ дѣйствовали другіе, особенно Іерхъ Фѣхтлинъ, человѣкъ богатый и, по свидѣтельству даже ненавидѣвшихъ его, бургомистра и магистрата,—хорошій и безупречный. Жители Деттингена и Мецингена послали герцогу жалобу и поговаривали объ устройствѣ лагеря на Флоріановой горѣ. Жалобы ихъ были справедливы и основательны. Не смотря на волненіе, крестьяне не утратили довѣрія къ личности герцога, «своего всемилостивѣйшаго государя». Они приписывали все зло его совѣтникамъ и думали, что все дурное дѣлается помимо его воли и вѣдома, а если онъ узнаетъ, то непременно поможетъ. Предложеніе устроить лагерь на Флоріановой горѣ основывалось на этой наивной вѣрѣ. Если, думали они, совѣтники откажутъ намъ, то всемилостивѣйшій государь, узнавъ, что мы стоимъ лагеремъ, пріѣдетъ къ намъ, какъ пріѣзжалъ къ леонбергцамъ, и дастъ намъ хорошій отвѣтъ на нашу жалобу.— Нѣкоторые впрочемъ не довѣряли герцогу. Одинъ изъ предводителей, Гейнцъ Мѣшъ, говорилъ: «Если же онъ намъ ничего не отвѣтитъ, то мы обойдемся безъ него».

Но члены общества Бѣднаго Конрада дѣйствовали и здѣсь иначе. Они хлопотали преимущественно о занятіи Ураха и Мюнзингена. Вмѣстѣ съ Гансомъ Бантелемъ въ Рейтлингенскомъ и Мюнзингенскомъ Альпахъ дѣйствовалъ Зингергансъ изъ Вюртингена, одинъ изъ вождей и агентовъ Бѣднаго Конрада.

Этотъ крестьянинъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ во всемъ округѣ, собиралъ сходки въ Гехингенѣ на Мюнзингенскомъ Альпѣ. Тамошніе крестьяне, главнымъ образомъ, желали свободнаго пользованія лѣсомъ и охотой. На первой же сходкѣ одинъ мужичокъ, Петеръ Клеменсъ изъ Вюртингена, началъ шутить, вспоминая про «Башмакъ». Онъ нашелъ на дорогѣ старый башмакъ, поднялъ его и вздѣлъ на шесть. Впослѣдствіи, когда Башмакъ осуществился, онъ говорилъ: «еслибъ меня послушали, то Башмакъ давно бы начался съ найденнаго мною башмака». Другой, Эндерлинъ Амей изъ Упфингена,

назвался Бѣднымъ Конрадомъ. Слышались серьезныя фразы; поговаривали объ убійствѣ лѣсничаго и ему подобныхъ. Зингергансъ взялъ съ присутствовавшихъ обѣщаніе слѣдовать за нимъ на взятіе Ураха и Мюнзингена. Онъ имѣлъ сношенія съ нѣкоторыми недовольными урахцами, которые обѣщали ему отворить ворота парка. По взятіи этихъ городовъ, онъ предполагалъ соединиться съ крестьянами Эрмской долины, изъ Энингена и Фуллингена, изъ Миттельштадта и Плицгаузена на Неккарѣ и отправиться къ Бѣдному Конраду въ Ремскую долину. Было рѣшено, подойдя къ Ураху, расположиться на Гешпахѣ.

Побывавъ въ окрестностяхъ Фуллингена, гдѣ сдѣлалъ послѣднія распоряженія, Зингеръ отправился вверхъ по долинѣ, черезъ Мецингенъ, въ сопровожденіи Куэнтлена (Конрада) Гризингера. На дорогѣ на нихъ напалъ Стефанъ Вейлеръ, подстерегавшій ихъ съ рейтарами. Послѣ храбраго сопротивленія Гризингеръ убѣжалъ, весь израненный, такъ что его потомъ причащали. Зингергансъ былъ смертельно раненъ, взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ урахскую тюрьму. 21 іюня его пытали и допрашивали, но онъ ни въ чемъ не сознался. Когда крестьяне узнали объ этомъ, весь Альпъ и вся Урахская долина взволновались. Вооруженныя толпы спустились къ городу и потребовали у властей отчета; но городъ былъ хорошо охраняемъ. Урахскій совѣтъ жаловался на Вейлера штутгартскому совѣту, а послѣдній—герцогу: «если лѣсничій смѣетъ поступать такимъ образомъ, то никто не можетъ быть спокоенъ за свою жизнь». Герцогъ выслушивалъ все это спокойно, сидя въ Кирхеймскомъ замкѣ. Лѣсничій продолжалъ держать въ плѣну Зингера, одного изъ самыхъ смѣлыхъ вождей движенія на Альпѣ, которое съ тѣхъ поръ почти совершенно затихло.

Въ то время происходили народныя возстанія въ другихъ мѣстностяхъ. Еще до Тюркгеймской сродки произошло сильное волненіе въ Бакнангѣ. 25 мая крестьяне собрались передъ городомъ. Народъ былъ возбужденъ слухами о томъ, что герцогъ намѣренъ призвать иностранныя войска. Крестьяне

овладѣли воротами и стѣнами и отняли у правителя ключи, чтобъ обезопасить себя на случай нападенія. Поселянами пре-водительствовадь Михаэль Шумахеръ изъ Коттенвейлера, а горожанами—Георгъ Іейеръ. Первый былъ особенно искусенъ возбуждать и волновать толпу. Онъ перебивалъ во многихъ мѣстахъ—въ Ремской долинѣ и въ другихъ округахъ. Каспаръ Шмидтъ изъ Оппельшпона возмущалъ Виннендскій округъ, а въ самомъ Виннендѣ дѣйствовалъ Штофель Шиллингъ. Послѣдній ходилъ въ Троицынъ день по деревнямъ, уговаривалъ крестьянъ вооружиться и 5 іюня придти къ городу, обѣщая имъ помощь. Но 5 числа проливной дождь помѣшалъ крестьянамъ исполнить свое намѣреніе, которое было однако въ послѣдствіи приведено въ исполненіе, причемъ особенно отличились швейкгеймскіе крестьяне. Они охраняли ворота и стѣны и назначили городское управленіе изъ шестнадцати поселянъ и восьми горожанъ.

Въ Маркгрёнингенѣ умы возбудилъ городской священникъ, Рейнгардтъ Гайслинъ. Тамошніе крестьяне также овладѣли городомъ. Въ Вайблингенѣ уже въ концѣ мая въ крестьянахъ замѣчалось грозное настроеніе. Два поселянина, Наппъ и Беденмихель, собравъ толпу, окружили на площади нѣсколькихъ членовъ магистрата и совѣта, и сказали имъ прямо въ глаза: «хотите, не хотите, а поступайте въ Бѣдный Конрадъ, не то мы васъ притащимъ туда за волосы». Главою городскихъ недовольныхъ былъ Бенедиктъ Бейтенмюллеръ. Впрочемъ начальство не боялось ихъ, потому что они были слишкомъ малочисленны. Въ Вайгингенѣ разжигали страсти Гансъ Трюмлинъ и Лауксъ Раппъ.

Въ верхней части Цабергау, гдѣ прежде дѣйствовали Іоссъ Фрицъ и Вельтлинъ, господствовалъ не столько мятежъ, сколько страхъ нападенія. Крестьяне разставили на Пфальцкой границѣ, на холмикахъ и деревьяхъ, сторожевыхъ, поручивъ имъ увѣдомить ихъ ружейными выстрѣлами о приближеніи иностраннаго войска. Однажды въ 11 часовъ ночи раздался выстрѣлъ. Крестьяне немедленно сбѣжались на Бурггальдэ,—

круглую гору близъ Цаберфельда, которую они обнесли ча-
стоколомъ, чтобы защищать отъ рейтаровъ себя и свое добро.
Въ то же время ударили въ набатъ въ Вейлеръ, Цабельфельдъ,
Фаффенгофенъ. Окружной правитель, Вильгельмъ фонъ-Нейп-
пергъ, послалъ уговаривать ихъ своего помощника, Аберлина
Шертлина, но они задержали его, равно какъ и всѣхъ другихъ,
приходившихъ къ нимъ съ подобными порученіями. Они разо-
слали гонцовъ до самаго Гейдельберга и разошлись по домамъ
только тогда, когда окончательно убѣдились, что пока нигдѣ
не видно пфальцскихъ войскъ. Но въ нижнемъ Цабергау, въ
Брокенгеймѣ явились члены Бѣднаго Конрада и встрѣтили
въ народѣ большое сочувствіе. Въ тотъ самый день, когда въ
Унтертюркгеймѣ происходило тайное собраніе Бѣднаго Кон-
рада, въ Брокенгеймѣ происходило то же самое, но открыто.
Ударили въ набатъ, и по улицамъ раздался крикъ: «воору-
жайтесь и ступайте на площадь, тамъ Бѣдный Конрадъ!»
Въ собраніи обнаружился тотъ же духъ, который господство-
валъ въ Ремской долині. Невозможно ничего лучшаго выду-
мать, говорили крестьяне, какъ чтобы господа перестали хо-
зяйничать. «Какой въ господахъ прокъ? Они только богатѣ-
ютъ,» кричали другіе. Слышалась даже такая рѣчь: «должно
наступить равенство, и богатые подлецы должны подѣлиться
съ бѣдными.»

Въ Марбахѣ городъ и округъ были равно въ волненіи.
Гансъ Шлоссеръ, Андрей Рамменштейнъ, по прозванію Музеръ,
Гіеронимъ Велькеръ и Гансъ Фирлай были коноводами. Они
назначили для сходакъ Реннгаузскій лугъ; но туда явилось толь-
ко двадцать человѣкъ изъ Кирхберга подъ предводительствомъ
нѣкоего Геммингера. Никого не найдя, они на другой день
ушли домой. Главный марбахскій правитель, умный Эйтель
Гансъ фонъ-Плинингеръ, успѣлъ на этотъ разъ склонить про-
чихъ не нарушать спокойствія. Вскорѣ однако крестьяне овла-
дѣли городомъ во время церковнаго праздника; но черезъ нѣ-
сколько времени были снова выгнаны. Лудвигъ Дитрихъ, Ми-
хаэль Кранцеръ, Бартлинъ Ульбехеръ и викарій приходскаго

священника, Петеръ, по прозванію Гшейтлинъ, дѣйствовали въ
Гросботварѣ. Оттуда также отправилась толпа къ Марбаху
съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, но верну-
лась, подобно кирхбергцамъ. Въ Бейльштейнѣ крестьянъ вол-
новалъ мейстеръ Эргартъ, про котораго говорятъ, что онъ
«былъ гнусный, упрямый человѣкъ, занимавшійся медициной.»
Сходки вейнсбергскихъ крестьянъ происходили въ Швабахѣ.
Они принудили зажиточныхъ людей принять надъ ними на-
чальство и отправиться въ Аффальтрахъ. Съ барабанами, тру-
бами и распущенными знаменами они отправились въ путь въ
числѣ 500 человѣкъ. Въ Нейштадтѣ горожанъ возмущалъ
Мельхіоръ Форхтенбергенъ; ему помогали Георгъ Мецгеръ и
Марксъ Пфейферъ, и число приверженцевъ ихъ въ городахъ
возрастало ежедневно.

На противоположномъ краю страны также господствовало
волненіе. При первомъ извѣстіи о событіяхъ въ Ремской до-
лині въ Блаубейренѣ, въ трехъ часахъ ѣзды отъ Ульма,
«было великое ликованіе, какъ-будто крестьяне поступили хоро-
шо, уничтоживъ пошліны; говорили, что каждому крестьянину
слѣдуетъ дать двухъ жонъ, чтобы надѣлать много мужиковъ.»
Даже магистратъ безпрестанно собирался и о чемъ-то тайн-
ственно совѣщался. Правитель видѣлъ, что магистратскіе чле-
ны замышляютъ что-то недоброе; но на всѣ свои вопросы
получалъ одинъ отвѣтъ, что имъ надобно переговорить о
госпиталѣ.

Наконецъ, они вытребовали у главнаго правителя, Андрея
фонъ-Гогенека, городскіе ключи. Воззванія и эммисары Бѣд-
наго Конрада проникли и сюда. Крестьяне выбрали въ ма-
гистратъ, сверхъ прежнихъ двѣнадцати членовъ, двѣнадцать
новыхъ отъ крестьянства, потомъ еще двѣнадцать, чтобы
упрочить за собою преобладаніе въ магистратѣ и въ совѣтѣ.

Воззванія и агенты Бѣднаго Конрада волновали города и
деревни и на высотахъ Шварцвальда до самыхъ воротъ
Штутгарда. Въ Нейенбургѣ начальство перехватило письма.
Но около Троицына дня пришли посланные изъ Ремской до-

лины отъ Бѣднаго Конрада. Общины стали силою требовать выдачи писемъ, но впрочемъ отъ дальнѣйшихъ поступковъ ихъ удалось воздержаться. Жители Дорнгана отняли у бургомистра Каспара Шмидта ключи отъ воротъ, желая сами охранять городъ. Въ Кальвѣ 200 крестьянъ расположились передъ воротами, отняли у правителя ключи отъ города и отъ замка и заняли ихъ своей стражей. Въ Герренбергѣ господствовало такое же настроеніе. Въ Розенфельдѣ главную роль игралъ Гансъ Стефанъ; онъ рѣзко и наглядно описалъ поступки чиновниковъ и судей, которые дѣйствуютъ такъ, какъ выгодно имъ самимъ и дворянамъ, не заботясь объ общинѣ. Затѣмъ онъ пригласилъ всѣхъ нежелающихъ терпѣть этого и желающихъ отмстить за это—присоединиться къ нему. Тогда вся община приступила къ нему, и онъ послалъ 15 человекъ подымать Берхфельдъ, Бѣрингенъ на Мюльбахѣ и другія сосѣднія мѣстности, которыя немедленно пристали къ нимъ и послали Ганса Фрея подымать Зульцскую общину. Въ Горнбергѣ старый городской секретарь, Лукасъ Штраубингеръ, старался усовестить сельскій народъ. Въ Вильдбергѣ мятежный духъ проявился только между бѣднѣйшими, и начальство одержало верхъ. Но движеніе возрастало и становилось все серьезнѣе по мѣрѣ своего распространенія внутри страны, потому что здѣсь оно имѣло точку опоры въ Леонбергѣ, подобно тому, какъ волненіе, господствовавшее на противоположномъ краю государства сосредоточивалось въ Шорндорфѣ.

Большая часть страны давно уже возстала, тогда какъ въ Леонбергѣ все еще было спокойно. Но наконецъ и здѣсь явились признаки возмущенія. Тогда правитель Вернеръ Келлеръ созвалъ по совѣту магистрата всѣхъ горожанъ въ ратушу. Онъ сказалъ имъ рѣчь, въ которой говорилъ, что герцогъ отмѣнилъ фальшивыя мѣры и вѣсы, которые, быть можетъ, подали поводъ къ безпокойствамъ въ Ремской долигѣ; поэтому леонбергцамъ не слѣдуетъ имѣшиваться въ чужія дѣла, а идти по стопамъ своихъ благочестивыхъ предковъ, поведение которыхъ относительно начальства, всегда заслуживало особен-

наго благоволенія властей. Благодаря своему благонаравію, предки ихъ часто выигрывали важныя тяжбы. Правитель увѣрялъ горожанъ, что питаетъ къ нимъ полное довѣріе, потому что во все время его службы они вели себя вполне вѣрнопоподданно. Но онъ считалъ своимъ долгомъ предупредить ихъ, что въ настоящее время шлятся какіе-то люди, намѣренія которыхъ, очевидно, зловредны, какъ въ отношеніи начальства, такъ и подданныхъ, и цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы подстрекать глупцовъ къ мятежу и вовлекать въ безчестныя дѣла. Поэтому они должны остерегаться, чтобы эти негодяи не увлекли ихъ въ какое нибудь дурное дѣло. Онъ увѣрялъ ихъ далѣе, что начальство всегда будетъ благоволять къ нимъ и къ ихъ дѣтямъ, хотя впрочемъ они, во всякомъ случаѣ, обязаны повиноваться властямъ. Въ заключеніе правитель сказалъ, что Штуттгардъ, Тюбингенъ, Урахъ и другіе города изъявили намѣреніе пожертвовать жизнью, кровью и достояніемъ за своего всемилостивѣйшаго господина и государя, герцога Ульриха.

Рѣчь эта не произвела никакого вліянія на слушателей, подобно увѣщаніямъ правителей всѣхъ прочихъ городовъ. Леонбергцы уже давно рѣшились, и то, что правитель принималъ за спокойствіе, было опасное тайное броженіе умовъ. Въ Леонбергѣ, какъ въ Шорндорфѣ и Бейтельспахѣ, давно организовался клубъ заговорщиковъ, и собранія происходили по ночамъ въ домѣ Георга Шейтлина. Въ концѣ своей рѣчи правитель объявилъ, чтобы тѣ, которые хотятъ оставаться вѣрными начальству и готовы пожертвовать за него жизнью и имуществомъ, отошли къ малымъ дверямъ залы ратуши; но на этотъ вызовъ откликнулось всего двѣнадцать человекъ магистратскихъ, нѣсколько членовъ городского совѣта и небольшая кучка гражданъ; прочіе стояли, опустивъ головы, и перешептывались между собой. Правитель подумалъ, что они не поняли его, и хотѣлъ повторить свое приглашеніе; но они, не слушая его, всей гурьбой направились къ большимъ дверямъ,

и на замѣчаніе правителя Георгъ Шейтлинъ отвѣчалъ: «развѣ большія двери—не двери?»

Съ этихъ поръ возмущеніе стало явно. Нѣкоторые члены городского совѣта,—въ томъ числѣ Стефанъ Вортвейнъ, Петеръ Шаффъ и Лудвигъ Дольмечъ,—тайно вступили въ клубъ и сообщали ему всѣ рѣшенія совѣта, что давало ему возможность предупредить всѣ мѣры, принимаемыя начальствомъ, и разстроить всѣ его интриги. Къ клубу присталъ весь округъ. Клубные ораторы вызывали въ городъ депутатовъ отъ мѣстечекъ и деревень и открыто вели съ ними переговоры. Они хвалились, что имѣютъ сношенія съ Швейцаріей, Пфальцомъ и Баденомъ. — Вскорѣ они вышли изъ города и расположились на горѣ Энгельбергѣ, гдѣ выставили свое знамя. Сюда прибылъ посланный изъ Ремской долины, самъ родомъ изъ Грумбаха. Онъ былъ прекрасно одѣтъ въ фуфайку и панталоны красного и зеленого цвѣтовъ и носилъ шляпу съ перомъ. Его встрѣтили привѣтственными возгласами и носили по лагерю на сложенныхъ копьяхъ. Крестьяне намѣревались ожидать въ этомъ лагерѣ подкрѣпленій изъ другихъ мѣстностей и отвѣта отъ герцога и сейма, надѣясь, что число ихъ возрастетъ до 16,000, такъ что правительство будетъ вынуждено сдѣлать уступки.

Ульрихъ, не смотря на свое нежеланіе, былъ дѣйствительно принужденъ созвать ландтагъ къ 25 іюня. Въ то же время онъ неоднократно писалъ сосѣднимъ государямъ, настоятельно прося ихъ помочь ему войскомъ, «что необходимо не только для него, но и для всѣхъ вообще властей, ибо если непослушаніе не будетъ быстро побѣждено, то не только всѣ курфирсты, князья и власти, но и вообще всѣ благородные люди во всей имперіи подвергнутся неминуемой гибели». Онъ съ трепетомъ чувствовалъ, что престолъ его колеблется. То, что онъ долго принималъ за буйство толпы мужиковъ, за ничтожное сопротивленіе, стало казаться ему дѣломъ, «которое въ высшей степени смахивало на Башмакъ.» *)

*) Ein seltsam bundschühlich Ansehen habe.

Бѣдный Конрадъ сталъ дѣйствительно настоящимъ Башмакомъ, такъ что маркграфское правительство еще въ половинѣ февраля 1514 г. получило оффиціальное извѣстіе о томъ, что на границѣ происходитъ волненіе въ духѣ Башмака. 14 февраля гохбергскій окружной правитель, Лудвигъ Горнекъ фонъ-Горнбергъ, писалъ совѣту города Фрейбурга въ Брейсгау: «я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія, что снова существуютъ происки или практика *) возстановить Башмакъ. Злоумышленники расхаживаютъ и развѣзжаютъ подъ видомъ священниковъ и богомольцевъ. Иногда также росписываютъ они себѣ лицо язвами, переодѣваются скоморохами и нищенствующими монахами. Поэтому рекомендую городу зорко наблюдать за этими, столь зловредными, происками, дабы предупредить ихъ послѣдствія.»

Передъ открытіемъ сейма депутаты городовъ Штутгарда и Тюбингена ѣздили по округамъ, прося крестьянъ дождаться, по крайней мѣрѣ, результатовъ сейма; они старались успокоить этимъ возбужденныя страсти страны. Въ Цабергау и въ Шварцвальдѣ они успѣли въ этомъ, хотя сельскія общины были очень недовольны поступками правительства въ дѣлѣ созванія ландтага. Дѣйствительно, на сеймъ были приглашены изъ cadaго окружного города только правитель и казначей, и по одному члену отъ магистрата и городской общины, отъ земства же ни одного. Крестьяне же требовали права отправить на сеймъ своихъ депутатовъ. «Сеймъ только тогда, говорили они, можетъ помочь намъ, если въ немъ будутъ участвовать крестьяне, потому что духовенство, дворянство и граждане не станутъ заботиться о насъ.»

Чтобы прекратить эти толки, Штутгардъ и Тюбингенъ издали циркуляры, въ которыхъ крестьянамъ было приказано поручить городамъ защиту ихъ интересовъ, а если города находятся во враждѣ съ ними, то посылать жалобы прямо на сеймъ. Но многіе округа не согласились на это, и послѣдствія

*) Neue Uebung oder Praktik.

оправдали ихъ упорство. Болѣе всѣхъ противились леонбергцы, уже избравшіе себѣ военныхъ начальниковъ; примѣръ ихъ подѣйствовалъ на другіе округи. Горожане Бёблингена и Зиндельфингена согласились выждать результатовъ сейма; въ ожиданіи ихъ, они удовольствовались тѣмъ, что выбрали въ Зиндельфингенѣ 24, а въ Бёблингенѣ 12 членовъ въ магистратъ и совѣтъ. Но крестьяне округовъ этихъ городовъ собрали сходку въ Дагерсгеймѣ, а чрезъ день другую въ Зиндельфингенѣ. На вторичную сходку пришли крестьяне изъ Гольцерлингена и принесли распущенное бѣлое знамя, на которомъ были изображены два черные скрещенные меча. Когда они проходили черезъ Бёблингенъ, именитые бёблингенскіе граждане начали уговаривать ихъ, но они рѣзко упрекали бёблингенцевъ за согласіе быть прихвостниками штутгардцевъ и тюбингенцевъ. Жители Бёблингена и Зиндельфингена такъ перепугались крестьянъ, что просили помощи у Штутгарда, говоря, «что у нихъ въ Бёблингенѣ только 12, а въ Зиндельфингенѣ всего 6 ружей.»

Въ Ремской долині волненіе дошло до крайности. 1-го іюля шорндорфскій совѣтъ писалъ герцогу, что, повидимому, гражданамъ придется скоро поплатиться за вѣрность, которую они ему доказали во время перваго возстанія въ долині. Въ городѣ множество лишняго народа, который находится въ сношеніи съ бунтовщиками; поэтому, если герцогъ не поможетъ гражданамъ, то они заплатятъ жизнью и имуществомъ за вѣрность ему, ибо вѣрнопопданныхъ и покорныхъ гражданъ слишкомъ мало, чтобы противиться готовящемуся возстанію.»

Шорндорфскій клубъ хлопоталъ о томъ, чтобы неожиданно овладѣть городскими воротами. Этого особенно желали бейтельспахцы. 6 іюня явились толпы крестьянъ изъ верхней долины шорндорфскаго округа и потребовали, чтобы ихъ впустили въ городъ, говоря, что слышали, будто герцогъ хочетъ напасть на нихъ; но намѣстникъ и правитель, при содѣйствіи совѣта, убѣдили ихъ ласковыми словами вернуться въ свои деревни. Однако, городскимъ членамъ Бѣднаго Кон-

рада удалось добыть ключи отъ однихъ изъ трехъ дверей городскихъ воротъ. Магистратъ писалъ объ этомъ гофмейстеру герцога, Филиппу фонъ-Ниппенбургу, слѣдующее: «вечеромъ какіе-то негодные и гнусные люди подняли въ пьяномъ видѣ шумъ, требуя ключей отъ воротъ и угрожая, въ случаѣ отказа, выпалить со стѣны изъ ружья, чтобы призвать этимъ сигналомъ весь округъ на помощь. Священники и другія лица уговорили ихъ согласиться удовольствоваться ключами стѣ среднихъ дверей, оставивъ ключи отъ внутреннихъ и вѣшнихъ дверей правителю и магистрату.»

На первой недѣлѣ іюня произошли безпорядки даже въ Тюбингенѣ, самомъ вѣрнопопданномъ изъ всѣхъ городовъ. Безпорядки эти были произведены «нѣкоторыми злонамѣренными личностями.» Правитель и магистратъ хотѣли подвергнуть зачинщиковъ уголовному наказанію, но общинный комитетъ двадцати четырехъ воспротивился этому, а обвиненные, узнавъ о намѣреніи магистрата, бѣжали.

Волненіе господствовало почти въ равной степени во всей странѣ, но побужденія и интересы, изъ которыхъ оно происходило, были различны. Большинство желало уничтоженія только частныхъ и мѣстныхъ стѣсненій. Многие принимали участіе въ движеніи только изъ любви къ шуму, а другіе были вовлечены въ него агентами Бѣднаго Конрада, не давая себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ. Сравнительно съ волновавшейся массой, Бѣдный Конрадъ былъ очень малочисленъ. Онъ хотѣлъ полной свободы, общаго равенства, тогда какъ большинство было бы счастливо, если бы могло получить кое-какія права, еслибы могло добиться хотя ничтожной свободы. Масса имѣла въ виду легальное сопротивленіе антилегальному насилію правительства; тайное же общество замышляло революцію. Еслибы въ это время нашелся человѣкъ, обладающій энергіей и талантами, необходимыми для примиренія различныхъ частныхъ интересовъ для сосредоточенія силъ страны, то движеніе получило бы важное значеніе не только для Виртемберга, но и для всей Германіи. Но такого человѣка

не было. Въ Бѣдномъ Конрадѣ было много рукъ, довольно искусныхъ, чтобы завязывать нити заговора, и достаточно сильныхъ, чтобы нанести ударъ, но не было головы, которая бы руководила ими. Это вскорѣ обнаружилось.

18 іюня 24 сеймовыхъ депутата собрались въ Штутгардѣ. Такъ какъ старанія герцога призвать противъ своихъ подданныхъ войска сосѣднихъ государствъ были очевидны, то первымъ долгомъ депутатовъ было предостеречь пограничные города, прося ихъ увѣдомить, какъ можно скорѣе, о всѣхъ движеніяхъ заграничныхъ войскъ. Ульрихъ намѣревался напустить на сеймъ, котораго онъ боялся, съ одной стороны императора, а съ другой—иностранныхъ солдатъ. Для этой цѣли онъ выпросилъ у императора «на всякій случай, мандаты и опальные грамоты.»

Вмѣстѣ съ городскими депутатами въ Штутгардъ наѣхало много сельскихъ; они привезли жалобы земства. Прелаты еще не пріѣхали; рыцарство не получило приглашенія и потому не присутствовало. За то пріѣхали посредники, посланники императора, Пфальца, Вюрцбурга, Бадена и Швейцарскаго союза. Епископы страсбургскій и констанцскій прибыли лично.

Прежде всего герцогъ потребовалъ денегъ для уплаты своихъ долговъ, и помощи противъ мятежныхъ крестьянъ. Но сеймъ находилъ необходимымъ, прежде чѣмъ согласиться на герцогскія требованія, прекратить его мотовство и дурное управленіе его совѣтниковъ. Жалобы, представленныя сейму, отчасти характеризуютъ не только Виртембергъ, но и другія страны. Нѣкоторые, напримѣръ, жаловались, что, согласно договору, откупились отъ барщины деньгами, но тѣмъ не менѣе ихъ принуждаютъ отправлять всѣ повинности, хотя они аккурратно вносятъ деньги. Другіе говорили, что дѣла идутъ не такъ, какъ было въ старину, что налоги и повинности чрезмерны, чиновники несправедливы и деспотичны, и, взимая налоги, требуютъ гораздо больше, чѣмъ сколько назначено герцогомъ. Иные жаловались на новыя, незаконныя подати, противъ которыхъ они уже представляли жалобы въ канце-

лярію, но маршалъ всякій разъ отказывалъ имъ, говоря: «а вы все-таки должны платить». Многіе также жаловались, что денежные штрафы рѣшительно невыносимы и увеличены противъ прежняго въ четверо. Наконецъ, крестьяне говорили, что имъ приходится запираить своихъ собакъ изъ опасенія, чтобы они не помѣшали звѣрямъ портить ихъ поля. Сеймъ дѣйствовалъ тѣмъ смѣлѣе, что и крестьянскіе депутаты принимали участіе въ засѣданіяхъ ландтага. Было даже сдѣлано предложеніе такого рода: такъ какъ Лампартеръ, Тумбъ и Лорхеръ управляли доселѣ довольно скверно, то герцогъ долженъ согласиться на учрежденіе правительственнаго совѣта изъ 12 человекъ: 4 отъ дворянства, 4 отъ городовъ и 4 отъ деревень. На покрытіе всѣхъ расходовъ по содержанію его особы и двора, герцогъ будетъ получать ежегодно извѣстную сумму, и для него будутъ содержаться шестьдесятъ лошадей; остальные же доходы дворцовыхъ вотчинъ будутъ идти на покрытіе его долговъ. *Монастыри будутъ значительно ограничены въ числѣ; лишнія имѣнія ихъ будутъ обращены въ государственную казну.* Сверхъ того, сеймъ громко требовалъ наказанія трехъ вышеупомянутыхъ государственныхъ преступниковъ, т. е. канцлера, маршала и государственнаго секретаря.

Эти мѣры устроили герцога и его совѣтниковъ. Они приписывали ихъ вліянію крестьянскихъ скопищъ, стоявшихъ въ грозной позиціи при Леонбергѣ и въ Ремской долинѣ, слѣдовательно, одни всего въ 3, а другіе въ 4 часахъ отъ столицы, гдѣ засѣдалъ сеймъ; кромѣ того, въ дѣйствіяхъ сейма они видѣли происки нѣкоторыхъ штутгардскихъ гражданъ.

Черезъ три дня по открытіи сейма, въ ночь съ 20 на 21 іюня, герцогъ неожиданно уѣхалъ въ Тюбингенъ съ своими рыцарями и совѣтниками, и оттуда послалъ приказаніе городскимъ депутатамъ послѣдовать за нимъ изъ Штутгарда въ Тюбингенъ.

Прелаты немедленно пріѣхали къ нему; городскіе депутаты поссорились съ деревенскими, покинули крестьянское дѣло и

также отправились въ Тюбингенъ. Въ началѣ іюля крестьянскіе депутаты писали герцогу, прося его вернуться въ Штутгардъ по окончаніи тюбингенскихъ засѣданій для выслушанія ихъ жалобъ и для словеснаго отвѣта на нихъ. Они говорили, что, въ силу своихъ полномочій, могутъ вести переговоры только съ нимъ, такъ что, если вернуться домой, не добившись этого, то неудовольствіе сельскаго населенія усилится.

Вѣроятно, отвѣтъ былъ неблагопріятенъ, потому что въ Штутгардѣ стало господствовать сильное волненіе: опасались, что герцогъ нѣчто замышляетъ противъ города. Недовольные граждане собрались въ ночь на св. Ульриха (4 іюля), приняли сторону крестьянъ и отняли городскіе ключи у магистрата и правителя, Ганса фонъ-Гайсберга. Хотѣли призвать въ городъ всѣхъ окружающихъ крестьянъ, и граждане заняли всѣ военные посты. 6 іюля волненіе было очень сильно, но слѣдующіе дни прошли спокойно, потому что большинство жителей оставалось ко всему равнодушно.

Между тѣмъ тюбингенскій сеймъ быстро кончилъ свои занятія. Результатомъ ихъ былъ извѣстный тюбингенскій договоръ, данный въ день св. Килиана (18 іюня). Подробности договора общеизвѣстны и не относятся къ цѣли этого сочиненія. Сущность же его состояла въ томъ, что герцогъ согласился на весьма незначительныя ограниченія, которыя впрочемъ не намѣревался соблюдать и не соблюдалъ. Городъ позаботился только о себѣ. Хотя изъ 910,000 гульденовъ герцогскаго долга большую часть приходилось заплатить крестьянамъ, «ибо горожанъ нельзя было такъ обирать, какъ сельскихъ людей простаго званія, и такъ грабить именитыхъ людей, какъ простолюдиновъ.» Для крестьянъ было сдѣлано только вотъ что: обѣщано сравнять и, по возможности, сбавить повинности, не удерживать подаваніе, предназначаемое нищимъ, менѣ заботиться о дикихъ звѣряхъ, запретить чиновникамъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, торговлей и ростовщичествомъ, а лѣсничимъ—ѣздить по полямъ; дозволить хозяевамъ выгонять птицъ

изъ своихъ виноградниковъ; выслушивать крестьянскія просьбы, подаваемые въ канцелярію, и давать на нихъ отвѣты.

На сеймѣ не было произнесено ни одного слова о главнѣйшихъ требованіяхъ крестьянъ, объ ихъ настоятельнѣйшихъ потребностяхъ и главныхъ правахъ. Было даже постановлено, что на будущее время крестьяне не могутъ засѣдать на сеймѣ и посылать представителей на ландтагъ. Земствомъ пренебрегали по прежнему, считая его собственностью городскихъ господъ.

Крестьяне были раздражены такимъ пренебреженіемъ къ себѣ; они съ негодованіемъ узнали, что города и правительство не дали имъ ни одного голоса на сеймѣ и ни малѣйшей частицы правъ, дарованныхъ имъ природою и гражданскимъ обществомъ. Они негодовали на герцога, который считалъ ихъ депутатовъ слишкомъ ничтожными, чтобы можно было переговаривать съ ними и выслушать ихъ жалобы. Правда, нѣкоторыя условія тюбингенскаго договора были выгодны и для крестьянъ, такъ что многіе недовольные удовлетворились бы этими уступками, если бы могли имѣть хотя малѣйшее довѣріе къ обѣщаніямъ на бумагѣ.

Граждане, которые вели тюбингенскіе переговоры, не имѣли права подписывать договоръ, не испросивъ предварительно согласія округовъ; но они не обратили на это никакого вниманія и, считая результаты своихъ дѣйствій вполне удовлетворительными для всѣхъ, предписали всему государству немедленно присягнуть договору. Желая страхомъ отклонить упрямыхъ отъ дальнѣйшаго сопротивленія, они вывѣсили рядомъ съ договорной грамотой огромный листъ, въ которомъ грозили лишеніемъ жизни и имущества всѣмъ, кто будетъ упорствовать.

При этомъ ясно обнаружилось, какъ мало единодушія и мужества было въ виртембергцахъ и какъ мало вліянія имѣлъ Бѣдный Конрадъ. Большая часть сельскаго населенія подчинилась повѣленіямъ, какъ ни были они тяжелы. Сговор-

чивѣ всѣхъ были шварцвальдскіе округи: Дорнштеттенъ, Дорнганъ, Зульцъ и Розенфельдъ.

Въ Урахской долині большинство, желавшее примириться съ герцогомъ, одержало верхъ надъ тѣми, которые предпочитали Бѣднаго Конрада.

Бантельгансъ снова разбѣзжалъ по странѣ. Въ Мецингенѣ было рѣшено идти на встрѣчу Бѣдному Конраду, о которомъ думали, что онъ уже выступилъ въ походъ.

Во время сѣнокоса Бантельгансъ поѣхалъ на Альпъ къ Донштеттену и проѣздомъ остановился у кузницы Буркгарда Полля. Въ деревнѣ было все пусто и тихо, и только въ кузницѣ горѣлъ огонь и стучалъ молотъ. «Гдѣ же ваши?» закричалъ Бантель.—Всѣ въ полѣ, отвѣчалъ кузнецъ, выходя.—«Ну, хорошо», продолжалъ Гансъ, «не забудь сказать имъ и всей общинѣ, чтобы завтра непременно подымались пораньше и послали бы гонцовъ къ Фельдштеттену, а оттуда къ Лайхингену — звать тамошнихъ вмѣстѣ идти на деттингенскую Замковую гору. Тамъ всѣ соберутся и пойдутъ дальше.» Затѣмъ онъ ускорилъ, сказавъ, что ѣдетъ къ деттингенской Замковой горѣ.

Онъ спустился въ Леннингскую долину. Въ Гуттенбергѣ Гансъ Гандель идетъ изъ бани въ трактиръ и видитъ: сидитъ Бантель верхомъ и разговариваетъ съ какимъ-то малымъ.—Слѣзай съ лошади! Пойдемъ, поподчую, сказалъ онъ ему.—«Нѣтъ, отвѣчалъ Бантель Гансъ, мнѣ нужно ѣхать. Подойди ко мнѣ на пару словъ.»—Гандель подошелъ. «Мнѣ нужно съ тобой посоветоваться», продолжалъ Гансъ. «Деттингенъ, Мецингенъ, Фуллингенъ и Эннингенъ шлютъ 400 или 500 человѣкъ, черезъ Тифенбахъ къ деттингенской Замковой горѣ. Они послали меня въ Бѣрингенъ, Цайнингенъ, Донштеттенъ и Фельдштеттенъ, которые тоже возстали и пойдутъ. Какъ ты думаешь: — пойдутъ ли они? Къ ночи мы сойдемся при деттингенской Замковой горѣ.»—Не знаю, отвѣчалъ гуттенбергецъ; кажется, въ долині пока все тихо.—Затѣмъ Бантель Гансъ уѣхалъ внизъ по долині.

Въ тотъ же вечеръ донштеттенскій кузнецъ созвалъ общи-

ну. Послали гонцовъ. Утромъ явились фельдштеттенцы и хотѣли идти дальше; за ними подошли лайхингенцы. Но тѣмъ временемъ пришелъ изъ Ураха корнмессеръ *), отвелъ нѣкоторыхъ въ сторону и уговорилъ воротить товарищей. Толпа ушла домой.—Шедшіе изъ Мецингена также встрѣтили неожиданное препятствіе и не пришли. Бантельгансъ поспѣшилъ въ Ремскую долину. Въ другихъ долинахъ крестьяне приняли Тюбингенскій договоръ. Въ Урахскомъ округѣ они выговорили себѣ право стрѣлять дичь на своихъ поляхъ, полную амнистію, уменьшеніе повинностей и освобожденіе Зингерганса. За эти уступки они присягнули договору.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне выказали больше энергіи и стойкости. Центрами сопротивленія были Леонбергъ и Шорндорфъ: первый влѣво, а второй вправо отъ столицы. Нѣкоторые города и всѣ селенія отъ Лайтербаха до высотъ Штутгарта послѣдовали примѣру Леонберга и не соглашались присягать, пока не присягнутъ леонбергцы.

Но вскорѣ леонбергцы приняли договоръ. Вѣроятно, ихъ побудили къ этому отвѣтъ герцога и извѣстіе о приближеніи иностранныхъ войскъ, такъ какъ конница курфирста пфальцскаго вступила 26 іюля въ Маульброннъ. Сосѣди послѣдовали ихъ примѣру.

Жители Ремской долины вели себя во время тюбингенскихъ переговоровъ достойнымъ и твердымъ образомъ. Не было ни шуму, ни беспорядковъ. Общины вели себя совершенно спокойно; они ждали тюбингенскаго рѣшенія и хотѣли посмотрѣть, какъ приметъ его страна.

Герцогъ очень желалъ успокоить этихъ древнѣйшихъ подданныхъ своего дома. Немедленно по утвержденіи договора, онъ приказалъ объявить его имъ и назначить день, въ который намѣревался лично принять присягу всѣхъ ремстальскихъ

*) Корнмессеръ—общинное должностное лицо, состоявшее при хлѣбномъ магазинѣ и обязанностью котораго было мѣрить выдаваемое зерно.

общинъ. Онъ приказалъ имъ собраться безъ оружія къ городу Шорндорфу, куда отправился самъ, въ сопровожденіи только восьмидесяти человѣкъ своей свиты.

Въ назначенный день крестьяне собрались въ числѣ 7 тысячъ, но въ полномъ боевомъ вооруженіи, съ саблями, копьями, ружьями и въ панцыряхъ. Ульрихъ имѣлъ дерзость не только не удалить трехъ преступниковъ, ненавистныхъ странѣ,—канцлера, маршала и государственнаго секретаря, но даже взять ихъ съ собою въ Шорндорфъ. Къ довершенію безразсудства, онъ поручилъ маршалу прочесть крестьянамъ договоръ.

Крестьяне стояли тихо, спокойно; но когда началось чтеніе, слышался ропотъ, который продолжался и усиливался. Раздались рѣзкія рѣчи противъ совѣтниковъ и придворныхъ: «это измѣнники и воры, строящіе себѣ великолѣпные дома на деньги страны!» Въ этихъ рѣчахъ не щадили даже особы герцога. «Наши жены и дѣти, кричалъ народъ, терпятъ голодъ, благодаря его пирамъ; причина нашихъ бѣдствій — его знатные тунеядцы, толпы пѣвцовъ и музыкантовъ, вымогательства и воровство его чиновниковъ!»

Ульрихъ остался въ городѣ и не присутствовалъ при чтеніи. Его извѣстили о происшествіяхъ за городомъ. Онъ взбѣленился и поскакалъ туда; за нимъ слѣдовали нѣсколько рыцарей, едва успѣвавшихъ поспѣвать за нимъ. Онъ былъ увѣренъ, что видъ его августѣйшей особы внушитъ трепетъ крестьянамъ, и что довольно показать имъ его шляпу съ перьями, чтобы водворить порядокъ. Увидя его, они выстроились въ боевую линію и сомкнули свои ряды. Онъ подѣхалъ къ нимъ, бранилъ ихъ за упрямство и приказалъ разойтись и отправляться домой—мирно и трудолюбиво обрабатывать свои поля, обѣщая простить и забыть всѣ ихъ преступныя рѣчи и поступки. Но въ отвѣтъ ему народъ закричалъ, что этими словами онъ не смягчаетъ свою вину, и что прежде всего ему слѣдуетъ прогнать своихъ финансистовъ, пѣвцовъ и придвор-

ныхъ шутовъ, своихъ егерей и собакъ, которые раззоряютъ народъ.

Тогда заговорилъ маршалъ Тумбъ. Онъ крикнулъ, что кто хочетъ оставаться вѣрнымъ герцогу, тотъ долженъ подойти къ нему. Но тутъ поднялся страшный шумъ и крикъ, и всѣ спѣшили отойти подальше отъ Ульриха на противоположную сторону. Около него остались только придворные. Лицо его то вспыхивало яркою краскою, то покрывалось смертельною блѣдностью. Блуждающіе глаза выражали ярость и желаніе уничтожить непокорныхъ. Въ первый разъ громко и безстрашно раздавались въ ушахъ его проклятія нищеты, бѣдствій и голода. Онъ спѣшилъ удалиться.

Въ ту минуту, какъ онъ оборачивалъ коня, Шлехтлинсъ-Кляусъ схватилъ его лошадь подъ уздцы. Другой, Вейтъ Бауэръ изъ Буоха, жившій въ Грумбахѣ, хотѣлъ ударить герцога копьемъ, но его сильный конь и свита спасли его отъ боевъ и смерти. Рупрехтъ изъ Бейтельспаха, также принадлежавшій къ Бѣдному Конраду, увидя неудачу своихъ товарищей, закричалъ толпѣ съ страшными проклятіями, «стрѣляйте въ негодая, не то удереть!» Кто-то приложилъ фитилекъ къ курку, но герцогъ былъ уже далеко, прежде чѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ.

Въ то же время заговорщики дѣйствовали и въ городѣ. Когда Ульрихъ выѣхалъ за городъ къ крестьянамъ, граждане, участвовавшіе въ заговорѣ, заняли и заперли ворота, такъ что часть герцогской свиты, остававшаяся въ городѣ, не могла выйти оттуда, и когда Ульрихъ, спасаясь отъ крестьянъ, прискакалъ къ воротамъ, они были уже закрыты. Повидимому, узнавъ о результатахъ сейма, шорндорфскій клубъ рѣшился, во что бы то ни стало, овладѣть герцогомъ, живымъ или мертвымъ. Вѣроятно, выполненіе этого рѣшенія приняли на себя Шлехтлинсъ, Бауэръ и Рупрехтъ, которые старались поэтому протѣсниться поближе къ герцогской лошади.

Ульрихъ поспѣшилъ въ Штутгартъ, оставивъ или пославъ городу и округу приказаніе отправить къ нему въ residen-

цію увѣдомленіе о томъ: согласны ли они принять договоръ или нѣтъ. Онъ давалъ имъ три или четыре дня сроку на размышленіе. Заговорщики быстро вели дѣло далѣе, понимая, что, послѣ всего случившагося, нельзя и думать объ отступленіи. Они слишкомъ хорошо знали герцога, чтобы не понять его намѣренія воспользоваться данной отсрочкой для сбора значительныхъ военныхъ силъ. Кромѣ Каспара Преггера и его брата, Георга, въ городѣ главную роль играли Вагенгансъ, сынъ его Бернгардъ и одинъ опытный воинъ, по имени Фаульпельцъ. Въ городѣ происходили сильные раздоры между умѣренною партіею, желавшею принять договоръ, и крайнею, которая хотѣла поднять знамя бунта. Первая, желая привлечь къ себѣ округъ, предложила, чтобы поселяне приходили въ городъ для обсуживанія договора, но не всѣ вмѣстѣ, а каждая деревня особо. Партія эта надѣялась, что чѣмъ меньше будетъ въ городѣ крестьянъ, тѣмъ легче будетъ уговорить ихъ принять договоръ. Клубисты же призывали въ городъ всѣхъ сельскихъ членовъ Бѣднаго Конрада. Толпы крестьянъ вступили въ городъ, заняли всѣ важнѣйшіе посты, соединились съ партіей клуба, помогли ей смѣнить чиновниковъ и членовъ магистрата и совѣта и возвратились домой, оставивъ въ городѣ сильный гарнизонъ. Въ то время было рѣшено, чтобы каждое мѣстечко отправило въ Шорндорфъ, смотря по своей величинѣ, отъ 4 до 8 депутатовъ, которымъ было предоставлено рѣшить вопросъ о принятіи договора. Крестьяне и граждане должны были избрать по два предводителя. Правитель и приверженцы правительства не противились этому. Такимъ образомъ, шумно и бурно прошелъ трехдневный срокъ. На четвертый день избранные предводители и депутаты города и округа собрались въ ратушѣ. Проводителями были избраны: со стороны земства Гансъ Вольмаръ изъ Бейтельспаха и Вольмаръ Браунъ изъ Урбаха; со стороны горожанъ—Генрихъ Шертлинъ и Гансъ Гиршманъ.

Во время совѣщаній, въ народѣ распространился слухъ, что большинство гражданъ, засѣдавшихъ въ ратушѣ, хочетъ

принудить крестьянъ принять договоръ, и что тамъ вообще неладно. Преггеръ и его друзья призывали сигнальными выстрѣлами, повторявшимися во всѣхъ деревняхъ,—всѣхъ крестьянъ изъ округа въ городъ. Въ городѣ господствовалъ сильный мятежъ. Народъ овладѣлъ ратушей и сбросилъ съ лѣстницы одного изъ городскихъ начальниковъ, Генриха Шертлина.

Такъ какъ срокъ, назначенный герцогомъ, прошелъ, то именитые граждане обратились къ нему съ просьбой объ отсрочкѣ. Герцогъ согласился, потому что войска его еще не собрались. Граждане и крестьяне рѣшили избрать изъ своей среды умнѣйшихъ людей, которые должны были силою сдерживать и прекращать всякіе безпорядки, которые бы возникли въ городѣ. Но городскіе заговорщики полагали, что настала удобная минута дѣйствовать. Они давно уже принудили правителя къ уступкамъ, заняли всѣ укрѣпленные мѣста въ городѣ и, такимъ образомъ, имѣли точку опоры въ Шорндорфѣ.—Хотя городъ этотъ былъ обращенъ въ крѣпость лишь 24 года спустя, но и въ то время онъ уже былъ довольно хорошо укрѣпленъ. Ворота были укрѣплены большими башнями, и сверхъ того, восемнадцать высокихъ башенъ защищали городъ, который поэтому назывался башеннымъ городомъ (Турмштадтъ).

Городскіе начальники приступили къ выбору лицъ, которымъ ввѣрялась охранительная власть, и съ этою цѣлью повели гражданъ и крестьянъ за городъ. Члены Бѣднаго Конрада вмѣшались въ толпу и воспламенили ее такъ, что поднялся крикъ, и народъ началъ требовать военныхъ дѣйствій и хотѣлъ, чтобы начальники вели его во всѣ округи—возбуждать повсюду крестьянъ къ возстанію. Городскіе начальники стали уговаривать толпу, но Генрихъ Шертлинъ долженъ былъ искать спасенія въ церкви, а Гиршманъ былъ принужденъ вести народъ въ походъ, неся знамя Бѣднаго Конрада, которое въ этотъ день впервые начало развѣваться. Рядомъ съ нимъ несли знамя городской управы.

Крестьяне отправились съ воинственнымъ видомъ отъ го-

рода внизъ по долинь. Число ихъ простиралось до шестисотъ человѣкъ. Они дошли до живописныхъ Герадштеттенскихъ холмовъ, покрытыхъ виноградниками и возвышающихся по берегамъ рѣки, въ 1 1/2 часахъ ходьбы отъ Шорндорфа. Прийдя туда, народъ принудилъ именитыхъ и богатыхъ людей присоединиться къ нему съ своими слугами. По дорогѣ крестьяне сдѣлали то же самое въ Винтербахѣ и Гебзакѣ; но въ Герадштеттенѣ ихъ встрѣтили герцогскій гофмейстеръ, Конрадъ фонъ-Ниппенбургъ съ коннымъ отрядомъ, Гансъ фонъ-Гайсбергъ и мѣстные депутаты; они прожили нѣсколько дней въ Вайблингенѣ, наблюдая за шорндорфскими событіями. Крестьяне встрѣтили ихъ вечеромъ 23 іюля. Они предложили, отъ имени герцога, вступить съ крестьянами въ переговоры, но крестьяне успѣли усилиться подкрѣпленіями, шедшими изъ другихъ деревень, и потому отвѣчали кратко, что будутъ ночевать въ Грумбахѣ, гдѣ всякій, кому нужно, можетъ найти ихъ.

Повидимому, они опасались, что ихъ хотятъ задержать переговорами, пока не соберутся войска, вслѣдствіе чего они и дали этотъ уклончивый и обманчивый отвѣтъ. Вмѣсто того, чтобы идти ночевать въ Грумбахъ, они перемѣнили путь, сошли съ большой дороги и пошли влѣво, проселкомъ.

Противъ Грумбаха, на южномъ берегу Ремса, расположено торговое мѣстечко Бейтельспахъ, а далѣе къ востоку возвышается гора, на которой нѣкогда стоялъ старый замокъ того же имени. Гора эта была покрыта виноградниками, а на мѣстѣ стараго замка была выстроена часовня (капелла) во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Вслѣдствіе этого, гора называлась часовенною горою (Капелленбергъ, въ просторѣчій Капельбергъ).

Крестьяне вступили въ эту боковую долину Ремсталя, восточный край которой покрытъ великолѣпнѣйшими виноградниками, и расположились на Капельбергѣ. Въ народѣ слышались странныя рѣчи: «что же вы хотите дѣлать?» спрашивали ихъ въ деревняхъ, черезъ которыя они проходили.—

«Мы несемъ, отвѣчали они, Бѣднаго Коонца на Капельбергъ, чтобы зарыть его на горѣ. Бѣдный Коонцъ пробылъ у бейтельспахцевъ десять лѣтъ, а теперь воскресъ въ Бейтельспахѣ; поэтому мы хотимъ опять зарыть его, а потомъ вернемся домой.» Узнавъ, что герцогъ возстановилъ противъ нихъ города Тюбингенъ, Штутгартъ и Каннштадтъ, они послали съ горы спросить Ганса фонъ-Гайсберга: не угрожаетъ ли имъ нападеніе? Правитель отвѣчалъ, что они безопасны, пока будутъ вести себя мирно въ округахъ, присягнувшихъ договору.

Въ ту же ночь и на слѣдующее утро на Капельбергъ пришли толпы крестьянъ изъ другихъ округовъ. Уже 24 іюля Гансъ фонъ-Гайсбергъ писалъ герцогу, что на горѣ болѣе полуторы тысячи народа, который на всѣ предложенія отвѣчаетъ, что подумаетъ. Нѣкоторые округа изъ числа тѣхъ, откуда пришли первыя подкрѣпленія, отстояли отъ Капельберга на 4 и на 6 часовъ пути, напр. Марбахъ и Бакнангъ. Поэтому надо предполагать, что тамъ были люди, предупредившіе своихъ о намѣреніяхъ шорндорфцевъ и знавшіе день, когда слѣдовало собраться. Изъ Шорндорфа пришло на гору еще много народа. Когда эти толпы выходили изъ воротъ Шорндорфа, Гансъ Гуммель говорилъ имъ: «ну, теперь мы такъ оттузимъ больше-головыхъ, что у нихъ кишки выльзутъ.» Альзасецъ Зейферлинъ Шнейдеръ изъ Кейзерберга ударилъ въ набатъ въ Винненденѣ.

Кажется, на Капельбергѣ было много людей изъ прежнихъ Башмаковъ и много членовъ общества Бѣднаго Конрада. Кроме того, тамъ находились депутаты отъ отдаленнѣйшихъ округовъ. Въ официальномъ донесеніи сказано, что на горѣ «было много герцогскихъ подданныхъ и другихъ.» «Они надѣялись, что къ нимъ пристанетъ вся страна» и послали гонцовъ и грамоты не только во всѣ виртембергскіе округа, но и во владѣнія другихъ государей, графовъ, господъ и сосѣднихъ имперскихъ городовъ; они просили тамошній народъ помочь имъ и «пособить справедливому дѣлу и божественному правосудію».

Общество Бѣднаго Конрада изложило свои планы въ трехъ статьяхъ.

Въ первой выражалось намѣреніе освободить крестьянъ и горожанъ отъ ига князей, епископовъ, прелатовъ, рыцарей и гражданъ имперскихъ городовъ, не только герцогства Виртембергскаго, но и всѣхъ окрестныхъ странъ; уничтожить всѣ налоги, подати и повинности и жить свободно. Во второй статьѣ указывались средства общества и назначался срокъ выполненія плана. Общество должно было всѣми силами стараться усилиться; начинать же борьбу противъ свѣтскихъ и духовныхъ господъ слѣдовало не прежде, какъ собравъ отъ 20 до 30 тысячъ вооруженнаго народа. У монастырей и богатыхъ землевладѣльцевъ слѣдовало отобрать излишекъ имущества, дабы улучшить бытъ крестьянъ. Третья статья касалась герцога и его совѣтниковъ. Касательно того, какъ поступить съ ними, члены общества не соглашались между собою еще до нападенія на герцога нѣкоторыхъ шорндорфскихъ крестьянъ. Большинство желало взять его въ плѣнъ; другіе — предать смерти вмѣстѣ съ совѣтниками. Это обстоятельство спасло Ульриха во время шорндорфскаго происшествія. Еслибы народъ рѣшился предать его казни, то легко могъ бы застрѣлить его, потому что онъ не подозрѣвалъ такого умысла. Впослѣдствіи одинъ крестьянинъ сознался, что когда не удалось взять герцога въ плѣнъ, то многіе сожалѣли, что не убили его. Вопросъ этотъ былъ снова поднятъ на Капельбергѣ, и было рѣшено взять или убить герцога если онъ не уступитъ требованіямъ крестьянъ. — Нѣкоторые говорили о передачѣ престола его брату.

Удачное начало предпріятія ободрило крестьянъ тѣмъ болѣе, что само небо предвѣщало великій политическій переворотъ «страшными знаменіями на солнцѣ и на лунѣ.» Одна женщина исполнилась пророческаго духа и предрекла, что Бѣдный Конрадъ будетъ трижды побѣжденъ, но въ четвертый разъ восторжествуетъ. Изъ ближайшихъ деревень крестьянамъ привозили, — частью добровольно, частью изъ страха, —

продовольствіе, повозки и другіе предметы; они уже начали жить въ свое удовольствіе на счетъ сосѣднихъ духовныхъ владѣтелей.

Въ то же время возсталъ Фильская долина, лежащая по ту сторону Гогенштауфена. Движеніе началось въ Іейслингенѣ, принадлежавшемъ къ области вольнаго города Ульма. Правитель, попечитель и именитые граждане города Іейслингена бѣжали съ своими деньгами, дѣтьми и сокровищами. Въ Штейнлахской долині, за Тюбингеномъ, стояла вооруженная толпа въ пятьсотъ человекъ. Извѣстіе о походѣ ремстальцевъ на Капельбергъ, ихъ агенты и воззванія, которыя сотнями писалъ Уцъ Энтенмайеръ и которыя призывали всѣхъ на Капельбергъ для завоеванія общей свободы, снова возбудили сильнѣйшее волненіе во всей странѣ. Еслибы сумѣли воспользоваться имъ, то подъ знамена Бѣднаго Конрада собралось бы не 20 и не 30 тысячъ человекъ, какъ желало общество, а вся Швабія, цѣлая стотысячная армія; но для этого слѣдовало идти впередъ, а не стоять, какъ они, на горѣ.

Ничто не препятствовало походу, еслибы онъ былъ принятъ въ первые же дни; у герцога не было войска, а безъ денегъ нельзя было достать наемниковъ; финансовыя же затрудненія герцога были всѣмъ извѣстны. Его слуги съ большимъ трудомъ набирали въ разныхъ мѣстахъ человекъ по 20 или 30. Всѣ надежды его основывались на помощи вѣрныхъ городовъ и союзныхъ государей и рыцарей. Для прикрытія Вайблингенскаго округа, онъ еще 24 іюля собралъ 200 человекъ изъ Штуттгарта и его округа; но прійдя въ Каннтадтъ — на часъ пути отъ Штуттгарта, — отрядъ этотъ отказался идти далѣе, если не получитъ подкрѣпленія изъ другихъ округовъ.

Крестьяне едва не овладѣли столицею. Одинъ штуттгартецъ, Іерхъ Тіель, мать котораго называлась Лэелинъ и жила у воротъ парка, отправился на Капельбергъ и обѣщалъ предать крестьянамъ Штуттгартъ.

Отрядъ крестьянъ въ 1000 человекъ выступилъ и располо-

жился передъ Штутгартомъ, на сѣверо-западной возвышенности, называемой Военной горой. Тіель, котораго звали Леелинъ-Іёрхъ, подговорилъ четырехъ солдатъ отворить крестьянамъ въ полночь ворота, у которыхъ они стояли на караулѣ. Онъ рассчитывалъ также на поддержку 200 горожанъ. Но часа за два до выполненія намѣренія, заговорщиковъ случайно подслушали и арестовали. Узнавъ объ этомъ, крестьяне отступили.

Въ капельбергскомъ лагерѣ было немало людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ; въ особенности многіе жители верхней Ремской долины служили въ молодости въ военной службѣ въ иностранныхъ войскахъ. Но большинство не имѣло проныцательности, смѣлости и энергіи. Главный предводитель, Вольмаръ, и его военные помощники, Іёрхъ Кремеръ и Себастьянъ Шварцъ, сынъ Ганса, уговаривали народъ идти впередъ — поднимать остальную страну и осуществить планы Бѣднаго Конрада. Это возбудило сильные споры и несогласія.

Этому воспротивились тѣ, у которыхъ еще было чѣмъ рисковать; другіе испугались предложенія, которое вело прямо къ убійству всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Депутаты сейма, которые, по случаю этихъ опасныхъ обстоятельствъ переѣхали въ Штутгартъ, ежедневно ѣздили на гору. Въ крестьянскомъ лагерѣ было много герцогскихъ шпионовъ и агентовъ, настроивавшихъ крестьянъ въ пользу правительственныхъ интересовъ и противодѣйствовавшихъ намѣреніямъ клуба. Раздоръ и ожесточеніе дошли въ лагерѣ до того, что произошла драка, и крестьяне обратили свое оружіе другъ противъ друга. Наконецъ сеймовые депутаты обѣщали имъ отмѣненіе всего, на что они пожалуются сейму. Тогда большинство потребовало любовной сдѣлки. Затѣмъ крестьяне услышали, что герцогъ хочетъ разогнать ихъ иностранными войсками. Слухъ этотъ побудилъ ихъ обратиться въ поспѣшное бѣгство, чтобы укрыть себя и свое имущество за стѣнами городовъ и спастись «отъ чужихъ кровожадныхъ и хищныхъ собакъ.»

Герцогскіе совѣтники, которымъ было поручено успокоить народъ, писали правительству: «народъ этотъ жалокъ, напуганъ, трусливъ и озабоченъ.» Вскорѣ оказалось, что слова эти были справедливы.

Партія Бѣднаго Конрада увидѣла невозможность убѣдить толпу слѣдовать ея планамъ. Ей удалось только уговорить собраніе присягнуть, что никто не согласится ни на какія условія, невыгодныя для прочихъ, и что всѣ будутъ дѣйствовать сообща. Затѣмъ въ четвергъ, 27 іюля, послѣ дня св. Якова, предводители: Гансъ Вольмаръ, Гансъ Вагнеръ изъ Шорндорфа, котораго звали Вагенгансомъ, Бернгардъ съ сыномъ, Браунъ-Урбанъ изъ Урбаха, Гансъ Геереръ также изъ Урбаха, Гансъ Фахендагъ изъ Плюдергаузена, Гансъ Линденшмидъ изъ Вальдгаузена, Вейтъ Бауэръ изъ Грунбаха, Гори Шнейдеръ также изъ Грунбаха и Юнгъ Ульрихъ изъ Урбаха сошли съ горы и отправились въ бейтельснахскій трактиръ, гдѣ вступили въ переговоры съ депутатами сейма и Гансомъ фонъ-Гайсбергомъ. Они условились съ ними заключить обоюдный миръ и обѣщали другъ другу не начинать враждебныхъ дѣйствій до окончанія сейма, собравшагося въ Штутгартъ, съ цѣлью облегчить бремя, тяготѣющее на крестьянахъ. Крестьяне обязались мирно разойтись по домамъ, а герцогъ — не принуждать ихъ къ принятію тюбингенскаго договора, предоставивъ сейму рѣшить, насколько крестьяне должны соблюдать договоръ.

Условія эти были заключены въ полдень, 27 іюля, крестьянскими предводителями, съ одной стороны и герцогскими и сеймовыми депутатами, съ другой. Условія были написаны коварно. Очевидно, что добродушные крестьяне, наслушавшись рѣчей депутатовъ, ожидали для себя всего лучшаго со стороны герцога и сейма и придавали совершенно иной смыслъ статьямъ договора, чѣмъ господа, которые нарочно написали его двусмысленно и неопредѣленно. Но коварство, замѣтное уже въ переговорахъ, обнаружилось вполне въ поступкахъ.

Немедленно по заключеніи договора, въ тотъ же самый

вечеръ, многіе крестьяне покинули капельбергскій лагерь и мирно разошлись по домамъ. Другіе, болѣе осторожные и менѣе довѣрчивые, старались приблизиться къ границамъ областей вольныхъ имперскихъ городовъ, Эслингена, Гмюнда и Аалена.

Между тѣмъ Ульрихъ собралъ значительное войско. Кредитъ его возвысился съ тѣхъ поръ, какъ страна приняла на себя его долги. Лудвигъ фонъ-Гуттенъ, дѣятельно хлопотавшій о заключеніи тюрингенскаго договора въ качествѣ посланника епископа вюрцбургскаго, далъ ему въ займы 10 тысячъ гульденовъ для найма рейтаровъ. Кромѣ того, по ходатайству его, епископъ прислалъ герцогу сильный вспомогательный отрядъ. Вскорѣ Ульрихъ отблагодарилъ Гуттена, зарѣзавъ его сына.

Достигнувъ своей цѣли, города стали сговорчивѣе относительно герцога. Городское дворянство никогда не питало симпатій къ крестьянамъ. При самомъ началѣ безпокойствъ, въ Марбахѣ собрались депутаты почетныхъ гражданъ 14 городовъ и совѣщались о томъ, чтобы серьезными мѣрами противодействовать глупымъ поступкамъ негоднаго чернаго народа.

Но такъ какъ они объявили, что для усмиренія крестьянъ необходимо удовлетворить ихъ главнымъ жалобамъ, то герцогскій совѣтникъ Филиппъ фонъ-Ниппенбургъ обругалъ ихъ бунтовщиками, держащими сторону крестьянъ. Но именитое гражданство постоянно выказывало относительно крестьянъ такой же эгоизмъ, какъ и дворянство. Алчные и властолюбивые горожане были не прочь обременить поселянъ несправедливыми податями, и находили незаконнымъ, чтобы крестьяне участвовали въ выборѣ сеймовыхъ депутатовъ и засѣдали на ландтагѣ рядомъ съ почетными господами. Города поспѣшили на помощь герцогу. Тюрингенъ уже послалъ ему пятисотенный отрядъ подъ начальствомъ дворянина Эрнста фонъ-Фюрста. Къ этому отряду присоединились господскія милиціи Балингена, Штутгарда, Канштадта и Кирхгейма; послѣдняя встрѣтила при Унтертюркгеймѣ толпу крестьянъ, которые

старались воспрепятствовать ей перейти Неккаръ. Вспомогательный отрядъ вюрцбургскаго епископа, состоявшій изъ 300 всадниковъ, въ томъ числѣ 77 дворянъ, стоялъ 29 іюля въ Лауфенѣ на Неккарѣ. Отъ курфюрста Лудвига Пфальцскаго пришло извѣстіе, что его рейтары придутъ въ Маульброннъ между 26 и 27 числами. Маркграфъ Филиппъ Баденскій писалъ, что кавалерія его рано утромъ вышла изъ Форцгейма. Войска епископа констанцскаго также находились въ походѣ. Ульрихъ имѣлъ 1800 человекъ наемниковъ и вассаловъ. Трухзесъ Георгъ фонъ-Вальдбургъ прислалъ ему 100 человекъ конницы, 600 пѣхоты и нѣсколько пушекъ.

Городская милиція двинулась впередъ къ Вайблингену. 28 іюля герцогъ, извѣстивъ, что принимаетъ договоръ, послалъ своимъ чиновникамъ тайную инструкцію, предписывавшую имъ, какъ соблюдать условія договора. Въ то же время онъ двинулъ впередъ свое войско. По полученіи извѣстія о согласіи герцога на договоръ, послѣднія толпы крестьянъ удалились съ горы, безпечно довѣряя даннымъ имъ обѣщаніямъ. Но 31 іюля утромъ войска Эрнста фонъ-Фюрста внезапно напали на смиренныхъ вайблингенцовъ; герцогъ въ своемъ рескриптѣ самъ говоритъ, что это было сдѣлано по его приказанію. Шпіоны заранѣе сообщили имена подозрительныхъ гражданъ, имѣвшихъ сношенія съ крестьянами. Эти лица были схвачены имущество ихъ разграблено, дома опустошены. Такъ поступали потомъ съ обвиненными повсюду, по свидѣтельству герцогскаго рескрипта.

Затѣмъ фонъ-Фюрстъ и герцогскіе совѣтники вступили въ Ремскую долину, схватили, связали и отослали въ цѣпяхъ къ Шорндорфу главнаго крестьянскаго предводителя Ганса Вольмара изъ Бейтельспаха и его помощниковъ, которые никакъ не ожидали этого, полагаясь на договоръ; обѣщавшій имъ миръ и безопасность.

По заключеніи договора, часть крестьянъ, находившихся въ Шорндорфѣ, разошлась по деревнямъ. Въ 3 часа пополудни Эрнстъ фонъ-Фюрстъ подступилъ къ городу. Городская стража,

✓ испуганная внезапнымъ появленіемъ войска, растерялась, покинула ворота и разбѣжалась. Филиппъ фонъ-Ниппенбургъ безъ выстрѣла занялъ отворенныя ворота. Войска вступили въ городъ и получили приказаніе никого не впускать и не выпускать. Однако большинство заговорщиковъ успѣло спастись бѣгствомъ, перескочивъ черезъ стѣны. Затѣмъ прибылъ герцогъ съ своею конницею. Онъ прошелъ мимо мятежныхъ деревень, затаивъ пока свою злобу, и былъ принятъ шорндорфцами съ подобающими почестями. Вступивъ въ городъ, онъ далъ войску сигналъ начать грабежъ. Солдаты бросились въ дома заговорщиковъ и обвиненныхъ, потащили хозяевъ въ тюрьму, грабили имущества, разрушали дома передъ глазами плачущихъ и скорбляемыхъ женщинъ и дѣтей. Домъ Прецигера, гдѣ помѣщался клубъ заговорщиковъ, былъ первый сравненъ съ землей. Таже участь постигла дома Вагенганса и пятерыхъ другихъ; но грабежъ свирѣпствовалъ повсемѣстно, безъ разбора, кто правъ, кто виноватъ. Особенно пострадали богатые люди, которые, будучи совершенно невинны, никакъ не ожидали подобной участи. Грабежъ еще продолжался, когда наступилъ вечеръ. Всѣ выходы были заперты, чтобы слухъ о городскихъ событіяхъ не проникъ въ деревни. Это извѣстіе предупредило бы крестьянъ о предстоящей имъ участи и побудило бы членовъ Бѣднаго Конрада поспѣшно бѣжать. Герцогъ приказалъ всѣмъ крестьянамъ шорндорфскаго округа, Ремской долины и окрестностей явиться втораго августа на лугъ, находившійся за городомъ. Собралось около 3,400 человѣкъ; прочіе не пришли, а многіе бѣжали въ горы и имперскіе города. Крестьянъ собрали подъ предлогомъ сообщить имъ рѣшеніе сейма. Дѣло началось тѣмъ, что крестьянамъ приказали сложить оружіе. Собравшіеся мужики были по большей части совершенно невинны. Они повиновались приказанію, и вдругъ были со всѣхъ сторонъ окружены войскомъ. Нѣкоторые, увидѣвъ несущіеся на нихъ эскадроны, разбѣжались по полю, какъ голуби, преслѣдуемые коршунами; но рейтары догнали ихъ и притащили въ кругъ; за попытку бѣжать ихъ сочли

«особенно подозрительными». Затѣмъ народу прочитали слѣдующее рѣшеніе сейма:

«Нашъ всемилостивѣйшій государь и господинъ и городъ съ округомъ Шорндорфъ объявили ландтагу, что желаютъ передать на рѣшеніе сейма вопросъ о принятіи тюбингенскаго договора, и готовы слѣдовать всему, что сеймъ постановитъ. Поэтому созванные депутаты страны единодушно рѣшили и постановили: чтобы городъ и округъ Шорндорфъ приняли тюбингенскій договоръ, присягнули ему, соблюдали и исполняли его, согласно всѣмъ его статьямъ; а такъ какъ послѣ сейма, происходившаго въ Тюбингенѣ, въ городѣ и округѣ Шорндорфъ возникли нѣкоторые безпорядки и неповиновенія, не смотря на дарованное имъ милостивое прощеніе, то сеймъ объявляетъ, что всѣ участвовавшіе въ этихъ безпорядкахъ, словами, поступками, совѣтами или дѣлами, заслуживаютъ ареста и наказанія. А потому нашъ всемилостивѣйшій государь и господинъ можетъ по усмотрѣнію чинить всѣмъ такимъ людямъ вообще и каждому въ особенности допросъ и розыскъ, согласно верховнымъ правамъ его велико княжеской милости и принятому договору, и судя по винѣ каждого».

Тогда безоружному народу пришлось раскаться въ своемъ легковѣріи; онъ понялъ, какъ безразсудно было вѣрить свою участь аристократической партіи, которая при заключеніи тюбингенскаго трактата не удостоила отозваться ни однимъ словомъ на основательнѣйшія жалобы крестьянъ, и обратить вниманіе на пошлину на вино, бывшую одною изъ главныхъ причинъ обѣдненія жителей Ремской долины. Крестьяне съ ужасомъ увидѣли свою слѣпоту, вспомнивъ, что довѣрились мирнымъ предложеніямъ того самаго человѣка и тѣхъ самыхъ совѣтниковъ его, которые еще недавно прибѣгали къ насилію, чтобы вынудить у депутатовъ согласіе на незаконные налоги, которые мучили своихъ поручителей военнымъ постоемъ и съ проклятіями говорили бургомистрамъ городовъ: «если вы не

согласитесь платить добровольно, то васъ принудятъ. Государь можетъ снять съ васъ головы.»

Ульрихъ выѣхалъ на встрѣчу крестьянамъ, съ головы до ногъ покрытый латами; даже лошадь его была закована въ желѣзо. Увидя его, крестьяне робко и малодушно сняли шапки. Онъ далъ знакъ, и рейтары бросились на крестьянъ, хватали изъ толпы и уводили всѣхъ, на кого указывали шпіоны. Было схвачено 1600 человекъ. Не доставало цѣпей и веревокъ. Скручивали по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, какъ собакъ. Всѣ городскія башни и тюрьмы были биткомъ набиты. Прочихъ оцѣпила конница и погнала въ городъ, гдѣ ихъ заперли безъ пищи и питья въ ратушу, которая хотя была обширна, но для такого множества все таки тѣсна. Пришлось лежать другъ на другѣ; сѣсть не было никакой возможности; нельзя было даже свободно стоять. Они бы перемерли съ голоду, еслибы за деньги и доброе слово сторожа не доставляли имъ тайкомъ хлѣбъ и воду.

Такимъ образомъ они топились между страхомъ и надеждою; тѣмъ временемъ другихъ допрашивали подъ пыткой. Въ полдень слѣдующаго дня толпу вывели изъ ратуши и отвели на берегъ Ремса. Жажда и голодъ мучили ихъ, но они не смѣли наклониться, чтобы достать воды. Наконецъ кто-то догадался прислать несчастному народу воды въ посудѣ. Они провели около 36 часовъ почти безъ пищи и питья. Долго стояли они у рѣки подъ палящимъ августовскимъ солнцемъ, пока не прибылъ герцогъ съ конницей и пѣхотой. Увидя его, крестьяне по данному знаку пали на колѣни и просили прощенія. Они провалялись на землѣ цѣлые полчаса прежде, чѣмъ имъ позволили встать. Между тѣмъ герцогъ совѣтовался съ иностранными и своими совѣтниками. Наконецъ канцлеръ Лампартеръ объявилъ крестьянамъ отъ имени герцога, что онъ даруетъ имъ жизнь, но, чтобы предупредить на будущее время всякое покушеніе начать возстаніе, они должны выдать оружіе и никогда не держать у себя ничего, кромѣ ножей, полусабелъ и копій; затѣмъ онъ прочиталъ имъ статьи

тюбингенскаго договора, которымъ толпа присягнула и была отпущена домой. Это происходило въ четвергъ вечеромъ, 3 августа.

Тѣмъ временемъ приступили къ допросу подъ пыткой другихъ, изъ коихъ нѣкоторые были только-что пойманы. Процессъ былъ очень коротокъ. Слѣдствіе кончилось уже въ субботу, 25 августа, слѣдовательно въ три дня, такъ что судъ былъ назначенъ 7 числа. Если бы не воскресенье, то дѣло кончилось бы еще скорѣе. Семь шпіоновъ и пытка были единственными уликами. При помощи ихъ открыли существованіе Банмака.

Въ понедѣльникъ, 7 августа, обвиненные были приведены на обычное мѣсто, гдѣ, подъ открытымъ небомъ, долженъ былъ произойти судъ. 46 человекъ были въ цѣпяхъ; нѣкоторые почти раздѣты, потому что однихъ арестовали въ постели, а другихъ солдаты ограбили. Прочіе были не связаны. Въ судѣ предсѣдательствовалъ штутгардскій окружной судья, Гансъ фонъ-Гайсбергъ. Обвинителемъ былъ Конрадъ Брейнингъ, фогтъ тюбингенскій; защитникомъ — фогтъ шорндорфскій, Георгъ фонъ-Гайсбергъ. Судьями были сеймовые депутаты. Когда связанные увидѣли, что обвинительный актъ дѣлится обвиненныхъ на двѣ категоріи, относя къ первой менѣе, а ко второй болѣе виновныхъ, то стали просить, чтобы ихъ обвиняли и поступали съ ними одинаково, такъ какъ всѣ они равно принимали участіе въ возстаніи. Но прочіе позабыли клятву, данную другъ другу на горѣ, — жертвовать другъ за друга жизнью и терпѣть равную участь. Они старались отдѣлить свою судьбу отъ участи товарищей, бросились передъ герцогомъ на колѣни, прося пощады и поручая себя его милости. Посовѣтовавшись, онъ отвѣчалъ имъ черезъ канцлера Лампартера, что хотя онъ былъ готовъ наказать ихъ со всею строгостью закона, но, благодареніе Богу, снисходить къ ихъ просьбамъ и готовъ смягчить ихъ наказаніе, если они согласны понести то, которое онъ самъ назначить имъ. Въ такомъ случаѣ они должны немедленно и торжественно ска-

зять : «да!» 1,650 человекъ подняли руки и громко сказали: «да!» Ихъ наказали денежными пенями.

Тѣ, которые были въ цѣпяхъ, подлежали болѣе строгой мести. Кромѣ трехъ человекъ, схваченныхъ Эрнстомъ фонъ-Фюрстомъ, «всѣ зачинщики и истинные коноводы злостнаго преступленія, въ которомъ, подъ видомъ добраго умысла, скрывается ядовитая, грѣховная змѣя—Башмакъ, ихъ помощники, приверженцы, соумышленники и товарищи» счастливо убѣжали за границу; поэтому ясно было, что тѣ, которые добровольно остались, были невинны въ заговорѣ. За это ручалось то, что они не обратились въ бѣгство. Но герцогу и аристократіи хотѣлось крови. Герцогъ ни на минуту не выходилъ изъ засѣданія суда, чтобы не пропустить ни одного слова обвиненныхъ и судей.

Главный начальникъ, Гансъ Вольмаръ, и его помощники были преданы въ руки палача, потому что сознались подъ пыткой въ революціонныхъ стремленіяхъ Бѣднаго Конрада; по произнесеніи надъ ними приговора они были немедленно обезглавлены на живодернѣ. Прочіе плѣнники были снова отведены въ тюрьму, такъ какъ судъ нашелъ нужнымъ «подумать еще объ нихъ.» На другое утро были приговорены къ смерти семь человекъ за участіе въ Бѣдномъ Конрадѣ. То были: Михаэль Шмидтъ, Лудвигъ Фассольдъ, Гансъ, зять слесарши, Гансъ Вейссъ, Якобъ Гуэть, Гансъ Клэзаттель—всѣ шестеро изъ Шорндорфа, и Якобъ Даутель изъ Шлехтбаха. Приговоръ этотъ былъ также немедленно выполненъ, и голова Даутеля выставлена на среднихъ воротахъ Шорндорфа. Прочіе были на вѣки изгнаны изъ страны, съ женами и дѣтьми; изъ нихъ нѣкоторые были высѣчены, какъ напр. Вейтъ Краутъ, рейхенбахскій волостной старшина Михаэль и др.; иные были подвергнуты клейменію на лбу и разнымъ другимъ тѣлеснымъ наказаніямъ; всѣ они должны были дать присягу въ томъ, что не будутъ мстить за это. Самыя меньшія наказанія состояли въ лишеніи правъ состоянія и въ крупныхъ денежныхъ пеняхъ. Въ числѣ изгнанныхъ находился одинъ

изъ главныхъ участниковъ леэнскаго Башмака, фейербахскій портной Гансъ Гуммель. Онъ отправился въ Аарбургъ, къ Юссу Фрицу, потомъ жилъ въ Швейцаріи и наконецъ рѣшился вернуться въ фрейбургскую область, но былъ схваченъ и казненъ.

9 августа герцогъ въ третій разъ чинилъ кровавую расправу въ Штутгартѣ, на площади. Здѣсь были приговорены къ смерти солдаты, хотѣвшіе предать городъ крестьянамъ: Гансъ Шмекъ изъ Вальденбурга, Петеръ Вольфъ, сынъ его, Бернгардъ, Каспаръ Шмидтъ, Петеръ Кохъ—всѣ четверо изъ Гласгютте,—и Тіель, по прозванію Лэелинъ-Іёрхъ, изъ Штутгарда; они были тотчасъ же обезглавлены на площади; головы Шмека и Петера Вольфа были выставлены на башняхъ городскихъ воротъ, потому что первый былъ капралъ, а второй вовлекъ въ заговоръ своихъ родныхъ дѣтей. Трупы ихъ были зарыты на живодернѣ. Мать Тіеля просила пощадить жизнь ея сына. Получивъ отказъ, она повѣсилась на образѣ Спасителя въ Ильенскомъ паркѣ. Трупъ ея выбросили и зарыли вмѣстѣ съ тѣломъ ея сына, а домъ ихъ разрушили. Много людей, имѣвшихъ съ Тіелемъ сношенія, были наказаны тюремнымъ заключеніемъ, позорнымъ столбомъ и розгами.

Бѣжавшіе члены Бѣднаго Конрада были приглашены явиться въ Штутгартъ къ суду 11 августа, въ пятницу; но на зовъ явилось только восемь человекъ. Герцогъ наказалъ ихъ по своему произволу, но не смертью. Неявившіеся въ теченіи трехъ дней отъ срока были приговорены къ смерти. Въ числѣ бѣжавшихъ были Прегицеръ съ сыномъ, Вагенгансъ съ сыномъ, Шлехтлинсъ-Кляусъ, Вейтъ Бауэръ, Петеръ Іейссъ, Уцъ Энтенмайеръ и другіе, игравшіе важную роль въ обществѣ. Было приказано казнить ихъ, куда и когда бы они не вернулись. Точно также угрожали смертью, конфискаціею имущества и разрушеніемъ дома всякому, кто бы вздумалъ завѣдомо принимать ихъ къ себѣ, хотя бы то были отецъ, мать, братъ, сестра, сынъ или дочь обвиненныхъ. Изъ Ремской и другихъ бунтовавшихъ долинъ много участниковъ Бѣднаго Конрада бѣжало за границу. Поэтому во всѣ имперскіе города и къ швейцар-

скому союзу были посланы грамоты, въ которыхъ вюртембергское правительство просило городскія и союзныя власти «не терпѣть у себя и наказывать смертю и лишеніемъ имущества этихъ измѣнниковъ, осужденныхъ на казнь, изъ коихъ лишь не многіе очень богаты, но которые всѣ равно ненавидятъ, губятъ и оскорбляютъ святую вѣру и христіанскую церковь, презираютъ власти и именитыхъ людей, нарушаютъ миръ, преданы ереси, скрываютъ въ себѣ зловерное стремленіе кощунствовать надъ св. вѣрою и христіанствомъ, презирать и истреблять имперію, королевства, герцогства, княжества, графства и господства, заражать духомъ мятежа города и деревни, уничтожать всѣ обязанности и оподлить все.»

Императоръ произнесъ надъ бѣглецами опалу; напу просили предать ихъ проклятію.

Начались розыски во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были прежде безпорядки и сношенія съ Бѣднымъ Конрадомъ, прекращенныя правительствомъ уступками, которыя побудили этихъ крестьянъ отстать отъ ремстальцевъ и принять тюбингенскій договоръ. Шорндорфская расправа повторилась во многихъ мѣстахъ. Вездѣ шли пытки, и слѣдственные акты наполнялись именами людей, подвергнутыхъ денежнымъ пенямъ. Пени были для того времени очень велики, круглымъ числомъ по 24 флорина съ человѣка.

Чтобъ собрать побольше денегъ, у обвиненныхъ вымогали пыткою указанія на множество другихъ лицъ; нѣкоторые добровольно сдѣлались доносчиками. Бантельгансъ, увѣренный, что приверженцы его не выдали его и что онъ умно сыгралъ свою роль, возвратился домой, получивъ ручательство въ безопасности. Онъ утверждалъ, что совершенно невиненъ и даже отправился ко двору герцога. Но здѣсь онъ узналъ, что правительству извѣстны всѣ его поступки. Одинъ его бывший сообщникъ, членъ магистрата, увидя его, пригласилъ его сѣсть рядомъ съ собою. — «Я не хочу сидѣть рядомъ съ предателемъ!» воскликнулъ онъ съ досадой. — Чортъ тебя бы предалъ, возразилъ

тотъ. — «Нѣтъ, отвѣчалъ Бантель, чортъ этого не сдѣластъ; это дѣло людей.»

Подданнымъ было приказано воздерживаться впредь отъ всякаго злословія, ибо дознано, что къ возстанію и неповиновенію подали поводъ и побужденіе праздныя, возмутительныя, ядовитыя и ругательныя рѣчи, явно и безстыдно произносимыя священниками, мужчинами, женщинами, мальчиками и дѣвочками. Кто впредь услышитъ подобныя рѣчи, долженъ немедленно донести о томъ начальству, дабы духовныя лица отвѣчали за нихъ своимъ властямъ, а прочіе были наказуемы, смотря по винѣ, лишеніемъ жизни, чести или имущества. Всѣ должностныя общинныя лица и судьи, назначенныя мятежными горожанамъ и крестьянамъ, были отрѣшены. Строго было воспрещено на будущее время, подъ страхомъ казни и конфискаціи имущества, собирать сходки и созывать общины, а также бить въ набатъ, хотя бы даже съ вѣдома и по приказанію должностныхъ лицъ округа; даже судъ и магистратъ городовъ могли собираться лишь въ видахъ общественной пользы и не должны были ни о чемъ говорить, что было бы противно интересамъ герцога и высшихъ сословій. Въ то же время поселяне были обезоружены всюду, гдѣ происходили безпорядки. 10 августа герцогскіе рейтары вторично прибыли въ Ремскую долину и приступили къ совершенному обезоруженію крестьянъ. У крестьянина остался только ножъ рѣзать хлѣбъ.

Другія правительства, во владѣніяхъ которыхъ былъ Бѣдный Конрадъ, наказывали участниковъ его не такъ жестоко. Подданные монастыря Лорха были принуждены дать клятву ничего впредь не замышлять противъ монастыря, не переходить безъ позволенія аббата въ чужое подданство, исправно платить оброкъ, не бить въ набатъ, не держать сходокъ и заплатить денежное взысканіе.

Ульрихъ больше всего заботился о деньгахъ. На штутгардскомъ сеймѣ были назначены новые налоги; пограничнымъ фогтамъ было приказано вступить въ переговоры съ бѣглецами, которыхъ было по многу изъ cadaго округа, и предложить

имъ возвратиться на родину за известную сумму. Новый туттлингенскій фогтъ, Гансъ фонъ-Карпфенъ, увѣдомлялъ правительство, что, получивъ это приказаніе, онъ вошелъ въ сношенія, какъ бы отъ своего имени, съ бѣглецами, проживающими въ Шаффгаузенѣ, числомъ болѣе пятидесяти человѣкъ *); онъ далъ имъ знать, чтобы они явились въ штутгардскую канцелярію, гдѣ наказаніе будетъ смягчено, такъ что богатые должны будутъ заплатить всего по 8 гульденовъ со 100, а бѣдные отдѣлаются тюремнымъ заключеніемъ. Многіе пришли въ Туттлингенъ, полагая, что дѣло ихъ будетъ окончено въ этомъ городѣ; но они опасались идти въ Штутгардъ; поэтому фогтъ совѣтовалъ правительству даровать прощеніе тѣмъ, которые будутъ просить помилованія; ибо, если изгнанники возвратятся, то правительству можно будетъ держать ихъ въ своихъ рукахъ, тогда какъ за границу они свободнѣе и потому опаснѣе.

Совѣтъ этотъ былъ основателенъ. Хозяиничанье и жизнь Ульриха возбудили черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новые смуты; изгнанники и бѣглецы собирались на границахъ и даже проникали въ страну подъ видомъ богомольцевъ и подъ разными костюмами. Они имѣли сношенія съ безпокойными швейцарскими крестьянами и, разумѣется, съ изгнанниками другихъ государствъ. Правительство опасалось вооруженнаго вторженія и новаго возмущенія. Было тайно приказано усилить бдительность въ замкахъ и городахъ, организовать тайную полицію и зорко наблюдать всюду, нѣтъ ли какихъ нибудь замысловъ, не слышно ли и не видно ли чего нибудь подозрительнаго и опаснаго, нѣтъ ли какихъ нибудь лицъ, ходящихъ по округамъ подъ видомъ богомольцевъ или подъ другими костюмами, и такихъ людей немедленно задерживать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были дѣйствительно взяты и подвергнуты пыткамъ разные люди,

*) Надо замѣтить, что Шаффгаузенъ, казнившій бѣжавшихъ участниковъ леэнскаго Башмака, покровительствовалъ изгнаннымъ членамъ Бѣднаго Конрада; причиною этого была побѣда поселенъ въ Швейцаріи и перемѣна, происшедшая въ общественномъ мнѣніи.

торая вынудила у нихъ сознаніе въ намѣреніи убить герцога и возмутить страну, ихъ казнили. Но черезъ нѣсколько лѣтъ самъ герцогъ, чтобы возвратиться въ свое государство, изъ котораго былъ изгнанъ, самъ привелъ въ страну всѣхъ бѣглецовъ и изгнанниковъ; по выраженію чиновъ, онъ хотѣлъ начать новаго Бѣднаго Конрада.

Ясно, что крестьяне Ремской долины были дважды обмануты: во-первыхъ коварными приготовленіями штутгардскаго сейма, который, какъ ихъ увѣряли, долженъ былъ помочь ихъ бѣдствіямъ; во-вторыхъ, хитрымъ договоромъ, заключеннымъ съ ними, но содержавшемъ въ себѣ по толкованію дворянства требованіе принять тюбингенскій трактатъ, и слѣдовательно неизбежно навлекавшимъ на нихъ наказаніе. Герцогскія войска вѣроломно напали на крестьянъ, прежде чѣмъ имъ объявили рѣшеніе сейма; наконецъ нѣкоторыя постановленія тюбингенскаго договора были приведены въ исполненіе прежде, чѣмъ крестьяне приняли его.

На ландтагѣ не поднялось ни одного голоса противъ подобной несправедливости. Но бѣжавшіе предводители крестьянъ еще 9 августа писали Гансу фонъ-Гайсбергу, напоминая ему, что онъ договаривался съ ними въ Бейтельспахѣ, общалъ имъ миръ и безопасность до окончанія сейма, и не смотря на это, на имущество, женъ и дѣтей ихъ напали прежде, чѣмъ сеймъ закрылся. Они даже жаловались имперскимъ властямъ на несправедливость, которой подвергнулись. Но герцогъ и чины писали властямъ, чтобы онѣ не вѣрили «лживымъ вымысламъ и кознямъ крестьянъ.»

Итакъ Бѣдный Конрадъ кончился эшафотомъ, тюрьмой, лишеніемъ чести, имущества и пенями: еще одна волна разбилась, но потокъ стремился далѣе.

Чтобы преградить ему путь, швабское дворянство съѣхалось въ Урахъ и заключило тѣсный союзъ, клеймившій именемъ мятежа каждое крестьянское общество. «Мы будемъ всячески поддерживать другъ друга противъ всѣхъ покушеній простого народа,» гласилъ союзный актъ, «такъ какъ въ настоящее

время происходят бунты и возмущения подданных и бѣдныхъ людей, которые поднимаютъ Башмакъ и заключаютъ незаконные союзы противъ своихъ законныхъ, естественныхъ властей и господъ, осмѣливаются пытаться сбросить съ себя власти высшихъ классовъ, подавить и истребить дворянство и всѣ высшія сословія, такъ что можно опасаться, чтобы дворянству и рыцарству не пришлось бы испытать того же, что уже потерпѣли государи, города и духовенство.» *)

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бѣдный Конрадъ въ Ортенау.

Въ то время, какъ въ Вюртембергѣ происходило возстаніе Бѣднаго Конрада, въ Бюль въ Ортенау основался союзъ Гугель-Бастіана, называвшійся также Бѣднымъ Конрадомъ.

Въ началѣ лѣта 1514 г., въ то время, какъ въ Ремской долинѣ начиналось вооруженное волненіе Бѣднаго Конрада, два Бѣдныхъ Куэнца пытались возбудить его въ Бюль и по сосѣдству.

Леэнскій Башмакъ имѣлъ связи и здѣсь; Якобъ, — подмастерье изъ Ортенау, участвовалъ въ гартматтенскихъ сходкахъ. Баденское правительство, хотя и хвалившееся впоследствии мнимою кротостью своею, возбудило неудовольствіе простого народа новою пошлиною на плоды и вино, новымъ закономъ о наслѣдствѣ, по которому супруги не могли наслѣдовать другъ

*) Этотъ подробный и добросовѣстный рассказъ о возстаніи и заговорѣ „Бѣднаго Конрада“ показываетъ, какъ несправедливо отзывался о немъ Шлоссеръ, говоря о „дикихъ неистовствахъ“ крестьянъ и называя Гайнспетера „дряннымъ дерзкимъ негодяемъ.“ (Т. XI, стр 315).

другу, чрезмѣрными повинностями, разведеніемъ дикихъ звѣрей и другими распоряженіями, также нарушавшими старинные обычаи.

Въ числѣ оброчныхъ крестьянъ былъ нѣкто Гугель-Бастіанъ, проживавшій въ Бюль. Онъ собралъ толпу и ходилъ съ нею по долинѣ къ Альтшвейеру и Каппелю. Въ Альтшвейерѣ нѣкто Конрадъ составилъ второй Бѣдный Куэнцъ, а другой, по имени Эльзенъ-Бернгардъ, начертилъ мѣломъ кругъ и приглашалъ вступить въ него всѣхъ, кто хочетъ помочь ему уничтожить новыя постановленія и возстановить древнія права. Въ кругъ вошло много, и всѣ они присоединились въ Бастіану бюльскому.

Въ среду (14 іюня) много крестьянъ изъ долины пришло рано утромъ въ Бюль, одни изъ страха, другіе изъ желанія избавиться отъ повинностей; они надѣялись на содѣйствіе другихъ мѣстностей. Надежда эта не лишена была основанія. Штольгофенскій старшина обѣщалъ прійти съ условіемъ, чтобы они помогли штольгофенцамъ отнять у аббата шварценскаго заграбленный имъ у нихъ лѣсъ; ахенцы также хотѣли прійти.

Когда крестьяне собрались, Бастіанъ велѣлъ имъ рассказывать свои жалобы. Желанія ихъ были очень скромны. Они хотѣли имѣть право гонять, стрѣлять, ловить и всячески убивать дичь, если она вредитъ ихъ виноградникамъ, и оставлять ее себѣ или дарить фогту, по произволу, не подвергаясь наказанію. Они желали также отмѣненія новаго закона о наслѣдствѣ и уменьшенія до прежнихъ размѣровъ пошлины въ Штейнбахѣ и Бюль, которая съ 5 пфенниговъ возрасла до 6 плаппертовъ съ воза; имъ хотѣлось еще, чтобы сбавили подать на кормъ, не принуждали въ судѣ доносить на сосѣда, отдавали имъ за барщину и проценты сѣнокосъ, и объявили недѣйствительными векселя, столь давнишніе, что проценты сравнялись съ капиталомъ. Наконецъ они изъявили желаніе не платить пошлинъ за вино, выпиваемое дома и имѣть право ловить рыбу въ рѣкѣ, во время беременности женъ. Они по-

становили дѣйствовать силою противъ всѣхъ, кто будетъ противиться возвращенію ихъ древнихъ правъ. Бастіанъ распространилъ общество далѣе. У лѣса, близъ деревни Енсбахъ, за Ахерномъ была назначена сходка, гдѣ должны были присутствовать болѣе 800 человекъ изъ владѣній маркграфа и другихъ князей. Но маркграфъ узналъ о заговорѣ и занялъ бюльскую долину конницей; нѣкоторые крестьяне были взяты въ плѣнъ; другіе струсили.

Гугель-Бастіанъ спасся бѣгствомъ, но черезъ нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ фрейбургской области, былъ схваченъ въ Брисгау.

Городъ приговорилъ его 5 октября къ казни, какъ «зачинщика мятежа и заговора.» Приговоръ былъ выполненъ по выздоровленіи его жены отъ родовъ.

Голова его пала, а крестьянское горе — осталось.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Начало борьбы крестьянъ съ дворянствомъ въ Венгріи, Каринтіи и Виндской мархіи.

Весною и лѣтомъ 1514 г., слѣдовательно въ одно время съ Бѣднымъ Конрадомъ въ Швабіи, происходило кровопролитное возстаніе крѣпостныхъ въ Венгріи; главою мятежа былъ отставной военный, Георгій Доса; онъ обнаружилъ большія военныя дарованія и въ нѣсколько дней организовалъ изъ нестройныхъ массъ крѣпостныхъ и оброчныхъ крестьянъ правильное войско. Къ этому войску присоединилось и мелкое дворянство изъ ненависти къ высшей аристократіи; не желавшихъ присоединяться народъ силою принудилъ пристать къ нему. Нисніе классы славянскаго племени свирѣпствовали съ

ненасытною мстительностью противъ городской и сельской аристократіи: въ непродолжительное время погибло четыреста дворянъ. Но одержавъ много побѣдъ, крестьяне были наконецъ побѣждены и потерпѣли жестокое наказаніе. 60,000 крестьянъ погибли въ битвахъ и на эшафотѣ, и иго дворянства стало еще тяжелѣе.

Въ тоже время, въ тѣ же годы происходили крестьянскія волненія въ австрійскихъ альпійскихъ странахъ, а именно въ Виндской мархіи.

Поразительно уже то, что волненія въ этихъ далекихъ славяно-германскихъ странахъ совпадаютъ годъ въ годъ съ нѣмецкими Башмаками, какъ-то съ 1502 — 3; въ 1513, 1514 и 1515 г. Но еще болѣе поразительно, что ходъ возстанія и лозунгъ его были вполнѣ одинаковы и тамъ и здѣсь.

Въ тотъ самый годъ, т. е. 1503, когда въ южной Германіи вспыхнулъ брукхайнскій Башмакъ, крестьяне составили тайное общество въ Виндишландѣ. Кромѣ ежедневныхъ мученій со стороны господъ, Крайнскіе крестьяне страдали отъ частыхъ набѣговъ турокъ, и походовъ, и поборовъ, предпринимаемыхъ для отраженія ихъ. Въ 1503 г. сельское населеніе, терзаемое такими бѣдствіями, дошло до крайней нужды вельдствие повсемѣстной дороговизны, постигшей и Крайнъ. Народъ возсталъ противъ свѣтскихъ и духовныхъ господъ, но безуспѣшно.

Господа продолжали «ежедневно грабить и обижать» народъ, и въ 1513 г. крестьяне возстали вторично. Но и второе возстаніе не имѣло успѣха, и дворянству снова удалось «взнуздать мужиковъ», какъ выражается повѣтствующій объ этомъ благородный господинъ. Однако въ слѣдующемъ, 1514 г., во время событій Бѣднаго Конрада въ Швабіи, виндская земля снова возстала и надѣлала господамъ много хлопотъ. Штирійскія, каринтійскія и крайнскія горы встали какъ одинъ человекъ и взялись за мечъ на защиту своихъ древнихъ правъ.

Господа, «взнуздавъ мужиковъ», обременили ихъ новымъ тяжкимъ бременемъ; въ этомъ отношеніи императорскіе чиновники дѣйствовали за одно съ помѣщиками. Они намѣревались

вынудить у народа подь именемъ земской подати огромныя суммы; они дѣйствовали при этомъ именемъ императора, требуя этой контрибуціи въ его пользу.

Крестьянамъ нечего было платить; они считали этотъ налогъ несправедливымъ и тяжкимъ, и не вѣрили, чтобы онъ взимался съ вѣдома ихъ всемилостивѣйшаго государя императора. Въ среднемъ Крайнѣ, въ герцогствѣ Готше, населенномъ почти исключительно нѣмцами, составили заговоръ; вскорѣ крестьяне изъ всѣхъ горныхъ долинъ повалили толпами къ городку Райну при впаденіи Гурка въ Зау; здѣсь они толковали о томъ, какъ пособить своему горю и возвратить прежнія вольности. Жители герцогства Готше, сохранившіе среди славянскаго народонаселенія, свои нѣмецкія черты, пользуются доселѣ репутаціею самыхъ трудолюбивыхъ и прилежныхъ изъ обитателей альпъ. Они рѣшили искать правосудія законнымъ путемъ и послали императорскимъ чиновникамъ просьбу, прося «о возвращеніи своихъ правъ.»

Императорскіе чиновники не только не обратили вниманія на эту просьбу, но стали поступать еще произвольнѣе. Они схватили и казнили нѣкоторыхъ крестьянъ. Это воспламенило гнѣвъ готшейцевъ; они убили своего фогта, Георга фонъ-Турна и попечителя, Грегора Штерзена. Крестьянская кровь, преступно пролитая, вопіяла о мщеніи, и черезъ нѣсколько дней всѣ горы были охвачены возстаніемъ. Между общинами и помѣщиками началась открытая война, которую крестьяне, намѣкая на свое требованіе, называли Стора Брауда, т. е. Древнія Вольности. Вскорѣ число вооруженныхъ крестьянъ дошло до 80,000, а по другимъ до 90,000. Быть можетъ, показанія эти преувеличены, но несомнѣнно, что въ Альпахъ Виндишланда образовался большой виндскій союзъ, подобно тому какъ за два вѣка до того образовался швейцарскій союзъ Грютли, а за сто лѣтъ — сѣрый союзъ Ретии.

Вооружившись, крестьяне еще разъ послали спросить императорскихъ чиновниковъ, намѣрены ли они оставить крестьянамъ ихъ древнія вольности? Чиновники отвѣчали, что сооб-

щать просьбу крестьянъ императору. Крестьяне послали императору депутатовъ съ письмомъ, въ которомъ жаловались на чиновниковъ; они описывали, какъ злоупотребляютъ чиновники своею властью, какъ они грабятъ, мучатъ и угнетаютъ народъ, «обгладывая его до костей» и прикрываясь именемъ императора. Крестьяне выразили увѣренность, что все это дѣлается безъ вѣдома его величества, а тѣмъ болѣе помимо его приказаній и повелѣній.

Но и благородные господа обратились къ императору, призывая его «противъ наглости и преступленій мятежной мужицкой толпы».

Императоръ Максимилианъ находился въ Аугсбургѣ. Онъ былъ радъ видѣть униженіе властолюбиваго дворянства этихъ странъ; это соотвѣтствовало интересамъ престола; притомъ Максъ былъ расположенъ къ простому народу. Онъ призвалъ къ себѣ депутатовъ крестьянъ и дворянства и съ участіемъ, котораго не думалъ скрывать, выслушалъ жалобы мужиковъ; затѣмъ онъ при нихъ обратился съ очень рѣзкой рѣчью къ дворянству. Съ крестьянскими депутатами онъ говорилъ очень дружески и сказалъ, чтобы они шли назадъ и передали своимъ, что онъ подь страхомъ строгаго наказанія запретилъ чиновникамъ нарушать древнія права и обременять народъ нововведеніями. Но онъ приказалъ имъ уважать его повелѣнія, оставить свою полевою стоянку и разойтись по домамъ. Императоръ прибавилъ, что дѣйствительно угнетенія совершались чиновниками безъ его вѣдома.

Когда депутаты возвратились съ такимъ отвѣтомъ, крестьяне пришли въ неопisanную радость; они радовались въ ожиданіи милостивой помощи императора.

Но возбужденіе умовъ не прекращалось; необыкновенныя явленія въ природѣ возбуждали воображеніе народа; на небѣ показались три солнца въ трехъ радугахъ, а по ночамъ точно огненные полчища сражались въ воздухѣ. Народъ считалъ это предзнаменованіемъ необыкновенныхъ событій. Чтобы понять значеніе подобныхъ явленій природы для настроенія умовъ

простого народа, нужно вспомнить, что даже люди, стоявшие на высших ступенях тогдашняго просвѣщенія, раздѣляли эти предразсудки; извѣстно, что Меланхтонъ считалъ пѣніе трехъ пѣтуховъ — предвѣстіемъ смерти, а появленіе кометы — предзнаменованіемъ печальныхъ событій, пугался этого и, огорчаясь, искалъ утѣшенія у друзей.

Но такъ какъ народъ мирно разошелся, то господа полагали воспользоваться для своихъ выгодъ кратковременнымъ срокомъ до прибытія самого императора. Они неожиданно принялись снова притѣснять народъ; но это вызвало внезапный общій взрывъ народнаго негодованія. Нѣтъ сомнѣнія, что господа позволяли себѣ неслыханныя насилія, потому что крестьяне, которые прежде только упорствовали и противились, пришли въ ярость. Но исторіи неизвѣстно, въ чемъ именно состояли эти насилія, такъ какъ всѣ источники, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія, писаны дворянами и духовенствомъ, то, разумѣется, они постарались умолчать объ этой сторонѣ дѣла.

Для дворянъ настало такое времячко, что, по словамъ одного изъ нихъ, они предпочли бы быть мужиками, чѣмъ господами. Местъ народа длилась съ весны до осени 1515. г. Въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ виндскій крестьянскій союзъ былъ ужасомъ и бичемъ дворянства. Но въ каждой странѣ было особое войско, особые предводители и военачальники, въ каждой по два старшины, по два прокуратора или оратора и по три помощника ихъ. Подобно швабскимъ ремесламъ, они разослали всюду прокламаціи, въ которыхъ говорили, что собрались ради божеской справедливости и съ цѣлью уничтожить всѣ новыя выдумки. Особенно яростно мстили крайнцы. Большая часть крайнскихъ замковъ были сожжены, и, чтобы стереть съ лица земли слѣды ихъ, разрушили ихъ обгорѣлыя развалины. Ни сильная позиція, ни искусныя укрѣпленія не могли спасти дворянскія жилища отъ послѣдствій народнаго гнѣва; уцѣлѣвшія были обязаны этимъ уму или хитрости своихъ владѣльцевъ.

Братья фонъ-Мюндорфы цу-Майхау были особенно предметомъ ненависти крестьянъ, и потому ихъ первыхъ постигъ Божій судъ, наказавшій ихъ за ихъ долговременныя и многочисленныя преступленія, рукою простого народа. Ихъ сильный замокъ Майхау стоялъ на вершинѣ высокой горы, у хребта Ускока въ среднемъ Крайнѣ; его защищали крѣпкія стѣны и башни. При первомъ взрывѣ народной мести Бальтазаръ фонъ-Мюндорфъ и его братъ поспѣшили укрыться въ этотъ замокъ; они сознавали, что должны быть первою цѣлью мести крестьянъ. Къ нимъ присоединилось еще 17 человекъ дворянъ. Въ Вознесеніе крестьяне стали подниматься на гору. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, замокъ былъ взятъ и дворяне попались живыми въ руки крестьянъ.

Крестьяне стали судить дворянъ. Головы Мюндорфовъ слѣтили первыя. Затѣмъ топоръ упалъ на головы Маркса фонъ-Клисса, послѣдняго изъ рода Клисса, Каспара Вернекчера и 15 остальныхъ. Трупы ихъ были выброшены за стѣны.

Какъ прежде дворяне въ Аппенцелѣ хотѣли въ своей ярости перебить крестьянскихъ женъ и дѣтей, чтобы не оставить слѣдовъ и семени крестьянъ, такъ мстительные поселяне въ Виндіи желали до корня истребить сословіе дворянъ. Жертвою ихъ пали два малолѣтнихъ сына Бальтазара Мюндорфа. Старая нянька успѣла спасти его маленькую дочь. Но жена его, Марта, изъ благородной фамиліи Фаффончъ, и двѣ дочери ея были принуждены разстаться съ своими пышными нарядами и надѣть простое крестьянское платье. «Вы достаточно пожили въ холѣ», кричали крестьяне плачущимъ женщинамъ, «попробуйте-ка теперь крестьянскаго труда; испытайте, можно ли притѣснять простой народъ въ противность его древнимъ правамъ!»

Многія другія земли раздѣлили участь Майхау. Великолѣпный замокъ Архъ въ нижнемъ Крайнѣ, возвышавшійся среди цвѣтущихъ садовъ и виноградниковъ, былъ обращенъ въ пепель и разрушенъ до основанія; палъ лѣсной замокъ Турнь на Гардтѣ, пала большая, прекрасная крѣпость Зауенштейнъ

на отвѣсной скалѣ, повисшей надъ Зау; пали неприступные, высокіе, окруженные Альпами бургі: Рукенштейнъ, Рудольфсэкъ и Буллигграцъ, Нассенфусъ, Нейдэкъ и Цобельсбергъ, и много другихъ. Почти всѣ эти замки находились въ прекрасной, плодородной странѣ, среди тучныхъ полей, веселыхъ луговъ, среди садовъ съ дорогими плодами или на холмахъ съ драгоценнымъ виномъ. Природа сдѣлала все для счастья и довольства даже бѣднѣйшихъ сыновъ своихъ; но господа отравили бѣднякамъ наслажденіе дарами природы и отняли у нихъ все, что они отъ нея получали. Поэтому во многихъ замкахъ повторились майхаускія сцены; многіе благородные владѣтели были низвергнуты съ острыхъ зубцовъ своихъ башенъ и разбились при паденіи.

Крестьяне въ теченіе трехъ мѣсяцевъ разоряли владѣнія своихъ угнѣтателей; они не щадили и монастырей. Въ числѣ пострадавшихъ дворянъ былъ и Іосифъ фонъ-Ламбергъ. Онъ былъ храбрый воинъ, много путешествовалъ по Европѣ и обращался съ своими крестьянами лучше другихъ помѣщиковъ; наука и искусство, съ которыми онъ былъ знакомъ, смягчили его чувства. Когда крестьяне осадили его замокъ Ортенегъ, онъ попытается отразить ихъ силою. Но убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, онъ вступилъ въ дружескіе переговоры съ народомъ; его ласковыя рѣчи убѣдили ихъ отступить.

Ему удалось даже вообще остановить волненіе крестьянъ; онъ удерживалъ ихъ обѣщаніями и переговорами до тѣхъ поръ, пока не собралось небольшое войско.

Дворянство хлопотало о томъ, чтобы получить помощь отъ дворянъ сосѣднихъ земель. Каринтійское рыцарство, находившееся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крайнее, послало въ Крайнъ 100 человекъ рейтаровъ и 400 пѣхотинцевъ; отрядъ этотъ послужилъ для прикрытія важнѣйшихъ пунктовъ страны. Императоръ до 1516 года равнодушно смотрѣлъ на событія въ горахъ. Но когда крестьяне, не довольствуясь наказаніемъ виновныхъ, стали нападать на невинныхъ безъ всякаго спра-

ведливаго повода и жестоко мучили встрѣчныхъ и поперечныхъ, Максимилианъ приказалъ вербовать солдатъ въ Виллахъ, Фрейзахъ и Клагенфуртѣ (въ Каринтіи), для подавленія крайскихъ мужиковъ. Господинъ Зигмундъ фонъ-Дитрихштейнъ, губернаторъ штирійскій, былъ назначенъ командиромъ этого войска. Возстаніе въ Штирії и Каринтіи было усмирено. Дворянство сумѣло задержать и ослабить дѣятельность тамошнихъ крестьянъ и раздѣлить ихъ силы.

Императоръ позвалъ къ себѣ крестьянскихъ депутатовъ до начала военныхъ дѣйствій; но они не пріѣхали и не хотѣли кончать дѣло полюбовно, предвидя, что будутъ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ.

Большинство крестьянъ прекратили однако военныя дѣйствія; только одинъ отрядъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, оставался въ полѣ и жегъ земли. Отрядъ этотъ осадилъ городокъ Райнъ, гарнизономъ котораго командовалъ императорскій офицеръ Кисъ-Марко, усердно служившій императору въ Италіи и въ другихъ войнахъ. Будучи доведенъ до крайности, онъ сжегъ городокъ и укрылся только съ шестью рейтарами въ замкѣ. Крестьяне проломили первую, вторую, третью стѣну замка—тогда Марко отворилъ ворота, рѣшившись пробиться съ своими товарищами черезъ толпу. Но народъ подлилъ свои мосты, проложенные чрезъ ровъ, и начальникъ города съ шестью солдатами упали въ ровъ, гдѣ крестьяне добились ихъ.

Безпечно стояли они въ лагерѣ, торжествуя побѣду. Дитрихштейнъ, провѣдавъ объ этомъ, быстро перешелъ при Петтау Драву съ 850 чел. конницы, 5 хоругвями пѣхоты и нѣсколькими орудіями и атаковалъ крестьянъ. Крестьяне были вооружены только луками, мечами, дубинами и кольями и не пользовались репутаціей храбрости и воинственности. Поэтому войска безъ труда разсѣяли и разбили ихъ. «Такъ какъ дворянство было уже достаточно наказано, а мужики, не довольствуясь этимъ, продолжали безумствовать и неистовствовать, какъ бѣшеные, то наступило время ихъ гибели», говоритъ одинъ лѣтописецъ. «Богъ отнялъ у народа сердце; му-

жики превратились въ овецъ или зайцевъ, разбѣжались и разсѣялись въ испугѣ, какъ табунъ или стадо скота, куда глаза глядятъ.»

Нападеніе это произошло около Михайлова дня. Бѣглецы подверглись кровавой расправѣ. «Бѣглыхъ и беззащитныхъ рѣзали и кололи; всюду стонъ стоялъ, потому что убивали всѣхъ, кто попадался подъ руку.» Тѣ, кого схватили съ оружіемъ въ рукахъ, подверглись еще худшей участи. Ихъ четверговали, сажали на колъ, вѣшали на деревьяхъ цѣлыми дюжинами; деревья покрывались трупами, «какъ стаей птицъ». Дома, бѣжавшихъ за границу, сжигались, а имущество конфисковалось. Все крестьянское народонаселеніе было обложено контрибуціей; на всякій домъ наложено по гульдену пенн, которая платилась впоследствии еще внуками виновныхъ, для увѣковѣченія памяти объ ихъ преступленіи. Местъ дворянства была такъ слѣпа, что оно вредило самому себѣ и такъ разорило и опустошило страну, что крестьяне много лѣтъ не могли поправиться. Въ Штиріи и Каринтіи, гдѣ мятежъ былъ прекращенъ ранѣе, дворяне дѣйствовали гораздо умѣреннѣе. Тамашній народъ въ воспоминаніе о своемъ преступномъ союзѣ былъ обложенъ 8 пфеннигами вѣчной подати съ дома, и подать эта получила названіе союзнаго пфеннига (Бундпфеннигъ). Такимъ образомъ и здѣсь крестьянамъ не удалось защитить свои древнія права и спасти свои вольности; причиною ихъ неуспѣха были также недостатокъ общаго предводителя и единства въ дѣйствіяхъ и планахъ, довѣрчивость и безпечность ихъ, вслѣдствіи которыхъ они медлили, давали надувать себя и подвергались неожиданнымъ нападеніямъ и наконецъ неспособность ихъ воздерживаться отъ излишествъ и умѣренно пользоваться первыми успѣхами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Причины усиленія умѣреній.

Оружіе высшихъ классовъ одержало побѣду надъ сопротивленіемъ простого народа на всемъ югѣ имперіи, отъ береговъ Рейна до Карпатовъ. Казалось, что спокойствіе всюду восстановлено.

Ружейныя дула, наведенныя крестьянами ремской долины на сердце государя и развалины столькихъ замковъ въ виндскихъ Альпахъ, побагровѣвшія отъ пролитой на нихъ дворянской крови—могли служить дворянству предостереженіемъ и убѣдить ихъ воздерживаться отъ несправедливостей. Были, правда, люди, видѣвшіе въ этихъ событіяхъ перстъ Божій, трепетавшіе за будущее и не обольщавшіеся минутной тишиной; буря исчезла съ поверхности, но они слышали ея вой подъ землею, подъ своими ногами.

Одна грамота швабскаго союза отъ 1492 года ясно доказываетъ, что еще въ концѣ XV столѣтія умѣншіе дворяне понимали очевидную опасность, грозившую имъ со стороны народа, если они не прекратятъ своихъ насилій. Король разрѣшилъ швабскимъ чинамъ взыскать съ подданныхъ поголовную подать для покрытія военныхъ издержекъ. Но чины отказались отъ этой милости. «Дѣла въ Швабіи таковы, отвѣчали они, что подданные не могутъ платить новыхъ налоговъ, потому что и безъ того до крайности обременены податями и оброками; дворянство не можетъ принуждать ихъ къ новымъ платамъ, не подвергая себя опасности лишиться всѣхъ своихъ ежегодныхъ доходовъ, оброковъ и податей. Въ Швабіи многіе крестьяне свободны, и при томъ существуетъ древній обычай, что власти не могутъ взыскивать съ подданныхъ ничего, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, пошлинъ и оброковъ. Если бы, не взирая на это, чины вздумали требовать новыхъ налоговъ, то

подданные свергли бы власть и искали бы защиты у другихъ.»

Но большинство сеймовыхъ членовъ не принадлежало къ числу благоразумнѣйшихъ. Легкомысленность и жестокость большинства даже возрасли послѣ послѣднихъ событій.

Главною причиною усиленія угнетеній было честолюбіе и роскошь дворянства; въ особенности роскошь, которая въ послѣднее время распространилась повсюду и быстро возрасла до высокой степени.

Духовенство изстари вело веселую жизнь, особенно относительно ѣды и питья; съ теченіемъ времени роскошь его увеличилась и обратилась на новые предметы. Но высшее и нисшее дворянство до послѣдней трети XIV вѣка почти не знало роскоши.

Роскошь проникла въ дворянство изъ городовъ и изъ за границы. Когда, вслѣдствіе дѣятельной торговли и промышленности благосостояніе городовъ возрасло, съ нимъ возрасла и роскошь; ярмарки, сеймы и княжескіе съѣзды, усиливая денежные обороты городовъ, давали имъ въ то же время случай и поводъ выказывать богатство своихъ гражданъ. Не только городскіе совѣтники и должностныя лица, но и частныя люди носили жемчугъ на шляпахъ, фуфайкахъ, штанахъ, кафтаныхъ и плащахъ, золотыя кольца на рукахъ, серебряныя кушаки, ножи и мечи въ серебряной оправѣ; разныя платья, шитыя серебромъ, золотомъ и жемчугами, изъ бархата, дамаса и атласа, шелковыя рубашки, украшенныя красивыми складками и золотыми оторочками; шапки, плащи и кафтаны обшивались соболемъ, горностаемъ и куницей. Роскошь прекраснаго пола была конечно еще блистательнѣе. Городскія женщины и дѣвушки влетали чистое золото въ косы и локоны, обвѣшивались золотыми вещами и носили жемчугъ, золотыя вѣнцы и головные уборы изъ золота и драгоценныхъ камней. Онѣ шили себѣ платья изъ драгоценнѣйшихъ матерій, бархата, дамаса и атласа, украшали ихъ золотомъ и камнями, обшивали соболемъ и горностаемъ и носили парчевыя рубашки.

Когда рыцари пріѣзжали на городскія празднества, жены ихъ, сидя на коврахъ, тканыхъ золотомъ, приготовленныхъ магистратомъ для пріема благородныхъ гостей, встрѣчались съ женами и дочерьми именитыхъ гражданъ; драгоценныя наряды горожанокъ, которыя переодѣвались нѣсколько разъ въ день, возбуждали въ благородныхъ посѣтительницахъ зависть и тщеславіе. Дворяне не хотѣли отставать отъ бюргеровъ и бюргерфрау и старались даже перещеголять ихъ блескомъ.

Горожане имѣли помѣстья и деньги, дворяне же только помѣстья. Большая часть владѣній дворянства состояла изъ полей, домовъ, усадебъ, отданныхъ въ ленъ крестьянамъ, которые платили за нихъ оброки и подати. Но обыкновенно женское платье стоило 9 или 10 флориновъ, а моргенъ земли только 2 или 3 флорина; 83 моргена хорошей земли, свободной отъ налоговъ и десятинъ, продавались за 400 флориновъ. Слѣдовательно, цѣна предметовъ роскоши была несоразмѣрно высока сравнительно съ цѣною земли и ея произведеній. Но пышность нарядовъ была лишь одной стороною общей роскоши. Въ то время торговля вносила въ имперію наслажденія и продукты всѣхъ странъ, и въ то же время искусство и промышленность нѣмецкихъ городовъ производили самыя разнообразныя произведенія.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ многія обстоятельства содѣйствовали разстройству имущественныхъ обстоятельствъ нѣмецкаго дворянства, какъ высшаго, такъ и нисшаго. Многіе роды были разорены подарками церкви и всѣми другими средствами, которыми монастыри умѣли присвоивать имущества свѣтскихъ людей. Другіе обѣднѣли вслѣдствіе раздробленія владѣній и вслѣдствіе дурного хозяйства. По предразсудку они не обращали вниманія на сельское хозяйство. Самыя большія помѣстья давали владѣльцамъ весьма небольшіе доходы, и при томъ весьма неправильно. Постояннымъ слѣдствіемъ этого былъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ.

Нуждаясь въ деньгахъ, дворянинъ попадалъ въ тиски жидамъ, монастырямъ и горожанамъ, у которыхъ занималъ деньги

и которые притѣсняли его. Не смотря ни на какіе залоги, онъ долженъ былъ платить десять, пятнадцать и даже двадцать процентовъ, и если не выплачивалъ въ срокъ, то лишался навсегда залога. Приданное дочерямъ, снаряженіе сыновей на войну и на турниры, праздники принуждали самыхъ бережливыхъ отцевъ семейства дѣлать большія траты. Но многіе считали расточительность необходимою для поддержанія дворянской чести.

Такимъ образомъ даже самыя обыденныя потребности усложнялись, увеличивались и требовали большихъ расходовъ; и въ тоже время многіе источники, изъ которыхъ дворянство доселѣ почерпало свои доходы и средства, уменьшились или совершенно исчезли.

Изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія потрясло денежные средства рыцарей, лишивъ его нѣкоторыхъ доходовъ и принудивъ его къ большимъ расходамъ. Во-первыхъ, оно измѣнило способъ веденія войны, доставивъ рѣшительный перевѣсъ надъ конницей пѣхотѣ, которая уже и прежде была очень полезна въ бою. Военная же служба за жалованіе (въ кавалеріи) была однимъ изъ главныхъ источниковъ дворянскихъ доходовъ. Пѣхота, напротивъ, состояла изъ крестьянъ; поселянинъ готовъ былъ служить за гораздо меньшую плату, чѣмъ рыцарь. Во-вторыхъ, необходимо было строить въ замкахъ болѣе крѣпкія стѣны, вооружать ихъ дорогими орудіями и платить большое жалованье артиллеристамъ; и, не смотря на это, замокъ, считавшійся прежде неприступнымъ, могъ быть легко взятъ при помощи пушекъ.

Ослабѣлъ и другой источникъ рыцарскихъ доходовъ: земскій миръ и имперскіе законы ограничили малую войну, т. е. мелкія распри и рыцарскій промыселъ — грабежъ кулачнаго права, возможность добывать поживу нападѣніями на богатые города. Распри, бывшія для рыцарей въ теченіе четырехъ вѣковъ источникомъ доходовъ, значительно уменьшились, отчасти сами собою, отчасти вслѣдствіе строгихъ законовъ противъ нарушителей земскаго мира; съ половины XV столѣтія законы эти

приводились часто весьма энергически въ исполненіе, особенно благодаря швабскому союзу. Такимъ образомъ большая война и малая не доставляли дворянству прежнихъ выгодъ; придворная служба стоила больше, чѣмъ приносила. Чтобы вознаградить эти убытки оставались наука и сельское хозяйство; но за нихъ взялись весьма немногіе.

Чтобы занимать мѣста фогтовъ, всегда принадлежавшія дворянству, и разныя должности въ совѣтахъ и при дворахъ государей, дворянству приходилось учиться. Государи при выборѣ совѣтниковъ стали съ нѣкотораго времени предпочитать докторовъ, людей научно образованныхъ, и платили жалованье только имъ. При такомъ прекращеніи прежнихъ источниковъ доходовъ и при возникновеніи новыхъ потребностей и расходовъ, дворянствомъ овладѣла страсть къ роскоши и наслажденіямъ, въ размѣрахъ доселѣ невиданныхъ и неслыханныхъ. Какое-то безуміе, какой-то злой духъ овладѣлъ въ одно мгновеніе всѣми, отъ императорскаго двора до послѣдняго чиновника.

При подобныхъ условіяхъ было необходимо все болѣе и болѣе давить и тѣснить народъ, выжимая деньги, уже не изъ алчности и властолюбія, а для удовлетворенія чрезвычайнымъ тратамъ.

Введеніе римскаго права было во многихъ отношеніяхъ вредно для крестьянъ, между прочимъ и въ отношеніи притѣсненій дворянства. Съ конца XV вѣка при дворахъ и въ судахъ государей доктора судили по римскому праву. Головы ихъ были набиты римскимъ законодательствомъ и римскими отношеніями, но въ древнемъ германскомъ правѣ и въ старыхъ нѣмецкихъ обычаяхъ они были круглые невѣжды; свое и иностранное перемѣшалось и перепуталось въ ихъ умѣ, и своими приговорами они обращали отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя общины изъ свободнаго въ несвободное положеніе. Это можетъ быть доказано сотнями актовъ, какъ напр. Арндтъ доказалъ уже это относительно Помераніи. Эти юристы были ревностными поборниками господскихъ притязаній и нарушеній народныхъ

правъ *). Они или не поняли или умышленно исказили и не хотѣли понять истинный смыслъ древнихъ германскихъ положеній; самое отдаленное сходство между отношеніями римской и германской жизни считалось достаточнымъ, чтобы подвести что угодно подъ параграфы римскаго права. Достаточно было найти у оброчниковъ какой нибудь малѣйшій признакъ, напоминавшій крѣпостную зависимость, какъ напр. пошлина съ покойника, чтобы юристы отнесли ихъ къ числу крѣпостныхъ и подвели подъ постановленія римскаго права, касающіяся рабства. Въ тяжбахъ нѣмецкихъ крестьянъ за имѣнія въ основаніе принимались римскіе параграфы касательно арендаторства, и такимъ образомъ, извращая право, пользовались для полавленія свободы законами, основанными на совершенно иныхъ земельныхъ отношеніяхъ. Вскорѣ господа только и твердили, что о крѣпостной зависимости и во всякой тяжбѣ основывали свои претензіи на аналогіи съ крѣпостнымъ состояніемъ. Они стали распоряжаться на своихъ земляхъ совершенно самовластно и забирали безъ дальнѣйшихъ распоряженій все, что доселѣ общины добровольно давали имъ по ихъ просьбѣ и по ходатайству судей; точно также произвольно распоряжались они на ландтагѣ, гдѣ сочиняли и писали съ новоримскими докторами законы и рѣшенія, касавшіеся крестьянскихъ дѣлъ.

Притѣснять подданныхъ не считалось стыдомъ или безчестіемъ; набожный біографъ графа Іоганна Трухзеса-цу-Зонненберга не затрудняется называть его въ одно и тоже время

*) Es ist ein Volk, das seyndt Juristen,
wie seyndt mir das so sölliche Christen!
Sie thunt das Recht so spitzig bügen
und können's wo man will hinzufügen —
Darnach wirt Recht fälschlich Ohnrecht;
das machet manchen armen Knecht.

(Вотъ каковъ народъ—юристы; я думаю, они плохіе христіане! они хитро гнутъ право и могутъ сдѣлать съ нимъ, что угодно,—черезъ нихъ право стало неправымъ; отъ нихъ многіе стали рабами).

Т. Мурнеръ: «Плутовская пошлина.»

жестокимъ угнетателемъ своихъ подданныхъ и благочестивымъ человѣкомъ. Нѣкоторые дворяне до того не скрывали свой деспотизмъ въ отношеніи крестьянъ, что одинъ рыцарь любилъ подписываться: «ненавистникъ мужиковъ.»

Землевладѣльческое иго стало особенно тяжело въ верхней Германіи; впрочемъ оно было нестерпимо и въ средней.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Нѣсколько словъ о судопроизводствѣ въ Германіи въ началѣ шестнадцатаго столѣтія.

Въ судахъ засѣдали дворяне и доктора. Всюду, какъ и въ тяжбѣ кемптенскихъ крестьянъ, оправдывалась пословица: рука руку моетъ. Юристы обращали противъ крестьянъ римское право, а дворянскіе засѣдатели утверждали, что въ сомнительныхъ случаяхъ тяжбу крестьянъ съ помѣщиками всегда должно рѣшать въ пользу послѣднихъ. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка сдѣлали кое-что для водворенія нѣкоторыхъ судебныхъ реформъ, законнаго порядка и для устройства правильнаго судопроизводства. Но эти реформы не принесли крестьянамъ ничего утѣшительнаго; потому что новое законодательство имѣло въ виду только дворянъ и горожанъ. Были учреждены имперскій палатный судъ и имперское правленіе. Но они ни мало не заботились объ огражденіи правъ крестьянъ и не были имъ защитой отъ притѣсненій помѣщиковъ.

Въ 1498 году на имперскомъ сеймѣ въ Фрейбургѣ въ первый разъ былъ поднятъ вопросъ объ изданіи закона, опредѣляющаго, въ какомъ случаѣ и куда могутъ крестьяне жаловаться на князей. Фрейбургскій сеймъ не рѣшилъ этого вопроса, и только черезъ два года на аугсбургскомъ сеймѣ было утверж-

дено за крестьянами право прибѣгать къ правосудію противъ князей. Однако это постановленіе не касалось жалобъ, подаваемыхъ крестьянами противъ своихъ господъ; въ силу его подданные могли жаловаться лишь на посторонняго владѣтеля, а не на своего. Сеймъ умолчалъ о томъ, можетъ ли крестьянинъ жаловаться на своего господина; нигдѣ не было сказано ни слова о томъ, какъ и къ кому слѣдуетъ крестьянамъ обращаться, чтобы найти защиту отъ произвола и угнетенія своего господина.

Да, бѣдняку приходилось плохо, если онъ начиналъ тягаться не только съ своимъ, но даже съ постороннимъ владѣтелемъ! Судебныхъ мѣстъ было такъ много, что онъ часто не зналъ, куда нести жалобу. Его таскали по разнымъ судамъ; то ему отказывали, то снова вызывали, взыскивали судебныя издержки; часто его благородный противникъ или друзья его вовсе не допускали его въ судъ. Не считая уже потери времени и непріятностей, самое ничтожное дѣло вело за собой такъ много издержекъ, что въ сущности крестьянину была недоступна дорога къ правосудію. Даже большіе имперскіе города не всегда рѣшались обращаться въ судъ. Всѣ императорскіе чиновники были продажны; судьи торговали правосудіемъ; партіи интриговали другъ противъ друга, и дѣла рѣшались въ пользу того, кто больше и дольше платилъ. «Въ комитетѣ императорскаго надворнаго суда, писалъ изъ Вормса депутатъ регенсбургскаго городского совѣта, засѣдаютъ столь справедливые люди, что да избавитъ Богъ всякаго отъ подобнаго судилища на томъ свѣтѣ!»

Истинные патріоты доказывали уже въ продолженіи цѣлаго столѣтія необходимость государственной реформы и составляли преобразовательные планы. Имперскіе совѣтники, горожане и земство чувствовали необходимость правильнаго судопроизводства и, еще болѣе, государственнаго устройства, общаго для всей Германіи. Но эгоизмъ имперскихъ князей и противоположность интересовъ мѣшали осуществленію этихъ стремленій. Опираясь на имперское рыцарство, на города и крестья-

ннѣ, Максимилианъ могъ бы создать политическое и національное единство въ разьединенной Германіи; онъ могъ бы принудить владѣтельныхъ князей дать этимъ тремъ сословіямъ право голоса въ имперіи. Но чтобы совершить это, Максимуму было бы быть поискуснѣе и поумнѣе.

Могущественнѣйшіе князья всего менѣе желали государственной реформы. Императорская власть сохранила только тѣнь своего прежняго значенія. Для огражденія общественнаго спокойствія было учреждено высшее судилище — имперскій палатный судъ. Но и эта мѣра не принесла никакой существенной пользы, потому что князья повиновались его рѣшеніямъ только тогда, когда это было имъ выгодно. Имперское рыцарство также не обращало на него вниманія и называло его оружіемъ сильныхъ противъ слабыхъ. Города жаловались на несправедливость его приговоровъ. Для крестьянъ онъ былъ разорителенъ и совершенно бесполезенъ, потому что аристократія преграждала всякую возможность наказывать нарушителей земскаго мира и судебныхъ опредѣленій. Возставшіе крестьяне требовали единой Германіи, подъ управленіемъ одного главы — императора, и низверженія всѣхъ прочихъ государей; они считали, что реформа эта можетъ совершиться только снизу и притомъ только силою. Возрѣнія эти были не инстинктивны, но возникли, какъ результатъ долговременнаго ежедневнаго опыта.

Для охраненія земскаго мира образовались союзы; чтобы поддержать ихъ, нужно было прибѣгать къ налогамъ и поборамъ. Въ 1515 г. самъ швабскій союзъ призналъ, что главный поводъ къ неудовольствіямъ крестьянъ подають частые поборы и походы, къ которымъ онъ принуждаетъ ихъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Настроение умовъ въ народѣ въ 1517 году.

Перемѣна въ способѣ веденія войны была раззорительна для подданныхъ, потому что увеличила военныя издержки. Имперскіе чины и члены союза взвалили на подданныхъ всѣ расходы по ремонту, содержанію ландскнехтовъ и на боевые припасы. Кромѣ того, вновь организовавшая артиллерія потребовала отъ крестьянъ большаго числа подводъ и болѣе тяжелой службы. Такимъ образомъ крестьянъ угнетали съ одной стороны рыцари, а съ другой солдаты, жестоко притѣснявшіе ихъ, въ мирное время. Солдаты эти были вновь организованное войско ландскнехтовъ или ланцкнехтовъ, которые были очень полезны на войнѣ, но для поселянъ были вреднѣе чумы.

Прежде, когда имперскіе чины и отдѣльныя области не были еще между собою въ столь тѣсной связи, крестьянинъ имѣлъ возможность избѣгать невыносимыхъ притѣсненій, перейдя къ другому господину. Но, какъ доказываетъ примѣръ кемптенцевъ, они лишились этого права. Точно также было давно уничтожено право уходить отъ притѣсненій въ города. Высшіе классы крѣпко связали крестьянъ по рукамъ и по ногамъ, чтобы держать ихъ въ рабствѣ, къ которому ихъ принуждали подъ видомъ дружественнаго обоюднаго соглашенія; все крѣпче и крѣпче затягивали они петлю и все кровавѣе стегали бичомъ.

Но между крестьянами начали появляться умные и отважные люди. Въ народѣ распространялись летучіе листки, которые, какъ молніи, пугали и просвѣщали. Содержаніе ихъ было, на примѣръ, такого рода:

«Съ ними, право, всякое терпѣніе лопнетъ! Долго морочили они людей, чванились, рядились и обезьянили. Если взглянуть

поближе, такъ это просто соломенные чучела. Они все кричатъ о своемъ величій и могуществѣ, но видно дѣлишки ихъ плохи, если они взваливаютъ на бѣдный людъ бремя за бременемъ; вѣдь извѣстно, какъ произошли ихъ древнія права: нынче выпрашивали подачку, а черезъ годъ уже требовали ее, какъ должнаго. Откуда они взяли, что Богъ далъ имъ право требовать отъ насъ барщины? Въ хорошую погоду мы трудимся для нихъ, а въ дурную дождь губить въ полѣ все, что мы выростимъ для себя своимъ кровавымъ потомъ. Справедливый Богъ не могъ допустить такого ужаснаго вавилонскаго плѣненія; насъ, бѣдняковъ, гоняютъ косить ихъ луга, пахать поля, сѣять ленъ, таскать его, слать, колотить, чесать, мыть, прясть, шелушить горохъ, копать морковь и спаржу. Упаси Боже, чтобы гдѣ нибудь было слыхано о такомъ бѣдствіи! Они кладутъ оцѣнку на мозгъ костей нашихъ, выжимаютъ его, да еще заставляютъ платить проценты за него. А что дѣлаютъ турнирики, игроки и обжоры, которые сытѣе псовъ, наѣвшихъ до рвоты? За жиръ ихъ платимъ мы, наши жены и малые ребята; оттого и нѣтъ у насъ ни хлѣба, ни соли, ни сала. Гдѣ они? надо добратся до нихъ, съ ихъ ленами и правами. Да будутъ прокляты они съ своимъ развратомъ и грабежами. Гдѣ тираны и изверги, позволяющіе имъ брать налоги, пошлины и поборы, которые они преступно и позорно проматываютъ, увѣряя, что все идетъ на пользу страны; и попробуй-ка не послушаться ихъ! они поступятъ съ тобой, какъ съ измѣнникомъ; начнетъ вѣшанье, рѣзанье, четвертованье: убьютъ, какъ бѣшеную собаку. Въ какой главѣ вычитали они, что Богъ далъ имъ подобную власть? Какая тутъ воля Божья? Они дьявола слуги, и сатана командиръ ихъ. А Богу будетъ пріятно, когда вытурятъ этого Моава и Бегемота!»

Эти народныя жалобы можно счесть преувеличенными; но Эней Сильвій, въ послѣдствіи папа Пій II, приводитъ, въ своей исторіи императора Фридриха III, у котораго онъ служилъ секретаремъ, слѣдующія слова австрійскихъ крестьянъ, будто бы

сказанныя ими во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія камергеру Унгенаду (немиловитому): «Твое высокоуміе несносно; но несравненно невыносимѣе твоя алчность; ты притѣсняешь всѣхъ и превратилъ мірянъ и духовенство въ оброчниковъ. Ты дѣлалъ все за взятки. Бѣдняки платили своей кровью за твои блистательные пиры и лакомые обѣды. Ты приказывалъ приводить къ тебѣ по ночамъ нашихъ женъ и позорилъ молодыхъ дѣвушекъ.» Эней Сильвій, хорошо знавшій положеніе Австріи и всей Германіи, не говоритъ ни слова, чтобы въ этихъ словахъ было что нибудь несправедливо или преувеличено.

Показанія всѣхъ современниковъ доказываютъ, что въ шестнадцатомъ столѣтіи дѣла пошли еще хуже.

Розенблютъ говоритъ: «Дворяне увеличиваютъ свои требованія, и если крестьяне не хотятъ исполнять ихъ, то отбираютъ у нихъ скотъ.» На имперскомъ сеймѣ въ Гельнгаузенѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости облегчить положеніе крестьянъ. «Крестьяне до такой степени обременены барщиной, повинностями, налогами, податями и другими тягостями, что дѣла не могутъ болѣе продолжаться такимъ образомъ.» Но дѣло кончилось словами. Въ 1517 г. на имперскомъ сеймѣ въ Майнцѣ императорскіе уполномоченные требовали отъ имперскихъ чиновъ, въ видахъ предупрежденія народнаго возстанія, чтобы въ военную службу брали одного изъ 50, а не изъ 400. Но имперскіе чины отвергли это предложеніе на томъ основаніи, что сельскіе и городскіе крестьяне и безъ того уже разорены дороговизной и голодомъ. Требованіе это, говорили они, еще хуже озлобитъ ихъ и можетъ ускорить возстаніе. Сеймъ приписывалъ повсемѣстные безпорядки главнымъ образомъ тому обстоятельству, что солдаты, непокорныхъ императору и имперіи, отпускаютъ домой, гдѣ они распространяютъ мятежный духъ. Говорили также и о другихъ причинахъ, волновавшихъ крестьянъ, но не было предложено никакихъ мѣръ для улучшенія ихъ положенія. Такимъ образомъ и этотъ сеймъ разошелся, не рѣшивъ этихъ вопросовъ, хотя религіозное неудовольствіе начинало уже усиливаться въ

народѣ броженіе, вызванное притѣсненіями помѣщиковъ и чиновниковъ.

Послѣ подавленія возстанія Бѣднаго Конрада народные предводители продолжали, хотя безуспѣшно, дѣйствовать въ тайнѣ. Въ 1516 г. герцогъ Ульрихъ боялся новыхъ безпокойствъ, которыя могли возбудить бѣжавшіе и изгнанные послѣ возстанія Бѣднаго Коонца. При видѣ каждаго крестьянина ему начинали мерещиться ружья и стрѣлы, направленные противъ него. Бѣглецы собирались для совѣщаній въ нѣсколькихъ пунктахъ. Многимъ изъ нихъ удалось благополучно пробраться на родину: въ Виртембергъ, въ Брейсгау и въ Ортенау.

Неутомимый Юссъ Фрицъ снова появлялся, то тамъ, то сямъ, въ Шварцвальдѣ и на верхнемъ Рейнѣ. Его жена ходила съ мѣста на мѣсто и сводила его съ его старыми знакомыми. Лѣтомъ 1517 г. бѣглецы и другіе недовольные собрались на Книбисѣ въ Шварцвальдѣ. Начальство было на сторожѣ: всюду шныряли шпионы. Нѣкоторые товарищи Юсса были схвачены и судились въ Ретельнѣ. Гохберскій земскій судья принялся съчъ батогами одного изъ пойманныхъ. Крестьянинъ сознался, что одинъ изъ его товарищей, называвшій себя Бастіаномъ-Виннымъ Царемъ, скрывается въ банѣ въ Зуккенталѣ или въ Глоттерѣ, что предводитель ихъ (Штоффель фрейбургскій?) въ Сентъ-Блазенѣ, а Юссъ и еще одинъ (Геронимъ Тиролецъ?), въ Цурцахѣ. Но ни одинъ изъ нихъ не былъ пойманъ.

19 сентября 1517 году оберфогтъ шварцвальдскій Гансъ Битингенъ извѣстилъ фрейбургцевъ, что получилъ правдоподобныя свѣдѣнія о возвращеніи Юсса Фрица, который «снова принялся за свои продѣлки». Онъ расхаживалъ съ своими сообщниками по шварцвальдскимъ округамъ и осмѣливался продолжать свои дѣйствія и злые замыслы.

Всѣ рейнскіе города были взволнованы этимъ извѣстіемъ. Страсбургскій совѣтъ писалъ отъ 26 сентября 1517 г. фрейбургскому: «получивъ ваше донесеніе о собраніи башмачниковъ на Книбисѣ, мы немедленно навели справки. Оказалось, что

не безъ того, но, не смотря на нѣкоторыя указанія, мы не могли еще узнать ничего положительнаго объ ихъ дѣйствіяхъ.»

Нѣкоторое время разыскивали Юсса и его спутниковъ и подозрѣвали, что «ихъ товарищи, или подобные имъ находятся въ Брейсгау». Но Юссъ и его спутники счастливо избѣжали розысковъ, и такимъ образомъ догадки объ ихъ мѣстопробываніи ничѣмъ не подтвердились. Съ этихъ поръ имя Юсса исчезаетъ изъ исторіи. Но посѣянные имъ сѣмена продолжали всходить. Весной 1518 тоттенаускіе горцы явились къ императору съ жалобой на притѣсненія королевскаго лѣснаго управляющаго. Въ одномъ кабацѣ сидѣли рудокопы и крестьяне и говорили объ этомъ дѣлѣ. Одинъ тоттенаускій крестьянинъ, Конрадъ Огкерсъ, замѣтилъ, что не слѣдуетъ давать себя притѣснять и вызвался, если хотятъ, провести черезъ горы швейцарцевъ. На это одинъ рудокопъ возразилъ, что «не слѣдуетъ говорить этого, потому что, скажи онъ это въ Фрейсбургѣ, то поплатился бы головой.» Крестьянинъ ударилъ его въ лицо; прочіе крестьяне изрядно отдули мужика, не раздѣлявшаго чувствъ своего сословія. Случай этотъ сочли столь важнымъ, что о немъ донесли императору, который приказалъ въ случаѣ надобности отдать дѣло на разсмотрѣніе инспрукскому правленію.

Такимъ образомъ росло затаенное возстаніе. Правительства слѣдили за нимъ, но не знали его; боялись, но не видѣли. Въ это время совершилось событіе, давшее перевѣсъ религіозному элементу, который и прежде былъ примѣшанъ къ политическому. Для политическаго элемента нужны цѣлые годы, чтобы овладѣть немногими сердцами и подвинуть ихъ на самопожертвованіе, между тѣмъ какъ религіозный энтузіазмъ быстро увлекаетъ сотни тысячъ на всякую жертву и на всякое отважное дѣло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Реформація.

Здѣсь не мѣсто говорить о самой реформаціи.

Реформація явилась по винѣ церкви. Христіанство съ самаго своего начала было католическимъ, т. е. съ «религіею равною для всѣхъ.» Вѣсть спасенія была возвѣщена прежде всего пастухомъ; бѣдняки первые услышали проповѣдь Христа. Величайшимъ временемъ папства было то, когда, поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ, оно, по прекрасному выраженію Шатобріана, представляло собою «судилище народовъ передъ наступленіемъ политическаго періода христіанства.» Въ то время папство защищало бѣдныхъ отъ феодальнаго гнета; въ то время оно было главнымъ непогрѣшимымъ защитникомъ христіанъ и ограждало народъ отъ тираніи королей. Пока древняя церковь оставалась вѣрна своему назначенію, она дѣлала много великаго и прекраснаго для народа и для государей, для бѣдныхъ и для богатыхъ, для несчастныхъ и для счастливыхъ.

Но вскорѣ служители церкви развратились, отъ высшаго до низшаго; большая часть духовенства отступила въ жизни и поступкахъ отъ принциповъ первоначальной церкви; церковь не могла помолодѣть сама собою; только сила могла произвести въ ней этотъ переворотъ.

Проснувшійся духъ націи высказался сначала въ научной жизни и литературѣ, получившей двойное значеніе, для науки и для народа. Народная литература была двухъ родовъ, поучительная и сатирическая. Сочиненія Таулера, Генриха Сузо, Югана Руйсброка, Оомы Кемпійскаго, Югана Весселя и др. были исполнены духомъ реформаціи; они выражали протестъ противъ современнаго порядка церкви и, хотя дѣйствовали медленно, но производили на читателей глубокое впечатлѣніе,

распространяясь со времени изобрѣтенія книгопечатанія въ массѣ публики. Съ другой стороны насмѣшка явно возставала на разращенное папство и на пороки своего времени, ведя малую войну за свободу ума и народа. Розенблютъ, Ролленгагенъ, Себастьянъ Брандъ, Томасъ Мурнеръ порицали въ своихъ сочиненіяхъ современный порядокъ. Рейнеке-Лисъ и «Забавникъ» были народными книгами. Гайлеръ кезерсбергскій проповѣдывалъ о «Кораблѣ Дураковъ» Бранда. Францисканецъ Мурнеръ обошелъ съ 1500 г. почти всѣ германскія округа и грубо, а часто непристойно, но въ высшей степени популярно, бичевалъ пороки всѣхъ сословій. Не забудемъ и язвительнаго Генриха Бебеля, который осмѣивалъ въ кабакахъ и за столомъ прелатовъ слабыя стороны церкви и ея служителей. Все доказывало, что умъ націи достигъ совершеннолѣтія.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ былъ посредникомъ между популярной и ученой литературой. Онъ принадлежитъ обѣимъ. Онъ и нѣкоторые друзья его, въ томъ числѣ Рейхлинъ, производили сильное впечатлѣніе своими письмами темныхъ людей, обскурантовъ (*epistolae obscurorum virorum*), заключавшими въ себѣ карикатуру на современное духовенство *). Каррикатуры эти дѣлали духовенство столь смѣшнымъ въ глазахъ всей націи, что папа счелъ нужнымъ запретить ихъ. Кромѣ того, Гуттенъ былъ однимъ изъ блистательнѣйшихъ представителей возрождавшейся науки; поэтому очень жаль, что большая часть его сочиненій написаны по латыни.

Эразмъ Роттердамскій, человѣкъ пользовавшейся европейскою знаменитостью, былъ одно время въ болѣшой дружбѣ съ Гуттеномъ. Вся его литературная дѣятельность была ѣдкой, хотя тихою, скромною и осторожною, оппозиціею противъ современныхъ глупостей. Онъ обладалъ тонкимъ юморомъ, облеченнымъ въ легкую и изящ-

*) Гуттенъ никогда не отрицалъ свое участіе въ этихъ письмахъ, но говорилъ, что чужды заключающихся въ нихъ непристойностей.

ную форму, и мѣткими стрѣлами его поражалъ поповщину и монастырщину, которая съ раннихъ лѣтъ привыкъ ненавидѣть за все зло, перенесенное отъ нихъ. Возрѣнія его на религію были крайне свободны, и онъ смѣло высказывалъ ихъ, пока это было безопасно и пока его ѣдкое остроуміе смѣшило даже тѣ классы, на которые онъ изливалъ его. Возстановивъ классическую древность, онъ сдѣлался распространителемъ ея и предшественникомъ наступающаго свѣта своимъ правильнымъ латинскимъ переводомъ новаго завѣта; этимъ онъ заслужилъ безсмертную славу, которая, не смотря на пятна, покрывающія его свѣтлую броню, должна быть священна для рыцарства новаго духа, обязаннаго ему великой благодарностью. Другимъ передовымъ бойцомъ науки былъ Іоганнъ Рейхлинъ, сынъ форцгсймскаго хожалаго. Въ рукахъ этихъ людей, вѣчно юныхъ, порожденныхъ духомъ свободы, произведенія классической древности, открывшіеся во всей Германіи университеты и книгопечатаніе — это новое искусство распространять съ быстротою молніи въ массахъ мысли передовыхъ людей, — разлили новый свѣтъ и внесли во внутреннюю жизнь той эпохи новыя сѣмена развитія. Такимъ образомъ аналитическій разумъ разнесъ и разсѣялъ въ немногую лѣтъ болѣе камней существующаго порядка, чѣмъ было доселѣ сдѣлано въ нѣсколько столѣтій; прежнія формы религіозной и политической жизни стали казаться устарѣлыми и порочными.

Чтобъ быть вполне безпристрастнымъ, я прерву изложеніе моихъ собственныхъ мыслей и буду говорить подлинными словами одного изъ защитниковъ католической церкви, автора «Лекцій и Очерковъ для исторіи реформаціи», котораго католичество само признаетъ своимъ лучшимъ адвокатомъ.

«Во всѣхъ сферахъ церкви, какъ въ духовенствѣ, такъ и въ мірянахъ, какъ въ главѣ ея, такъ и въ членахъ, совершались преступленія, прегрѣшенія и злоупотребленія, которые достигли съ теченіемъ времени такихъ размѣровъ, что наконецъ, по неисповѣдному божескому поущенію, возсталъ мятежъ

для наказанія и покаранія грѣшниковъ» *). «Безмѣрная жадность была господствующимъ порокомъ этого времени, когда любовь охладѣла во многихъ сердцахъ.» Духовенствомъ всѣхъ степеней и разрядовъ овладѣла страсть вышнать до крайней степени церковныя таксы, поборы и всевозможныя доходы. Такую же алчность выказывали государи и власти, которые въ это самое время изобрѣтали свою финансовую систему, и дворянство, обдиравшее и грабившее крестьянъ. Политика того времени совершенно совпадала съ этимъ порокомъ всего тогдашняго духовнаго міра: она основывалась на грубомъ эгоизмѣ, была совершенно пуста, бездушна и чужда всякой высокой идеи, всякаго стремленія приблизиться къ Богу. Развращеніе нравовъ всѣхъ классовъ общества, было третьею причиною религіознаго распадѣнія. Люди, которые по своему сану или рожденію должны бы были служить примѣромъ христіанскому міру, отличались, напротивъ того, наибольшою безнравственностью.»

«Это подтверждается не только исторіей римскаго двора незадолго до реформаціи, но еще больше жизнью духовныхъ германскихъ государей. Революціонныя движенія шестнадцатаго столѣтія были слѣдствіемъ этого продолжительнаго зла. Страшный общественный нарывъ созрѣлъ и наконецъ прорвался» **).

Богослуженіе сдѣлалось для мыслящихъ людей тягостнымъ, потому что оно стало пустымъ обрядомъ, лишеннымъ всякой идеи. Такъ какъ духъ сомнѣнія былъ сильно возбужденъ, а невѣжество глубоко, то масса должна была придти или къ безвѣрію, или къ суевѣрію, или къ стремленію къ новой религіозной жизни.

Суевѣріе было въ то время сильнѣе, чѣмъ когда либо. Реликвіямъ стали снова молиться съ глубокимъ чувствомъ, и Пречистая Дѣва почиталась болѣе прежняго. Умные священники охотно удовлетворяли религіознымъ потребностямъ этой

*) Jarke, Studien und Skizzen. — 1846.

**) Jarke, S. 7 — 12.

эпохи, предлагая народу самыя странныя реликвіи и заказывая художникамъ сотни и тысячи образковъ и образовъ. Они продавали молитвенники, чтеніе которыхъ давало отпущеніе грѣховъ на цѣлыя годы и столѣтія, а по церквамъ мадонны творили чудо за чудомъ. Кѣльнскіе доминиканцы вели съ императоромъ переговоры объ учрежденіи въ Германіи инквизиціоннаго трибунала. Игуменъ Нейгаузенскаго монастыря въ Вюрмсгау, въ Швабіи, сказалъ, радостно потирая руки при извѣстіи о такой побѣдѣ, «погодите, мы еще уговоримъ людей жрать сѣно.»

Искусство было полезнымъ рабомъ старой церкви; вдохновленные живописцы и скульпторы создавали въ это время свои лучшія произведенія. Культъ достигъ апогея внѣшней красоты. Всѣ искусства въ полномъ блескѣ своемъ присутствовали подъ сводами церквей, и только теперь достраивались наконецъ хоры, престолы, порталы и куполы храмовъ, строившихся въ теченіи цѣлыхъ столѣтій.

Казалось, что средніе вѣка хотѣли еще разъ блеснуть тремя характеристическими чертами своими: вѣрой, поэзіей и рыцарскимъ героизмомъ.

Многихъ охватилъ какой-то религіозный экстазъ, и вѣра въ сверхестественное возобновилась съ новою силою. Хотя представителями поэзіи были теперь не трубадуры, а живописцы и ваятели, тѣмъ не менѣе феодальный міръ, не смотря на свою грубость и кулачное право, возвысился до пониманія высокихъ идей; мы видимъ это въ рыцаряхъ, какъ Зиккингенъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

Но всѣ эти явленія были предсмертнымъ напряженіемъ силъ, послѣдней вспышкой жизни. Не смотря на всѣ усилія средневѣковаго духа спастись отъ смерти, внимательные люди уже слышали удары топора, которымъ она, незримая, готовила гробъ могуществу феодализма и духовенства. Убранство, которыми искусства украшали средневѣковую церковь, было ея погребальнымъ нарядомъ; въ немъ ее должно было постигнуть разложеніе.

Множество людей предчувствовали и предсказывали приближение новаго времени. Снова пришли на память древнія пророчества; пронесли и новыя. Были два великія пророчества, на которыхъ останавливалась вѣра и надежда народа въ его мракѣ и горѣ, въ его тоскѣ и жаднѣ освобожденія. Одно предсказаніе касалось политики, другое — религіи. Существовало древнее пророчество: «На Лебединой горѣ *) будетъ нѣкогда стоять корова и такъ громко мычать и ревѣть, что ее будетъ слышно въ Швейцаріи.» Предсказаніе это обратилось въ поговорку и истолковывалось такъ, что со временемъ вся Германія сдѣлается, какъ Швейцарія, т. е. также свободна.

Другое предсказаніе заключалось въ словахъ, сказанныхъ, будто бы, умирающимъ Гуссомъ или Иеронимомъ. Слова эти, отчеканенныя на гусситской медали, были слѣдующія: «Черезъ сто лѣтъ вы отвѣтите Богу и мнѣ.»

Повсюду ожидали того, который будетъ человѣкомъ Божиимъ и народнымъ и свергнетъ тиранію папы и поповъ **). Предсказаніе францисканца Іоганна Гильтена было гораздо опредѣленнѣе. Передъ тѣмъ, какъ его посадили въ Эйзенахъ въ тюрьму, онъ сказалъ, ссылаясь на пророка Даніила: «Въ тысяча пятьсотъ шестнадцатомъ году начнутъ падать сила и власть папы.»

Нѣтъ ничего чудеснаго во снѣ, видѣнномъ курфирстомъ Фридрихомъ саксонскимъ въ ночь на 31 октября 1517 года.

Ему снился монахъ, который писалъ огромными буквами на стѣнѣ виттенбергской дворцовой церкви такимъ чудовищ-

*) Лебединая гора (Шваненбергъ) находится во Франконіи при Ипгофенѣ, близъ Нюрнберга и Вюрцбурга, т. е. въ сердцѣ Германіи.

**) „Катарина фонъ-Гольцгаузенъ, старая слѣпая матрона, вдова Гизельберта, узнавъ о пріѣздѣ во Франкфуртъ Лютера, ѣхавшаго на wormскій сеймъ, велѣла привезти себя къ нему. Она свидѣтельствовала, что слышала еще отъ своихъ родителей, что Богъ ниспослетъ со временемъ человѣка для поборанія людской суетности. Человѣкъ этотъ никто иной, какъ братъ Мартинъ. Да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе!“ (Kirchner, Geschichte von Frankfurt, II, 10, Anmerk. M.).

нымъ перомъ, что оно доставало до Рима и, задѣвая за корону папы, шатало ее.

Его Лютеръ три недѣли тому назадъ сказалъ въ дворцовой церкви проповѣдь противъ индульгенцій.

Какъ ни могущественно вліяніе на народъ умственной силы, но нельзя отрицать, что матеріальныя лишенія для него гораздо чувствительнѣе, чѣмъ духовныя; какъ ни больно крестьянину изнывать по духовной пищѣ, но ему еще тяжелѣе голодать физически, не имѣть хлѣба на своемъ столѣ. Недостатокъ тѣлесной пищи еще сильнѣе побуждаетъ его искать перемѣны.

Непомѣрные поборы, обманы и грабительства римскаго двора и духовныхъ владѣтелей, а также отказъ духовенства участвовать въ платежѣ налоговъ, главнымъ образомъ побуждали народъ къ возстанію и расположили его къ республикѣ и реформаци. Индульгенціи и юбилейные сборы, доставлявшіе римскому двору чудовищные доходы (во Франкфуртъ въ одинъ годъ было собрано 1500 червонцевъ), не наносили матеріальнаго ущерба отдѣльнымъ лицамъ. Но безстыдство и грязная наглость, съ какими производилась эта торговля, обратили наконецъ на себя вниманіе, заставили призадуматься и вызвали сомнѣніе, сопротивленіе *). Столь же безстыдны были обманы

*) Бернгардинъ Самсонъ миланскій, комиссаръ по индульгенціямъ. «Этотъ торгашъ индульгенціями былъ такъ искусенъ, что, какъ самъ говорилъ мнѣ, доставилъ тремъ папамъ, въ продолженіи 18 лѣтъ, болѣе 800,000 дукатовъ. Онъ давалъ всѣмъ, кто просилъ, за дешевую цѣну отпущенія грѣховъ, разрѣшенія, очищенія, возстановленія, позволенія не ходить къ обѣднѣ и къ исповѣди, не соблюдать постовъ, избавленія отъ ада на разные сроки. За противорѣчіе онъ наказывалъ строго, такъ что одинъ членъ магистрата едва выпросилъ на колѣняхъ прощенія за пустыя слова. Онъ преступалъ даже инструкціи своей буллы, дѣйствуя, какъ говорилъ, на основаніи словестнаго приказанія своего всемогущаго отца — папы. „Если папы обладаютъ такой властью, то они страшные злодѣи, потому что допускаютъ несчастныя души до такихъ страданій; на что же выкупиться мужицкимъ душамъ?“ говорилъ народъ. Черезъ пять лѣтъ, въ 1521, на всѣхъ улицахъ распѣвалась пѣсня Никласа Мануэля.» — Ансельмъ.

странниковъ, которые показывали за деньги перо первой попавшейся хищной птицы, выдавая его за перо изъ крыла архангела Михаила, или ящички, набитые сѣномъ, будто бы, изъ яслей, въ которыхъ лежалъ Господь; прикосновеніе къ этимъ святынямъ они выдавали за лѣкарство отъ чумы. Недурны были также финансовыя спекуляціи прекрасной регенсбургской мадонны. При ваканціи епископствъ римскому двору уплачивались громадныя суммы, называемыя аннатами. Для уплаты этихъ суммъ подданные облагались новыми раззорительными налогами. Это случалось такъ часто, что высасывало изъ народа послѣдніе соки. Каждый прелать при вступленіи въ должность долженъ былъ внести отъ 15,000 до 20,000 и болѣе гульденовъ, и случалось, какъ напр. въ Пассау, что въ восемь лѣтъ престоль былъ три раза, а въ восемнадцать—четыре раза вакантнымъ; такъ что въ этотъ срокъ пришлось платить аннаты 4 раза. Въ Майнцѣ въ семь лѣтъ, отъ 1505 по 1513, архіепископскій престоль былъ трижды вакантенъ, и каждый разъ на подданныхъ, и безъ того уже раззоренныхъ налогами, налагался сборъ въ 20,000 гульденовъ. Римскій дворъ такъ дорого продавалъ прелатуры, чтобъ имѣть возможность поддерживать свою роскошь и покрывать всѣ свои расходы, что съ несчастнаго народа приходилось сдирать послѣднюю шкуру. Вслѣдствіе всего этого народъ пришолъ къ тому убѣжденію, что религія духовенства заключается въ мірской страсти извлекать изъ всего деньги.

Духовенство отказывалось въ столь тяжелое для крестьянъ время отъ всякаго участія въ общественныхъ бѣдствіяхъ и налогахъ на томъ основаніи, что свѣтскіе и духовные законы и священное писаніе строгойше запрещаютъ обременять его таксами, податями и налогами. Опираясь на это, духовныя лица безъ зазрѣнія совѣсти перебивали у крестьянъ заработокъ, занимаясь корчемствомъ, мелочной торговлей и т. д.

Тогда явился сынъ рудокопа, Лютеръ. Такой высоко одаренный человѣкъ, какъ Лютеръ, не могъ не встрѣтить сочувствія при общественныхъ отношеніяхъ того времени. Хотя

число враговъ его было велико, но еще больше было и такихъ, которые дѣйствовали съ нимъ за одно и помогали ему. Съ нимъ были всѣ сыны проснувагося столѣтія, всѣ друзья науки, всѣ умные люди того времени; опорой ему была вся нація. Многіе видѣли гораздо раньше самаго Лютера религіозно-политическое значеніе его предпріятія.

Императоръ Максимилианъ оцѣнилъ по своему и съ своей точки зрѣнія значеніе Лютера. «Что подѣлываетъ вашъ виттенбергскій монахъ? спросилъ онъ курфиршескаго совѣтника Дегенгарда Феффингера: его словами нельзя пренебрегать. Онъ заводитъ игру съ папами». Онъ велѣлъ Феффингеру сказать курфюрсту: «берегите монаха, онъ понадобится.» Когда Лютеръ говорилъ на диспутѣ въ Гейдельбергѣ, одинъ изъ профессоровъ воскликнулъ въ испугѣ: «Еслибы мужики услышали это, они побили бы насъ камнями!» Лютеръ довелъ до слуха народа то, что до сихъ поръ говорилось только въ ученыхъ кружкахъ. Онъ говорилъ народу со всею силою и прелестью нѣмецкой рѣчи, какъ не говорилъ еще никто. Все, передуманное и выработанное имъ въ его уединенной кельѣ, сдѣлалось предметомъ разговора въ чертогахъ и хижинахъ, за княжескимъ столомъ и за прилавкомъ кабака. «Докторъ Лютеръ былъ знаменитъ тѣмъ, что первый нарушилъ молчаніе епископовъ и навязалъ кошкѣ колокольчикъ» *).

Черезъ нѣсколько лѣтъ Лютеръ могъ справедливо сказать: «Въ плотинѣ сдѣлалась трещина, и не наше дѣло задерживать воду.»

Дѣятельности Лютера придавали только значеніе религіозной борьбы, какъ будто въ странѣ, лучшею половиною которой владѣли духовные государи, религія могла быть въ сторонѣ отъ политики и какъ будто буря, потрясая церковь, могла остаться безъ вліянія на государственный строй. Главная цѣль Лютера была религіозная, но уже въ первые два года къ ней примѣшался политическій элементъ. Дѣятель-

*) Собственныя слова Лютера.

ность Лютера раздѣляется на нѣсколько періодовъ. Въ 1517 г. Лютеръ былъ не тотъ, какимъ въ 1521 г., а въ 1521 г. онъ былъ не тѣмъ, что въ 1525 г. и впослѣдствіи. Это обыкновенно упускаютъ изъ виду. Но даже оставивъ въ сторонѣ политическія стремленія самаго реформатора, созданіе его, реформація, тѣмъ не менѣе имѣла глубокое политическое вліяніе. Лютеръ никогда сознательно не стремился къ политическому перевороту, но обстоятельства были таковы, что церковный переворотъ долженъ былъ необходимо повести къ государственному, не говоря уже о томъ, что религіозныя перемѣны всегда вліяютъ на политическія событія.

Большинство народонаселенія стонало подъ страшнымъ нравственнымъ и матеріальнымъ бременемъ и чувствовало себя униженнымъ, обращеннымъ въ вьючное животное, въ вещь. Величайшимъ словомъ Лютера было возвѣщеніе свободы христіанина, прекрасное евангельское правило, что христіане—всѣ царскаго рода, всѣ равно слуги Господа; что каждый изъ нихъ духовная личность, съ правомъ и обязанностью употреблять свои силы на благо общества.

Величайшимъ дѣломъ Лютера былъ великолѣпный переводъ на нѣмецкій языкъ библіи, ставшей книгой народа, истинной книгой жизни для міра. Еслибы ученіе Христа о томъ, что всѣ люди братья, дѣти одного отца и, слѣдовательно, обязаны любить другъ друга, примѣнялось въ жизни, то оно озарило бы ее солнцемъ свободы. Эта любовь не допускаетъ ни рабства, ни кастоваго духа, ни другихъ связанныхъ съ ними гадостей.

Долго держали народъ въ состояніи умственной и особенно духовной незрѣлости; на невѣжествѣ его держался деспотизмъ. Страшная истина, но тѣмъ не менѣе истина, есть то, что деспотизмъ основывается на невѣжествѣ и что невѣжество есть его неизбежное слѣдствіе.

Исторгнувъ у народа его священную грамоту, библію, легко было увѣрить его, что деспотизмъ основывается на священномъ писаніи, вытекаетъ изъ библіи и установленъ ею. Нельзя

отрицать, что лживыя толкованія священнаго писанія выдумки и басни, пущенныя на счетъ его въ ходъ, заставили народъ видѣть въ немъ кодексъ рабства. Ложь помрачила разсудокъ суевѣріемъ и терзала людей во имя Божіе.

Лютеръ возвратилъ народамъ библію, чтобы они могли руководствоваться ею, изучать ее и выводить свои заключенія. Деспотизмъ не могъ уже безнаказанно ссылаться и опираться на нее, какъ прежде, пока она была недоступна народу.

Такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый великій шагъ къ освобожденію; обманы, на которыхъ власти основывали свои притѣсненія, были обличены. Казалось, что истинно христіанскій принципъ проникнетъ во всѣ жизненныя отношенія и преобразуетъ религію и государство. Человѣчество научилось мыслить, и можно было надѣяться, что оно не остановится на одномъ вопросѣ, но обниметъ мыслью всѣ общественныя отношенія. Стали сбываться пророчества. Все указываетъ на кровавыя движенія, писалъ Эразмъ въ 1522 г. На рождествѣ 1517 г. курфюрстъ Фридрихъ, идя вечеромъ въ церковь, въ сопровожденіи своего двора, увидѣлъ на ясномъ небѣ, надъ дворцомъ, большое блестящее знаменье, въ видѣ пурпуроваго креста: много прольется крови за религіозные вопросы, сказалъ онъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Планы Гуттена относительно нѣмецкаго народа и возстаніе Зиккимена.

Имперія находилась въ такомъ жалкомъ положеніи, что ни однимъ крестьянамъ, но и всей націи жилось очень плохо. «Всѣ сословія развращены, говоритъ Иеронимъ Эмзеръ въ своемъ сочиненіи противъ нехристіанской книги августинца

Мартина Лютера. «Положеніе дѣлъ таково, что безъ серьезной реформы долженъ наступить страшный судъ.» Вотъ что говорили даже противники перемѣны, которая уже начинала овладѣвать политической и религіозной жизнью.

Переходъ изъ средневѣковаго міра къ совершенно новому времени ставилъ имперское рыцарство въ крайне неловкое положеніе. Въ немъ происходила борьба духа новаго времени съ дерзкимъ, самовластнымъ средневѣковымъ духомъ, духомъ кулачнаго права.

Большая часть верхнегерманскаго высшаго дворянства составила съ горожанами швабскій союзъ для противодѣйствія насиліямъ нѣкоторыхъ рыцарей, которые, гордясь своимъ древнимъ баронствомъ, не хотѣли подчиняться законному порядку.

Сильные государи имперіи воспользовались для расширенія своей власти избраніемъ испанскаго короля Карла въ германскіе императоры. Новый императоръ Карлъ V долженъ былъ часто и на долго отлучаться изъ имперіи въ свои многочисленные и разбросанныя владѣнія. Во время его отсутствія управленіе переходило въ руки государей, которые получали безграничную власть. Власть ихъ должна была усиливаться, если бы по истеченіи срока швабскаго союза онъ не былъ возобновленъ.

Въ ноябрѣ 1521 г., по отъѣздѣ молодаго императора, въ Нюренбергѣ собралось имперское правленіе подъ предсѣдательствомъ императорскаго намѣстника пфальцграфа Фридриха, а имперскій палатный судъ усилилъ свою дѣятельность. Но имперское правленіе не имѣло значенія. Противъ него было нисшее дворянство, недовольное тѣмъ, что его отстранили отъ участія въ правленіи; мелкіе государи также относились къ нему враждебно. Такимъ образомъ, не смотря на учрежденіе этой новой центральной власти, въ имперіи царствовали безпорядокъ и несогласіе; поэтому было необходимо продлить швабскій союзъ, о чемъ особенно ревностно хлопотали герцоги баварскіе.

Въ 1521 г. послѣдовало возобновленіе швабскаго союза, со-

стоявшаго изъ князей, городовъ и части дворянства. Союзъ этотъ самъ служилъ лучшимъ доказательствомъ распушенности въ имперіи законнаго порядка. Прежде онъ былъ заключенъ для отраженія внѣшняго и внутренняго насилія, подчиненъ верховной власти и приводилъ въ исполненіе ея постановленія. Но онъ уже давно присвоилъ себѣ оружіемъ роли обвинителя, судьи и исполнителя приговоровъ и самовластвовалъ, не обращая вниманія на имперскіе сеймы, правленіе и палатный судъ.

Съ 1521 года швабскій союзъ сталъ высшею имперскою властью, что испытывали дворяне, не соблюдавшіе земскаго мира.

Такимъ образомъ Абтсберги, Розенберги, Шотты, Берлихингены и другіе имъ подобные соединились для поддержанія древняго феодальнаго порядка. Эту стаю волковъ, забравшуюся въ овечье стадо Гецъ фонъ-Берлихингенъ очень наивно называлъ своими милыми товарищами. Дерзкіе рыцари эти грабили на всѣхъ дорогахъ Франконіи, Швабіи и по Рейну и воевали съ городами и духовными государами. Они утверждали, что имѣютъ право поступать такимъ образомъ; такъ какъ государи и города все болѣе и болѣе стѣсняють ихъ, а императоръ не хочетъ защищать, то, по словамъ ихъ, имъ приходится соединиться клятвою на защиту своихъ древнихъ вольностей и правъ противъ всѣхъ, кто вознамѣрится посягнуть на нихъ.

Они были правы: возрастающее могущество государей дѣйствительно крайне стѣсняло мелкихъ владѣтелей.

Нѣсколько государей стремились подчинить себѣ тысячи царьковъ, считавшихъ себя столь же независимыми государами. Бароновъ оскорбляло, что самоуправство было запрещено нисшему дворянству, но позволялось государямъ; это оскорбляло ихъ тѣмъ болѣе, что бѣдные дворяне, подобно крестьянамъ, не были ограждены правосудіемъ отъ притѣсненій и посягательства на ихъ права со стороны государей. Поэтому

они возстали на государей и города, подь предлогомъ защитить свои и чужія права.

Такая дѣятельность имѣла у нѣкоторыхъ изъ нихъ характеръ величественный. Таковъ былъ Францъ фонъ-Зиккингенъ.

Эту величественную личность, стоявшую на рубежѣ двухъ вѣковъ, справедливо называли послѣднимъ древне-германскимъ барономъ. Рыцарское величіе въ послѣдній разъ ярко блеснуло въ немъ, анархистъ и неограниченномъ властелинѣ своихъ владѣній, чтобы погаснуть совершенно и навсегда. Этотъ герой, исполненный древней силы и благородства, съ которыми, по рыцарскому воззрѣнію, могло уживаться кулачное право и хищничество, отважный духомъ, съ возвышеннымъ умомъ, счастливый во многихъ военныхъ предпріятіяхъ, онъ возвелъ на высокую степень свое богатство и свою славу. Простой дворянинъ, онъ побѣдоносно сражался не только съ равными себѣ, но и съ большими имперскими городами, съ государями и курфюрстами. Французскій король Францискъ, домогаясь германской короны, просилъ содѣйствія Зиккингена, цѣня его помощь не ниже помощи государей и курфюрстовъ.

Зиккингенъ былъ въ имперіи силою: его именемъ и его золотомъ въ нѣсколько дней можно было собрать подь его знамя довольно значительное для того времени войско. Все нисшее дворянство считало его своимъ главой и вождемъ, и новоизбранный императоръ Карлъ V почиталъ себя счастливымъ, когда Зиккингенъ поступилъ къ нему на службу и сдѣлался его главнокомандующимъ.

Не смотря на свое пристрастіе къ кулачному праву, этотъ рыцарь былъ другомъ ученыхъ. Онъ держалъ при себѣ дворъ, какъ государь, и этотъ дворъ походилъ на маленькую академию. Здѣсь господствовала та свобода мыслей, которая всегда развивается въ умныхъ кружкахъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и Рейхлинъ внесли съ собою духъ римскихъ и греческихъ классиковъ въ любимыя резиденціи Зиккингена—Эбернбургъ и Ландштуль. Въ числѣ ученыхъ людей, которые окру-

жали его, кромѣ Гуттена, Дидриха фонъ-Дальберга и благороднаго рыцаря Гартмута фонъ Кронберта, державшаго библію въ одной рукѣ, а мечъ въ другой, были Іоганнъ Гаусшеймъ (Эколампадій), Мартинъ Бусеръ, Каспаръ Аквила и Іоганнъ Швебель, люди знаменитые въ исторіи реформациі. Зиккингенъ призвалъ къ себѣ Эколампадія, чтобы «пасти на зеленныхъ нивахъ божественнаго слова» его домочадцевъ и служителей—«народецъ, уже познавшій христіанское ученіе.» Новые обряды богослуженія были введены при дворѣ Зиккингена въ Эбернбургѣ ранѣе, чѣмъ даже въ Виттенбергѣ; Зиккингенъ находилъ, что для блага простого народа нужно измѣнить обычные обряды.

Смѣлый и свободный юноша Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, обнимавшій своимъ пламеннымъ сердцемъ все человѣчество, имѣлъ большое вліяніе на Зиккингена.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ происходилъ изъ могущественнаго имперскаго франконскаго рыцарскаго рода. Дядя его былъ первымъ министромъ при вюрцбургскомъ дворѣ и игралъ значительную роль въ Виртембергѣ. По совѣту его, отецъ Ульриха предназначилъ сына къ духовному званію, и одиннадцатилѣтній мальчикъ былъ посланъ въ монастырь. Но въ ребенкѣ жилъ духъ новаго времени. Въ 1504 г., шестнадцати лѣтъ отъ роду, онъ бѣжалъ изъ монастыря не за долго до постриженія, чтобы спастись отъ духовнаго званія, къ которому принуждалъ его отецъ. Онъ чувствовалъ себя способнымъ къ лучшей дѣятельности и не хотѣлъ хоронить себя подь клобукомъ. Извѣстіе о его бѣгствѣ до того взбѣсило его отца, что онъ отрекся отъ него и приказалъ всему семейству прервать съ нимъ всякія сношенія. Такимъ образомъ Гуттенъ былъ исключенъ изъ своей знатной семьи, и съ этихъ поръ принадлежалъ весь отечеству и народу; геніальное легкомысліе его смѣнилось тогда серьезностью. Съ шестнадцатилѣтняго возраста онъ остался одинокъ и не имѣлъ ничего, кромѣ своего пера и меча. Ему пришлось испытать на самомъ себѣ нищету своего народа. Но вдохновлявшая его идея ставила его выше

пошлыхъ заботъ жизни. Онъ самъ говорилъ, что «божественная истина и всеобщая свобода составляютъ предметъ его глубокой преданности и горячей любви.»

Около 1519 г. Гуттенъ познакомился съ знатнымъ рыцаремъ Францемъ и вскорѣ сталъ пользоваться его полнымъ довѣріемъ. Въ это время онъ отдавалъ уже себѣ отчетъ въ своихъ стремленіяхъ и поступкахъ: умъ его былъ поглощенъ мыслью о возрожденіи его народа.

Но и въ его жизни была минута колебанія. Отецъ его умеръ, и онъ сдѣлался обладателемъ богатаго наслѣдства. Въ это время онъ выздоровѣлъ отъ продолжительной болѣзни, и добрая мать упрашивала его пріѣхать въ свое родовое имѣніе и, женившись, поселиться въ немъ. Но Гуттенъ не долго колебался. «Мой жребій брошенъ, сказалъ онъ, я рѣшился!» Онъ отказался отъ отцовскаго наслѣдства и отрекся отъ семьи, чтобы быть свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и не увлекать ее въ свою борьбу, покинулъ плачущую мать, всѣ надежды на земное счастье и еще рѣшительнѣе, еще смѣлѣе поднялъ оружіе, добровольно обрекшись на смерть за истину и свободу народа.

Онъ никогда не простилъ бы себѣ, еслибы предпочелъ наслажденіе въ эти печальные дни, среди тогдашнихъ обстоятельствъ; ему пришлось бы красѣть всякій разъ, когда при немъ произносилось бы имя Лютера. Въ Гуттенѣ бодрствовалъ духъ его народа. Геній сына рудокопа укрѣпилъ его и усилилъ его вѣру въ «будущность Германіи.»

«Проснись благородная свобода!» таковъ былъ эпиграфъ его перваго посланія къ Лютеру. «Мы все-таки что-нибудь сдѣлали здѣсь, продолжалъ онъ; Господь за насъ, потому что мы способствуемъ угодному ему дѣлу и стараемся представить его правдивое, божественное ученіе въ его настоящемъ свѣтѣ и распространить его повсемѣстно. Вы служите этому дѣлу сильно и безпрепятственно; я же — по мѣрѣ силъ моихъ. Будьте смѣлы и рѣшительны, мужайтесь и не отступайте! Будь, что будетъ, но я твердо рѣшился быть вѣрнымъ помощ-

никомъ въ вашемъ великомъ предпріятіи, и поэтому вы можете смѣло довѣриться мнѣ и открыть мнѣ всѣ ваши планы. Съ Божіей помощью мы защитимъ свою свободу и мужественно избавимъ наше отечество отъ всего, что угнетаетъ и обременяетъ его. Вы увидите, что Богъ поможетъ намъ. А если Богъ съ нами, то кто же противъ насъ?

Въ началѣ 1520 г. онъ издалъ нѣсколько діалоговъ. «Къ шатрамъ твоимъ, Израиль! говорилъ онъ Германіи. Мужайтесь, мужайтесь; впередъ, впередъ! Да здравствуетъ свобода!»

Это былъ лучший годъ его жизни. Чело его горѣло пламенемъ пылкихъ надеждъ и намѣреній. Онъ дѣятельно старался объ отдѣленіи Германіи отъ Рима и съ этою цѣлью искалъ содѣйствія важнѣйшихъ политическихъ лицъ. Всѣ, въ томъ числѣ и Гуттенъ, возлагали надежды на новаго императора, который ѣхалъ въ Германію. Но идеи Гуттена не находили себѣ сочувствія въ Карлѣ, который не понималъ духа, пробудившагося въ Германіи. Вормскій сеймъ разочаровалъ Германію. «Горе странѣ, которою править ребенокъ!» говорилъ Гуттенъ словами библіи. Послѣ вормскихъ событій другъ Гуттена, Гартмутъ фонъ-Кронбергъ, поступившій, подобно Зиккингену, на службу къ императору, отказался онъ нея, хотя терялъ черезъ это 200 дукатовъ жалованья.

Но Гуттенъ, хотя обманутый во многихъ ожиданіяхъ, не останавливался; онъ не терялъ мужества и не покидалъ своихъ плановъ. Онъ былъ убѣжденъ, что для возрожденія націи и для возстановленія имперіи необходимо уничтожить владычество духовенства и многовластіе государей, и сдѣлать Германію единою и свободною подъ управленіемъ одного монарха, облеченнаго новымъ величіемъ.

Подобный политическій переворотъ не могъ совершиться безъ кровопролитія. Гуттенъ, хотя былъ увлекательный демагогъ, но не имѣлъ ни войска, ни владѣній, ни матеріальныхъ средствъ, ни талантовъ полководца. Но у него былъ другъ, обладавшій всѣмъ этимъ, и потому надежды его, обращав-

шіяся къ высоко поставленнымъ особамъ, всегда сѣставлялись на Францѣ фонъ-Зиккингенѣ, какъ на послѣдней опорѣ народа.

Замышляя освободить Германію, Гуттенъ разсчитывалъ на Зиккингена, Лютера, германское дворянство, имперскіе чины и весь угнетенный народъ. Положеніе имперіи было шатко и бѣдственно. Въ ней не было ни уложенія, ни правительства, ни финансовъ, ни регулярныхъ войскъ. Всѣ элементы, нѣкогда собравшіеся для великой жизни, распались или враждовали между собою. Но все предвѣщало новыя великія событія. Въ такое время Гуттенъ могъ смѣло разсчитывать на успѣхъ своего національнаго и совершенно современнаго предпріятія, начатаго имъ со смысломъ и мужествомъ. Гуттенъ надѣялся на Зиккингена болѣе, чѣмъ на всѣхъ государей. «Это величайшій человѣкъ Германіи,» писалъ онъ съ восторгомъ Эразму. — «Въ Германіи давно не было такого человѣка, и я увѣренъ, что онъ прославитъ имя нашей націи.» Вскорѣ Гуттенъ приобрѣлъ полное вліяніе на рыцаря Франца и убѣдилъ его въ необходимости проложить одновременно путь политической и религіозной свободѣ. Онъ неоднократно приглашалъ Лютера отъ имени Зиккингена въ Эбернбургъ. Лютеръ былъ доволенъ, что имѣетъ на всякій случай такое безопасное убѣжище. Сверхъ того его привлекала въ Эбернбургъ типографія, въ которой Гуттенъ, Кронбергъ и другіе печатали свои сочиненія, гдѣ смѣло требовали свободы; но Лютеръ испугался смѣлыхъ замысловъ этихъ энергическихъ людей, когда Гуттенъ открылъ ему эти замыслы.

Въ первые годы своей дѣятельности Лютеръ проникался по временамъ революціоннымъ духомъ. Въ концѣ 1517 г. онъ писалъ: «Если бѣшенная ярость ихъ (папистовъ) не уймется, то, я думаю, лучшимъ средствомъ противъ нихъ будетъ нападеніе королей и князей вооруженной силой на этихъ вредныхъ людей, которые отравляютъ спокойствіе всего свѣта. Не словами, а оружіемъ надо прекратить эти продѣлки. Мы вѣшаемъ воровъ, казимъ разбойниковъ, сжигаемъ еретиковъ;

отчего же не обращаемъ мы нашего оружія противъ папъ, кардиналовъ, епископовъ и всей прочей челяди римскаго содома; почему не истребимъ мы оружіемъ этихъ вредныхъ проповѣдниковъ и не омоемъ рукъ въ ихъ крови?» *). Почти во всѣхъ первыхъ сочиненіяхъ его проглядываютъ мѣстами, какъ бы помимо его воли, подобныя революціонныя вспышки.

До 1521 г. стремленія Лютера удовлетворяли пылкаго и рѣшительнаго Гуттена и согласовались съ его видами. Но въ концѣ 1521 г. Лютеръ измѣнился. Еще въ предъидущемъ году онъ издалъ замѣчательное сочиненіе, въ которомъ указывалъ германскому дворянству на бѣдствія и тягости, обременяющія всѣ христіанскія общества, а особенно Германію, и принуждающія Лютера возвать къ Господу о ниспосланіи помощи несчастной націи. Въ сочиненіи этомъ Лютеръ требовалъ уничтоженія или преобразованія монастырей, подчиненія всего духовенства и папы свѣтской власти, отмененія налоговъ, взимаемыхъ въ пользу папы, прекращенія его свѣтской власти и изгнанія изъ Германіи его посольства. Лютеръ увѣщевалъ все христіанское дворянство возстать на эти беззаконія. «Да поможетъ намъ Богъ спасти нашу свободу, говорилъ онъ въ заключеніе. Пусть папа откажется отъ Рима и отъ всего, отнятаго имъ у императорской власти, избавитъ нашу страну отъ своихъ невыносимыхъ грабительствъ, возвратитъ намъ свободу, могущество, богатство, честь, тѣло и душу и перестанетъ препятствовать нашей имперіи быть тѣмъ, чѣмъ ей слѣдуетъ быть.»

Но требуя, чтобы духовенство было лишено свѣтской власти и чтобы создавшіе ее религіозно-политическіе элементы были расторгнуты, призывая къ борьбѣ противъ папскихъ притя-

*) Лютеръ, правда, оговаривается, что слова эти не относятся къ тѣмъ епископамъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ германскими государями, курфирстами и князьями; но, дѣлая эту оговорку, онъ замѣчаетъ: „Здѣсь мы должны предоставить мѣсть Богу.“ Такая оговорка не спасла бы его въ нынѣшнемъ судѣ отъ осужденія.

заній, Лютеръ въ то же время хотѣлъ, чтобы подвигъ этотъ былъ предоставленъ Богу и чтобы все это совершилось безъ всякихъ усилій со стороны людей. Странное заблужденіе! Какъ будто духовенство могло безъ борьбы и насилій уступить свою мірскую власть.

Въ томъ же духѣ Лютеръ отвѣчалъ Гуттену на предложеніе его мечемъ проложить путь новому евангелію:

«Я бы не желалъ защищать евангеліе насиліемъ и кровопролитіемъ. Міръ былъ побѣжденъ словомъ, слово спасло церковь, слово и возстановитъ ее, и антихристъ, безъ насилія достигшій господства, будетъ безъ насилія низверженъ.»

Зная исторію, Гуттенъ зналъ, что послѣднее ложно. Онъ продолжалъ идти впередъ безъ Лютера и думалъ о томъ, чтобы произвести политическій переворотъ посредствомъ вооруженной силы. Потерявъ содѣйствіе самаго Лютера, онъ надѣялся на силу религіознаго движенія, вызваннаго Лютеромъ. Задуманная имъ политическая революція была главнымъ образомъ направлена противъ свѣтской власти духовенства, противъ которой евангеліе представляло самое дѣйствительное оружіе, потому что оно отрицаетъ ее.

Недовольное нисшее дворянство или рыцарство составило противъ угнетавшаго его деспотизма государей обширный союзъ, главою котораго былъ Зиккингенъ. Многіе рыцари уже приняли новое религіозное ученіе и были искренно преданы ему; таковы были Кронберги, Шауэнбурги, Фюрстенберги, Гельмштетты, Геммингены, Менцингены, Ландшадены фонъ-Штейнахи и сотни другихъ. Вопросъ объ уничтоженіи духовныхъ владѣній, неизбежно вытекавшій изъ ученія Лютера, и о медиатизаціи свѣтскихъ князей, былъ для рыцарей очень важенъ. Весною 1522 г. Зиккингенъ созвалъ въ Ландау множество нисшаго дворянства изъ Франконіи, Швабіи и съ Рейна. Рыцари заключили между собой клятвенный союзъ на шесть лѣтъ, съ мнимою цѣлью взаимно поддерживать другъ друга и охранять порядокъ. Зиккингенъ былъ избранъ главою союза. Но ему хотѣлось сдѣлаться вождемъ нѣмецкаго народа, германскимъ «Зишкой»; идеаломъ

его былъ этотъ непобѣдимый герой гусситовъ. Но союзники сознавали, что ихъ рыцарскаго меча недостаточно. Поэтому въ это же время Гуттенъ издалъ къ вольнымъ городамъ Германіи манифестъ, въ которомъ безпощадно обличалъ проступки, притязанія, насилія и несправедливости государей, предлагая городамъ соединиться съ дворянствомъ для ограниченія власти ихъ. Цѣлью этого манифеста было склонить города принять сторону дворянъ или по крайней мѣрѣ соблюдать нейтралитетъ въ предстоявшей борьбѣ дворянства съ государями.

Гуттенъ высказывалъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ своихъ мысль, быть можетъ, несвоевременную, но во всякомъ случаѣ великую, о соединеніи дворянства съ бюргерствомъ и о совершенномъ преобразованіи общественнаго положенія перваго. Высшее и нисшее дворянство шли доселѣ рука объ руку съ духовенствомъ и дружно притѣсняли крестьянъ. Но Гуттенъ желалъ соединить дворянъ съ бюргерствомъ, а, главное, съ народомъ, чтобы оградить свободу всѣхъ отъ деспотизма государей и духовенства. Онъ надѣялся, что дворянство, лишенное своего средневѣковаго значенія, можетъ возстать изъ своего упадка для новой высокой роли защитника національной свободы. Впослѣдствіи исторія германской Англіи оправдала эту мысль Гуттена, потому что свобода Англіи есть плодъ союза нисшаго дворянства съ среднимъ сословіемъ.

Когда отвергнутый своимъ семействомъ, Гуттенъ скитался одинокій по свѣту, испытывая страданія нищеты, онъ съумѣлъ возвыситься надъ предразсудками того сословія, къ которому принадлежалъ по рожденію, и полюбить своихъ нисшихъ братьевъ. Такъ какъ крестьянъ было гораздо легче возбудить къ политическому, чѣмъ къ религіозному возстанію, то Гуттенъ, имѣя въ виду политическій переворотъ, еще болѣе старался приобрести ихъ содѣйствіе, чѣмъ помощь вольныхъ городовъ. Чтобы Германія могла сдѣлаться великою, необходимо было нравственно и умственно возвысить крестьянское сословіе и поставить его въ благопріятныя матеріальныя условія. Желая возбудить въ крестьянахъ чувство мести, Гуттенъ издалъ для на-

рода книгу подъ заглавіемъ «Нейкарстгансъ», съ приложеніемъ катихизиса изъ тридцати параграфовъ, «въ вѣрности которымъ крѣпко поклялись дворянинъ Гельфрихъ, солдатъ Гейнцъ и Карстгансъ со всѣми товарищами». Сочиненіе это, вполне народное, дышало страшной ненавистью ко всѣмъ, кто посягаетъ на совѣсть, домашнее счастье и карманъ простолюдина.

Простой народъ представлялъ собою значительную военную силу. Славная пѣхота, рѣшавшая въ новѣйшее время участь сраженій, и знаменитые ланцкнехты формировались изъ крестьянъ, и многіе опытные солдаты возвращались въ крестьянскій бытъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случалось даже, что крестьянъ призывали къ оружію и заставляли служить на войнѣ. Въ послѣдней итальянской войнѣ Гуттенъ видалъ подъ знаменами ландскнехтскихъ эскадроновъ оберландскихъ поселянъ и крестьянъ изъ ремской долины, при Миланѣ и подъ Падуей.

Другъ Меланхтона, Каммерарій, писалъ: «если бы Гуттенъ имѣлъ матеріальныя средства, необходимыя для исполненія его смѣлыхъ замысловъ, то ему непременно удалось бы совершить великій переворотъ, который измѣнилъ бы весь строй имперіи».

Въ пожарѣ Эбернбурга погибли всѣ бумаги и документы касательно предпріятія Гуттена; поэтому мы не можемъ судить, насколько вольные города и крестьяне сочувствовали его планамъ. Сохранившіяся сочиненія Гуттена объясняютъ цѣль его стремленій, но не показываютъ, что успѣлъ онъ для нея сдѣлать. Вѣроятно онъ желалъ, чтобы рыцарство и вольные города возстали и увлекли за собою крестьянъ. Изъ словъ Зиккингена видно, что Страсбургъ и другіе города, преданные реформациі, были согласны на это. На вормскомъ сеймѣ враговъ Лютера страшали соединеніемъ эбернбургцевъ съ простолюдиномъ: я говорю о прокламаціи, въ которой идетъ рѣчь о 400 союзныхъ рыцаряхъ и 8000 войска, поклявшихся защищать Лютера и которая кончалась словами: «Башмакъ, Башмакъ, Башмакъ!»

Можно положительно сказать, что Зиккингенъ слишкомъ поспѣшилъ возстаніемъ и не рассчиталъ своихъ силъ. Онъ всегда пользовался любовью народа и могъ бы быть душою и вождемъ великаго движенія 1524 и 25 годовъ и освободить нѣмецкій народъ при помощи своего войска и своихъ военныхъ способностей, еслибы подождалъ еще одинъ годъ. Мейстеръ Бальтазаръ Слёръ, старый довѣренный и вѣрный слуга Зиккингена, говорилъ ему, что усиѣхъ его предпріятія еще невозможенъ; но несчастная судьба Зиккингена и его народа увлекала его и Гуттена впередъ.

Въ началѣ сентября 1522 г. эбернбургскій рыцарь началъ великую борьбу, предводительствуя своимъ стройнымъ небольшимъ войскомъ изъ 5,000 пѣхоты, 1,500 конницы, съ достаточною артиллеріей. Первое нападеніе было направлено на Рихарда фонъ-Грейффенклау, архіепископа и курфюрста Трирскаго. Предлогомъ къ нападенію служило то обстоятельство, что курфюрстъ запретилъ двумъ своимъ подданнымъ выполнить обязательства, въ исполненіи которыхъ Францъ поручился. Впрочемъ въ манифестѣ своемъ Зиккингенъ говоритъ, что объявляетъ ему войну, главнымъ образомъ, за его поступки противъ Бога и императорскаго величества». Но въ возваніи къ трирскимъ подданнымъ онъ говорилъ, что «пришелъ дать имъ евангельскую свободу».

Фровенъ фонъ-Гуттенъ, обергофмейстеръ курфюрста Альбрехта Майнцскаго, участвовалъ въ тайномъ союзѣ и секретно помогалъ Зиккингену. Зиккингенъ овладѣлъ штурмомъ Санктъ-Венделемъ; 7-го сентября онъ стоялъ подъ Триромъ. Онъ надѣялся, что, пока будетъ братъ крѣпости архіепископства, къ нему подойдутъ подкрѣпленія, которыя набирали въ Нидерландахъ служившіе ему рыцари. Въ походѣ этомъ не принимали участія франконскіе, швабскіе и верхнерейнскіе рыцари, что доказываетъ, что онъ былъ лишь небольшимъ опытомъ, интермедіей, имѣлъ цѣлью лишь набрать контрибуціи и пріобрѣсти добычу для содержанія на вербованнаго войска; въ случаѣ успѣха, предпріятіе это, доставивъ Зиккингену обладаніе нѣсколькими

крѣпостями, могло быть полезно для предстоявшихъ обширныхъ дѣйствій, которыя должны были открыться въ будущемъ году.

Но государи догадались о замыслахъ Гуттена и подстрекаемаго имъ рыцаря Франца. Солдаты Зиккингена говорили странныя вещи: «нашъ господинъ будетъ скоро курфюрстомъ, а пожалуй чѣмъ нибудь и побольше». Нападеніе на Триръ нарушило спокойствіе государей. При дворѣ герцога Георга Саксонскаго говорили, что, имперскимъ князьямъ уже много столѣтій не грозила опасность, подобная замысламъ Зиккингена. Дѣло идетъ къ тому, говорили другіе, что скоро нельзя будетъ разобрать, кто императоръ, князь или господинъ.

8 сентября 1522 г. баварскій канцлеръ Леонгардъ Экъ писалъ своему герцогу: «Зиккингенъ возбудилъ народное возстаніе. Лазутчики ежедневно доносятъ, что дѣло смахиваетъ на Башмакъ. Если произойдетъ возстаніе и крестьяне одержатъ верхъ, то рейнскіе государи заплатятъ за завтракъ, прочіе за ужинъ, а простому дворянству придется расплачиваться насонъ грядущій» 8 марта онъ писалъ ему уже слѣдующее: «Подумайте, ваша милость, о тревогѣ, которая теперь повсемѣстна. Для народа издали книжку, въ которой уговариваютъ его сбросить съ себя иго королей, князей и дворянства, которому онъ подчиняется изъ страха ихъ тиранніи, и увѣряютъ его, что этимъ онъ сдѣлаетъ прекрасное дѣло. Все это исходитъ отъ злодѣя Лютера и отъ партіи Франца. Теперь болѣе чѣмъ когда либо государямъ грозятъ Башмакъ и мятежъ».

Когда Зиккингенъ началъ войну противъ духовныхъ государей Германіи, Лютеръ прямо объявилъ: «Я знаю, что говорятъ, будто опасно возбуждать возстаніе противъ духовныхъ государей.—Я же отвѣчаю: а что же, если слово божіе забывается и весь народъ погибаетъ? — Если духовные государи не слушаютъ слова Божія, свирѣпствуютъ, ссылаютъ, жгутъ, рѣжутъ и творятъ всякое зло, то что же съ ними дѣлать, какъ не начать сильное возстаніе, которое бы истребило ихъ?»

Еслибы оно произошло, то слѣдовало бы веселиться». *) Въ тоже время онъ писалъ слѣдующее: «Всѣ, кто жертвуетъ жизнью, добромъ и честью для разрушенія епископствъ и уничтоженія епископскаго правленія—любезные сыны господа и истинные христіане, противящіеся діавольскому порядку. — Всякій христіанинъ долженъ жертвовать жизнью и имуществомъ, чтобы положить конецъ ихъ тиранніи и радостно поправить всякія обязательства въ отношеніи ихъ, какъ въ отношеніи діавола. Вотъ моя, доктора Лютера, булла, дающая, всѣмъ, кто слѣдуетъ ей, благодать божію. Аминь **).

Имперское правленіе, душою котораго были государи, призвало къ скорѣйшему походу противъ опаснаго рыцаря всѣхъ сосѣднихъ владѣтелей. Къ Зиккингену были отправлены послы съ увѣщаніями. «Приходится еще разъ выслушать старую имперскую пѣсню!» сказалъ онъ, когда въ его лагерь прибылъ имперскій герольдъ. Онъ принялъ пословъ дерзко и насмѣшливо и отвѣчалъ на ихъ увѣщанія, что очень хорошо знаетъ, что императоръ не прогнѣвается на него, если онъ поприжметъ папу и повыжметъ изъ него деньги, полученные отъ французовъ. Онъ сказалъ имъ между прочимъ, что намѣренъ позволить себѣ поступокъ, на который не рѣшался еще ни одинъ римскій императоръ, т. е. водворить въ имперіи новый порядокъ. Зиккингенъ не согласился предоставить рѣшеніе его ссоры съ архіепископомъ палатному суду; у меня свой судъ, сказалъ онъ, изъ рейтаровъ, въ которомъ дѣла рѣшаются ружьями и пушками.

Зиккингенъ рассчитывалъ на жителей Трира и на магазины монастыря св. Максимиана. Но архіепископъ собственноручно зажегъ монастырь, и Францъ нашелъ только дымящіяся развалины. Архіепископъ и его войска, которыя онъ успѣлъ во время ввести въ городъ, держали въ страхѣ нисніе классы города, такъ что Зиккингенъ никакъ не могъ надѣяться на

*) Лютеръ: „Противъ сословія, ложно называемаго духовнымъ“. Сочиненія Лютера, іенское изданіе. II. Fol. 120.

**) Тамъ же, стр. 122.

ихъ помощь. Вассалы и солдаты архіепископа храбро защищали городскія стѣны и башни. Такимъ образомъ Зиккингенъ, надѣявшійся овладѣть Триромъ внезапнымъ нападеніемъ, наткнулся на непреодолимые препятствія; подкрѣпленія, которыхъ онъ ожидалъ, были также задержаны. Рыцарь Реннебергъ имѣлъ отъ него порученіе вербовать солдатъ въ Клеве и Юлихѣ, но владѣтель этихъ земель угрожалъ лишеніемъ имущества и жизни тѣмъ, кто пристанетъ къ Зиккингену. Такое же запрещеніе было издано архіепископомъ кѣльнскимъ, во владѣніяхъ котораго вербовалъ для Зиккингена батардъ де-Санбрефъ. Михель Минквицъ шелъ къ нему изъ Брауншвейга съ 1,500 ч., но ландграфъ Филиппъ Гессенскій напалъ на него, овладѣлъ самимъ Минквицомъ и всѣми бумагами его и принудилъ солдатъ перейти къ нему. Подкрѣпленія, шедшія къ Зиккингену изъ Лимбурга, Люнебурга и Вестфалии потерпѣли такую же неудачу. Между тѣмъ ландграфъ и курфюрстъ Лудвигъ Пфальцкій шли противъ него съ значительными силами. Отъ курфюрста Францъ никакъ не ожидалъ этого, потому что Лудвигъ былъ его всегдашнимъ покровителемъ и первый помогъ ему возвыситься; онъ ожидалъ скорѣе всего другого, чѣмъ того, чтобы курфюрстъ первый выступилъ противъ него на помощь «трирскому попу». Онъ не могъ подвергать себя нападенію столь значительныхъ силъ подъ непріятельскими стѣнами. Поэтому, на седьмой день по прибытіи къ Триру, онъ отступилъ, сдѣлавъ дорогой неудачную попытку овладѣть Кейзерслаутерномъ, распустилъ большую часть своего войска и вернулся въ свои владѣнія, не преслѣдуемый непріятелемъ; 8 октября его постигла опала.

Два курфюрста и могущественный ландграфъ, соединившіеся подъ Триромъ, атаковали союзниковъ Зиккингена. Первое нападеніе было направлено на Кронбергъ, крѣпость зятя Зиккингена, Гартмута. Одинъ современникъ полагаетъ, что войско государей простиралось до 30,000 конницы и пѣхоты. Гартмутъ бѣжалъ, видя невозможность защищать крѣпость противъ такихъ силъ и выдерживать огонь. 16 октября крѣпость сдалась. Непріятель разрушилъ замокъ Фровена фонъ-Гуттена, Заальмюн-

стеръ, и занялъ другія владѣнія его. Затѣмъ онъ раззорилъ владѣнія двухъ другихъ товарищей опальнаго Франца— замокъ Гаузенъ, принадлежавшій Филиппу Вейссу и замокъ Рудеккера— Руккингенъ; даже съ Альбрехта Майнцаго взяли 25,000 гульденовъ контрибуціи за то, «что онъ пропустилъ за Рейнъ табунъ лошадей Зиккингена. Это первое, а о прочемъ нечего и говорить». Прочимъ союзникамъ Зиккингена, какъ графу Вильгельму фонъ-Фюрстенбергу, Эйтельфрицу фонъ-Цоллерну и франконскому рыцарству, месть государей грозила въ далекомъ будущемъ.

Зиккингенъ былъ теперь въ такомъ положеніи, въ какомъ всегда оказываются вожди оппозиціи послѣ пораженія. Большая часть его союзниковъ покинула его, другіе бездѣйствовали. Ему оставались только вѣрные друзья его, Фюрстенберги, Гуттены и лютеранскій народъ. Наступилъ 1523 г. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ отправился въ верхнюю Швабію, Фровенъ фонъ-Гуттенъ въ Швейцарію — набирать подкрѣпленія; Бальтазаръ Слёръ вербовалъ людей на верхнемъ Рейнѣ, вѣрный Францъ Фоссъ въ нижней Германіи; даже изъ Богеміи были присланы обѣщанія помощи отъ рыцарей. Самъ Зиккингенъ укрѣпился въ Ландштулѣ, гдѣ думалъ запереться и надѣялся продержаться 3 или 4 мѣсяца, до прибытія союзниковъ.

Въ концѣ апрѣля государи осадили Ландштуль; у нихъ была отличная артиллерія. 30 апрѣля началось бомбардированіе. Стѣны, только-что отстроенныя, сильно пострадали отъ ядеръ. Когда Зиккингенъ подошелъ къ амбразурѣ, чтобы взглянуть на ходъ осады, непріятельская картечь ударила въ стѣну, къ которой онъ прислонился, и, разбивъ ее, отбросила Зиккингена на острое бревно: онъ упалъ, оглушенный ударомъ, смертельно раненый.

Друзья отнесли его во внутренность замка. Очнувшись, онъ сталъ жаловаться на медленность союзниковъ: «гдѣ же, воскликнулъ онъ, мои рыцари и друзья, такъ много обѣщавшіе мнѣ? Гдѣ Фюрстенбергъ? Гдѣ страсбургцы?» Гонецъ, котораго онъ послалъ звать Фюрстенберга на помощь, когда государи

слишкомъ стѣснили его, былъ перехваченъ непріятелемъ. Вильгельмъ получилъ вѣсть о крайности своего друга лишь вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его смерти. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ тщетно старался что-нибудь сдѣлать въ Швейцаріи: смертельный врагъ его и всего его дома, Ульрихъ Виртембергскій, изгнанный изъ своего герцогства, получилъ въ Швейцаріи право гражданства и противодѣйствовалъ Гуттену. Герцогъ помнилъ, что Гуттенъ унижилъ его въ общественномъ мнѣніи, обвинивъ его въ тираніи, а Зиккингенъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ его изгнанію.

Францъ видѣлъ, что подкрѣпленіе не можетъ поспѣть во время, даже въ томъ случаѣ, если уже выступило. Онъ написалъ государямъ о сдачѣ, но они не согласились дать ему свободный пропускъ. «Ну, все равно, я не долго буду ихъ плѣнникомъ!» сказалъ онъ и передъ смертью пригласилъ ихъ въ замокъ. Смерть уже омрачила его зрѣніе, такъ что онъ едва узналъ вошедшихъ государей. «Милостивый господинъ, сказалъ онъ фальцграфу, могъ ли я когда думать, что кончу подобнымъ образомъ.» На упреки курфюрста Трирскаго и ландграфа онъ отвѣчалъ: «Теперь меня будетъ судить болѣе высокій судья.» На вопросъ своего капеллана, желаетъ ли исповѣдаться, онъ отвѣчалъ: «Я исповѣдался Богу въ сердцѣ моемъ.» Капелланъ вознесъ дары, государи пали на колѣни у постели Франца, и посреди ихъ скончался рыцарь, которому была бы въ пору императорская корона. При извѣстіи о его смерти, враги его заликовали: «умеръ побочный императоръ!»

Но кого могло это извѣстіе болѣе всѣхъ поразить, какъ не Ульриха фонъ-Гуттена? Безпомощно блуждалъ съ мѣста на мѣсто несчастный бѣглецъ по Швейцаріи. Онъ снова былъ также несчастливъ, какъ въ молодости, и съ несчастіемъ возобновилась его прежняя болѣзнь. Но благородный огонь горѣвшій въ немъ, возвышалъ его духъ надъ страданіями тѣла; кипя негодованіемъ, онъ излилъ свой честный гнѣвъ на Эразма, обвинивъ его, въ небольшомъ сочиненіи, въ измѣнѣ истинѣ, народу, наукѣ и дружбѣ; но этотъ энергическій взрывъ, какъ

будто, подорвалъ его слабый организмъ; вскорѣ послѣ того онъ умеръ, переживъ Зиккингена только нѣсколькими мѣсяцами.

Онъ умеръ 35 лѣтъ въ Фарргофѣ на маленькомъ островкѣ цюрихскаго озера Уффнау, куда его послалъ Цвингли. «Послѣ него не осталось ничего, писалъ Цвингли, — ни книгъ ни утвари, ничего, кромѣ одного пера.»

Нѣтъ монумента изъ бронзы или мрамора, который бы указывалъ путнику мѣсто, гдѣ почилъ въ сырой землѣ пылкое сердце друга народа — сердце, полное свободной гуманности; но только одинъ памятникъ могъ бы быть достоинъ его: это тотъ, надъ сооруженіемъ котораго можетъ трудиться каждый изъ насъ и который со временемъ навѣрно окружитъ его драгоценную могилу: это единая, свѣтлая, счастливая свободою Германія.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Люди движенія.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно, что тяготѣвшее на народѣ иго было причиною нѣсколькихъ возмущеній еще задолго до реформациі Лютера и постепенно подготовляло всеобщее возстаніе. Реформація только подлила въ огонь масла. Не смотря на то, что уже съ давнихъ поръ весь народъ терпѣлъ притѣсненія, ни одно изъ всѣхъ мѣстныхъ возстаній не сдѣлалось общимъ до тѣхъ поръ, пока религіозный вопросъ не затронулъ всего общества. Евангеліе стало знаменемъ, подъ которымъ угнетенный народъ соединился, если не для общаго плана, то для общей цѣли.

Одинъ благородный и умный человѣкъ говорилъ объ этомъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ слѣдующее:

«Общій религіозный интересъ, пробужденный реформацией, сблизилъ страдавшихъ людей, возбудилъ во всѣхъ непріязненное чувство къ несправедливостямъ, претерпѣваемымъ отъ іерархической и политической тираніи и вызвалъ общее стремленіе освободиться отъ этого ига. Не было особенной надобности въ томъ, чтобы всѣ хорошо понимали основанія истины и права и ясно сознавали цѣль, къ которой стремились;

достаточно было сознанія, что духовныя власти поступаютъ съ ними противно справедливости и божественнымъ законамъ. Реформація распространила идею свободы и пробудила до тѣхъ поръ неизвѣстные чувства ожиданія и надежды; она сдѣлала любимымъ занятіемъ, даже потребностью, анализъ всего того, что люди считали до тѣхъ поръ святымъ; смѣлостью, съ которою она разбирала религіозныя истины и религіозныя обряды, дала возможность обратиться столь же смѣло къ изслѣдованію гражданскихъ обычаевъ и правъ; научила людей выше цѣнить себя и, слѣдовательно, живѣе чувствовать несправедливости; возбудила пламенное чувство, выразившееся въ сочиненіяхъ и пѣсняхъ, которыми утѣшались крестьяне. Реформація не могла бы возбудить этихъ порывовъ безъ помощи долговременнаго гнета; но точно также и долговременный гнетъ не вызвалъ бы безъ помощи реформациі всеобщаго возстанія» *).

Лютеръ не принадлежалъ къ числу истинныхъ вождей движенія 1524 г., о которыхъ несправедливо говорятъ, что дѣйствія ихъ вытекали изъ ложнаго пониманія лютеранскаго ученія и евангельской свободы; они не ложно понимали это ученіе, но понимали его иначе: исходя изъ тѣхъ же основаній, какъ и Лютеръ, они пришли къ другимъ результатамъ, потому что принимали послѣдствія своихъ основаній.

Точно также нельзя сказать, что и народъ не понималъ или ложно толковалъ евангельское ученіе, принимая его не только за избавленіе отъ человѣческаго ига въ дѣлахъ вѣры и за спасеніе отъ грѣховъ и смерти, но видя въ немъ и освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.

Нельзя сказать, чтобы простой народъ не понималъ ученія Лютера; нѣтъ; но онъ вѣрно понималъ ученіе другихъ проповѣдниковъ, несогласныхъ съ Лютеромъ и шедшихъ дальше

*) Прелатъ фонъ-Шмидтъ въ новомъ теологическомъ журналѣ 1795 г. Стр. 873 до 882, при разборѣ сочиненія Сарториуса о крестьянской войнѣ.

его; они выразительно и ясно предлагали новое евангеліе религиозной и гражданской свободы всѣмъ, стремившимся къ спасенію и освобожденію, и доказывали несовмѣстность крѣпостнаго состоянія съ ученіемъ Христа.

Въ то самое время, когда Лютеръ начиналъ умѣрять свои революціонныя вспышки, люди, бывшіе частью его сотрудниками, частью продолжателями, дѣйствовали одновременно съ Ульрихомъ фонъ-Гуттенемъ и по смерти его, именно въ этомъ смыслѣ. Они дѣлали изъ слова божія смѣлые политическіе выводы. То были люди съ сердцемъ теплымъ, горячо бившемся за народъ; но между ними были и дикіе фанатики. Не всѣ приверженцы и двигатели этого благороднаго и прекраснаго дѣла были столь же честны и благоразумны, какъ самое дѣло. Въ это религиозное и политическое движеніе втерлись люди, руководимые менѣе чистыми, даже дурными, побужденіями и намѣреніями.

Въ 1521—24 г. множество воззваній постепенно настраивали народъ въ революціонномъ смыслѣ. Сущность ихъ всегда состояла въ томъ, что «дѣла должны перемениться; пора кончить эту комедію; она опротивѣла и гражданамъ и крестьянамъ; все должно измѣниться.» Но живое слово странствующихъ проповѣдниковъ дѣйствовало несравненно сильнѣе. Подобно апостоламъ, странствовали эти люди всѣхъ сословій, ученые и неученые, дворяне и не дворяне, съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну. Точно тоже дѣлалось въ первыя времена христіанства; точно тоже, когда Гуссъ зажегъ въ своемъ столѣтніи пожаръ для истребленія всего нечистаго и безбожнаго; точно тоже было и теперь съ появленіемъ Лютера и его единомышленниковъ. Эти странствующие проповѣдники были представителями демократическаго движенія. Цѣлью ихъ была революція и основаніе новой христіанской республики. Въ ихъ проповѣдяхъ политика сливалась съ религіей. Они разъясняли библейскими изрѣченіями положеніе народа и современные спорные церковные вопросы. Ихъ любимой темой была безпощадная критика нравовъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Масса лю-

била всего больше, чтобы «слухъ ея щекотали крикомъ противъ богатыхъ и сильныхъ» *).

Агитаторы были трехъ цвѣтовъ: одни затѣвали только религиозно-церковный переворотъ, другіе имѣли въ виду чисто политическій, а третьи стремились къ религиозно-политическому, впрочемъ, болѣе склоняясь къ первому. Во всѣхъ трехъ партіяхъ были умѣренные и крайніе.

Съ самаго появленія ихъ и до нашего времени на нихъ сыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія. Нетерпимость виттенбергскихъ теологовъ, въ особенности Лютера, послужила главнымъ поводомъ къ ложному и несправедливому пониманію ихъ. Въ этомъ дѣлѣ Лютеръ былъ далекъ отъ обыкновенной чистоты своихъ стремленій и крайне увлекался чувствомъ личной неприязни. Другіе же осуждали ихъ, потому что были неспособны стать на ихъ точку зрѣнія или понять ихъ самобытные характеры и связь ихъ образа мыслей съ дѣйствіями ихъ. Очень многіе нападали на нихъ только изъ-за какой-то овладѣвшей тогда всѣми страсти клеймить все, что думало иначе въ области религіи. Многіе смотрѣли на нихъ неблагоклонно за ихъ политическія тенденціи; одни потому, что считали намѣренія ихъ неосуществимыми мечтами, другіе же потому, что не знали, что равенство всѣхъ передъ людьми, есть такое же основное положеніе евангелія, какъ и равенство передъ Богомъ, и что истинная религія только та, которая проповѣдуетъ гражданскую свободу. Но главною виною ихъ въ глазахъ такихъ людей было то, что они пали, что дѣло ихъ было побѣждено и что въ немъ было много бредней и злоупотребленій, много нелѣпаго и сумазброднаго. Имъ поставили на счетъ все нечистое и безумное, что было возбуждено поднятымъ ими движеніемъ. Имъ приписали успѣхи, одержанные десять лѣтъ по смерти ихъ людьми, съ которыми они не имѣли ничего общаго.

Осмысленное революціонное предпріятіе строгихъ демаго-

*) Eberlin von Guntzberg. Vermahng.

говъ 1524 и 1525 г. смѣшали съ безумной мюнстерской трагикомедіей 1536 г.; трезваго, при всей пылкости своихъ рѣчей, мыслителя Томаса Мюнцера съ полоумнымъ Боккольдомъ. Такое непониманіе могло бы продолжаться и донинѣ, еслибы было менѣе изслѣдовано это движеніе и еслибы наконецъ не перестали давать всему извѣстному направленію названія фанатиковъ и перекрещенцевъ, опозоренныя нѣкоторыми представителями его.

Но пристрастный судъ партіи и благоговѣющей передъ авторитетами толпы не есть судъ исторіи; исторія должна спокойно и свободно судить и побѣжденныхъ, особенно въ религіозно-политической борьбѣ.

Пораженіе дѣлаетъ въ глазахъ толпы преступленіемъ то, что побѣда преобразила бы въ геройство. Выигравшаго игру прославляютъ за мудрую расчетливость, а проигравшаго обвиняютъ въ глупости. Исторія же должна заботиться о томъ, чтобы должная справедливость отдавалась и праху побѣжденныхъ. Но трудно объяснять мысли, побужденія и средства участниковъ тайныхъ плановъ и предпріятій; въ данномъ случаѣ это еще труднѣе. Побѣдители нашли много защитниковъ, побѣжденные же, особенно изъ народа, очень немногихъ и притомъ очень робкихъ. Но многое можно сказать за этихъ людей, не одобряя всего, что они дѣлали и какъ дѣлали.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Томасъ Мюнцеръ.

Первымъ и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи былъ Томасъ Мюнцеръ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и симпатичныхъ людей реформаціонной эпохи.

Судя о Мюнцерѣ, постоянно упускали изъ виду его юношескій характеръ, и вслѣдствіе этого совершенно не понимали и искажали его.

Мюнцеръ жилъ и умеръ, какъ юноша. Этимъ, и только этимъ, объясняется многое.

Онъ родился въ Штольбергѣ у подножія Горца, между 1490 и 1493 годами *); повидимому, онъ рано лишился отца. Существуетъ сказаніе, что графы Штольберги приказали повѣсить его отца, бывшаго человекомъ зажиточнымъ **). Причина и годъ этой казни неизвѣстны; неизвѣстно даже, произошло ли это въ дѣтствѣ Томаса Мюнцера или, быть можетъ, уже при началѣ возстанія; но, кажется, что если бы Томасъ Мюнцеръ былъ еще въ дѣтствѣ свидѣтелемъ такого позора, нанесеннаго его отцу, и жестокостей, съ которыми многіе владѣтели обращались съ своими подданными, то въ сочиненіяхъ и рѣчахъ его противъ властителей можно бы было непременно встрѣтить намеки на этотъ случай.

Въ немъ рано проявились реформаторскія наклонности. Онъ учился прилежно, вѣроятно въ Виттенбергѣ и Лейпцигѣ и достигъ степени доктора. Даже противникъ его, Меланхтонъ, сознавался, что онъ былъ очень искусенъ въ священномъ писаніи. Онъ могъ при всякомъ случаѣ подкрѣпить свои слова библейскими текстами. Совершенно независимо отъ Лютера и отъ всѣхъ прочихъ вождей реформаціи, Томасъ Мюнцеръ началъ дѣйствовать гораздо раньше ихъ и такъ рѣшительно, что съ разу отдѣлился отъ государственной церкви и вступилъ съ нею въ борьбу. Еще до Лютера онъ считалъ біблію единственнымъ

*) Зейдеманъ. Жизнеописаніе Томаса Мюнцера, Дрезденъ 1842, говоритъ, что онъ родился въ 1490 г., но я гдѣ-то нашелъ 1493 годъ, показанный какъ годъ его рожденія; но теперь не могу найти ни источника, ни сдѣланнаго изъ него извлеченія.

**) Manlii Collect. II, 13,5. Онъ говоритъ, что слышалъ это отъ Меланхтона; тоже говоритъ Іейерсбергъ, который также рассказываетъ это въ своемъ сочиненіи: „Какъ должно отвѣчать на заблужденія перекрещенцевъ.“ Зейдеманъ стр. 1.

источникомъ познанія и религіознаго ученія. Онъ полагалъ, что существованіе верховнаго главы видимой церкви и его высшихъ и низшихъ служителей противорѣчитъ тому идеалу христовой церкви, который указанъ въ библии.

Еще юношей, занимая мѣсто учителя въ латинской школѣ въ Ашерслебенѣ, а потомъ въ Галле, онъ основалъ тайное общество противъ Эрнста II архіепископа магдебурскаго и примаса Германіи, умершаго въ Галле, 3-го августа 1513 г. Цѣлью общества было преобразование духовенства. Число членовъ его было незначительно. Въ 1515 г. Мюнцеръ сдѣлался священникомъ женскаго монастыря въ Фрозѣ близъ Ашерслебена. Уже тогда онъ отступалъ въ отправленіи своей должности и въ служеніи обѣди отъ догматовъ римской церкви. Вскорѣ онъ сдѣлался учителемъ брауншвейгской гимназіи Мартина; въ 1519 сталъ снова духовнымъ отцомъ въ Бейтицкомъ женскомъ монастырѣ близъ Вейсенфельза, а въ 1520 проповѣдникомъ въ цвикауской церкви Богоматери. Здѣсь еще энергичнѣе, чѣмъ въ Галле и Брауншвейгѣ, началъ онъ проповѣдывать противъ «слѣпыхъ пастырей слѣпыхъ овецъ, которые во время своихъ безконечныхъ молебствій успѣваютъ прибрать къ рукамъ имущества вдовъ и у одра умирающихъ думаютъ не о религіи, а объ удовлетвореніи своей ненасытной алчности». Въ проповѣдяхъ Мюнцеръ ссылаясь на евангеліе, а богатые цвикаускіе ниществующіе монахи очень облегчали ему побѣду надъ ними. Ораторъ ихъ, старый монахъ, говорилъ съ кафедры: «Тотъ проповѣдуетъ дурно, кто проповѣдуетъ только евангеліе, ибо этимъ онъ противорѣчитъ всѣмъ человѣческимъ установленіямъ, которыя должно соблюдать прежде всего. Евангеліе требуетъ многихъ дополненій; не должно жить только по евангелію; если бы смотрѣть на евангельскую бѣдность, то князья и прочіе не могли бы присвоивать себѣ мірскія сокровища; какъ пастырямъ душъ, имъ пришлось бы быть бѣдными и нищими».

Въ то время Мюнцеръ былъ въ восторгѣ отъ Лютера. Онъ надѣялся, что докторъ богословія и виттенбергскій профессоръ, дѣйствуя подъ покровительствомъ могущественнаго имперскаго

государя, можетъ одержать болѣе значительные успѣхи, чѣмъ онъ, въ своемъ незначительномъ положеніи и живя въ странѣ, владѣтель которой былъ такъ враждебенъ всякимъ нововведеніямъ.

Но вскорѣ Мюнцеръ замѣтилъ, что Лютеръ не дѣлаетъ всего, чего онъ ожидалъ отъ него. Лютеръ не дѣлалъ ни шагу къ тѣмъ реформамъ, которыя, по мнѣнію Мюнцера, были необходимы христіанамъ, а именно, полное преобразование государства и церкви и возстановленіе ихъ на новыхъ основаніяхъ. Мюнцеръ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости разрушить старую церковь до основанія и уничтожить всѣ существовавшія государственныя отношенія.

Дѣятельность Лютера побудила Мюнцера снова обратиться къ богословскимъ занятіямъ. Духъ сомнѣнія усиливался въ немъ. Его уже не удовлетворяла мертвая буква библии. Чѣмъ подтверждается достовѣрность писаній? спрашивалъ онъ...

Римская церковь говорила, что только ея догматы непреложны, что она единственная блюстительница истиннаго ученія, въ силу святаго духа, ниспосланнаго на нее ея божественнымъ основателемъ и пребывающаго въ ней во вѣки вѣковъ. Поэтому она требовала, чтобы всѣ безусловно вѣрили ей и слушались ея, какъ единой и непогрѣшимой матери, спасающей души отъ всякаго сомнѣнія и безпокойства.

Лютеръ отрекся отъ этой видимой церкви, но продолжалъ держаться многихъ догматовъ ея, защищая непогрѣшимость древняго церковнаго ученія и ставя его на равнѣ съ библейскимъ.

Мюнцеръ видѣлъ эту непослѣдовательность Лютера. Обломки церковнаго преданія, за которыя держался Лютеръ, не имѣли значенія въ глазахъ Мюнцера. Лютеръ считалъ ихъ непогрѣшимыми, между тѣмъ какъ самъ отрицалъ непогрѣшимость церкви.

Неудовлетворенный богословіемъ, недовольный христіанствомъ, Мюнцеръ бросился въ мистицизмъ.

Онъ предался чтенію средневѣковыхъ мистиковъ. Мюнцеръ былъ поэтъ и эксцентрикъ. Чувствительность и воображеніе преобладали надъ его обширнымъ умомъ. Онъ читалъ преимущественно исторіи о мужчинахъ и женщинахъ, которымъ приписывались лицезрѣніе Бога и тайныя откровенія. Особенное вліяніе имѣлъ на него пророкъ двѣнадцатаго вѣка, калабріецъ аббатъ Іоакимъ.

Пророкъ этотъ жилъ въ эпоху, когда сухая схоластика господствовала подъ именемъ христіанскаго ученія, церковь была предана мірскимъ интересамъ, а отечество его находилось подъ игомъ тираніи. Многіе были недовольны настоящимъ и желали лучшихъ временъ. Іоакимъ показалъ лучшую будущность въ мистическомъ зеркалѣ. Онъ возсталъ противъ злоупотребленій духовенства, проповѣдывалъ, что не нужно почитать видимые храмы, предсказывалъ судный день, когда Христосъ, взявъ бичъ, погонитъ изъ храма продающихъ и покупающихъ. Онъ говорилъ, что судъ начнется съ дома Господня, и что изъ святилища его изойдетъ огонь, который испепелитъ его; затѣмъ настанетъ царство духа и съ нимъ любовь, радость и свобода; погибнетъ книжная ученость, и духъ вырвется на свободу изъ оковъ буквы. Евангеліе буквы не вѣчно; форма его преходяща; вѣчно только евангеліе духа; оно исполнитъ обѣщаніе Бога, который сказалъ, что многое слѣдуетъ еще возвѣстити, но что люди теперь не поймутъ этого и что потому оно будетъ возвѣщено имъ въ послѣдствіи духомъ, который наставитъ ихъ на истину. Тогда на землѣ учредится братская община сыновъ духа, для которыхъ священное писаніе въ духовномъ смыслѣ своемъ будетъ живою водою, — то писаніе, которое начертано силою святаго духа въ книгѣ сердца человѣческаго. Сыны духа не будутъ нуждаться въ посредникахъ, духъ самъ станетъ ихъ наставникомъ, внутреннее откровеніе займетъ мѣсто внѣшняго авторитета, религія сдѣлается чисто внутреннимъ, непосредственнымъ богосозерцаніемъ, раскроются всѣ тайны и сбудется пророчество

Іереміи (31, 33, 34), что Богъ самъ будетъ учителемъ всѣхъ и начертаетъ въ сердцахъ свой законъ. И когда явится величество небесное, посрамятся славы земныя *).

Эти идеи, изложенныя преимущественно въ разсужденіяхъ его о пророкѣ Іереміи и объ откровеніи, написаны съ такимъ глубокомысліемъ, съ такимъ высокимъ полетомъ фантазіи великаго ума, горящаго желаніемъ лучшаго будущаго, что западали, какъ искры, въ легко воспламеняющуюся душу Томаса Мюнцера, и отъ этихъ искръ въ ней вскорѣ вспыхнулъ пожаръ.

Во время этихъ занятій онъ съ успѣхомъ проповѣдывалъ въ разныхъ мѣстахъ. Простому народу нравилось, что онъ толкуетъ о дѣятельномъ христіанствѣ, о христіанской жизни, а не о вѣрѣ, какъ лютеране. Еще въ Штольбергѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ, не имѣя никакой официальной должности, необыкновенное содержаніе одной проповѣди, произнесенной въ вербное воскресеніе, «заставило разсудительныхъ людей призадуматься» **). Что проповѣдь эта была произнесена въ вербное воскресеніе, доказывается текстами ея, такъ какъ для развитія своихъ религіозныхъ идей онъ воспользовался разсказомъ о торжественномъ вѣздѣ Христа въ Іерусалимъ.

Еще въ Цвикау онъ понималъ, что церковная реформація должна обратиться въ національную революцію; однако публично онъ не высказывалъ этого прямо, хотя не скрывалъ, что въ религіозныхъ вопросахъ идетъ дальше Лютера. Онъ не приписывалъ большаго значенія отрицанію папской власти, индульгенцій, чистилища, заупокойныхъ обѣдовъ и другихъ злоупотребленій. Мюнцеръ желалъ больше энергіи, хотѣлъ полного разрыва съ церковью, требовалъ основанія вполнѣ

*) Подробности объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ находятся въ церковно-историческихъ трактатахъ Энгельгардта стр. 32: Аббатъ Іоакимъ и вѣчное евангеліе. См. также Неандера: Всеобщая исторія христіанской церкви, т. V, стр. 290.

**) Шпангенбергъ у Штробеля. Томасъ Мюнцеръ, стр. 12.

чистой церкви истинныхъ дѣтей божіихъ, которая имѣла бы въ себѣ духъ божій и управлялась имъ самимъ. Онъ называлъ Лютера человѣкомъ изнѣженнымъ, любящимъ тѣшить плоть на пуховикахъ и упрекалъ его въ томъ, что для него вѣра все, а дѣла ничего, и что онъ оставляетъ народъ въ его прежнихъ грѣхахъ. По мнѣнію Мюнцера эта мертвая проповѣдь вѣры вреднѣе евангелію, чѣмъ ученіе папистовъ *). Онъ говорилъ, что нужно чаще помышлять о Богѣ, который и теперь, какъ прежде, дѣйствуетъ на людей откровеніемъ.

Вскорѣ явились люди, утверждавшіе, что обладаютъ откровеніемъ духа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цвикаускіе фанатики.

Во всѣ времена христіанства существовали представленія и ожиданія какого-то царства святыхъ на землѣ, основанія тысячелѣтняго царства, которое обниметъ собою всѣхъ людей въ одну божію семью. Отъ первыхъ христіанскихъ сочиненій въ теченіе многихъ столѣтій шли предсказанія о гибели міра, о новыхъ небесахъ и новой землѣ. Какъ у древнихъ народовъ существовали преданія о золотомъ вѣкѣ, объ утрачен-

*) Лютеръ самъ писалъ въ послѣдствіи (соч. Лют. XIII, стр. 19): „Это ученіе объ оправданіи вѣрою заслуживаетъ сердечной благодарности; по немъ должно исправиться и жить благочестиво; къ сожалѣнію выходитъ на оборотъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Прежде людьми владѣлъ одинъ дьяволъ, а теперь цѣлыхъ семь. Люди стали скупѣе, жаднѣе, себялюбивѣе, немилосерднѣе, развратнѣе, наглѣе и злѣе, чѣмъ при папствѣ.“

номъ счастья рая и печаль о немъ, такъ въ сердцахъ новыхъ христіанскихъ народовъ жила надежда на золотой вѣкъ, предстоящій впереди, когда въ непосредственномъ величіи явится абсолютная держава Бога, уничтожить все злое, все препятствующее свободному развитію, введетъ всѣхъ въ полную жизнь, въ жизнь свободы и равенства, мира и радости, общаго счастья. Въ дни бѣдствій ожиданіе это было особенно живо въ народѣ; являлись пророки, возвѣщавшіе приближеніе желаннаго царства божія и даже люди, пытавшіеся проложить ему путь и осуществить его.

Всего сильнѣе выразились эти фанатическія идеи и попытки въ великомъ гусситскомъ движеніи. Ученіе таборитовъ продолжало тайно жить въ нѣкоторыхъ людяхъ и послѣ своего пораженія и не прошло безслѣдно для Тюрингіи, столь близкой отъ колыбели его. Въ теченіе всего XV вѣка въ Тюрингіи обнаруживалась склонность къ мистицизму и фанатизму. Секта бичевальщиковъ удержалась здѣсь долѣе, чѣмъ гдѣ либо. Гоненія, которымъ подвергались эти крестовыя братья, какъ они себя называли, за свой фанатизмъ въ половинѣ и даже въ концѣ XV вѣка, костры, на которыхъ ихъ жгли живыми въ Нордгаузенѣ, Ашерслебенѣ и Зондергаузенѣ, если и устрашали фанатиковъ, то не могли истребить ихъ идей въ сердцахъ народа, гдѣ онѣ продолжали тайно жить, пока не вырвались наружу съ большей силой, чѣмъ прежде.

Онѣ обнаружили въ первый разъ именно тамъ, гдѣ проповѣдывалъ Мюнцеръ. Независимо отъ него и его проповѣдей, въ Цвикау, среди всеобщаго религіознаго волненія, возникли странныя мечтательныя фантазіи. Подобно прежнимъ крестовымъ братьямъ и другимъ прежнимъ сектамъ, цвикаускіе мистики отрицали между прочимъ присутствіе въ причастіи Христа во плоти и отвергали церковныя церемоніи и священство. Они хвалились непосредственнымъ откровеніемъ, небесными восхищеніями и видѣніями и твердо вѣрили этому. Главою этого новаго братства былъ ткачъ Никласъ Шторхъ. Онъ вѣрилъ, что ему предназначено самимъ небомъ учредить

«тысячелѣтнее царство.» По примѣру Господа онъ окружилъ себя двѣнадцатью апостолами и семидесятью учениками. Важнѣйшими изъ нихъ были Маркъ Томэ и Маркъ Штюбнеръ изъ Эльстерберга. Послѣдній слушалъ лекціи въ Виттенбергѣ. Въ своихъ собраніяхъ они проповѣдывали о скоромъ разрушеніи міра, о приближеніи страшнаго суда, который истребитъ нечестивыхъ и безбожныхъ, очиститъ міръ кровью и пощадитъ только добрыхъ, затѣмъ начнется царство Бога на землѣ и будетъ одно крещеніе, одна вѣра.

Меланхтонъ и Карльштадтъ увлеклись духомъ цвикаускихъ пророковъ. «Многое показываетъ, говорилъ Меланхтонъ, что въ нихъ присутствуютъ извѣстные духи». Курфюрстъ Фридрихъ Саксонскій долго боялся дѣйствовать противъ нихъ, опасаясь оскорбить въ нихъ орудіе Бога. Лютеръ отвергъ ихъ, но, когда въ доказательство своего божественнаго посланія и дара, они сказали ему, что онъ въ эту минуту думаетъ и угадали, что онъ борется въ это время противъ сочувствія къ нимъ, то и ему пришлось сознаться, что они обладаютъ сверхъестественными силами. Но онъ полагалъ, что силы эти не божественныя, а демоническія, сатанинскія.

Исторія показываетъ, что въ первыя времена христіанства и въ позднѣйшемъ развитіи его, въ особенности во время религіозныхъ гоненій и войнъ, изъ неизслѣдованной глубины человѣческаго духа возникали странныя, необычайныя явленія, изумительныя проявленія духовной и физической силы, увлекательный фанатизмъ, который, не подлежа отрицанію, считался, одними — непосредственнымъ вдохновеніемъ Бога, а другими — чародѣйствомъ ада. Видѣли дѣтей, стариковъ, мужчинъ и женщинъ, во всемъ прочемъ совершенно обыкновенныхъ, объемлемыхъ въ пылу молитвъ восторгомъ. Они начинали говорить пламенныя рѣчи о божественныхъ предметахъ; въ движеніяхъ ихъ было что-то сверхъестественное; поразительныя корчи и судороги предвѣщали, казалось, будущее.

Мюнцеръ вѣрилъ въ возможность пророческаго дара, вѣрилъ въ духовъ, которые, по выраженію Шиллера, предшествуютъ

великимъ событіямъ, но не повѣрилъ пророческому призванію цвикаусцевъ. Онъ мало говорилъ объ этихъ «добрыхъ братьяхъ» и не находилъ со стороны Лютера особеннымъ подвигомъ «одурачить» и побѣдить ихъ.

Но не вѣря въ ихъ пророчество, онъ вступилъ съ ними въ сношенія. Эти ремесленники, большею частію ткачи, могли служить ему ядромъ его партіи и орудіемъ. Мюнцеръ хотѣлъ опереться на рабочія общества. Вскорѣ къ нему присоединились не только ткачи, но и рудокопы. Онъ открыто принялъ сторону небесныхъ пророковъ и съ кафедры прославлялъ Никласа Шторха. Они уже намѣревались произвести въ Цвикау реформу въ своемъ смыслѣ. Магистратъ запретилъ имъ проповѣдывать. Мюнцеръ утверждалъ, что должно позволить имъ это. Дѣйствія ихъ становились все возмутительнѣе, собранія все фанатичнѣе. Магистратъ запретилъ собранія. Тогда они стали собирать тайныя сходки и обнаруживать ненависть къ церковнымъ церемоніямъ и къ магистрату. Наконецъ послѣдній посадилъ самыхъ буйныхъ въ тюрьму.

Послѣ такого поступка и убѣдившись, что сила не на ихъ сторонѣ, они удалились изъ города. Одни отправились въ Виртембергъ, другіе въ Богемію, въ томъ числѣ и самъ Мюнцеръ.

Это происходило въ концѣ 1521 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мюнцеръ въ Богеміи и Альтштедтѣ.

Возмутительнымъ проповѣдямъ Мюнцера приписываютъ безпорядки, произведенные два раза въ городѣ суконными фабричными. Противники Мюнцера официально называли его

«кровожаднымъ человѣкомъ, жаждущимъ кровопролитія.» — «Посмотрите, какихъ дѣлъ надѣлаетъ этотъ желтый злодѣй съ своимъ фанатизмомъ», говорилось въ одной сатирѣ, написанной врагами его 16 апрѣля 1521 г.

Съ того самаго времени, какъ онъ въ первый разъ началъ размышлять и присматриваться, сердце его сильно сочувствовало «позору и бѣдствіямъ его народа.» Онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе свыше освободить народъ и отмстить за него.

Враги его приписывали его дѣятельность честолюбію. Правда, въ немъ было честолюбіе; его желанія парили высоко, сливаясь съ его энтузіазмомъ; но славолубіе не было главнымъ побужденіемъ въ его поступкахъ. Въ душѣ Мюнцера было много мрачнаго, дикаго, но въ этомъ мракѣ яркимъ пламенемъ горѣло жаркое чувство любви къ народу, къ человѣчеству. Честолюбецъ и мечтатель, онъ былъ честный человѣкъ.

Онъ ненавидѣлъ угнетателей народа, свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей; онъ считалъ ихъ развратителями міра, врагами божественнаго порядка. Въ христіанскомъ духовенствѣ онъ видѣлъ продолженіе «древней тираніи, которая мучитъ людей.» Онъ ненавидѣлъ высшіе классы, «враговъ царства Божія на землѣ, вѣчнаго Евангелія и спасенія, какъ людей, притѣсняющихъ человѣчество въ жертву своему эгоизму, сластолюбію и капризамъ, всячески злоупотребляющихъ имъ и препятствующихъ ему развивать свои силы и наслаждаться жизнью». Онъ не зналъ ни одного государя, исполненнаго истинной гуманности; поэтому онъ ненавидѣлъ ихъ всѣхъ, какъ «тирановъ,» «гордецовъ, воображающихъ себя выше всѣхъ людей» и считалъ ихъ «безбожниками.»

Чѣмъ глубже вникалъ онъ въ вѣтхій и новый завѣтъ и его мистиковъ, тѣмъ больше казался ему контрастъ между существующимъ порядкомъ и тѣмъ, чѣмъ ему слѣдовало бы быть. Онъ полагалъ, что государство должно быть одушевлено духомъ христіанства. По его мнѣнію общество и его нравы должны быть организованы по ученію Христа. Дабы осуществить такимъ образомъ христіанство въ мірѣ, слѣдовало обратить

законы царства божія въ государственныя постановленія и равенство людей передъ Богомъ въ равенство ихъ на землѣ.

Въ своемъ юношескомъ увлеченіи Мюнцеръ забылъ, что невозможно сразу произвести такой переворотъ и что полное равенство вообще неосуществимо. Его влекли впередъ страстность его желаній и надеждъ для народа, его воображеніе и, быть можетъ также, честолюбивое стремленіе сдѣлаться освободителемъ своего народа. Эти чувства вскорѣ до того овладѣли имъ, что онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, дѣйствуетъ ли онъ по личному побужденію, или его влечетъ впередъ высшій духъ, вселившійся въ него. Онъ ожидалъ основанія Новаго Іерусалима не за гробомъ, не въ будущей жизни, а на землѣ, на германской почвѣ; царство свободы и радости должно было возникнуть, по его желанію, немедленно, быстро и насильственно. Въ немъ было что-то огненное, неудержимое, насильственное. Онъ принялъ безусловно завѣты мести и разрушенія, данные въ Библии израильтянамъ. Революціонныя идеи аббата Іоахима обратились у Мюнцера въ революціонныя поступки; мистицизмъ и прорицательство перваго сдѣлались во второмъ фанатизмомъ, но не къ буквѣ догмата, а къ міровому благополучію.

Мюнцеръ былъ не простымъ мечтателемъ, который способенъ только бредить и мечтать. Онъ дѣйствовалъ съ расчетомъ, хотя ошибся въ немъ; онъ мыслилъ, рассуждалъ, создавалъ планы; онъ взвѣшивалъ шансы и дѣлалъ дѣло. Онъ вложилъ въ свои мечты и предначертанія всю свою полную душу, но политическій разумъ его былъ незрѣлъ; поэтому онъ рѣшился на такое дѣло, которое было не по силамъ ни ему, ни его вѣку.

Изъ Цвикау онъ обратился прежде всего въ Богемію, эту колыбель ученія таборитовъ. Въ Прагѣ онъ издалъ возваніе на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, названное имъ «Протестомъ.» «Я хочу, говорилъ онъ между прочимъ, огласить вмѣстѣ съ великимъ поборникомъ Христа, Іоганномъ Гуссомъ, своды храма новымъ гимномъ. — Долго голодали и жаждали

люди святой справедливости, и сбылось на нихъ пророчество Іереміи: «Дѣти просили хлѣба, и никто не далъ имъ его.» Неудивительно бы было, еслибы Богъ новымъ всемірнымъ потопомъ снесъ съ лица земли и избранныхъ, и отверженныхъ. Многіе народы дошли до того, что называютъ христіанскую религію безстыднымъ вздоромъ; но это потому, что защитники ея ссылались не на разсудокъ, а на мертвую букву, твердя: «Такъ сказалъ Христосъ, или св. Павелъ, или пророки!» Полный скорби и состраданія, я отъ всего сердца оплакиваю гибель истинной церкви божіей; среди развалинъ ея христіанскій міръ не видитъ, что его объемлетъ египетскій мракъ. Когда народъ пересталъ избирать проповѣдниковъ, начался обманъ; съ тѣхъ поръ ученіе церкви и порядокъ перестали быть въ Германіи гласомъ Божіимъ.» «Но возрадуйтесь,» заключаетъ онъ послѣ страшныхъ нападокъ на духовенство и ученіе церкви, и всходы вашихъ пашней побѣлѣли и готовы къ жатвѣ. Небо наняло меня въ поденщики по грошу въ день, и я точу мой серпъ, чтобы жать колосья. Голосъ мой возвѣститъ высшую истину, уста мои проклянутъ безбожниковъ; я пришелъ въ ваши благословенные предѣлы, о любезные чешскіе братья, чтобы обличить и истребить этихъ безбожниковъ. Не мѣшайте, но помогите мнѣ! Я обѣщаю вамъ великую славу и честь; здѣсь начнется новая апостольская церковь и изыдетъ отсюда во всѣ страны міра. Церковь будетъ молиться не нѣмому, а живому, глаголющему Богу. Если я солгу въ живомъ словѣ божіемъ, которое нынѣ исходитъ изъ моихъ устъ, то готовъ понести бремя Іереміи и предаться мукамъ здѣшней и вѣчной жизни».

Нужно было большое мужество, чтобы высказывать такіа рѣчи, изъ которыхъ мы привели самыя умѣренныя слова, въ незнакомой, чужой странѣ, въ большомъ городѣ, среди духовенства, снова сдѣлавшагося могущественнымъ. Мюнцеръ, вполне юноша, полный довѣрія къ себѣ, безразсудно отважный юноша; — у него нѣтъ ничего, кромѣ самого себя, вѣры въ свое предназначеніе и убѣжденія, что настало время дѣйствовать.

Но въ Богеміи онъ не нашелъ приверженцевъ; его встрѣтили презрѣніемъ, и онъ былъ принужденъ покинуть эту страну.

Это не поколебало его вѣры въ самого себя и въ свое призваніе. Если бы имъ руководило только честолюбіе юношескаго легкомыслія, то встрѣченныя имъ препятствія устроили бы его. Но Мюнцеръ серьезно желалъ исправить міръ; онъ безтрепетно помышлялъ о терновомъ вѣнцѣ спасителя народовъ и считалъ безбожнымъ не желать уподобиться страданіямъ Христу *). Онъ былъ готовъ, какъ говорилъ въ заключеніи своего пражскаго воззванія, пожертвовать жизнью за свое дѣло; впоследствии онъ доказалъ это на дѣлѣ.

Въ концѣ 1522 онъ сдѣлался проповѣдникомъ въ Альтштедтѣ въ Тюрингіи. Здѣсь онъ приказалъ отправлять богослуженіе на общепонятномъ нѣмецкомъ языкѣ; онъ постановилъ, чтобы въ церквахъ читали не только отрывки изъ евангелія и посланій, но и всѣ прочія библейскія книги и чтобы говорили объ нихъ проповѣди. Изъ Эйслебена, Маннсфельда, Зондергаузена, Франкенгаузена, Кверфурта, Галле, Ашерслебена и другихъ городовъ стекался народъ въ Альтштедтъ слушать проповѣди Мюнцера, какъ на богомолье.

Народу нравились его рѣзкія поученія духовенству и свѣтскимъ владѣтелямъ. Онъ быстрыми шагами шелъ впередъ, съ каждымъ шагомъ все болѣе увлекаясь. Онъ намѣревался даже склонить государей силою распространить новую проповѣдь.

Мюнцеръ неоднократно и настойчиво склонялъ къ тому саксонскихъ братьевъ, курфюрста Фридриха Мудраго и герцога Іоанна. «Драгоценные, и любезнѣйшіе правители, писалъ онъ имъ, если вы видите и понимаете бѣдствія христіанства, то вами должно овладѣть такое же рвеніе, какъ царемъ Ішумъ (книга царей 4, 9, 10). Поэтому долженъ возстать новый Даниилъ и показать вамъ откровеніе, и пророкъ этотъ долженъ, какъ учитъ Моисей (Пятик. 20), стать во главѣ народа. Онъ

*) Слова Мюнцера въ пражскомъ воззваніи, у Штробея I. 27.

примирить гнѣвъ государей и негодующаго народа. Господь говоритъ: Я пришолъ не съ миромъ, а съ мечомъ. Но на что вамъ мечъ? На то, чтобы истреблять и удалять злыхъ, препятствующихъ евангелію; вотъ что вы должны дѣлать, если хотите служить Богу. Христосъ воистину приказалъ (отъ Луки 19, 27): Возмите моихъ враговъ и умертвите ихъ предомною! За что? А за то, что они испортили правленіе Христа. Противящихся откровенію божію слѣдуетъ истребить безъ всякой пощады, какъ истребили Гискій, Іосія, Данилъ и Ілія жрецовъ Вааловыхъ; иначе христіанская церковь не возвратится къ прежнему положенію своему. Необходимо во время жатвы выдолоть дурную траву изъ вертограда божія. Богъ сказалъ (Моисей, V, 7): Не жалѣйте безбожниковъ, разбейте алтари ихъ, разсѣйте идоловъ ихъ и сожгите ихъ, дабы я не разгнѣвался на васъ *).

Теперь онъ энергически требовалъ того, на что сперва только намекалъ, а именно освобожденія отъ ига буквы не только церковныхъ догматовъ, но и библіи. Онъ требовалъ, чтобы библію понимали и толковали съ духовной стороны; онъ даже прямо противопоставилъ библейскому авторитету святой духъ, дѣйствующій въ человѣческой душѣ, даже просто разумъ человѣческій, который онъ считалъ чистѣйшимъ и непосредственнѣйшимъ источникомъ истины для человѣчества.

Рѣчи его были полны мыслей, утвержденныхъ нынѣ раціонализмомъ и спекулятивною философіею; нѣкоторыя идеи, наполнявшія его рѣчи, были въ послѣдствіи поняты и выработаны пуританами и индепендентами Англіи, У. Пенномъ, Спинеромъ, Цинцендорфомъ, Сведенборгомъ, Ж. Ж. Руссо и ораторами и вождями французской революціи, которые пріобрѣли себѣ славу, проповѣдуя эти идеи **). Мюнцеръ предупредилъ на три столѣтія не только политическія, но и религіозныя воззрѣнія.

*) Подлинныя слова Мюнцера у Штробеля. С. 15—55.

**) Трейчке, исторія Мюнцера въ Архивѣ Всеобщей Исторіи. I.

Увидѣвъ, что государи глухи къ его требованіямъ, Мюнцеръ обратился съ энергическими воззваніями къ народу, убѣждая его пособить самому себѣ. Онъ старался поддержать силу своихъ словъ устройствомъ обществъ. Онъ учредилъ тайное общество въ Альтштедтѣ, которое обязалось торжественной клятвою дѣйствовать за одно и основать новое царство Божіе, царство братскаго равенства, свободы и радости. Мюнцеръ считалъ единственнымъ средствомъ спасти человечество — возстановить первобытное равенство посредствомъ возвращенія христіанской церкви къ ея прежнему характеру. Для этого необходимо уничтожить все, «губящее правленіе Христово», все, что повергаетъ народъ въ бѣдствіе и держитъ его въ нищетѣ — господъ, священниковъ и деспотію буквы; всѣ германскіе народы, всѣ христіане должны вступить въ общій союзъ, предпринять общими силами борьбу для освобожденія всего христіанства, самихъ себя и всего міра. Государей и господъ слѣдуетъ также приглашать вступить въ этотъ союзъ. Должно братски вспоминать о нихъ. Изгонять и убивать ихъ слѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если бы они отказались вступить въ союзъ и сдѣлаться гражданами новаго царства господня. Все должно быть общимъ, работа и имущество; каждому слѣдуетъ давать по нуждамъ и потребностямъ его *).

Чтобы распространять свое общество, Мюнцеръ послалъ во всѣ германскія области довѣренныхъ людей, втайнѣ дѣйствовавшихъ въ его видахъ **). Въ то же время онъ издалъ нѣсколько возмутительныхъ сочиненій, и для печатанія ихъ держалъ въ Эйленбургѣ своего особаго типографа. Эти сочиненія и проповѣди его сильно распространяли его ученіе въ простомъ народѣ. Онъ говорилъ почти всегда объ одномъ: о необходимости завоевать для народа свободу и для царства

*) Показаніе Мюнцера.

**) Онъ рассыластъ бродягъ, прячущихся отъ свѣта, говоритъ Лютеръ въ посланіи къ городу Мюльгаузену.

господня власть на землѣ. Содержаніе его рѣчей и проповѣдей было не столько религіозное, сколько политическое съ религіознымъ оттѣнкомъ; онъ возвѣщалъ наступленіе новаго, гражданственно-счастливаго времени, скорое исполненіе пророчествъ вѣтхаго и новаго завѣта и начало порядка, гдѣ не будетъ ни тирановъ, ни барщины, ни мертваго поклоненія буквѣ закона, ни духовнаго рабства, ни кастъ; гдѣ церковь и государство сольются въ царство свободныхъ и святыхъ и настанетъ истинное священство, священство всего рода человѣческаго. Онъ вмѣнялъ каждому человѣку въ обязанность всячески, словомъ и дѣломъ, содѣйствовать утвержденію этого порядка.

Мюнцеръ былъ очень краснорѣчивъ, хотя не такой великій ораторъ, какъ Лютеръ. Рѣчь реформатора, ясная, какъ солнце, могущественная, мгновенно создающая для каждого понятія настоящее, понятное всѣмъ выраженіе, была несвойственна Мюнцеру. Лишь впоследствии приобрѣла его рѣчь ясность, когда онъ ковалъ своими словами раскалившуюся до красна революцію; тогда каждое слово его было, какъ ударъ молота. Но для массы неясность его выраженій вполне выкупалась декламацией, полной пророческаго пыла, увлекавшаго и оратора, и слушателей. Онъ не только читался древнихъ пророковъ, но имѣлъ въ самомъ себѣ ихъ духъ и чувство. Кроме прелести устной проповѣди, рѣчь его обладала другимъ блестящимъ свойствомъ, общимъ ему съ Лютеромъ. Вполнѣ знакомый съ священнымъ писаніемъ, онъ умѣлъ выковырывать изъ него орудіе для своей цѣли, громовыя стрѣлы противъ существующаго порядка, противъ церкви и государства; и когда онъ гремѣлъ съ кафедры пламенными текстами и картинами, народъ стоялъ, очарованный, и въ каждомъ движеніи устъ, въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ движеніи демократическаго проповѣдника узнавалъ своего пророка.

Такъ проповѣдывалъ онъ однажды противъ «идолопоклонства иконопочитанія.» Богомольцы во множествѣ посѣщали меллербахскую капеллу близъ Альтштедта. Народъ, разгоря-

ченный проповѣдями Мюнцера, началъ дѣлать грозныя заявленія противъ часовни. Мюнцеръ предупредилъ келейника, ожидавшаго въ часовнѣ богослуженія, уйти, чтобы не потерпѣть отъ народной ярости. Келейникъ во время послушался Мюнцера; только-что онъ ушелъ, какъ пришли толпы альтштедтцевъ, разбили иконы и сожгли капеллу. Въ официальныхъ донесеніяхъ, Мюнцера не называютъ ни участникомъ, ни зачинщикомъ этого дѣла. Герцогъ Іоаннъ Веймарскій намѣревался напасть за это на Альтштедтъ, жители котораго трепетали день и ночь; Мюнцеръ просилъ герцога не пугать свой народъ изъ за картинки. Старшинъ и нѣсколькихъ гражданъ потребовали къ отвѣту въ Веймаръ, но они не пошли и защищались перомъ Мюнцера, говоря, что готовы пострадать за то, что было сдѣлано въ Меллербахѣ противъ дьявола; «но», прибавляли они, «мы не хотимъ поклоняться меллербахскому дьяволу и отвѣчать за тѣхъ, кто разрушилъ его.»

Фридрихъ и Іоаннъ Саксонскіе прибыли лично въ Альтштедтъ и приказали Мюнцеру произнести проповѣдь въ ихъ присутствіи, въ замкѣ. Онъ говорилъ передъ ними также смѣло, какъ всегда. Онъ снова убѣждалъ ихъ истребить идолослуженіе и ввести силою евангеліе. Далѣе онъ говорилъ, что слѣдуетъ убивать безбожныхъ правителей, священниковъ и монаховъ, называющихъ святое евангеліе ересью и ссылаясь при этомъ на изрѣченія Христа (Лук. 19, Матв. 18, на апост. Павла 1 Коринф. 5). Безбожники не имѣютъ права жить, говорилъ онъ; развѣ только избранные захотятъ пощадить ихъ (Моис. II, 23); если государи не истребляютъ безбожниковъ, то Богъ отыметъ у нихъ мечъ. Вся община имѣетъ силу меча, который хочетъ править самъ, и ему дана вся власть на небѣ и на землѣ. Земля полна тщеславными лицемѣрами, и нѣтъ ни одного смѣлаго человѣка, который рѣшился бы высказать истину. Государи и господа — главные лихоимцы, воры и грабители; они присвоиваютъ себѣ всѣ созданія, всякую тварь, рыбу въ водѣ, птицу въ воздухѣ, растенія на землѣ; все

должно принадлежать имъ. Бѣднымъ они говорятъ о божіихъ заповѣдяхъ : Богъ повелѣлъ, говорятъ они, не воровать! но они считаютъ, что къ нимъ самимъ эта заповѣдь не относится; поэтому онѣ дерутъ шкуру съ бѣднаго поселянина, работника и всѣхъ, кто живетъ подъ ними. Если кто воспротивится, отправляютъ на висѣлицу, при чемъ докторъ Враль приговариваетъ : аминь ! «Господа, говорилъ Мюнцеръ, сами возстановляютъ противъ себя народъ. Они не хотятъ устранить причину мятежей; какого же добра ждать? О, любезные господа, какъ славно Господь переколотитъ желѣзной палкой старые горшки ! Я теперь же говорю, что непременно взбунтуюсь. Прощайте.»

Мюнцеръ считалъ себя настоящимъ вѣтхозавѣтнымъ пророкомъ, призваннымъ говорить во имя Іеговы тамъ, гдѣ всѣ молчатъ. Онъ напечаталъ свою проповѣдь. Но герцогъ Іоаннъ, недовольный ея изданіемъ, велѣлъ изгнать изъ страны мюнцера типографа. Мюнцеръ былъ этимъ очень оскорбленъ. Онъ писалъ отъ 13 іюля 1524 г., требуя, чтобы ему позволено было распространять между всѣми людьми то, что открыто ему свыше, и прося государей обратить вниманіе на его боговдохновенныя рѣчи.

Но ему запретили печатать свои сочиненія безъ дозволенія саксонской цензуры въ Веймарѣ. Въ сосѣднемъ имперскомъ городѣ Мюльгаузенѣ онъ напечаталъ одно изъ самыхъ энергическихъ сочиненій своихъ. На первой же страницѣ его онъ говорилъ, намекая на 23 главу пророка Іереміи : «Любезные товарищи, я хочу порасширить дыру, чтобы весь міръ могъ черезъ нее увидѣть и понять, каковы наши большіе Иваны, что это за гадкія чучелы.» Въ заглавіи онъ называетъ себя Томасомъ Мюнцеромъ съ Молотомъ, по примѣру Іереміи (24, 9). «Не говоритъ ли Господь, что слово Его, какъ огонь и какъ молотъ, разбивающій скалы?» Эпиграфомъ къ сочиненію онъ взялъ два стиха того же пророка съ небольшимъ измѣненіемъ (1, 10 и 18) : «Знай, что я говорю твоими устами, что я поставилъ тебя нынче надъ людьми и надъ царствами,

дабы ты колоть, разбивалъ, разсѣивалъ и опустошалъ, сооружалъ и сѣялъ. Воздвигнута желѣзная стѣна противъ царей, князей, жрецовъ на защиту народа. Пусть воюютъ они; побѣда чудеснымъ образомъ погубитъ сильнаго, безбожнаго тирана.» Въ заключеніе онъ говоритъ : «Міру приходится выдержать великій ударъ; начнется игра, которая ниспровергнетъ безбожныхъ съ престола и возвыситъ униженныхъ.»

Лютеръ издалъ противъ Мюнцера «посланіе къ курфюрсту Саксонскому о мятежномъ духѣ.» Онъ просилъ государей положить конецъ безчинствамъ и предупредить возстаніе, такъ какъ лжепророки нерасположены ограничиться словами и обнаруживаютъ намѣреніе пустить въ ходъ кулаки и начать дѣйствовать противъ властей силою. «Кулакамъ воли не давать, или вонъ изъ государства! — вотъ что должны сказать государи пророкамъ. Дьяволъ дѣйствуетъ черезъ смятеніе умовъ.»

Мюнцеръ упрекалъ виттенбергскаго реформатора въ намѣреніи отдать церковь, исторгнутую изъ власти папы, въ руки государей и сдѣлаться новымъ папой. Лютеръ, говорилъ онъ, бранитъ только бѣдныхъ монаховъ, священниковъ и купцовъ, а безбожныхъ правителей не судитъ и не наказываетъ, хотя они ногами попираютъ Христа и не прекращаютъ своего живодерства и грабежа. Прежде онъ, правда, бранилъ, и государей и даже еще недавно, въ угоду крестьянамъ, писалъ, что князья должны поступать по писанію; но виттенбергскій папа умѣетъ обдѣлывать свои дѣла, такъ что, не смотря на это, не теряетъ благосклонности сильныхъ міра сего: онъ даритъ имъ монастыри и церкви, и они вполне довольствуются этимъ.

Лютеръ былъ раздраженъ противъ Мюнцера за его нападки на свою особу и свое ученіе; кромѣ того ему не нравились революціонныя стремленія Мюнцера, потому что они могли имѣть невыгодное вліяніе на дѣло самого Лютера. Меланхтонъ писалъ Спалатину: Они обращаютъ евангеліе на служеніе мірской политикѣ. Лютеръ написалъ официальное посланіе саксонскимъ государямъ, совѣтуя имъ «противиться духу мятежа».

Еще прежде онъ и Юстусъ Ионасъ устно и письменно обвиняли Мюнцера передъ курфюрстомъ саксонскимъ и его канцлеромъ, Брюкомъ. Но главнымъ обвинителемъ былъ Герцогъ Георгъ саксонскій. Мюнцеръ написалъ подданнымъ герцога, жителямъ Зондергаузена, письмо, которое герцогъ называлъ возмутительнымъ. Мюнцеръ же утверждалъ, что онъ увѣщевалъ зондергаузенцевъ только твердо стоять за евангеліе и возстать противъ враговъ евангелія. Другіе владѣтели, а именно Фридрихъ фонъ-Вицлебенъ и графъ фонъ-Маннсфельдъ, также подали жалобы.

Подданные Вицлебена послали къ Мюнцеру пословъ съ жалобой на своего господина, который хотѣлъ запретить имъ слушать евангеліе, хотя они были согласны платить ему оброкъ и отправлять повинности; они спрашивали Мюнцера, хорошо ли будетъ, если они заключать союзъ противъ своего господина, который наложилъ на нихъ взысканіе за посѣщеніе проповѣдей Мюнцера и не допускаетъ ихъ къ евангелію. Такія же жалобы и вопросы прислали къ нему крестьяне и рабочіе маннсфельдской области. Мюнцеръ отвѣчалъ имъ, что они могутъ заключить союзъ для слушанія евангелія. Одинъ членъ альтштедтскаго тайнаго общества, Николь Рюгкертъ, донесъ о союзѣ саксонскимъ государямъ. Услышавъ объ этомъ, Мюнцеръ, котораго государи приглашали въ Веймаръ, издалъ сочиненіе съ эпиграфомъ. «Расширай дыру, чтобы всѣ могли видѣть, каковы эти большіе Иваны.» Сочиненіе заключало въ себѣ нападки на «безразсудныхъ» государей, преграждающихъ евангелію путь. Въ заключеніе повторялось пророчество: «настало время великаго удара, который унижитъ ихъ, и ударъ этотъ поразитъ весь міръ.»

Онъ мужественно явился въ веймарскій замокъ, совершенно одинъ. Его обвинили въ возмутительныхъ проискахъ. Онъ опровергалъ и въ тоже время подтверждалъ обвиненіе. Когда, по обычаю того времени, проповѣдникъ докторъ Штраусъ и ниществующіе монахи вступили съ нимъ въ диспутъ въ присутствіи курфюрста и герцога Иоанна, Мюнцеръ прямо и откровенно сказалъ имъ: «Если Лютеръ и его товарищи не хотятъ

идти дальше нападокъ на священниковъ и монаховъ, то имъ не слѣдовало и браться за дѣло.»

Онъ ловко защищался противъ многихъ обвиненій, основанныхъ на его проповѣдяхъ и сочиненіяхъ: при его знаніи библіи ему легко было прикрыться цитатами изъ нея, такъ какъ эти государи весьма почитали ее. Курфюрстъ уже сказалъ однажды, что скорѣе возьметъ посохъ и уйдетъ изъ своей земли, чѣмъ поступитъ противъ Бога. И на этотъ разъ такъ же добродушный государь рѣшился предоставить дѣло на судъ Бога. Герцогъ Иоаннъ и совѣтники пригрозили Мюнцеру изгнаніемъ.

Вѣроятно борьба была тяжела для Мюнцера. Выйдя изъ замка, онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Ну что? спросилъ Мюнцера его другъ, рентмейстеръ Гансъ Цейсъ. «Да то, отвѣчалъ Мюнцеръ, что мнѣ придется отправиться въ другое государство». Подъ воротами его окружили конюхи съ крикомъ: «Гдѣ же духъ твой и твой Богъ?» Каноники также вышли изъ замка, смѣяться надъ нимъ. Онъ отвѣчалъ имъ презрительнымъ молчаніемъ и пошелъ въ Альтштедтъ. Едва пришелъ онъ туда, какъ его встрѣтили новыя опасности. Герцогъ Георгъ Саксонскій требовалъ его выдачи. Георгъ грозилъ, что расправится самъ, если курфюрстъ ничего не сдѣлаетъ. 16 августа курфюрстъ издалъ альтштедтскому совѣту строгое повелѣніе удалить проповѣдника изъ города. Въ городѣ еще прежде распространился слухъ, что хотятъ схватить Мюнцера и выдать «злѣйшимъ врагамъ евангелія.» Узнавъ объ этомъ, онъ надѣлъ панцырь, шлемъ, щитъ и взялъ алебарду и на ночь окружилъ себя друзьями для безопасности. Магистратъ, какъ вѣрные подданные, «болѣе уважалъ присягу и обязанности свои, чѣмъ слово Божіе» и не заступился за Мюнцера; убѣдившись въ этомъ, Мюнцеръ понялъ невозможность оставаться далѣе въ Альтштедтѣ и въ ту же ночь удалился изъ города. Онъ отправился въ сосѣдній имперскій городъ Мюльгаузенъ. Лютеръ спѣшилъ предостеречь мюльгаузенскій совѣтъ противъ Мюнцера и его ученія, совѣтуя ему не терпѣть въ городѣ ни пророка, ни его проповѣдей.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мюльгаузенъ и Гейнрихъ Фейфферъ.

Мюльгаузенъ въ Тюрингіи былъ сильно укрѣпленный городъ съ 10,000 жителей; въ его округѣ было двадцать мѣстечекъ и деревень. Въ 1523 «на небѣ показывались чудесныя знаменія, а въ позднюю осень вторично цвѣли розы и деревья;» въ томъ же году въ этомъ имперскомъ городѣ начались народные волненія.

Исторія волненій, происходившихъ въ этомъ городѣ, рассказывалась въ теченіе трехъ столѣтій такъ, что поэтому можно судить до какой степени искажена исторія германскаго народа писателями, или умышленно извращавшими ее, или безсмысленно повторявшими чужіе вымыслы. Событія, совершившіяся въ Мюльгаузенѣ въ годъ, который можно назвать временемъ родильныхъ мукъ реформаціи, и давшія этому городу важное значеніе не только въ германской, но и во всемірной исторіи, искажены умышленно такъ, что такое же искаженіе можно предполагать и относительно другихъ фактовъ. Извращали факты, лгали, хотѣли истребить всѣ слѣды истины, уничтожали съ этою цѣлью акты и источники, которыхъ нельзя было исказить. Въ новѣйшее время ложь, распространенную объ исторіи Мюльгаузена побѣдившею партіею, разсѣялъ человѣкъ, любящій истину и отличающійся проникательнымъ духомъ изслѣдованія *).

*) Человѣкъ этотъ — штадтратъ и архивариусъ Ф. Стефанъ, нынѣ умершій. Изслѣдованія его въ городскомъ мюльгаузенскомъ архивѣ, имѣющія большую важность, были сообщены мнѣ въ рукописи племянникомъ его, мюльгаузенскимъ пасторомъ Стефаномъ. Ученый этотъ представляетъ собою прекрасный примѣръ самоотверженной любви къ истинѣ, что встрѣчается рѣдко въ германскихъ ученыхъ.

Одинъ мюльгаузенскій гражданинъ, Гейнрихъ Фейфферъ, называемый также Швертфейеромъ и отличавшійся высокими дарованіями, былъ монахомъ въ монастырѣ Рейффенштейнѣ въ одной милѣ отъ Мюльгаузена; онъ дѣйствовалъ по примѣру Лютера. Сначала онъ проповѣдывалъ новое ученіе въ Эйхсфельдѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ препятствія и претерпѣлъ гоненія, потому что область эта находилась подъ властью духовнаго государя, курфюрста Майнцакаго. Непокколебимый и энергическій Фейфферъ возвратился оттуда на родину и началъ болѣе рѣшительно дѣйствовать противъ стараго порядка.

Надѣвъ гражданское платье, онъ сдѣлался народнымъ проповѣдникомъ въ Мюльгаузенѣ. Первый шагъ его на этомъ поприщѣ возбудилъ сильное вниманіе народа. Это было въ воскресенье, въ мясоѣдѣ. По обыкновенію глашатай возгласилъ съ высокаго камня пиво и вино; едва онъ сошелъ съ камня, какъ на него взошелъ Фейфферъ: «послушайте меня, граждане, воскликнулъ онъ, я возвѣщу вамъ другое питье!» Затѣмъ онъ началъ проповѣдывать на текстъ евангелія о блудномъ сынѣ, браня духовенство, монаховъ и монахинь. Присутствующіе внимательно слушали, и, когда въ заключеніе онъ сказалъ, что будетъ проповѣдывать на томъ же мѣстѣ на слѣдующій день, народъ началъ сбѣгаться къ нему со всѣхъ улицъ. Городской совѣтъ позаботился объ общественномъ спокойствіи и пригласилъ его въ ратушу. Фейфферъ отвѣчалъ, что не можетъ прервать проповѣди, но что, окончивъ ее, прійдетъ. Кончивъ проповѣдь, онъ пошелъ къ ратушѣ, но его окружала такая толпа приверженцевъ, что магистратъ не осмѣлился постановить что нибудь противъ него. Въ слѣдующія недѣли Фейфферъ продолжалъ ежедневно проповѣдывать въ церкви Богородицы. По мѣрѣ того, какъ усиливалась энергія его проповѣдей, возрасталъ энтузіазмъ къ нему народа. Магистратъ снова потребовалъ его къ себѣ. Имѣя за себя весь народъ, онъ сталъ смѣлѣе и потребовалъ отъ магистрата ручательства въ безопасности; получивъ отказъ, онъ снова вступилъ на свою каменную кафедру. «Кто хочетъ держаться евангелія», воскликнулъ онъ, «пусть

подыметъ пальцы!» И всѣ руки поднялись; мужчины и женщины, юноши и старцы, подняли пальцы, показывая, что клянутся въ вѣрности евангелію. Они клялись устами и знаками, а онъ, взирая сверху на эту торжественную присягу тысячъ народа, просилъ его разойтись, взять оружіе и приготовиться къ бою, собравшись на кладбищѣ церкви Богородицы. Всѣ наперевывъ бросились исполнять его просьбу; когда народъ, вооружившись, снова собрался, была избрана депутація и отправлена къ магистрату просить проповѣднику охранительной грамоты. Магистратъ очутился въ большемъ затрудненіи, чѣмъ прежде.

Между тѣмъ какъ большая часть мюльгаузенскихъ гражданъ съ восторгомъ привѣтствовала евангеліе, городская аристократія держалась за старый порядокъ. Церковная реформа вредила ея выгодамъ. Подобно другимъ городамъ, Мюльгаузенъ находился подъ гнетомъ аристократіи; въ этомъ вольномъ городѣ истинно свободныхъ гражданъ было не болѣе девяноста шести человѣкъ. То были городскіе совѣтники, въ число которыхъ выбирались только патриціи. Прочіе имперскіе граждане города были закономъ обязаны къ слѣпому повиновенію, и совѣтъ могъ поступать съ ними несправедливо, деспотически и жестоко, тогда какъ они не имѣли никакихъ средствъ избѣжать насилія; было невозможно найти защиту противъ совѣта и его привиллегій.

Германія нуждалась въ реформѣ, какъ церковной, такъ и политической, и особенно нуждался въ ней городъ Мюльгаузенъ. Но по той же причинѣ аристократическія семейства противились церковнымъ преобразованіямъ, потому что перемѣна въ церковномъ порядкѣ могла повлечь за собою переворотъ въ политическомъ.

Когда приверженцы Фейффера приняли въ отношеніи совѣта столь грозное положеніе, совѣтъ на время уступилъ, но вскорѣ снова одержалъ верхъ. Приверженцы его вытѣснили Фейффера изъ церкви Богородицы и принудили удалиться въ предмѣстье св. Николая.

Препятствія не устрашаютъ такихъ людей, какъ Фейфферъ, но побуждаютъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Во всей Германіи сопротивленіе людей стараго порядка способствовало успѣхамъ революціи; отказъ на первыя умѣренные требованія побудилъ тѣхъ, которые предъявили ихъ, идти далѣе, и вожди народа пользовались этимъ.

Фейфферъ, которому запретили говорить въ церкви Богородицы религіозныя рѣчи, началъ говорить политическія: предметомъ его проповѣдей сталъ гражданскій бытъ народа. Онъ открылъ гражданамъ глаза. На первый планъ выступила политическая реформа.

Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали съ нимъ за одно другіе монахи, Іоганнъ Ротмелеръ, Іоганнъ Кёлеръ, бывшій въ сношеніяхъ съ Лютеромъ, и мейстеръ Гильдебрандъ. Гильдебрандъ пришелъ въ городъ въ воскресенье недѣли милосердія. Онъ пришелъ въ церковь св. Іоанна и пожелалъ произнести въ ней проповѣдь. Совѣтъ запретилъ. Онъ пошелъ, окруженный толпой народа, изъ города въ предмѣстье на Плобахъ, вошелъ въ домъ Каспара Фербера и началъ проповѣдывать на улицу.

Фейфферъ имѣлъ въ виду только преобразовать совѣтъ, а не передать власть черни. По предложенію его, мѣсто общиннаго совѣта занялъ въ магистратурѣ городской комитетъ, а въ администраціи восемь начальниковъ кварталовъ, называемые Восьмеро. Въ своихъ преобразованіяхъ Фейфферъ обращалъ вниманіе только на городскихъ гражданъ, а не на мѣщанъ изъ предмѣстій и крестьянъ изъ округа. Онъ желалъ только доставить всѣмъ гражданамъ участіе въ администраціи. Но такъ какъ магистратъ противился требованіямъ Фейффера и его друзей, то онъ могъ вынудить у него согласіе только при помощи мѣщанъ изъ предмѣстій и городской черни. Магистратъ долженъ былъ заключить договоръ, по которому остался въ должности, и только самыя тяжелыя злоупотребленія его были отмѣнены; былъ открытъ путь для прогресса въ развитіи общиннаго быта; граждане освободились отъ ига и получили законное участіе въ важ-

нѣйшихъ вопросахъ политики и администраціи, такъ какъ Восьмеро защищали ихъ интересы въ городскомъ совѣтѣ и имѣли право veto. Для себя Фейфферъ не выговорилъ ничего: было опредѣлено только, что евангеліе можетъ безпрепятственно проповѣдываться и что устарѣлые священники нѣмецкихъ орденовъ будутъ замѣнены хорошими проповѣдниками.

«Договоръ этотъ,» говоритъ Ф. Стефанъ, «есть славный памятникъ на опозоренной грабницѣ Фейффера.»

Но партія Совѣта, городское дворянство, не думало серьезно уступать свои преимущества; оно уступило необходимости съ намѣреніемъ при первой возможности возвратить потерянное. Такъ какъ все предвѣщало, что побѣда народнаго дѣла, будетъ прочна, то подъ впечатлѣніемъ перваго удара даже самыя старыя совѣтники стали колебаться, думая, что не лучше ли будетъ принять сторону побѣдоносной партіи, дѣло которой имѣло за себя истину и всѣ человѣческія права, и помышляли стать во главѣ новаго движенія. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ докторъ Іоганнъ фонъ-Оттера, занимавшій вліятельное мѣсто городского синдика, человѣкъ ученый и мудрый, но безчестный. Политикъ его слѣдовалъ бургомистръ, Эбергардъ фонъ-Бодунгенъ.

Политическія отношенія государей и городовъ были причиною того, что Совѣтъ уступилъ требованію народа, не обратившись къ содѣйствію сосѣднихъ государей, съ которыми былъ связанъ обоюдными оборонительными договорами и къ помощи которыхъ противъ народа такъ часто обращался прежде.

Государи были всегда врагами республиканской Швейцаріи. Въ послѣднее время они перенесли эту вражду и на республиканскій элементъ нѣмецкихъ городовъ, развившійся среди господства монархическаго принципа, какъ нѣчто враждебное ему; прогрессивное развитіе городовъ казалось государямъ препятствіемъ для развитія ихъ власти. Республиканскій принципъ городовъ былъ дѣйствительно враждебенъ многовластію

государей: подобно дворянству имперіи, города желали паденія державныхъ правъ всѣхъ государей, кромѣ одного императора. Кромѣ того богатство городовъ было приманкою для государей, которые желали подчинить ихъ себѣ и при случаѣ обращали вольные города въ подвластные. Въ это время обстоятельства приняли такой оборотъ, что городская сила стала слабѣть, а монархическая власть возвышаться.

Даже лучший изъ тогдашнихъ государей, Фридрихъ Мудрый саксонскій, неоднократно простиралъ руку къ Мюльгаузену и къ его имперскимъ правамъ. Притомъ мюльгаузенскій совѣтъ полагалъ, что имѣетъ право основательно подозрѣвать брата курфюрста, герцога Іоанна Веймарскаго, въ способствованіи возстанію мюльгаузенскихъ гражданъ, съ цѣлью извлечь для себя пользу изъ раздоровъ патриціевъ съ простыми гражданами *). Видя, какъ опасно допустить саксонскихъ государей вмѣшаться въ городскія дѣла, Совѣтъ не призвалъ на помощь ни курфюрста, ни герцога, не смотря на старыя договоры.

Вскорѣ городская аристократія Мюльгаузена оправилась и изгнала Фейффера.

Герцогъ Іоаннъ Саксонскій ходатайствовалъ передъ Совѣтомъ о возвращеніи Фейффера въ городъ. Совѣтъ не согласился. Но въ концѣ 1523 Фейфферъ былъ снова въ Мюльгаузенѣ. Борьба партій продолжалась съ возрастающимъ жаромъ. Старые орденскіе священники были изгнаны, а новый, присланный орденомъ изъ Веймара, Іоганнъ Лауэ, былъ самъ горячій приверженецъ преобразованій. «Онъ попираетъ святыню вмѣстѣ съ злоупотребленіями; это было крайне легкомысленно, если не дѣлалось съ умысленной цѣлью раздражить народъ» **). Безпокойства, возбужденныя имъ, обращались не на мірскіе предметы, а на незамѣнимыя произведенія искусства, украшавшія церкви. Въ Мюльгаузенѣ, какъ въ Виттенбергѣ и другихъ мѣстахъ, началось варварское иконоборство.

*) По открытіямъ, сдѣланнымъ архиваромъ Ф. Стефаномъ въ мюльгаузенскомъ архивѣ.

**) Слова Ф. Стефана.

Всѣ символы древней религіи, въ которыхъ благочестивые живописцы и ваятели набожныхъ среднихъ вѣковъ прекрасно выразили тайны и глубокія идеи религіи, были истреблены въ Мюльгаузенѣ безъ вниманія къ тому, были ли то художественныя созданія, чудеса артистической фантазіи и творческой силы, или дрянная работа маляровъ; все было истреблено, какъ «истуканы», какъ «идолопоклоническіе кумиры», — такъ называли ихъ ревнители новой вѣры, особенно юношество. Одичавшіе отъ старой лжи, разгоряченные новою проповѣдью, они не знали, что въ искусствѣ есть своя святость, въ красотѣ свое величіе, какъ и въ свободѣ.

Фейфферъ не нападалъ на образа, а дѣйствовалъ противъ злоупотребленій администраціи. Совѣтъ продолжалъ противиться его свѣтско-духовнымъ преобразовательнымъ планамъ. Главою городского дворянства и старой партіи былъ Родеманъ. Народъ принудилъ его и его друзей бѣжать изъ города. Однако Фейфферъ не пользовался полнымъ вліяніемъ между гражданами внутренняго города. 24 августа 1524 Совѣтъ даже изгналъ изъ города его и бывшего монаха, Матвѣя фонъ-Альдислебена, и община уступила просьбамъ Совѣта. «Мы изгоняемъ его не потому, чтобы онъ противился слову Божію, говорилъ Совѣтъ, но для предупрежденія большихъ бѣдствій и опасности.» Тогда Фейфферъ привлекъ къ своимъ интересамъ предмѣстія, которыя доселѣ забывалъ и которыя были угнетены несравненно болѣе горожанъ. Мѣщане не хотѣли оставаться долѣе безъ правъ. Фейфферъ обратился и къ окрестнымъ крестьянамъ. Они собрались, и Фейфферъ пригласилъ ихъ принять участіе въ движеніи предмѣстій; въ то же время Совѣтъ призвалъ ихъ противъ возстанія, вспыхнувшего въ николаевскомъ предмѣстии, прилегающемъ къ городу. Вмѣсто того, чтобы обратиться противъ предмѣстія, крестьяне хотѣли также улучшить свое положеніе, что было обѣщано имъ проповѣдникомъ новаго ученія. Они представили Совѣту двѣнадцать параграфовъ, составленныхъ Фейфферомъ.

Эти двѣнадцать параграфовъ доселѣ еще не отысканы въ

мюльгаузенскомъ архивѣ, ни въ подлинникѣ, ни въ спискѣ. Вѣроятно это тѣ же самыя, посредствомъ которыхъ Томасъ Мюнцеръ собралъ въ послѣдствіи свое войско при Франкенгаузенѣ.

Параграфы христіанскаго собранія въ Франкенгаузенѣ заключали въ себѣ слѣдующія требованія: должно продать всѣ поля, виноградники и луга, принадлежащіе церкви, и всѣ монастырскія имущества и подчинить ихъ законнымъ повинностямъ. Всякія повинности, отправляемыя графамъ и дворянамъ, должны быть отмѣнены. Должно отмѣнить всѣ подати, десятины и барщины, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, исключая тѣхъ, которыя существуютъ долѣе двухсотъ лѣтъ. Пруды, пастбища и охотничьи промыслы должны быть собственностью общинъ, и каждый можетъ пользоваться ими по мѣрѣ надобности. Гражданъ и крестьянъ не должно подвергать аресту и какимъ бы то ни было насиліямъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ совершено уголовное преступленіе. Но и виновныхъ слѣдуетъ наказывать кротко и человѣчно. Не должно никого брать подъ арестъ въ его домѣ. Городской совѣтъ долженъ избираться и утверждаться гражданами, которые могутъ смѣщать его; въ Совѣтѣ должны засѣдать депутаты отъ гражданъ, и правительственныя дѣла должны рѣшаться имъ съ согласія депутатовъ.

Послѣдній параграфъ доказываетъ ясно, что эти двѣнадцать параграфовъ тѣ самыя, которые Фейфферъ составилъ для мюльгаузенцевъ. Параграфы Фейффера послужили образцомъ для знаменитыхъ параграфовъ Верхней Швабіи: ихъ перенесъ въ Верхнюю Швабію самъ Фейфферъ съ Мюнцеромъ.

Послѣ побѣды, одержанной въ городѣ партіей Фейффера 27 августа 1524 г., приверженцы совѣта снова возстали 25 сентября того же года. Поводомъ къ перевороту послужило, кажется, прибытіе въ Мюльгаузенъ Мюнцера. Мюнцеръ держался нисшихъ классовъ и имѣлъ мало почитателей между гражданами. Граждане, главою которыхъ былъ Фейфферъ, не могли идти за Мюнцеромъ, дѣйствія котораго противорѣчили

ихъ цѣлямъ и интересамъ. Поэтому народная партія ослабѣла вслѣдствіе раздора; городское дворянство принудило общины при помощи императорскаго повелѣнія изгнать Мюнцера, а затѣмъ и Фейффера.

Николаевское предмѣстіе возстало за нихъ; но это не могло помочь имъ. Мюнцеръ пробылъ въ городѣ только пять недѣль и служилъ орудіемъ Фейфферу. Фейфферъ былъ умнѣе Мюнцера, но лучше умѣлъ владѣть перомъ и вести практическія реформы, чѣмъ служить народнымъ трибуномъ; онъ воспользовался пламенной рѣчью Мюнцера для умноженія своихъ приверженцевъ и для проведенія своихъ видовъ и цѣлей.

Но волненіе «всякой сволочи» — мюльгаузенскихъ и эйхфельдскихъ крестьянъ, — возбудило въ большинствѣ мюльгаузенскихъ гражданъ безпокойство за начала собственности и за свои доходы *).

Такимъ образомъ Мюльгаузенъ въ Тюрингіи былъ ареною, гдѣ разыгрался прологъ великой крестьянской войны; первый актъ ея былъ сыгранъ въ бамбергскомъ городѣ, Форхгеймѣ. Многіе граждане, преданные Фейфферу и Мюнцеру, вышли вмѣстѣ съ ними 27 сентября изъ города; Фейфферъ и Мюнцеръ отправились во Франконію.

*) Главный источникъ: изысканія Ф. Стефана въ мюльгаузенскомъ архивѣ; побочные: древнѣйшія тюрингскія хроники. Анналы Мюльнера (рукопись). Извлеченія Гольцгаузена изъ мюльгаузенской хроники въ Zeitschrift f. Geschichtsw. Шмидта. IV. 368. Трейчкэ, Зейдеманны; Геора Мельхиора Гофмана: Rusticus Seditiosus. pag. 51.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Движеніе въ Форхгеймѣ и окрестностяхъ его.

Въ праздникъ тѣла Господня, 26 мая 1524, возмутилась община Форхгейма, города принадлежавшаго епископу бамбергскому.

Она взяла у бургомистра ключи отъ воротъ и принудила его и солдатъ дать клятву въ томъ, что они будутъ дѣйствовать заодно съ нею и помогать ея предпріятію; городской старшина бѣжалъ, но у него взяли въ заложники жену и дѣтей, что принудило его вернуться и присягнуть оставаться въ городѣ; затѣмъ были посланы гонцы къ епископскимъ крестьянамъ сосѣднихъ округовъ и мѣстечекъ, съ приглашеніемъ вступить въ городъ и его союзъ.

Изъ форхгеймскихъ окрестностей, изъ Гѣхштедта, изъ Герцогенаураха, изъ окрестностей Эберманштадта и изъ всего округа пришло 500 человекъ вооруженныхъ крестьянъ съ хоругвями; городская община и крестьяне постановили нѣкоторые уставы: рыба, дичь, дрова и птица должны быть общимъ достояніемъ; вмѣсто десятого дня работать на господѣ тридцатый, а духовенству ни одного.

Бамбергскіе совѣтники старались успокоить народъ; но народъ отвѣчалъ имъ, что епископъ непремѣнно утвердитъ эти требованія, если они предъявятъ ихъ ему. Уже возстали крестьяне и въ области сосѣдняго имперскаго города Нюрнберга и у другихъ владѣтелей.

Казалось, движеніе перейдетъ во Франконію; но его прервали.

Въ анспахскихъ и нюрнбергскихъ владѣніяхъ крестьяне и бѣдные горожане говорили на сходкахъ о томъ, чтобы свергнуть антихристово иго и освободиться отъ гнета свѣтскихъ господъ: не должно впредь платить десятинъ и процентовъ, оброковъ и пошлинъ.

Маркграфъ Казиміръ Анспахскій собралъ значительныя силы конницы и пѣхоты и послалъ ихъ противъ крестьянъ съ нѣсколькими орудіями. Но дѣло не дошло до кровопролитія; крестьяне въ ужасѣ разбѣжались отъ кавалеріи и пушекъ. Быть можетъ, этому способствовали тѣ, которые устроили фюрхгеймскій союзъ и были противъ этого движенія, находя, что еще рано начинать общій взрывъ.

Нюрнбергскій совѣтъ успокоилъ своихъ крестьянъ умными и быстрыми мѣрами, угрозами и ласковыми словами. Было назначено общее собраніе крестьянъ въ Поппенрейтѣ; но совѣтъ отговорилъ начальниковъ и предводителей идти на сходку и убѣдилъ ихъ дать клятву вести себя спокойно. Двое горожанъ, подстрекавшіе гражданъ противъ совѣта и говорившіе, что дѣло не ладно и что гражданамъ нужно соединиться съ крестьянами, были казнены 5 іюля *).

Такимъ образомъ Казиміръ, аристократическій совѣтъ Нюрнберга и бамбергское правительство, дѣйствовавшее изъ страха и разсчета кротко, не допустили возстаніе разлиться по странѣ; но всѣ они чувствовали, что положеніе ихъ опасно.

Въ іюлѣ 1524 г. на окружномъ съѣздѣ въ Кицингенѣ былъ заключенъ для Франконіи союзъ владѣтелей и городовъ, «не для подавленія слова Божія, но потому что теперь во многихъ мѣстахъ, особенно во Франконіи, случаются часто преступныя, злостныя и безчестныя возстанія подданныхъ противъ властей, не изъ рвенія къ слову Божію, а, напротивъ, изъ своекорыстной злобы.»

*) Донесеніе Іоганна Мюльнера, тогдашняго письмоводителя нюрнбергскаго совѣта.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Лютеръ и изгнанники.

(Мюнцеръ, Фейфферъ, Карльштадтъ и другіе изгнанники во Франконіи).

Религіозныя волненія принудили многихъ людей бѣжать изъ своей страны; эти бѣглецы переселились въ ту же мѣстность, куда еще ранѣе бѣжали политическіе изгнанники, а именно, башмачники 1513 и 1514 г.г., друзья Зиккингена, опальные рыцари, участвовавшіе въ Эбернбургскомъ предпріятіи, и опальный герцогъ Ульрихъ Виртембергскій; мѣстность эта была страна по Констанцкому озеру и на верхнемъ Рейнѣ.

«Новые пророки» уже отправились туда; за ними послѣдовали нѣкоторыя пылкія, ученныя головы, какъ то Гугвалдъ, Эколампадій, Бусеръ и другіе. Нѣкоторые изъ переселенцевъ, какъ Эколампадій, заняли общественныя должности и гостепріимно встрѣчали прибывавшихъ вновь, дѣлая для нихъ все, что «слѣдовало дѣлать для товарищей и изгнанниковъ по заповѣди Божіей» *).

Въ верхней Швабіи и Швейцаріи было множество людей, лишенныхъ за евангеліе должностей, гонимыхъ и изгнанныхъ не католиками, а лютеранами. Новая религія еще не успѣла образовать церковь и утвердиться, какъ уже сдѣлалось нетерпимою, властолюбивою, деспотическою, слѣпо привязанною къ буквѣ догматовъ; она утверждала, что истинны только ея догматы и обряды, силою навязывала ихъ и преслѣдовала, какъ ересь, каждое противорѣчіе и даже каждое уклоненіе отъ нихъ.

*) Письмо Эколампадія къ Пиркгеймсу изъ Базеля отъ 21 сентября 1525 г.

Лютеръ, заслужившій всѣ эти упреки, позволялъ себѣ въ отношеніи своихъ евангелическихъ и католическихъ противниковъ такіе поступки, за которые самъ обвинялъ католическихъ государей и правительства въ безбожномъ насиліи и тираніи духа. «Противъ ихъ скверностей и обмана, говорилъ онъ гласно, я допускаю всякія мѣры, ради спасенія душъ» *). Онъ отказывалъ своимъ противникамъ въ свободѣ печати, которой требовалъ для себя. Противъ Карльштадта, противъ Мюнцера онъ яростно взывалъ къ полиціи и склонялъ правительства запрещать и истреблять ихъ сочиненія и изгонять не только самихъ авторовъ, но и лицъ, печатавшихъ ихъ сочиненія.

Іенскій проповѣдникъ Мартинъ Рейнгардтъ писалъ противъ Лютера въ защиту Карльштадта. Лютеръ не могъ успокоиться, пока Рейнгардтъ не выслали изъ Іены. Рейнгардтъ со слезами простился съ кафедрой; прихожане сложились и дали ему денегъ на дорогу. Онъ отправился съ женой и дѣтьми въ Нюрнбергъ. Въ тоже время Лютеръ выгналъ за дружбу съ Карльштадтомъ доктора Гергарда Вестербурга кельнскаго; но и въ изгнаніи онъ продолжалъ преслѣдовать ихъ, писалъ письма совѣту города, въ который они удалились, и подговаривалъ знакомыхъ ему совѣтниковъ выслать враговъ его изъ послѣдняго убѣжища ихъ. Самъ Карльштадтъ былъ изгнанъ по настоянію Лютера изъ саксонскихъ владѣній и отправился въ одно время съ Мюнцеромъ на верхній Рейнъ въ Страсбургъ и Базель.

Настоящее имя Карльштадта было Андрей Боденштейнъ. Родомъ онъ былъ изъ Карльштадта близъ Вюрцбурга. Онъ былъ старше Лютера и четырьмя годами раньше его сдѣлался профессоромъ богословія въ виттенбергскомъ университетѣ; въ послѣдствіи онъ былъ каноникомъ и архидьякономъ въ соборной церкви; въ 1511 г. ректоромъ; въ 1512 г. и позднѣе деканомъ богословскаго факультета и возвелъ Лютера въ званіе доктора

*) Luthers Schreiben 1525 bei de Wette 1. S. 478. Nro. CCL.

богословія. Онъ слушалъ лекціи на нѣсколькихъ иностранныхъ факультетахъ, былъ въ Римѣ и въ самомъ источникѣ познакомился съ римскою церковью. Лютеране были въ послѣдствіи до того пристрастны къ нему и такъ клеветали на него, что утверждали, будто онъ не имѣлъ никакихъ познаній. Но еще въ 1520 г. самъ Лютеръ говорилъ, что онъ удивительно ученъ и великолѣпно комментировалъ Августина. Въ тоже время Лютеръ сказалъ о сочиненіи Карльштадта «Мистическое Нѣмецкое Богословіе», что это лучшая книга послѣ библіи и Августина. Въ 1508 г. докторъ Шейрленъ, говорившій въ Виттенбергѣ публичную рѣчь, хвалилъ необыкновенныя познанія Карльштадта въ греческомъ и еврейскомъ языкахъ, называлъ его великимъ философомъ и великимъ богословомъ и прославлялъ его прекрасный привѣтливый характеръ, доставившій ему общую любовь и уваженіе.

Лютеръ и Карльштадтъ долго жили и дѣйствовали дружно; хотя Лютеръ былъ большимъ, а Карльштадтъ малымъ свѣточемъ, какъ называлъ ихъ цейцскій монахъ, тѣмъ не менѣе Лютеръ признавалъ въ Карльштадтѣ превосходство въ научныхъ свѣдѣніяхъ, а Карльштадтъ отдавалъ полную справедливость генію Лютера и его реформаторскому призванію. Характеры ихъ вовсе не были такъ несхожи, какъ обыкновенно думаютъ. Не смотря на полный разрывъ ихъ въ послѣдствіи, они многимъ походили другъ на друга, какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ. Оба были самолюбивы, деспотичны, оба легко увлекались, оба стремились къ реформациіи и были одинаково непреклонно непоколебимы въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ отношеніи народа оба дѣйствовали равно чистосердечно и равно серьезно стремились къ своимъ цѣлямъ. Наконецъ оба были склонны къ мистицизму, но у Лютера онъ былъ въ сердцѣ, а у Карльштадта въ разсудкѣ. За то они далеко расходились во взглядѣ на конечную цѣль реформациіи. Лютеръ хотѣлъ освободить новымъ евангеліемъ только души, а Карльштадтъ желалъ освобожденія христіанъ и въ земной жизни. Лютеръ думалъ дѣйствовать постепенно, умѣряя разсудкомъ порывы своей страст-

ности; Карльштадтъ хотѣлъ идти быстро, все ниспровергая на пути. Лютеръ, желая очистить церковь, искалъ опоры въ государствахъ; Карльштадтъ—въ народѣ. Онъ хотѣлъ провести реформу снизу вверхъ; въ немъ глубоко укоренилось мнѣніе, что весь хламъ схоластическаго богословія ничего не стоитъ и что вся внѣшняя обрядность христіанской церкви не имѣетъ никакого значенія. Его ясный взоръ проникалъ всякій туманъ, которымъ его хотѣли омрачить; еще въ первые года реформации онъ говорилъ, что религія въ настоящемъ своемъ видѣ скорѣе вредна, чѣмъ полезна народу. Внутреннее свидѣтельство духа онъ ставилъ выше внѣшнихъ доказательствъ писанія. Его критическій умъ и ученость дали ему возможность прійти, касательно книгъ священнаго писанія, къ тому мнѣнію, которое установлено только недавно. Впрочемъ, не смотря на это, онъ высоко цѣнилъ священное писаніе, хотя не считалъ обязательнымъ буквальный смыслъ его. Пока Лютеръ жилъ въ Вартбургѣ, въ Виттенбергѣ пришли товарищи Мюнцера, цвикаускіе пророки, и увлекли Карльштадта. Онъ какъ бы увидѣлъ передъ собою новое царство духа, чуждое всѣхъ прежнихъ обычаевъ и установленій. Въ христіанствѣ онъ уже видѣлъ не богословіе, а живое дѣло народа: имъ слѣдовало жить, а не препираться о немъ. Тогда Карльштадтъ покинулъ, какъ ненужный и вредный, весь арсеналъ своей учености. Онъ ходилъ по лавкамъ и мастерскимъ и бесѣдовалъ съ рабочими о взглядѣ ихъ на священное писаніе. Когда онъ вступилъ въ среду этихъ непосредственныхъ натуръ, чуждыхъ предразсудковъ и тумановъ богословія, схоластика показалась ему отвратительною. Въ немъ явилось убѣжденіе, что для счастья людей необходимо возвратить ихъ къ природной простотѣ и потомъ уже образовать вновь. Онъ прямо говорилъ, что всякое ремесло лучше и полезнѣе кабинетной учености. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что пустая ученость заволакиваетъ, какъ паутина, цвѣтущее дерево жизни и, въ негодованіи на окружающее, смѣшивалъ истинную науку съ ложной и возставалъ противъ науки вообще.

Въ пылу фанатизма онъ вытаскивалъ изъ собора картины, памятники искусства, называя ихъ «масляными идолами,» языческими фетишами и предавалъ на истребленіе фанатической молодежи. Впрочемъ Карльштадтъ не принималъ личнаго участія въ иконоборническихъ безпокойствахъ; онъ только возбуждалъ ихъ. Уничтоженіе образовъ и нѣкоторыя другія измѣненія въ богослуженіи совершились въ Виттенбергѣ съ согласія университета и магистрата. Городская община, увлеченная Карльштадтомъ, принудила совѣтъ формально разрѣшить это. Затѣмъ Карльштадтъ покинулъ университетъ и отправился въ Зегренъ къ своему тестю, честному земледѣльцу, на дочери котораго онъ былъ давно женатъ. Передъ уходомъ онъ склонилъ совѣтъ закрыть всѣ публичные дома и послать въ миноритскій монастырь официальную бумагу, въ которой говорилось, что нищихъ не будутъ впредь терпѣть въ городѣ, потому что въ христіанствѣ не должно быть нищихъ, и что поэтому молодые монахи должны выучиться какому нибудь ремеслу, а старые служить сидѣльцами въ госпиталяхъ. Карльштадтъ предложилъ обратить въ пользу бѣдныхъ имущества монастырей, которыя иначе были вредны. Студентамъ онъ совѣтовалъ отправиться домой учиться ремесламъ или заняться хлѣбопашествомъ, потому что проповѣдники обязаны, подобно апостолу Павлу, снискивать себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ. Прійдя въ Зегренъ, Карльштадтъ надѣлъ крестьянское платье, работалъ въ полѣ и назывался не докторомъ, а сосѣдомъ или братомъ Андреемъ. Въ Виттенбергѣ господствовало сильное волненіе; многіе студенты пошли за Карльштадтомъ; университетъ опустѣлъ. Тогда Лютеръ въ Вартбургѣ воспламенился гнѣвомъ и прибылъ въ Виттенбергъ. Карльштадтъ также возвратился. Лютеръ объявилъ, что не видитъ ничего дурнаго въ предпринятыхъ безъ него церковныхъ реформахъ, но находитъ только, что дьяволъ слишкомъ поторопилъ ихъ. Не слѣдуетъ, говорилъ онъ, всякому дѣлать то, что ему кажется справедливымъ; достаточно, чтобы всѣ исполняли хорошо то, что приказано. Лютеръ самъ вводилъ въ послѣд-

ствіи тѣже нововведенія, которыя началъ Карльштадтъ, но ему было досадно, что Карльштадтъ предупредилъ его, принявъ ихъ безъ него, и вмѣшался въ его дѣло. Поэтому онъ началъ полную реакцію противъ всего, что было сдѣлано Карльштадтомъ. Благодаря его значенію и энергической проповѣди, ему легко было сдѣлать это, особенно въ городѣ, который ему одному и первому былъ обязанъ своею славою. Поступки Лютера произвели разрывъ между нимъ и Карльштадтомъ. Глубоко оскорбленный, Карльштадтъ отправился въ Орламюнде, рѣшившись, во что бы то ни стало, «возстать противъ гнусныхъ злоупотребленій за бѣдный обманутый людъ.» Онъ говорилъ, что не можетъ видѣть, какъ ложные церковные обряды истребляютъ любовь къ Богу, уничтожаютъ вѣру, обременяютъ совѣсть ужасными заблужденіями, и что будетъ по возможности противиться безумству, проповѣдуемому во всѣхъ церквахъ. Въ Орламюнде народъ встрѣтилъ его съ радостью; но приверженцы Лютера изгнали его, и Лютеръ настоялъ, чтобы ему было запрещено говорить рѣчи и писать и чтобы было наложено запрещеніе на изданныя сочиненія его. Карльштадтъ самъ говорилъ, что Лютеръ связалъ его черезъ курфюрста по рукамъ и по ногамъ. Кромѣ того Лютеръ проповѣдывалъ противъ него, называя его бунтовщикомъ и убійцей, въ особенности въ одной проповѣди, произнесенной въ Іенѣ, за что Карльштадтъ поставилъ его въ неловкое положеніе за обѣдомъ, гдѣ присутствовали императорскіе и маркграфскіе послы: «Вы поступаете несправедливо, сказалъ Карльштадтъ, приписывая мнѣ убійственныя намѣренія. Въ сегодняшней проповѣди вы поставили меня на одну доску съ мятежниками и убійцами, какъ вы ихъ называете: вы сказали неправду. Кто ставитъ меня на одну доску съ убійцами, тотъ говоритъ неправду и дѣйствуетъ не по чести. Я протестую теперь въ присутствіи всѣхъ противъ причисленія меня къ бунтовщикамъ.» — «Помилуйте, любезнѣйшій г. докторъ, отвѣчалъ Лютеръ, это совершенно лишнее: я чи-

талъ письмо, которое вы писали изъ Орламюнде къ Мюнцеру и вижу, что вы противъ бунта».

Дѣло въ томъ, что Томасъ Мюнцеръ написалъ изъ Альтштета посланіе къ орламюндцамъ, приглашая ихъ въ свой союзъ. Въ отвѣтъ на это Карльштадтъ напечаталъ письмо, въ которомъ говорилъ отъ имени орламюндцевъ, что они не желаютъ дѣйствовать мірскимъ оружіемъ противъ утѣснителей евангелія, такъ какъ самъ Христосъ велѣлъ Петру вложить мечъ въ ножны и не позволилъ защищать себя. Орламюндцы вооружаются противъ своихъ враговъ не копьями и ножами, а панцыремъ вѣры. Еслибы они соединились съ Мюнцеромъ, то были бы не свободные христіане, а люди, привязанные къ людямъ; это уронило бы евангеліе, и тираны, обрадовавшись, сказали бы: вотъ они хвалятся единымъ Богомъ, а сами соединяются между собою; значить Богъ ихъ не въ силахъ защитить ихъ.

Карльштадтъ не выходилъ еще изъ круга преобразованій религіозныхъ формъ и мнѣній и не былъ политическимъ революціонеромъ. Онъ былъ человѣкъ кабинета и кафедры, радикаль идеи, а не дѣла, и, не смотря на свою природную горячность, не могъ быть демагогомъ. Онъ могъ только надѣть на себя грубый мужицкій кафтанъ и простую войлочную шляпу, могъ опоясаться мечомъ, — но не болѣе. Тѣмъ не менѣе Лютеръ кричалъ, что Карльштадтъ проповѣдуетъ возстаніе устами и перомъ *).

Вскорѣ послѣ того высокомерная вражда Лютера къ Карльштадту и его неловкіе поступки въ отношеніи къ орламюндцамъ возбудили противъ него такое негодованіе, что онъ едва спасся поспѣшнымъ отъѣздомъ отъ ругательствъ и камней, которыми народъ хотѣлъ забросать его. Тогда Карльштадтъ и другъ его, проповѣдникъ Рейнгардтъ, были изгнаны изъ Саксоніи. Лютера возстановлялъ главнымъ образомъ противъ Карльштадта начавшійся въ то время споръ о причастіи,

*) Сочин. Лютера. Альтенб. II, 799. III, 50. 52.

такъ какъ Карльштадтъ отрицалъ тѣлесное присутствіе Христа въ причастіи. Еще очень юный въ то время профессоръ Меланхтонъ, боявшійся каждаго сильнаго движенія, каждаго прикосновенія сквознаго вѣтра, выросъ среди шелеста страницъ книгъ и пергаментныхъ свертковъ и ни разу не осмѣливался приблизиться къ шуму и сумятицѣ дѣйствительной жизни. Такой сильный, пылкій, сангвиническій характеръ, какъ Карльштадтъ, смущалъ и устрашалъ его и возбуждалъ въ немъ ненависть. Карльштадтъ возбуждалъ въ Меланхтонѣ ужасъ. «Я подозрѣваю, писалъ Меланхтонъ къ своему другу Камерарію, что онъ намѣренъ просіять надъ Германіей и взволновать ее, не какъ Периклъ, а какъ новый Спартакъ. Меланхтонъ и Лютеръ столько писали и кричали о возмутительномъ духѣ Карльштадта, что, по словамъ его, это сдѣлалось предметомъ уличныхъ толковъ. Ярость Лютера дошла до послѣдней крайности, когда лучшіе люди верхне-рейнскихъ странъ, самъ Цвингли и страсбургцы, приняли религіозныя возрѣнія изгнаннаго Карльштадта и когда, какъ выражался Лютеръ, ядъ его распространился всюду. Съ верхняго Рейна Карльштадтъ отправился въ восточную Франконію. Маркграфъ Казиміръ приказалъ наблюдать за нимъ. Его видѣли въ Швейнфуртѣ, въ Кицингенѣ и въ окрестностяхъ Роттенбурга. Наконецъ онъ остановился на долгое время въ Роттенбургѣ. Священникъ, докторъ Дейшлинъ, «слѣпой монахъ» Христіанъ, почетный бургомистръ Эренфридъ Кумфъ и другіе граждане тайно укрывали и угощали его и содѣйствовали печатанію его сочиненій. Онъ долго прожилъ въ домѣ Филиппа суконщика. Городской совѣтъ запретилъ его сочиненія и доступъ ему въ свою область. Однако онъ остался. Тѣмъ временемъ въ Роттенбургской области готовилось возстаніе *).

Главной идеей движенія, возбужденнаго Лютеромъ, была свобода мнѣній. Но свобода мнѣній въ религіозныхъ вопросахъ по необходимости приводила къ тому же и въ вопросахъ по-

литическихъ. Лютеръ, возставъ противъ свободы мнѣній, когда другіе пошли дальше его, очутился въ противорѣчій съ своей собственной основной идеей и сталъ тормозить собственное дѣло. Одно изъ двухъ: или всѣ имѣли право свободно мыслить, писать, печатать и учить, или право это не принадлежало и Лютеру.

Люди, которые вели современное имъ свободное движеніе духа въ другомъ направленіи и дальше чѣмъ Лютеръ, въ сущности только защищали право свободы совѣсти, мысли и рѣчи и пользовались имъ. При этомъ весьма естественно, что свободное движеніе умовъ, однажды начавшись, вызвало множество различныхъ мнѣній и ученій и привело по такимъ путямъ къ такимъ послѣдствіямъ, которыхъ Лютеръ и не желалъ, и не предвидѣлъ.

Пламенно любя свое твореніе, Лютеръ не могъ допустить, чтобы возбужденное имъ движеніе перешло границы, которыя онъ опредѣлилъ ему. Лютеръ, котораго Боссюэтъ называлъ громомъ и молніею, выведя міръ изъ оцѣпененія, чувствовалъ себя по временамъ исполненнымъ божественнаго духа и, слушая себя, въ эти минуты вѣрилъ, что устами его говоритъ самъ Богъ. Убѣжденіе это тѣмъ болѣе укоренялось въ немъ, что его считали пророкомъ не только простые люди, называвшіе его «человѣкомъ божіимъ», но и ученые, какъ Іонасъ и Меланхтонъ. Въ этомъ убѣжденіи онъ самъ поставилъ себя авторитетомъ. «Лютеранство» было шагомъ назадъ къ вѣрованіямъ, основаннымъ на авторитетахъ. Въмѣсто того, чтобы не допускать свое ученіе до этого упадка, Лютеръ смѣшилъ замѣнять одни догматы другими, налагать на совѣсть новыя узы взамѣнъ расторгнутыхъ имъ. Самъ того не сознавая, онъ желалъ сосредоточить въ своемъ лицѣ все умственное движеніе реформаціи.

Появленіе множества различныхъ мнѣній, какъ мечтательныхъ, такъ и раціоналистическихъ, побуждало Лютера ограничивать умственное движеніе религіозными законами и судами.

*) Рукопись Томаса Цвейфеля. Извлеченіе Лемуса.

Онъ опасался, что терпимость можетъ повредить главнымъ основаніямъ христіанства и совершенно уничтожить вѣру.

Самъ онъ сбросилъ съ себя иго, которое друзья древней церкви считали необходимымъ для всѣхъ и въ особенности для такихъ горячихъ и неукротимыхъ людей, какъ онъ, т. е. иго законной власти. И, не смотря на это, онъ былъ такъ сроденъ по духу древней церкви, что считалъ законную власть и опредѣленные правила въ религіозныхъ вопросахъ необходимыми для всѣхъ, кромѣ него. Вслѣдствіе этого онъ дѣйствовалъ съ такой нехристіанской жестокостью, съ такимъ озлобленіемъ; рѣзкостью и подозрительностью противъ проповѣдниковъ, отступавшихъ отъ его догматовъ.

При этомъ Лютеръ упускалъ изъ виду, что единство допускаетъ разнообразіе, которое всегда можетъ быть оправдано и необходимо вытекаетъ изъ сущности дѣла и что христіанинъ—всякій кто притекаетъ къ кресту. Карльштадтъ, Мюнцеръ и многіе другіе, хотя во многомъ ошибались, но были правы въ своемъ желаніи извлечь изъ христіанской религіи, которая давно признала равенство людей предъ Богомъ, естественное демократическое равенство людей въ обществѣ. «Область христіанства, говоритъ піэтистъ Шатобріанъ, безгранична. Она распространяется по мѣрѣ распространенія разума и свободы, при чемъ крестъ указываетъ на ея неподвижный центръ».

Лютеръ, забывъ это и противясь прогрессу движенія, затормозилъ прогрессъ въ церкви и государствѣ. вмѣсто того, чтобы примириться съ самыми пылкими силами умственной революціи, онъ насильно вытѣснилъ ихъ съ религіознаго поприща и такимъ образомъ содѣйствовалъ перенесенію революціи на поприще политическое.

Германія, не имѣвшая политическаго единства, имѣла несчастіе распасться на два враждебные религіозные лагеря въ ту минуту, когда оно казалось достижимымъ. Въ довершеніе несчастія самый ожесточенный внутренній раздоръ господствовалъ въ лагерѣ новой религіи.

Лютеръ былъ главной помѣхой религіозному единству дви-

женія, которое было возможно и необходимо для новой религіи. Онъ отвергалъ всякое примиреніе съ Мюнцеромъ и Карльштадтомъ, а также съ Цвингли и Кальвиномъ, и черезъ это сталъ главнымъ препятствіемъ на пути къ единству политическому. Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ не по раздражительности или капризу, но потому, что дѣйствительно не понималъ смысла дальнѣйшаго хода движенія, которому самъ далъ первый толчокъ.

Онъ и его партія преслѣдовали множество людей, которые въ главномъ отрицали тоже, что и они и стремились, хотя въ другой формѣ и иными путями, но къ тѣмъ же цѣлямъ, какъ и гонители ихъ, то есть къ церковному государственному перевороту. Въ верхней Швабіи на всѣхъ улицахъ встрѣчались оставленные или изгнанные священники, принужденные вести скитальческую жизнь. То были большею частью люди сильнаго характера, готовые пожертвовать своимъ убѣжденіемъ всѣмъ: имуществомъ и достояніемъ, родиной и званіемъ, даже свободой и жизнью. То были истинные мужи; нѣкоторые изъ нихъ подверглись своей бѣдственной участи не столько ради существенныхъ идей религіи и политики, сколько по упрямству, по излишнему рвенію къ второстепеннымъ возрѣніямъ; но и они были достойны уваженія за вѣрность своимъ убѣжденіямъ и за свой мужественный характеръ.

Кромѣ изгнанниковъ и ссыльныхъ, многіе проповѣдники скитались добровольно, чтобы распространять свои мнѣнія. Они были бѣдны и беззаботны, полагались на Бога, часто не имѣли ни копѣйки въ карманѣ. Мюнцеръ, Пфейфферъ и Рейнгардтъ отправились во Франконію.

Во Франконіи, гдѣ простой народъ былъ болѣе расположенъ къ движенію, они встрѣтили и пріобрѣли приверженцевъ своему ученію. У нихъ были друзья даже въ самомъ Нюрнбергѣ. Лютеръ, услыжавъ о движеніи въ Нюрнбергской области, писалъ: «тамъ явился самъ сатана, самъ злой духъ Альтштедскій» *).

*) Письма Лютера. Соч. т. XXI стр. 83.

Многіе крестьяне совѣтовали Мюнцеру начать проповѣдывать въ Нюрнбергѣ, гдѣ онъ остановился. Онъ писалъ одному пріятелю въ Эйслебенъ: «еслибы я имѣлъ охоту производить мятежъ, то могъ бы поставить нюрнбергцевъ въ затрудненіе; но я отвѣчалъ (народу), что пришелъ не проповѣдывать, а издавать свои сочиненія. Господа (магистратскіе), узнавъ объ этомъ, обрадовались, потому что они любятъ хорошо пожить, и потъ работниковъ имъ сладокъ, но вскорѣ сдѣлается горьче желчи.»

Однако ему удалось напечатать только одно сочиненіе, а именно защитительную рѣчь противъ Лютера. Онъ выражался въ ней, подобно Лютеру, грубо и запальчиво. «Ты самъ еще слѣпъ, писалъ онъ, а хочешь руководить міромъ; ты смѣшалъ христіанство, начитавшись своего Августина, съ разными лжеученіями и потому теперь не можешь судить о немъ; оттого-то ты и лицемѣришь предъ государями. Ты думаешь, что все уже прекрасно, оттого что ты пріобрѣлъ себѣ славу; но знаешь-ли, что ты усилилъ власть безбожныхъ злодѣевъ и помогъ имъ держаться на старомъ пути; поэтому съ тобой будетъ то, что бываетъ съ пойманной лисой: народъ освободится, и Богъ одинъ будетъ властвовать надъ нимъ.»

Нюрнбергскій совѣтъ велѣлъ отобрать всѣ экземпляры этого сочиненія, которые можно было схватить, и посадилъ въ тюрьму типографщика, который напечаталъ его. Мюнцеру пришлось удалиться изъ города.

Въ Альштедтѣ друзья заботились о его дневномъ пропитаніи. Теперь же, изгнанный изъ Нюрнберга, онъ былъ принужденъ написать одному пріятелю: «если можете, пришлите мнѣ чего нибудь поѣсть, но не обижайтесь, если я не пріиму ни геллера денегъ.» Живя только для своей идеи, онъ не помышлялъ о себѣ. Въ немъ жило чувство только для того, что онъ считалъ своимъ призваніемъ; для всего прочаго онъ умеръ. Когда его извѣстили о рожденіи сына, онъ промолчалъ, а когда его стали порицать за такое равнодушіе, то сказалъ: «вы видите, меня ничто не трогаетъ, я оторванъ отъ природы.» Даже

друзья, не сопровождавшіе его, увидя его гонимымъ и преслѣдуемымъ, испугались за него и, повидимому, уговаривали оставить свои смѣлые замыслы. «Васъ слишкомъ волнуетъ досада на зло, писалъ онъ имъ. Ахъ, что-то сдѣлаете вы, когда спадетъ личина съ коварнаго свѣта!» Самъ онъ былъ невозмутимъ среди этихъ превратностей, полонъ довѣрія къ самому себѣ, къ Богу и къ своему дѣлу. «Любезный братъ Кристофъ, писалъ онъ, наше дѣло похоже на прекрасное румяное пшеничное зернышко, которое разумные люди любятъ, пока оно у нихъ въ рукахъ, а, бросивъ въ землю, не думаютъ о немъ, какъ будто оно уже никогда не взойдетъ. Я не удивляюсь, что свѣтъ поноситъ меня. Я знаю, что имя мое должно перейти черезъ поношенія, пока достигнетъ славы; но безбожники будутъ ниспровергнуты, не смотря на ихъ вопли. Если я стрѣлялъ прежде изъ ружья, то теперь буду громить съ Богомъ на небесахъ, потому что безбожники и безъ того слишкомъ долго мошенничали. Благодарю Бога, что имѣю больше причинъ возставать противъ нихъ, чѣмъ имѣлъ Самсонъ противъ филистимлянъ. Сердце мое безтрепетно ввѣряетъ себя моему спасителю. Истина восторжествуетъ, не смотря ни на что. Люди голодны; имъ нужно и они хотятъ ѣсть.—Саулъ тоже вѣдь начиналъ дѣлать добро, но совершить его предстояло Давиду. Какъ бы они ни закусывали удила, я съумѣю разжать имъ ротъ.»

Мюнцеръ никогда не думалъ оставаться долго въ Нюрнбергѣ. Его влекло въ Верхнюю Швабію и Шварцвальдъ, гдѣ давно были въ ходу возстанія поселянъ. Эти первыя движенія ошибочно приписывали личному вліянію Мюнцера; они начались за нѣсколько мѣсяцевъ до него, пока онъ былъ еще въ сѣверной Германіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Насилія дворянства въ Верхней Швабіи.

Съ возникновеніемъ дѣятельности прессы и свободной проповѣди народъ живѣе почувствовалъ бремя налоговъ и различныхъ пошлинъ, которое усилилось въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка введеніемъ новыхъ податей, выплачиваемыхъ государству и союзу и вызванныхъ нуждами и своеволіемъ владѣтелей. Бѣдняки все еще страдали отъ безпорядковъ въ судопроизводствѣ; причинъ жаловаться на пристрастныя и дорогія судебныя рѣшенія было теперь у нихъ даже больше, чѣмъ когда либо. Народилось множество докторовъ римскаго права и плутовъ стряпчихъ, которые, стараясь удовлетворить возрастающимъ нуждамъ дворянства, подводили подъ параграфы римскаго права древнія германскія юридическія отношенія и перепутали всѣ понятія о правѣ; все это дѣлалось съ цѣлью поддѣть бѣдняковъ и высосать изъ нихъ послѣдній сокъ. Роскошь и обѣдненіе дворянъ, въ числѣ которыхъ подъ княжескими мантиями и рыцарскими шлемами скрывалось много кругомъ задолжавшихъ негодяевъ, повели къ искусственному увеличенію всякаго рода доходовъ; налоги были увеличены всѣми средствами, введеніемъ новыхъ пошлинъ, увеличеніемъ старыхъ, возвышеніемъ стоимости денегъ, уничтоженіемъ нѣкоторыхъ денежныхъ знаковъ и всяческими другими монетными спекуляціями; произвольнымъ возвышеніемъ штрафныхъ денегъ и даже обращеніемъ пеней въ постоянныя подати. Кемптенское аббатство ввело въ свой уставъ о наказаніяхъ правило, что каждый оброчный крестьянинъ, штрафованный за какой нибудь проступокъ, подлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ наказаніе платежу подушной *).

*) Акты аббатства. Гаггенмюллеръ. 414.

Нѣмецкіе крестьяне считали саксонскихъ государей милостивыми; но даже самый кроткій изъ нихъ, курфюрстъ Фридрихъ Мудрый, подъ вліяніемъ своего министра Феффингера, получавшаго громадное жалованье, наложилъ пошлину на вино, что возбудило сильное неудовольствіе въ народѣ *).

Общее положеніе судопроизводства въ Германіи было въ то время также печально, какъ всегда. Имперское правленіе, безъ денегъ, безъ власти, безъ значенія, было нулемъ. Императоръ жилъ въ Испаніи; братъ и намѣстникъ его, эрцгерцогъ Фердинандъ, былъ очень молодъ и совершенно подчинялся вліянію одного фанатика, презрѣннаго испанскаго жида Саламанки; швабскій союзъ присвоилъ себѣ исключительную независимость отъ судебной власти имперскаго правленія; могущественные землевладѣльцы не обращали на правленія и его постановленія нисколько вниманія, и народу приходилось болѣе прежняго страдать отъ произвола и насилій дворянства и отъ разбоевъ самодѣльныхъ рыцарей и отъ грабежей и разныхъ безчинствъ солдатъ. Народу приходилось платить жалованье наемникамъ и издержки по новымъ государственнымъ учрежденіямъ; но всѣ эти расходы не доставляли ему правительственной защиты. Народъ же давалъ деньги на расходы швабскаго и другихъ союзовъ, которые заключались владѣльцами для взаимной обороны. Эти расходы обрушивались на него въ видѣ постоянныхъ налоговъ, но, не смотря на это, крестьянинъ въ полѣ и горожанинъ въ городѣ были менѣе всѣхъ ограждены отъ произвола аристократіи. Государи тянули съ народа послѣднее достояніе, чтобы поддержать свое величіе на счетъ чести имперіи и возвысить многовластіе въ ущербъ достоинству императора. Ни въ Кемптенѣ, ни въ другихъ мѣстахъ швабскій союзъ не поступалъ съ крестьянами такъ снисходительно, какъ въ Оксенгаузенѣ. Патриціи, забравшіе въ свои руки власть въ городахъ, подобно духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, царившимъ въ замкахъ и аббатствахъ, про-

*) Зекендорфъ, I. стр. 67.

должали величаться и разыгрывать роль монарховъ, угнетая народъ: поэтому потребности ихъ были велики, вслѣдствіе чего были велики и налоги, которые они взимали, попирая древніе обычаи. То, что было величайшимъ несчастіемъ Германской имперіи, — т. е. отсутствіе единства и недостаткъ могущества подъ скипетромъ сильнаго императора, многовластіе со всѣми его невыгодами, — сильнѣе всего отражалось на бытѣ ниснихъ классовъ—леннаго крестьянина, земскаго горожанина, даже свободного простолюдина—все равно, находился ли онъ подъ властью епископа или герцога, барона или имперскаго города.

Кромѣ того страсть къ удовольствіямъ и привычка къ искусственнымъ потребностямъ глубоко въѣлась во всѣ классы народа, отъ высшихъ до ниснихъ; простой народъ былъ преданъ пьянству, праздности, трактирной жизни и разврату, словомъ, всѣмъ порокамъ, которые, какъ онъ видѣлъ, обратились въ привычку у дворянъ и духовенства, особенно нисшаго. Истощивъ всѣ средства на платежи правительству и разнымъ другимъ пѣвкамъ, народъ не имѣлъ ничего для удовлетворенія собственнаго стремленія къ удовольствіямъ, и неудовольствіе его возрастало. Но большая часть бѣднаго народа волновалась не изъ любви къ своеволію, а потому что терпѣла самую горькую нужду, голодъ и холодъ. Одинъ молодой крестьянинъ вскричалъ на лобномъ мѣстѣ: «О, Господи, вотъ приходится умирать, ни разу во всю жизнь не поѣвъ досыта хлѣба!» Господа знали, что это не ложь.

И аббатъ Ротскій въ Альгау зналъ, что подданные аббатства были правы, скромно говоря ему: «Мы, подданные вашей милости и аббатства, люди бѣдные; кругомъ нѣтъ ничего, кромѣ великой нищеты, которая точитъ насъ денно и нощно; мы не видимъ ничего, кромѣ великой нищеты» *).

*) Рѣчь крестьянскихъ депутатовъ аббатства 14 февраля 1525.

Въ 1522 году Лютеръ писалъ: «народъ повсюду волнуется и все видитъ; онъ не хочетъ, не можетъ позволить такъ угнетать себя долѣ».

Нѣкоторые имперскіе чины отклоняли новые налоги, говоря, что простой народъ и безъ того не по силамъ удрученъ, и что новыя подати могутъ произвести общее возстаніе. Слова эти не были пустой отговоркой. Народъ дѣйствительно чувствовалъ и понималъ общественную гниль. Это чувство возросло до страстнаго желанія и нетерпѣливаго ожиданія улучшенія. Въ то же время нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства доставили этому стремленію новую пищу.

Въ разныхъ мѣстахъ были изданы постановленія, которыми крестьянамъ воспрещалось собирать сходки для обсужденія своихъ дѣлъ. Древнее право созывать общественные сходы было частью ограничено, частью же совершенно уничтожено. Народныя увеселенія, свадьбы, церковные праздники, крестные ходы, стрѣльба, цеховыя пирушки представляли много поводовъ къ сборищамъ, гдѣ можно было повеселиться и облегчить душу, потолковавъ о своемъ горѣ. Но законъ, лишившій простолюдина возможности уходить отъ угнетенія, перемѣняя мѣсто жительства, отнялъ у него въ то же время разными ограниченіями народныхъ празднествъ средство отводить душу и разгонять тоску бесѣдой о своихъ печаляхъ. Волненіе распространялось. Но среди жестокихъ господъ были и кроткіе. Гдѣ съ крестьянами стали во время поступать честно и справедливо, тамъ они остались спокойны. Въ Оксенгаузенѣ волненіе не повторялось. Факты эти говорятъ за нихъ краснорѣчиво.

Гейнрихъ ф. Эйзидель получилъ въ наслѣдство отъ предковъ помѣстье, нѣкогда принадлежавшее Альтенбургскому капитулу. У него возникло сомнѣніе въ законности существующихъ въ его помѣстьи оброковъ; ему казалось, что прежде они были легче и что слѣдовательно несправедливо брать теперь больше. Впрочемъ предки его давно владѣли этимъ имѣніемъ; несомнѣнно было, что крестьяне платили оброки и въ то время, когда еще принадлежали капитулу, и что предки

его купили помѣстье уже обложенное оброками. Притомъ крестьяне были освобождены отъ подушной, и самая барщина, полагавшаяся для подданныхъ въ 15 дней конной и 12 дней ручной работы, а для ленниковъ въ 18 дней поденщины, казалась для того времени незначительною. Далѣе, съ самого начала крестьянскихъ безпокойствъ онъ имѣлъ за себя рѣшеніе курфюрста, принятое и крестьянами; и наконецъ прекращеніе оброковъ должно было повлечь за собою нѣкоторыя столкновенія съ другими владѣльцами, крестьяне которыхъ несли одинакія повинности.

Однако, не смотря на все это, этотъ благородный человѣкъ обратился за совѣтомъ къ Лютеру; Лютеръ старался успокоить его, говоря, что оброки могли быть наложены или въ наказаніе, или по договорамъ, и потому онъ можетъ по совѣсти оставить ихъ и помочь своимъ крестьянамъ какъ нибудь иначе. Сперва эти доводы успокоили Эйнзиделя, но вскорѣ въ немъ снова пробудилось сомнѣніе въ справедливости оброковъ. Тогда онъ обратился къ Спалатину съ просьбою снова переговорить объ этомъ съ Лютеромъ.

Лютеръ повторилъ свое прежнее мнѣніе, сказавъ, что если оброкъ наложенъ не самимъ Эйнзиделемъ, то онъ можетъ спокойно пользоваться имъ, и что даже дурно отказываться отъ своихъ правъ, «потому что крестьяне должны нести тяжелыя повинности, иначе сдѣлаются своевольны».

Спалатинъ былъ совершенно согласенъ съ Лютеромъ. Но и это не успокоило Эйнзиделя, равно какъ и новыя убѣжденія Спалатина. Спалатинъ говорилъ ему: «Порядокъ, который должно поддерживать, требуетъ, чтобы чернь держали въ рукахъ; вѣдь не вы ввели оброки: самъ Іосифъ въ Египтѣ потребовалъ съ народа пятую часть дохода, и Господь одобрилъ это. Если совѣсть ваша встревожена, то вы можете иногда прощать оброкъ бѣднымъ; но никакъ не слѣдуетъ совершенно отмѣнять его, потому что это только избалуетъ чернь и сдѣлаетъ ее дерзкою. Не прощайте оброка тѣмъ, кто не будетъ просить васъ объ этомъ; всякое нововведеніе влечетъ за со-

бою недоразумѣнія, которыя не слѣдуетъ возбуждать. Оброки существуютъ всюду, и отмѣна ихъ не только невозможна, но причинила бы страшное потрясеніе; во многихъ мѣстахъ народъ платитъ несравненно больше, чѣмъ у васъ. Когда подобныя сомнѣнія овладѣваютъ вами, беритесь за цѣлительныя псалмы и помните, что на землѣ никогда не будетъ такъ хорошо, какъ вамъ хочется, пока мы не сойдемъ въ могилу». Все это не могло успокоить человѣка съ такимъ благороднымъ и безкорыстнымъ характеромъ, какъ Эйнзидель. Правда, когда ему представили, что налоги не противорѣчатъ св. писанію, онъ приписалъ свое безпокойство внушеніямъ дьявола, съ которыми слѣдуетъ бороться молитвою и постомъ; но онъ поступилъ такъ, какъ будто эти сомнѣнія были внушеніями добраго духа; въ своемъ завѣщаніи онъ опредѣлилъ нѣкоторые изъ своихъ доходовъ на выдачу бѣднымъ пособій для уплаты податей и оброковъ «въ вознагражденіе за то, что съ нихъ было взято несправедливо.»

Спалатинъ былъ въ то время недоволенъ новыми налогами и, одобливъ это распоряженіе, посовѣтовалъ хранить его пока въ тайнѣ, чтобы не возбудить въ крестьянахъ своеволія, а противъ себя подозрѣній *). Другіе владѣльцы дѣйствовали иначе.

Лѣтомъ 1524 г. бѣдствія, которыя претерпѣли жители придунайскаго городка Лейпгейма, принадлежавшаго вольному городу Ульму, дошли до того, что они были принуждены униженно просить о сложеніи съ нихъ податей. Достопочтенный совѣтъ прогналъ просителей, объявивъ коротко и ясно: подати жителямъ Лейпгейма не прощаются **). Какъ цѣлая обществу, такъ и отдѣльныя личности подвергались страшнымъ обидамъ. Ульмскій старшина, Якобъ Эгингеръ, требовалъ, чтобы кирхбергскій окружной, Гансъ фонъ-Рехбергъ, выгналъ изъ Кирхберга

*) Рукопись въ собраніи манускриптовъ покойнаго прелата Ф. Шмидта въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ.

**) Протоколы Ульмскаго совѣта.

нѣсколько крѣпостныхъ его съ женами и дѣтьми, за то, что они отказались внести оброкъ курами *).

Крестьянъ Кемптенскаго аббатства угнетали все хуже и хуже. Союзъ еще ничего не рѣшилъ окончательно. Осенью 1507 г. несчастные подданные аббатства наконецъ могли порадоваться, увидавъ мертвымъ ненавистнаго мелкаго тирана Іоанна II. Но по смерти его имъ стало не лучше. Новый князь-аббатъ былъ въ отношеніи оброчниковъ и свободныхъ людей такимъ же деспотомъ, какъ и всѣ предшественники его; правленіе его было даже еще хуже. Всѣ монастырскіе ленники, какъ оброчные, такъ и крѣпостные, были принуждены дать подписку, что будутъ платить арендную плату безъ замедленія, каковъ бы ни былъ урожай и сколько бы кто не понесъ убытку отъ неблагоприятной погоды. Аббатъ требовалъ оброка даже съ тѣхъ, на которыхъ не имѣлъ никакихъ правъ. Бенцъ Функъ изъ Гинцбургскаго прихода выхлопоталъ изъ Рима позволеніе своей женѣ, которая была лично свободна, не вступать въ его сословіе; кромѣ того онъ хотѣлъ продать городу или частному лицу иллербергское угодье. За это аббатъ посадилъ его въ башню въ Либентаннѣ. Въ тюрьмѣ онъ черезъ своихъ наемниковъ грозилъ ему, что изрубить его въ куски, если онъ не покорится его волѣ и не отдастъ ему и жену и угодье. Функъ, человѣкъ уже пожилой, отъ страха захворалъ; тогда аббатъ перевелъ его изъ башни въ комнату. Арестантъ, рѣшившись бѣжать, связалъ свои простыни и платки и по нимъ спустился изъ замка, но такъ неудачно, что полгода спустя умеръ отъ послѣдствій своего паденія. На другой день послѣ его побѣга аббатъ силою овладѣлъ илленбергскимъ угодьемъ, занялъ его на счетъ Функа своими людьми, заперъ вольную хозяйку дома въ тюрьму и принудилъ ея пойманнаго больнаго мужа дать подписку, что она вступить въ его сословіе, и что онъ не продастъ своего имѣнія никому, кромѣ аббатства, по цѣнѣ, которая будетъ назначена четырьмя оцѣнщиками. Но аббатъ не

*) Изъ актовъ штутгартскаго государственнаго архива.

исполнилъ даже этого договора и по смерти Функа затянулъ дѣло и ввелъ наслѣдниковъ его въ большіе убытки.

Въ Боденвальцѣ вольный мельникъ жилъ спокойно на своей мельницѣ. Аббатъ потребовалъ съ него оброка; мельникъ, разумѣется, отказался платить то, чего вовсе не былъ обязанъ платить. Тогда духовный владыка пригрозилъ сжечь мельницу если онъ будетъ упрямымъ, и угнетенный, беззащитный мельникъ былъ принужденъ заплатить. Аббатъ собиралъ совершенно произвольно военные налоги, взимавшіеся подъ названіемъ подорожныхъ пошлинъ, и считалъ справедливымъ все, что могло увеличить права и владѣнія аббатства *).

Въ 1523 г. чума свела въ могилу и этого мелкаго тирана. Его преемникъ, Себастьянъ фонъ Брейтенштейнъ, воспитанный въ правилахъ монастырской политики, пошелъ по его слѣдамъ, хотя неудовольствіе усиливалось и расположеніе умовъ въ крестьянахъ принимало грозный характеръ. Въмѣсто того, чтобы выполнять договоръ 1492 г. и оставлять своихъ подданныхъ въ покоѣ, при всѣхъ правахъ ихъ, аббатство безсчастнымъ насилиемъ уничтожило многія вольности и права, присвоенныя вольнымъ оброчникамъ.

Въ актахъ того времени сохранилось до четырехъ сотъ подобныхъ случаевъ. Недовольствуясь всѣмъ этимъ, новый аббатъ еще болѣе увеличилъ налоги и совершалъ такіа несправедливости и притѣсненія, какъ будто намѣревался въ три мѣсяца сдѣлать больше зла, чѣмъ всѣ предшественники его вмѣстѣ.

Поземельный налогъ, взимавшійся какъ ленная дань, былъ увеличенъ имъ съ 800 фунт. геллеровъ до 1,266 ф. пфенниговъ; кромѣ того онъ наложилъ военный налогъ; такимъ образомъ, крестьянину, который прежде платилъ пять шиллинговъ, приходилось теперь платить пять фунтовъ или пять гульденовъ, т. е. въ двадцать разъ больше прежняго. Дворы, никогда не бывшіе ленами, обращались въ лены; владѣльцы имѣній, ко-

*) Гаггенмюллеръ. Исторія Кемптепа по актамъ аббатства, городскимъ и земскимъ въ мюнхенскомъ архивѣ.

торые никогда не подлежали платежу десятины, были вынуждаемы платить, и у них отбирались старинныя грамоты, которыми доказывалось ихъ право на неплатежъ десятины. Арендаторы монастырскихъ имѣній должны были представлять аббатству залогъ (реверсъ) въ обезпеченіе того, что, подѣ страхомъ потери имѣнія и всего достоянія, будутъ вѣрны и покорны аббатству и не перейдутъ въ зависимость къ другому владѣтелю. Съ оброчныхъ крестьянъ брали 3% дохода подѣ именемъ добавочной платы; принимая аренду, они давали обѣщаніе подчиняться уголовной и гражданской судебной власти аббатства, нести налагаемые на нихъ наказанія, служить ему, платить налоги, путевыя пошлины, натуральныя повинности, оброки, подушныя, деньги за пользованіе лугами. Аббатъ весьма оригинально расплачивался съ монастырскими кредиторами изъ крестьянъ. Когда они требовали платежа, аббатъ обѣщалъ уплатить долгъ съ тѣмъ, чтобы они приписались къ аббатству. Иногда крайность ихъ была такова, что они рѣшались и на это, въ надеждѣ получить свои деньги; тогда обязательство, принятое ими, отдавалось на храненіе въ архивы аббатства, а денегъ они все таки не получали; аббатъ и не помышлялъ объ отдачѣ имъ долга, и они оказывались обманутыми вдвойнѣ.

Возстававшихъ на такое надувательство укрощали тюрьмой и кандалами, отлучали отъ церкви и не давали причастія, пока онъ не произносилъ клятву, что не будетъ никому жаловаться и не станетъ искать защиты ни у императора, ни въ другихъ судахъ.

Аббатство поступало такъ, находя свой образъ дѣйствія совершенно справедливымъ и правильнымъ; оно считало себя вправѣ такъ дѣйствовать, потому что порядокъ этотъ существовалъ уже болѣе тридцати лѣтъ; притомъ земство начинало было противъ него тяжбу, но не продолжало ее; слѣдовательно, такой порядокъ вещей могъ считаться вполне законнымъ «за давностью лѣтъ» *).

*) По Гаггенмюллеру и нѣкоторымъ актамъ, описаннымъ съ рукопи-

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ несправедливостей князю грозило возстаніе. Онъ думалъ избѣжать взрыва тѣмъ, что, вопреки обычаю, пригласилъ къ присягѣ не все земство вмѣстѣ, а каждый округъ особо, въ особый день. Онъ говорилъ, что отъ общаго собранія больше безпорядковъ, чѣмъ путнаго.

Ему удалось отчасти получить присягу безъ сопротивленія, но нѣкоторые передъ присягою просили объ отмѣнѣ тѣхъ податей, которыми были несправедливо обременены они сами и предшественники ихъ.

Кромѣ податей, которыми обложены всѣ общины, нѣкоторые жаловались на исключительныя притѣсненія: у однихъ аббатъ отнялъ право на пользованіе сѣнокосами и лѣсомъ, и силою отобралъ грамоты, утверждавшія за ними это право; у другихъ обратилъ арендные проценты въ постоянную подать. Въ Кюмрацгофенѣ, гдѣ жители противились незаконнымъ притязаніямъ фогта, слуги его съ натянутыми луками принуждали мужчинъ и женщинъ исполнять эти требованія; многимъ общинамъ навязали монастырскихъ хлѣбниковъ; въ мѣстечкѣ Обергюнцбургѣ аббатъ присвоилъ себѣ право суда, силою отнялъ у ратуши льготныя грамоты и собраніе ремесленныхъ уставовъ, изданныхъ съ незапамятныхъ временъ императорами и королями; имѣнія, пріобрѣтенныя покупкою, обратилъ въ лены; наконецъ, такъ увеличилъ повсюду ленную плату, что большая часть крестьянъ отказывалась брать имѣнія аббатства въ ленное владѣніе.

Князь, поднявъ руку, поклялся своимъ саномъ и честью освободить народъ отъ всѣхъ незаконныхъ повинностей, и сказалъ, что если къ Срѣтенію 1524 г. не исполнить этого, то крестьяне могутъ считать себя развязанными отъ присяги и клятвы.

Тогда всѣ подданные аббатства присягнули.

сѣй кемптенскаго архива прел. Шмидтомъ; они находятся теперь въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ.

Какъ будто смѣясь надъ людьми и надъ своею клятвою, князь въ томъ же году, не отмѣнивъ ни одного прежняго налога, учредилъ новую тяжкую повинность; онъ потребовалъ еще 3% со всего имущества, съ котораго аббатству платилась подать. Первые, которыхъ коснулся этотъ налогъ, отказались платить. Князь расположилъ въ свою пользу императора, который рѣшилъ, что подданные должны взять на себя и этотъ налогъ.

Чтобы полюбовно покончить съ княземъ этотъ споръ, угнетенные рѣшились вступить въ переговоры, которые велись въ продолженіе 13 засѣданій сейма и стоили имъ 4000 гульденовъ, но кончились ничѣмъ. Высокій князь-аббатъ смѣлся надъ терпѣніемъ и довѣрчивостью своихъ подданныхъ, которые надѣялись найти защиту отъ притѣсненій господина въ судѣ, гдѣ судьями были все знатные господа. Когда эти добрые люди думали, что ихъ дѣло на сеймѣ приходитъ къ концу, и князь приметъ предложенное приглашеніе, онъ объявилъ имъ: «Я хочу, чтобы все оставалось такъ, какъ было до меня; если вы не будете повиноваться, то я пошлю на васъ Георга фонъ-Фрейндсберга;» послѣ этихъ словъ онъ вскочилъ на лошадь и ускакалъ. Вслѣдъ за тѣмъ (въ 1524) онъ наложилъ новую путевую пошлину. Жестокое наказаніе постигало всякаго, кто облегчалъ свою душу смѣлымъ словомъ о поступкахъ мелкаго деспота. Всемиловѣйшій князь сажалъ несчастнаго въ тюрьму, мучилъ и продавалъ съ публичнаго торга его имущество.

Дѣло было во время сѣнокоса въ 1524 г. Монастырскіе крестьяне косили на лугахъ, а сынъ аббата, Пелагій, прогуливался между работниками. — «А вѣдь у аббата славный, красивый сыночекъ,» сказалъ одинъ крестьянинъ, посмотрѣвъ ему вслѣдъ. — Да, возразилъ одинъ семидесятилѣтній старикъ, видѣвшій лучшія времена, — былъ бы хорошъ, не будь сыномъ монаха». Узнавъ объ этихъ словахъ, аббатъ послалъ своихъ слугъ, которые стащили бѣднаго семидесятилѣтняго старика въ тюрьму. Онъ пробылъ въ тюрьмѣ 14 дней, и никому не пришло въ

голову обратиться въ судъ. Послѣ 14-дневнаго дурнаго обращенія его свели въ замокъ Волькенбергъ и продержали тамъ еще четыре недѣли. Онъ сдѣлался при смерти боленъ. Тогда наконецъ великодушный князь выпустилъ его, вытребовавъ однако предварительно 50 фунтовъ геллеровъ пени и обязательство, за подписью и печатью въ томъ, что подъ страхомъ заключенія и смерти, онъ не будетъ называть его сына монашескимъ сыномъ *).

Сколько такихъ продѣлокъ можно доказать актами со стороны многихъ, болѣе или менѣе значительныхъ, духовныхъ владѣтелей. Урсбергскій аббатъ, встрѣчая со стороны крестьянъ сопротивленіе своимъ неправымъ притязаніямъ, сажалъ ихъ въ тюрьму. Какъ-то разъ одному изъ нихъ удалось бѣжать: аббатъ велѣлъ своимъ наемникамъ схватить его сына. Отецъ съ другими крестьянами освободили его и бѣжали; тогда аббатъ завладѣлъ ихъ имѣніями за то, «что они осмѣлились поднять руку на монастырскихъ служителей.» Хорошо еще было, если ктонибудь изъ владѣльцевъ, къ заступничеству которыхъ прибѣгали несчастные крестьяне урсбергскаго аббата, соглашался просить его, чтобы онъ не наказывалъ ихъ слишкомъ жестоко. **) Но высшія духовныя лица въ это время были всѣ изъ дворянъ и поступали съ крестьянами совершенно также, какъ и свѣтское дворянство.

Въ 1494 г. одинъ мужичокъ поймалъ въ ручьѣ, принадлежавшемъ господину фонъ-Эппштейну, нѣсколько раковъ. Благородный владѣтель велѣлъ его схватить и послать во Франкфуртъ, прося совѣтъ дать ему палача, чтобы отрубить мужичку голову. Совѣтъ вольнаго города нашель, что «по закону нельзя рубить бѣдняку голову изъ-за какогонибудь рака». Но господинъ фонъ-Эппштейнъ досталъ себѣ гдѣ-то другого палача и заставилъ его казнить мужика ***).

*) Гаггенмюллеръ.

**) Акты изъ монтфортскаго архива въ собраніи прелата Шмидта.

***) Акты франкфуртскаго архива, Кирхнеръ. I, 507.

крестьяне мелких владѣтелей расплачивались жизнью за самый ничтожный проступокъ. И никому не приходило на умъ, что тамъ, гдѣ жизнь человѣка цѣнится до того дешево, что крестьянинъ можетъ лишиться ея за каждую бездѣлицу, онъ самъ разучается дорожить ею и не задумается поставить ее на карту, если это дастъ ему возможность вымѣстить свою злобу и надежду на побѣду и на лучшую участь въ будущемъ. Да, казалось, что задачею дворянъ было отнять всякую цѣну у жизни простолюдина. Крестьяне графовъ фонъ-Лупфена и фонъ-Фюрстенберга жаловались въ 1524 г., что кромѣ многихъ притѣсненій, которымъ они подвергаются, «они не только не имѣютъ ни праздника, ни отдыха, но принуждены въ праздничные дни и во время жатвы искать для графини раковинъ улитокъ, наматывать на нихъ пряжу, собирать землянику, терновыя ягодки и т. п. *). На господъ работаемъ въ хорошую погоду, а на себя въ дождь; охотники и собаки бѣгаютъ по полямъ, не думая о нашихъ убыткахъ **).

*) Шлоссеръ во Всемирной Исторіи (Т. XII, стр. 18) говоритъ: „Мы утомили бы читателя рассказомъ о всѣхъ мученіяхъ, которыя были придуманы, чтобы превратить мужика во вьючное животное. Мы упомянемъ только о постоянной жалобѣ крестьянъ на то, что ихъ заставляютъ собирать раковины, улитокъ и землянику. Жалоба на собираніе раковинъ для насъ не совсѣмъ ясна; что же касается до земляники, то собираніе ея не могло быть особенно тягостно, если сообразить, какое множество ея приносятъ ежедневно на рынокъ; вѣроятно помѣщики того времени истребляли ее въ непомѣрномъ количествѣ“.

Трудно понять, какъ могъ написать это Шлоссеръ, послѣ того какъ ему былъ знакомъ трудъ Циммермана. Приводя въ примѣръ жалобу крестьянъ на сборъ раковинъ и земляники и умалчивая о значеніи этого, какъ барщины въ праздничные дни, онъ какъ будто хочетъ подвергнуть сомнѣнію справедливость крестьянскихъ жалобъ. Какъ бы то ни было, но эти слова его могутъ быть правильно поняты только при помощи такого комментарія къ его „Всеобщей Исторіи“, какъ сочиненіе Циммермана. Иначе, они легко могутъ вести къ недоразумѣнію.

Прим. Ред.

**) Ансельмъ Берн. хроника VI, 298. Рукопись виллингенской хроники.

Благочестивымъ людямъ, которые видѣли положеніе несчастнаго народа при такомъ порядкѣ вещей и старались облегчать судьбу ближнихъ, удалось вставить нѣсколько свѣтлыхъ дней въ мрачную жизнь крестьянъ; церковнымъ уставомъ было положено, что по праздникамъ крѣпостные должны отдыхать и свободно располагать собою. Но Елена фонъ-Раппольштейнъ, графиня фонъ-Лупфенъ, столько же заботилась о заповѣдяхъ Божіихъ въ церкви, сколько и внѣ ея. Въ праздникъ, день отдыха отъ трудовъ и заботъ, она заставляла подданныхъ своихъ работать въ ея пользу; крестьянинъ не долженъ былъ и въ прекрасный лѣтній праздникъ забывать, что носить цѣпи рабства и что осужденъ на вѣчную каторгу. Мужъ ея славился своею ненавистью къ крестьянамъ, а графъ Фридрихъ фонъ-Фюрстенбергъ, котораго не должно смѣшивать съ его братомъ, Вильгельмомъ, былъ съ крестьянами въ такихъ отношеніяхъ, что, когда онъ былъ раненъ въ сраженіи, крестьяне говорили: «если нашъ господинъ, по милости Божіей, умретъ, то намъ съ горя придется надѣть красныя шапки *).

Дворянство города Ульма, никогда не отличавшееся кротостью, просило общее собраніе швабскаго союза «всеподданнѣйше и всеусерднѣйше: обратить милостивое вниманіе на тѣ случаи, извѣстные государственнымъ чинамъ, когда бѣдныхъ людей деспотически обременяютъ непосильными налогами и посодѣйствовать, чтобы впредь съ ними поступали по справедливости» **).

*) Ансельмъ а. а. О.

**) Протоколы ульмскаго совѣта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ганс Мюллер и евангельское братство.

Народъ толковалъ: «Откуда дьяволъ нанесъ столько повинностей, десятинъ и налоговъ?» *), и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже началось сопротивленіе насиліямъ. Еще въ 1515 году одно село въ епископствѣ аугсбургскомъ оказало такое непослушаніе, что о немъ дѣлались донесенія швабскому союзу **). Союзъ былъ самъ того мнѣнія, что непомѣрные налоги и подати, которыми члены союза были принуждены облагать своихъ подданныхъ, возбуждали ихъ неудовольствіе. Послѣ усмиренія форхгеймскаго возстанія безпокойства въ бамбергской области не прекратились. 4 августа 1524 г. епископъ обѣщаль 50 флор. за поимку каждаго крестьянина, уличеннаго въ поджогъ, потому что ночью сгорѣло множество овиновъ, гдѣ хранился десятинный сборъ. Въ окрестностяхъ Нюрнберга десятина была сожжена еще на полѣ у свѣтскихъ и у духовныхъ владѣтелей; тоже произошло и въ окрестностяхъ Бамберга. Извѣстно было, что это сдѣлали крестьяне, но виновныхъ не нашли, не смотря на тщательные розыски. Епископу бамбергскому и нюрнбергскому совѣту доносили, «что какіе-то таинственные и неизвѣстные люди» бродятъ по монастырскимъ владѣніямъ и волнуютъ народъ, уговаривая его не платить десятину. Всѣмъ чиновникамъ былъ отданъ приказъ, изловить эти «чужія и неизвѣстныя личности.» Но они увернулись отъ преслѣдованій. Въ епископствѣ трирскомъ и въ Фальцѣ, въ окрестностяхъ Гейдельберга, крестьяне отказались платить десятину еще въ іюлѣ 1524. ***) Еще до этого вспых-

*) Себ. Франкъ.

**) Акты швабскаго союза въ штутгартскомъ архивѣ.

***) Манифесты епископа бамбергскаго 5 и 14 августа 1524 г. Письмо Ганса фонъ-деръ Планица курфюрсту саксонскому отъ 26 іюля 1524 г. Фёрстеманъ. «Новое собраніе актовъ.» I, 209.

нуло болѣе сильное возстаніе въ верхней Швабіи и одновременно съ нимъ на Дунаѣ. Въ 1523 г. насилія были совершены крестьянами въ монастыряхъ Эльхингенѣ и Шуссенридѣ. *) Въ началѣ апрѣля 1524 крестьяне аббата мархтальскаго отказались платить ему подати. **) Въ маѣ подданные аббатства Ст. Блазія объявили своему господину, аббату Іоганну, что отмѣняютъ всѣ крѣпостныя повинности и хотятъ быть свободными, какъ жители другихъ мѣстностей ***). Въ іюнѣ меммингенскій бургомистръ Лудвигъ Конрадтеръ, объявилъ на городскомъ сеймѣ въ Ульмѣ, что меммингенскому госпиталю принадлежитъ право церковнаго суда, сбора десятины и правительственная власть въ мѣстечкѣ Штейнгеймѣ, но что крестьяне не хотятъ платить десятину, какова бы она ни была. Притомъ городскія власти опасаются, что безпокойные монахи тамошняго августинскаго монастыря не сегодня, такъ завтра разбѣгутся изъ монастыря, похитивъ сосуды, драгоценныя вещи и другую церковную утварь. Монахини также «смущены и взволнованы»; недавно одна монахиня вышла замужъ за картезіанскаго монаха изъ Буксгейма; женскимъ монастырямъ также, слѣдовательно, грозитъ грабежъ, а потому совѣтъ просить города помочь ему совѣтомъ. Города отвѣчали: совѣтъ долженъ сначала попробовать дѣйствовать на крестьянъ кроткими мѣрами, а если это не поможетъ, то прибѣгнуть къ силѣ; если же ему невозможно справиться одному, то пусть обратится за помощью къ союзу. Церковную утварь должно тщательно беречь. Если монахи и монахини разбѣгутся, то бѣда еще невелика. ****)

Такимъ образомъ въ первой половинѣ 1524 г. во многихъ мѣстахъ верхней Швабіи показывались уже искорки; въ августѣ

*) Акты вейнгартенскаго архива. Тамъ же.

**) Рѣшеніе швабскаго союза отъ 10 апрѣля.

***) Изъ верхнерейнскаго провинціального архива «Taschenbuch» г. Шрейбера.

****) Флумерш. Annal. Viberac. Рукопись.

вспыхнуло уже пламя въ ландграфствѣ Штюлингенѣ, а вскорѣ разгорѣлся цѣлый пожаръ.

Въ древней альпской области, тамъ, гдѣ Шварцвальдъ склоняется на юговостокъ къ верхней рейнской долиנѣ, находилось ландграфство Штюлингенъ; выше Штюлингена лежало австрійское графство Гауенштейнъ, а ниже ландграфство Фюрстенбергъ съ источниками Дуная, въ Баарскомъ округѣ, который обнималъ собою весь южный склонъ Шварцвальда. Далѣе, на востокъ, между Рейномъ, Дунаемъ и нижнею частью Констанскаго озера простирался Гегау, а еще восточнѣе къ нему примыкалъ Линцгау, граничащій на востокъ Гегау, на сѣверѣ Федерскимъ озеромъ, на югѣ Констанскимъ, а на западѣ рѣчкою Шуссеномъ; границы Линцгау и Рейнгау сливались. Рейнгау называлась долина по обѣ стороны Рейна. Плоская возвышенность, носившая названіе большаго Альгау, замыкала рядъ этихъ прекрасныхъ странъ и непосредственно примыкала къ Альпамъ.

Въ этихъ-то мѣстностяхъ, находившихся въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ свободными крестьянами Швейцаріи и Тироля, дѣйствовали нѣкогда Юссъ Фрицъ и таинственный Вельтлинъ: здѣсь вспыхнуло теперь возстаніе и отсюда оно распространилось. Возстаніе началось въ Штюлингенѣ. Ландграфомъ штюлингенскимъ былъ Сигизмундъ II, владѣтель лупфенскій, именовавшійся по своему родовому замку графомъ фонъ-Гогенлупфенъ-ин-дер-Бааръ. Онъ былъ женатъ на Еленѣ фонъ-Раппольштейнъ. Сборъ улитковыхъ раковинъ и земляники въ праздничные и рабочіе дни былъ не главною причиною возстанія, а только поводомъ къ нему.

Нерѣдко великіе государственные перевороты и войны возбуждаются событіями, сами по себѣ неважными; часто бездѣлица производитъ самыя неожиданныя послѣдствія.

Графиня истоцила наконецъ терпѣніе штюлингенскихъ жителей, кажется, въ день Іоанна Крестителя *). Глухой ропотъ

*) „Аппо 1524 г., около Иванова дня — во время жатвы.“ Рукопись виллингенской хроники

неудовольствія перешелъ въ мятежъ. Штюлингенъ, Бондорфъ, Эватингенъ, Бетмарингенъ и другія крестьянскія общины, одна за другою, отказались нести барщину, платить подушную, соблюдать вассальныя обязанности и уважать дворянскія права; въ нѣсколько дней собралось до 600 недовольныхъ. Они нашли предводителя въ лицѣ Ганса Мюллера, родомъ изъ Бульгенбаха, деревушки, лежащей близъ Штюлингена и принадлежавшей аббатству Ст. Блазію. Гансъ Мюллеръ былъ солдатъ, онъ участвовалъ въ походахъ противъ французскаго короля Франциска I и хорошо зналъ военное дѣло. Внѣшнія достоинства, природное краснорѣчіе, хитрость и опытность дѣлали его способнымъ руководить партіей и предводительствовать крестьянами.

Они сдѣлали трехцвѣтное знамя, черное, красное и желтое, какъ имперское *). Въ Варооломеевъ день, 24 августа, Мюллеръ двинулся къ Вальдсгуту во главѣ 1,200 крестьянъ, будто бы на церковный праздникъ, приходившійся въ этотъ день. Къ прежнимъ шести сотнямъ инсургентовъ присоединились крестьяне графа фонъ-Зульца, барона Давида фонъ-Ландека и аббатства Ст. Блазія.

Вальдсгутъ, одинъ изъ четырехъ, такъ называемыхъ австрійскихъ лѣсныхъ городовъ, къ числу которыхъ, кромѣ него, принадлежали Лауфенбургъ, Зекингенъ и Рейнфельденъ, лежитъ на верховьяхъ Рейна, близъ Швейцаріи. Въ это время онъ вооружался противъ Австріи за своего проповѣдника Губмайера.

Здѣсь крестьяне соединились съ горожанами, собрались на совѣщаніе объ общихъ дѣлахъ и заключили союзъ, который называли евангельскимъ братствомъ. Каждый, желавшій вступить въ него, долженъ былъ вносить въ союзную кассу по бацену въ недѣлю, на плату тайнымъ гонцамъ, которыхъ предполагалось разослать по всей Германіи съ письмами для привлеченія въ союзъ всѣхъ крестьянъ. Были посланы гонцы

*) По рукописной ст. блазіенской хроники оно было желтое; по виллингенской же бѣлое.

въ Геггау, Брейсгау, Зунтгау, въ Швабію, Франконію и Тюрингію, въ Эльзасъ, на Рейнъ и на Мозель. Евангельское братство писало имъ, что не хочетъ болѣе повиноваться своимъ господамъ и никому, кромѣ императора, что согласно платить подати только ему, но за это онъ не долженъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла и препятствовать раззоренію замковъ, монастырей и всего, на чемъ печать духовенства *).

Безъ сомнѣнія, какъ доказываютъ позднѣйшія письма главнаго крестьянскаго вождя, Ганса Мюллера, планъ братства былъ выраженъ нѣсколько иначе въ посланіяхъ, отправленныхъ во всѣ страны; но мы слѣдуемъ краткому и ясному разсказу враждебной крестьянамъ виллингенской лѣтописи. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ Вальдсгутѣ и въ евангельскомъ братствѣ были люди способные мыслить и пытаться соединить къ одной цѣли забитыхъ безчисленными господами крестьянъ для возстановленія древнихъ вольностей и для ниспроверженія настоящаго порядка вещей. Съ этою цѣлью они могли основать по всей Германіи общества, вооружить ихъ и поддерживать съ ними постоянныя сношенія письмами и гонцами.

Не дѣйствовали ли въ крестьянахъ духъ Гуттена, который посѣщалъ не задолго до смерти эти страны и замышлялъ тоже, что и они? Не былъ ли его прямымъ послѣдователемъ этотъ таинственный Карстгансъ, который, по донесенію Фрейбурга, расхаживалъ въ этомъ году въ тѣхъ мѣстахъ и призывалъ шварцвальдскихъ крестьянъ къ Башмаку? И не приходилъ ли сюда изъ Ландштуля самъ Ульрихъ, подъ именемъ Карстганса, которое онъ такъ часто поминалъ въ своихъ послѣднихъ народныхъ статьяхъ?

*) Виллинг. хрон.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Губмайеръ и Вальдсгутъ.

Губмайеръ, уроженецъ баварскаго городка Фридберга близъ Аугсбурга, имѣлъ успѣхъ, какъ проповѣдникъ, еще до появленія Лютера. Воспитанный въ высшей фрейбургской школѣ въ Брейсгау, искусный діалектикъ и потому охотникъ до богословскихъ преній, «высокоученный Бальтазаръ» читалъ лекціи на богословскомъ факультетѣ, сначала въ Фрейбургѣ, а потомъ въ Ингольштатѣ, и получилъ степень доктора богословія и званіе проректора. Послѣ того онъ былъ сдѣланъ священникомъ соборной церкви въ Регенсбургѣ и уже въ началѣ 1516 г. заслужилъ своими проповѣдями общее вниманіе и уваженіе. Помимо своей воли, онъ первый способствовалъ устройству здѣсь капеллы Богородицы и съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что экзальтированные поклонники Мадонны начали впадать въ корчи и пляску св. Витта. До Лютера онъ слѣдовалъ господствовавшему духовному направленію и проходилъ мимо многого, не останавливаясь; за то тѣмъ сильнѣе увлекся онъ Лютеромъ. Онъ чувствовалъ, что религіозный духъ Регенсбурга не по немъ, и перешелъ пасторомъ въ Вальдсгутъ въ Шварцвальдѣ. Здѣсь, среди истинныхъ потомковъ древнихъ аллемановъ, простыхъ, предприимчивыхъ, умныхъ и любящихъ свободу жителей лѣсовъ, и въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Швейцаріею, онъ нашелъ себѣ кругъ дѣятельности, правда, не обширный, но свободный; ему было здѣсь привольно, и онъ могъ многое преобразовать по своему желанію. Онъ вступилъ въ сношенія и дружбу съ швейцарскимъ реформаторомъ Цвингли, а самъ дѣйствовалъ въ качествѣ перваго реформатора Шварцвальда. Жители Вальсгута съ увлеченіемъ послѣдовали за нимъ; духовенство въ городѣ и окрестностяхъ также приняло его сторону. Австрійское правительство въ Энзисгеймѣ потребовало

выдачи доктора Балтазара, но горожане отказали. Правительство видѣло въ его церковныхъ нововведеніяхъ содѣйствіе Баппаку, возстанію простонародья, которое волновалось какъ разъ въ то время, лѣтомъ 1524. г. «Отпустите меня, просилъ Гумбайеръ, дабы никто не пострадалъ за меня и дабы у васъ сохранился миръ и спокойствіе.» 17 августа, онъ по собственному желанію оставилъ городъ въ сопровожденіи всѣхъ жителей. Его встрѣтили вооруженные всадники изъ Шафгаузена; онъ пошелъ туда и нашелъ тамъ защиту и радушный пріемъ. Энзисгеймское правленіе послало людей «ловить доктора,» а когда онъ скрылся отъ нихъ, они требовали его выдачи, при чемъ позволили себѣ нарушить неприкосновенность священнаго убѣжища. Во время всей этой тревоги Гумбайеръ обнаруживалъ полное упованіе на правоту своего дѣла и на всепобѣждающее могущество истины. «Это не мое дѣло, писалъ онъ шафгаузенскому совѣту, а божіе. Не бойтесь, всемилостивѣйшіе господа, и я также не буду бояться, потому что божественная истина безсмертна и, хотя позволяетъ нѣкоторое время бичевать себя, вѣнчать терновымъ вѣнцомъ, распинать и класть въ гробъ, но въ концѣ концовъ воскреснетъ побѣдоносно въ третій день и будетъ вѣчно господствовать и торжествовать.» Онъ предлагалъ доказать передъ цѣлымъ свѣтомъ истину своего ученія. «Такъ какъ власти, говорилъ онъ, выставляютъ меня возмутителемъ народа, бунтовщикомъ и еретикомъ, то я долженъ быть готовъ дать всѣмъ отчетъ въ моемъ ученіи, вѣрованіяхъ и надеждахъ. Если я училъ истинѣ, то за что же преслѣдуютъ меня и ради меня другихъ? Я знаю, что въ теченіе двухъ лѣтъ не сказалъ въ своихъ проповѣдяхъ ни одного слова, которое не было основано на св. писаніи. Но я долженъ сознаться и объявляю себя виновнымъ въ томъ, что не высказывалъ прямо всего, что понималъ; я щадилъ слабыхъ, которыхъ былъ принужденъ питать молокомъ, вмѣсто болѣе питательной пищи. Быть можетъ, тюрьма, пытка, мечъ, огонь или вода принудятъ меня вѣровать и говорить иначе, чѣмъ теперь, когда меня озаряетъ бо-

жественное откровеніе; но я заранее протестую противъ этого и свидѣтельствую передъ Богомъ, моимъ небеснымъ отцомъ, и передъ всѣми людьми, что хочу страдать и умереть, подобно Христу, чтобы никто не сомнѣвался въ дѣлѣ, вѣренномъ мнѣ Богомъ. Да пошлетъ мнѣ Господь мужественный, безбоязненный духъ!»

Совѣтъ г. Шафгаузена гордился, что не выдалъ человека, отдавашагося подъ его защиту, даже тогда, когда восемь членовъ католическаго союза трижды грозно требовали его выдачи. Австрійское правленіе въ Энзисгеймѣ, по удаленіи мятежнаго священника, стало грозить преслѣдованіемъ самому городу Вальдсгуту.

Жестокое гоненіе, которому подвергались проповѣдники Евангелія въ юговосточной и югозападной Германіи, много способствовало усиленію волненія крестьянъ, начавшагося по политическимъ причинамъ; оно освятило и фанатизировало его. Правительства сами подливали масла въ потухавшее уже пламя политическаго мятежа; они разжигали возстаніе примѣрами религіознаго мученичества въ то самое время, когда идеи Мюнцера и перекрещенцовъ начали уже овладѣвать движеніемъ.

Правительства, защитники стараго порядка, соединились на преслѣдованіе проповѣди Евангелія, гдѣ бы она ни раздавалась. Въ архіепископствѣ майнцскомъ, въ Баваріи, въ Зальцбургѣ, во всѣхъ австрійскихъ земляхъ, въ Оберъ-ландѣ и въ Нидерландахъ, въ епископствѣ трирскомъ, въ Регенсбургѣ, Аугсбургѣ, Шпейерѣ, Страсбургѣ, Констанцѣ, Базелѣ, Фрейзингенѣ, Пассау и Бриксенѣ, преслѣдовали проповѣдниковъ и послѣдователей Евангелія; въ Вѣнѣ, Прагѣ и Офенѣ, Мецѣ, Антверпенѣ, въ княжествѣ Дитмарсенскомъ, въ Оденвальдѣ, Шварцвальдѣ, въ Вогезахъ и Зальцбургскихъ горахъ ихъ ловили, мучили, казнили и сжигали живыми. Многіе были изгнаны изъ отечества. Особенно жестоко дѣйствовали австрійскія правительства Инспрукское, Штутгартское и Энзис-

геймское. Въ городкѣ Энгенѣ былъ учрежденъ инквизиціонный комитетъ.

Городокъ Кинцингенъ первый испыталъ тяжесть австрійскаго правленія. Проповѣдникъ этого города, Якобъ Оттеръ, былъ принужденъ бѣжать. Полтораста человекъ его прихода проводили его до границы и пробыли съ нимъ нѣсколько дней. Когда они хотѣли вернуться къ своимъ женамъ и дѣтямъ, дорога была преграждена имъ, и они не могли попасть въ городъ; тогда они сѣли на корабль и отправились въ Страсбургъ. Кинцингенъ былъ окруженъ войскомъ изъ Фрейбурга и Энзисгейма, взяты, и многіе жители захвачены по подозрѣнію въ ереси. Подъ топоромъ уголовного судьи пала голова городского секретаря за то, что онъ причащался подъ двумя видами; кромѣ того было казнено еще пятнадцать человекъ. Инквизиціонный судъ думалъ изгнать такимъ образомъ изъ этимъ мѣстностей духъ новаго религіознаго ученія. Вальдсгутъ стоялъ послѣ Кинцингена на очереди.

Совѣтъ этого города послалъ посольство въ Энгенъ къ дворянамъ. Послы должны были сказать, что ради сохраненія мира городъ удалилъ проповѣдника, готовъ по прежнему жертвовать кровью, жизнью и достояніемъ для свѣтлѣйшаго австрійскаго дома и просить всемилостивѣйшихъ господъ членовъ правленія исходатайствовать ему прощеніе его княжеской свѣтлости. Членъ совѣта, Іоганнъ Якобъ Боллингеръ, былъ ораторомъ посольства. Ища аудіенціи, онъ встрѣтилъ прежде всего графа Рудольфа фонъ-Зульца. «Боллингеръ, ты здѣсь?» спросилъ графъ посланника. — Да, милостивый государь, смиренно отвѣчалъ тотъ. «Боллингеръ, Боллингеръ! вскричалъ графъ; тебѣ и дѣтямъ твоимъ не повредило бы, если бы ты остался вѣренъ государю. Клянусь св. Вельтеномъ, я не понимаю, какъ могъ ты допустить еретика ослѣпить тебя и увлечь въ свою ересь». — Я не еретикъ, отвѣчалъ Боллингеръ. «Во что же ты вѣруешь?» — Я вѣрую въ Бога, милостивый государь. — Въ чорта вѣруешь ты, перебилъ его графъ. Если бы ты остался покорнымъ князю, какъ всѣ честные люди, то дѣло до этого не дошло бы; мы вѣдь

знаемъ тебя и тебѣ подобныхъ; всѣ вы у насъ на замѣчаніи. Чортъ подери, тебѣ первому слѣдуетъ отрубить голову, потомъ Юнггансу, а затѣмъ Брозі. Зачѣмъ, мейстеръ Гансъ, съ тобой не прислали Юнгганса и Брозі. Унеси меня нелегкая, если мы не казнимъ и женщинъ, когда до нихъ доберемся; мы вырвемъ дурную траву съ корнемъ. Мы отдуемъ васъ по ушамъ вашимъ же евангеліемъ, такъ что вы схватите себя за голову и будете служить примѣромъ всѣмъ приверженцамъ лютеровой секты. Такихъ злодѣевъ, какъ вы, надо гнать долой со свѣта. Ты клятвопреступникъ передъ государемъ, ты и тебѣ подобные: вы не исполнили его предписаній.» — Я не преступникъ, милостивый государь, отвѣчалъ мейстеръ Гансъ; если я виноватъ, то разсудите меня; на то у васъ и мечъ. «Ахъ, дьяволъ, возопилъ графъ, какъ же ты не преступникъ; постой-ка, вотъ я сейчасъ пойду къ государю и скажу ему обо всемъ.»

Въ той же залѣ присутствовали посланники трехъ другихъ лѣсныхъ городовъ, Лауфенбурга, Зекингена и Рейнфельдена. Ихъ потребовали въ собраніе, а посланныхъ отъ Вальдсгута заставили дожидаться. «Боллингеръ, сказалъ зекингенскій старшина, выходя изъ присутствія, наши господа немилостивы; подумай о женѣ и дѣтяхъ. Совѣтую тебѣ, какъ прійдешь къ правителямъ, броситься на колѣни и просить ихъ именемъ Бога простить тебѣ и забыть твою вину; скажи, что ты заблуждался и былъ увлеченъ.» — Какъ, господинъ старшина? возрозилъ Боллингеръ; не дай мнѣ Боже поступить такимъ образомъ; я скорѣе дамъ отрубить себѣ голову. Моя вѣра истинна; какъ же можно отречься отъ своей вѣры. Меня никто не вводилъ въ заблужденіе. Я не брошусь на колѣни; только передъ Богомъ падаютъ ницъ.

Правители выслушали извиненія жителей Вальдсгута. «Я не буду ни преслѣдовать васъ, ни хлопотать за васъ, сказалъ намѣстникъ Гансъ Иммеръ фонъ-Гильенбергъ; васъ накажутъ; другого исхода не ждите», Посланные пожелали обратиться къ суду имперскихъ городовъ. — Мы требуемъ своихъ правъ, кри-

чали Боллингеръ и его товарищи,—правъ, правъ своихъ, господа! «Что? отвѣчали правители; право — государь. — Какое дѣло государямъ до имперскихъ городовъ?»—Вамъ покажутъ ваши права огнемъ и мечомъ! кричалъ графъ Рудольфъ фонъ-Зульцъ.

Жители Вальдсгута, полагаясь на божію помощь, рѣшились готовится къ оборонѣ. Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха былъ на готовѣ съ своими крестьянами изъ лѣсныхъ округовъ; 1,200 крестьянъ вступили въ Вальдсгутъ съ трехцвѣтнымъ, чернымъ—краснымъ—оранжевымъ, знаменемъ; тайный союзъ евангелическаго братства былъ заключенъ, и религіозное возстаніе обращалось въ революціонное. Энзисгеймское правленіе не намѣревалось откладывать далѣе наказанія «плутовъ и еретическихъ поповъ, смущающихъ народъ», въ числѣ которыхъ особенно отличался вальдсгутскій докторъ Бальтазаръ. Послано было многочисленное войско съ пушками для наказанія вальдсгутцевъ. Но они говорили, что вѣра живетъ въ сердцѣ, и ее не выгонишь оттуда, ни пыткой, ни цѣпями. Цюрихъ и Шафгаузенъ ходатайствовали за сосѣдей. Официально Цюрихъ не могъ помогать угнетеннымъ, потому что былъ связанъ договоромъ съ австрійскимъ домомъ; но тѣмъ не менѣе, частнымъ образомъ, 300 храбрыхъ цюрихцевъ, вооружившись на собственный счетъ, пошли на помощь вальдсгутскимъ братьямъ. «Не изъ-за денегъ пошли мы, писалъ цюрихскому совѣту одинъ изъ этихъ ополченцевъ, Рудольфъ Коллинъ; не изъ личной выгоды, а для защиты слова Божія. Духъ Божій призвалъ насъ къ оружію; между нами нѣтъ мятежниковъ; нами предводитъ Иисусъ Христосъ.»

Къ большой радости гражданъ, Губмайеръ вернулся въ это время въ Вальдсгутъ. «Его встрѣтили съ барабаннымъ боемъ и трубными звуками и съ такимъ торжествомъ, какъ будто это самъ императоръ *).» На базарѣ ему задали большой

*) Письмо виллингенскаго городского секретаря штутгартскому правительству. Въ штутгартскомъ госуд. архивѣ. См. прекрасную статью

обѣдъ. Въ тоже время въ этихъ мѣстахъ явился Томасъ Мюнцеръ съ нѣсколькими приверженцами.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Перекрещенцы.

Такъ какъ въ послѣднее время накопилось много такого, что могло воспламенить и безъ того легко увлекающихся обитателей лѣсовъ, то, казалось, что столь искусный и краснорѣчивый ораторъ, какъ Томасъ Мюнцеръ, съ толпою своихъ послѣдователей въ поярковыхъ шляпахъ и грубыхъ кафтанахъ, могъ легко еще болѣе усилить волненіе. Еще до встрѣчи съ Мюнцеромъ, Губмайеръ принялъ отъ послѣдователя его, Вильгельма Реблина изъ Роттенбурга на Неккарѣ, ученіе о наступленіи царства божія. Реблинъ окрестилъ его, и потомъ Губмайеръ самъ перекрестилъ около 100 человѣкъ.

Цвикаускіе фанатики, толковавшіе библію иначе, чѣмъ Лютеръ, но пользовавшіеся его ученіемъ о свободѣ вѣры и проповѣди, были очень распространены подъ именемъ крестителей. Они называли себя крестителями потому, что отвергали крещеніе дѣтей, такъ какъ о немъ не говорится въ библіи, и крестили только взрослыхъ, уже знакомыхъ съ религіею. Противники называли ихъ перекрещенцами. Католическіе писатели еще недавно хвалили этихъ сепаратистовъ новаго евангеличе-

„Бальт. Губмайеръ“ въ Taschenbuch Шрейбера, составленную по швейцарскимъ и оберландскимъ архивнымъ источникамъ.

скаго ученія «за ихъ честное рвеніе и вѣрность своимъ убѣжденіямъ.» *) Но, какъ часто бываетъ, что второстепенное дѣлается главнымъ, такъ и они дошли до того, что объявили вторичное крещеніе необходимымъ условіемъ, существеннымъ основаніемъ христіанства.

Эта секта быстро прошла всѣ ступени фанатизма. Въ Мюнстерѣ безуміе имѣло другой характеръ; мечтатели, явившіеся послѣ крестьянской войны, вѣровали и дѣйствовали иначе, чѣмъ перекрещенцы, жившіе до нея.

Въ первые три года существованія этой секты даже враги ея должны были соглашаться, что перекрещенцы ведутъ прекрасную нравственную жизнь. «Я желалъ бы, говоритъ Вицель, чтобы всѣ, называющіе себя христіанами, жили, подобно имъ **).» Они старались вести безупречную жизнь, были умеренны въ пищѣ и питъѣ, просты въ одеждѣ, дружны между собою, кротки въ разговорахъ, но въ спорахъ горячи до крайности, потому что предпочитали умереть, чѣмъ отступить отъ своего ученія ***). Они удаляли всѣхъ недостойныхъ изъ своего братскаго кружка, учили серьезно вѣрить, любить и терпѣть мученія и даже смерть ****). Они были неутомимы въ проповѣданіи и распространеніи своего ученія о новомъ царствѣ господнемъ. Они узнавали другъ друга по условнымъ словамъ при встрѣчѣ; одинъ говорилъ: «миръ съ тобой»; а другой отвѣчалъ: «аминь, и съ тобой также.» Если не было возможности проповѣдывать открыто, они собирались по ночамъ въ уединенныхъ домахъ или долинахъ; въ собранія эти часто являлись посланные отъ иноземныхъ братствъ; они по ночамъ переправлялись черезъ рѣки и горы, путешествовали вообще только ночью и ночью же возвраща-

*) Деллингеръ: Реформація. Ярке: Лекціи и Очерки.

**) Epist. s. 146.

***) Historia reformationis Sangallensis.

****) Ансельмъ VI, 268.

лись домой *). Вскорѣ изъ устъ ихъ, отъ Тюрингервальда до долинъ швейцарскихъ и тирольскихъ Альпъ, раздалось ученіе Мюнцера, что близко время, когда міръ обновится и безбожники сотрутся мечомъ съ лица земли **). «Они проповѣдывали всюду на тѣ тексты ветхаго и новаго завѣтовъ, гдѣ говорится о мечѣ, бронѣ, войнахъ и убійствахъ; вообще они стремятся къ убійственнымъ войнамъ, грабежу, рѣзнѣ и мятежу, хотятъ быть благочестивыми убійцами и одни владѣть міромъ.» Такъ описываетъ нюрнбергскій совѣтъ «этихъ не-терпѣливыхъ, отважныхъ людей, у которыхъ умъ заходитъ за разумъ» ***).

Перекрещенцы эти были заодно съ Мюнцеромъ и дѣйствовали въ его духѣ. Но надо замѣтить, что секта перекрещенцевъ, отличавшаяся при возникновеніи своимъ чисто религіознымъ направленіемъ, вскорѣ распалась на множество толковъ; вторичное крещеніе считалось необходимымъ и выражало собою вступленіе въ тайный религіозно-политическій союзъ, съ цѣлью насильственнаго переворота, не всѣми перекрещенцами, а лишь частью ихъ. Такъ вальдсгутскій перекрещенецъ, Якобъ Гроссъ, бывший впослѣдствіи предводителемъ перекрещенскихъ общинъ Страсбурга и Аугсбурга, былъ изгнанъ изъ Вальдсгута за то, что утверждалъ, что никто не имѣетъ права убивать челоѣка или подстрекать къ убійству, и на этомъ основаніи не хотѣлъ идти съ прочими жителями Вальдсгута на помощь возставшимъ крестьянамъ ****).

Но всѣ перекрещенцы безъ различія держались того убѣжденія, что каждый вѣрующій можетъ вѣровать и поступать такъ, какъ учитъ его «духъ»; всѣ они были убѣждены, что слышатъ голосъ «Небеснаго Отца.» Многіе имѣли «видѣнія.»

*) Ср. интересные извлеченія изъ актовъ у Гайлера, Рейтлингенъ, стр. 297 — 318.

**) Ансельмъ VI, 268.

***) Вилль, s. 266, 271, 317.

****) Рѣрикъ, Исторія Реформаціи въ Эльзасѣ, I, 331.

«На нихъ находила, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ передъ судомъ, страшная сила противъ ихъ воли»; конвульси сопровождались вывихами членовъ, и съ ними дѣлалась «точно падучая болѣзнь.» Такіе припадки дѣлались часто со многими вдругъ, и въ это время они начинали говорить и часто предсказывали удивительныя вещи *).

Такіе припадки стали общими у всѣхъ перекрещенцевъ уже послѣ крестьянской войны. Какъ ни усердно слушали они «внутренняго голоса», который «бесѣдовалъ съ ними», и «хотя передъ начатіемъ каждаго дѣла испрашивали совѣта у Бога», но, кажется, что «они совѣтовались также съ книжками Мюнцера и Карльштадта» **).

Имущества ихъ считались общимъ достояніемъ, и каждый нуждающійся могъ располагать имуществомъ своего достаточнаго брата. Однако это не порождало безпечности, каждый желалъ жить своимъ трудомъ, и они не терпѣли лѣнливыхъ и праздныхъ.

Эти «новые пророки», эти «мечтатели», эти «ясновидцы» ходили по всей Тюрингіи, бамбергской области Вюрцбургу, по Швабіи, по верхнему и среднему Рейну, въ Швейцаріи, Тиролю, Зальцбургѣ, Штиріи, по верхнеэннскимъ странамъ; они проповѣдывали «о будущемъ и о судѣ божіемъ», о скоромъ уничтоженіи всего существующаго и о грядущемъ общемъ равенствѣ и братствѣ; они учреждали тайныя общества, отрасли Мюнцеровскаго союза, и рѣчами, внушаемыми имъ «духомъ», воспламеняли во многихъ мѣстахъ народъ. Общества находились между собою въ сношеніяхъ, но черезъ посредство весьма немногихъ «посвященныхъ;» лишь немногіе знали имена членовъ ***).

Провозвѣстники «новаго міра», гдѣ, «по истребленіи всѣхъ

*) Ильдефонъ фонъ-Арксъ по показаніямъ очевидцевъ. II, 503; Ансельмъ, бернская хроника, самъ очевидецъ.

**) Многіе акты о перекрещенцахъ.

***) Письмо Нюрнбергскаго совѣта маркграфу Казиміру отъ 18 марта 1527 г.

безбожниковъ, особенно всѣхъ безбожныхъ государей и господъ, будетъ царствовать справедливость», мѣняли въ случаѣ надобности имя и одежду *). Вожди обществъ, путешествуя, умѣли хранить инкогнито; такимъ образомъ они много лѣтъ укрывались отъ лазутчиковъ. Друзья Мюнцера, разбѣзжавшіе всюду, не носили обыкновенной одежды перекрещенцевъ и проповѣдниковъ. Однимъ изъ главныхъ и важнѣйшихъ перекрещенцевъ былъ Іоаннъ Гутъ изъ Гайна близъ Швейнфурта, «очень ученый и ловкій малый», какъ называетъ его нюрнбергскій совѣтъ. Онъ былъ сначала церковнослужителемъ въ Бибрѣ и въ 1521 году изгнанъ оттуда за то, что не хотѣлъ крестить своего новорожденнаго ребенка; отсюда онъ перешелъ въ Нюрнбергъ. Здѣсь онъ завелъ мелочную лавочку и былъ такъ расторопенъ и ловокъ, что торговалъ книгами, водкою и «разными мелкими статьями» **). Не задолго до крестьянской войны онъ исключительно посвятилъ себя книжной торговлѣ. Бѣлокурый, съ зачесанными вверхъ волосами, съ рыжеватой бородкой, высокаго роста, онъ, по описанію нюрнбергцевъ, постоянно носилъ черный кафтанъ, сѣрые штаны и широкую сѣрую шляпу. Онъ окрестилъ многихъ въ той мѣстности. Легенда говоритъ, что онъ давалъ новокрещеннымъ питье, которое вселяло въ нихъ непоколебимую преданность своему дѣлу, и вслѣдъ за тѣмъ они имѣли «видѣнія», слышали «небесные голоса» и пророчествовали. Онъ распространялъ преимущественно запрещенныя книги Мюнцера и другія, а также и сочиненія Лютера. Онъ издалъ то сочиненіе Мюнцера, которое послѣдній написалъ проѣздомъ чрезъ Нюрнбергъ и гдѣ проповѣдывалъ насильственный переворотъ; по изгнаніи своемъ изъ Мюльга-

*) «Гансъ Гутъ записалъ всѣхъ крестившихся и поступившихъ въ союзъ. Гутъ не сказалъ намъ, кто будетъ наказывать за грѣхи и истреблять начальство, а только назвалъ тѣхъ, къ кому имѣлъ довѣріе». Показаніе Маркса Майра альтенэрангенскаго. Анспахскіе акты.

**) Показаніе Гута 5 октября 1527 г.

узена Мюнцеръ зашелъ въ Биберау въ домъ Гута и провелъ тамъ «одну ночь и одинъ день» *).

Гутъ игралъ во время крестьянской войны значительную роль въ вюрцбургской области, особенно въ лагерѣ передъ Вюрцбургомъ.

Какъ оказалось впоследствии, многіе перекрещенцы принимали дѣятельное участіе въ возбужденіи крестьянской войны; но нѣкоторые изъ наиболѣе замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ въ то время не принадлежали еще къ анабаптистской сектѣ и вступили въ нее лишь впоследствии. Перекрещенцы весьма дѣятельно участвовали въ волненіяхъ и возстаніяхъ въ Форхгеймѣ, въ сосѣдней Ансбахской области, въ Байерсдорфѣ и Герцогенаурахъ въ маѣ 1524 г.; здѣсь между прочимъ изъ нихъ отличились Петеръ Вагнеръ, Кунцъ Циглеръ и трое братьевъ Майръ **).

Однако перекрещенцы не столько принимали непосредственное участіе въ крестьянской войнѣ, сколько возбуждали ее своимъ вліяніемъ. Большинство ихъ не было послѣдователями Мюнцера.

Мюнцера совершенно ошибочно причисляли къ перекрещенцамъ и даже считали основателемъ этой секты. По несомнѣнному свидѣтельству современника, вполне достойнаго довѣрія и знавшаго это дѣло близко, Мюнцеръ не былъ перекрещенцемъ и никогда самъ не перекрещивалъ ***). Тайные ученики его, которыхъ было множество даже по смерти его, также не были перекрещенцами. Мюнцеръ пользовался пылкими перекрещенцами и вторичнымъ крещеніемъ для своихъ высшихъ плановъ. Они были его орудіями и союзниками, и онъ руководилъ наиболѣе дѣятельной частью этой секты, члены которой сами расходились между собою во мнѣніяхъ и

*) Показаніе Ганса Гута.

**) Ансбахскіе акты, официальные донесенія отъ 15 и 20 сентября.

***) Себастьянъ Франкъ, котораго многіе подозревали въ анабаптизмѣ.

вѣрили «каждый во что ему вздумается» *). Съ половины 1524 года Мюнцеръ, хотя самъ не крестилъ, но требовалъ вторичнаго крещенія, какъ необходимости.

Такимъ образомъ Мюнцеръ позволялъ себѣ пользоваться религіозными символами и формами для достиженія своей цѣли. Онъ поступалъ въ этомъ случаѣ съ тою же вольностью, которая характеризуетъ все его дѣйствія. Онъ часто скрывалъ отъ народа свои мысли подъ видомъ сновъ и видѣній и выдавалъ расчеты своего разсудка за откровенія свыше. По его мнѣнію и ученію, Богъ открывается людямъ только черезъ разумъ ихъ, и просвѣщенный умъ есть единственный посредникъ между человѣкомъ и Богомъ. Сидя одиноко въ своей комнатѣ и размышляя, Мюнцеръ иногда громко заговаривалъ самъ съ собою, и потомъ этотъ разговоръ казался ему бесѣдою съ Богомъ.

Когда онъ жилъ въ Альтштедтѣ, одинъ изъ его приверженцевъ подошелъ однажды къ его комнатѣ и услышалъ, что тамъ разговариваютъ двое. Отворивъ дверь и увидѣвъ, что Мюнцеръ одинъ, онъ спросилъ его, кто былъ у него въ комнатѣ. «Я спрашивалъ Господа моего, отвѣчалъ Мюнцеръ, что мнѣ завтра дѣлать?» А, развѣ онъ сейчасъ же и отвѣчаетъ? спросилъ ученикъ. Мюнцеръ отвѣчалъ утвердительно **). Но, говоря это, онъ не обманывалъ; онъ чувствовалъ въ себѣ присутствіе божества и вѣрилъ ему и слышалъ слова этого бога въ отвѣтъ на думы свои о судьбѣ своего народа. Но слово, раздающееся прямо съ небесъ, дѣйствуетъ на народъ, иначе чѣмъ человѣческая рѣчь, и Мюнцеръ находилъ нужнымъ прибѣгать къ видѣніямъ и непосредственному откровенію, чтобы удостовѣрить людей въ своемъ призваніи.

*) Ансельмъ. VI, 263.

**) Разговоръ между мюнцеровскимъ фанатикомъ и лютеранскимъ крестьяниномъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Т. Мюнцеръ и Фейфферъ въ верхней Швабіи.

Ученики Мюнцера пошли въ Оберландъ задолго до его изгнанія изъ Нюрнберга. Онъ самъ говоритъ, что избралъ эту страну, чтобы узнать тамошнее положеніе дѣлъ, воспользо- ваться оберландскимъ возстаніемъ и распространить границы преданныхъ ему областей *). Онъ пошелъ черезъ Швабію въ Клеттгау и Гегау. Въ Базелѣ, въ цюрихскомъ округѣ и въ Альзасѣ оказались слѣды его. Карлыштадтъ былъ также здѣсь, на верхнемъ Рейнѣ. Очень вѣроятно, что и Фейфферъ сопровождалъ сюда Мюнцера и дѣйствовалъ здѣсь своимъ мѣт- кимъ, яснымъ перомъ.

Мюнцеръ пробылъ нѣсколько недѣль въ Клеттгау, въ деревнѣ Гриссенъ, оттуда ходилъ по сосѣдству въ ландграфство Штюлингенъ и распространялъ свое ученіе **). Еще въ Базелѣ онъ проповѣдывалъ, что если правители — отступники, то и народъ теряетъ вѣру и что надо помочь этой бѣдѣ. Въ Клеттгау и Гегау онъ много говорилъ объ избавленіи Израиля: близокъ часъ, когда Господь посѣтитъ свой народъ и воздвигнетъ царство святыхъ, свое тысячелѣтнее царство, гдѣ всѣ христіане будутъ братьями. Онъ писалъ и распро- странялъ воззванія противъ тираніи дворянства. Общины этихъ странъ, уже волновавшіяся, а частью давно уже воз- ставшія явно, просили его остаться у нихъ; но это не соот- вѣтствовало его видамъ. За него были и нѣкоторые ученые люди, какъ напр. Конрадъ Гребель, сынъ цюрихскаго город- ского совѣтника, и вальдсгутскій проповѣдникъ, докторъ Бальтазаръ Губмайеръ.

*) Признанія Мюнцера.

**) Буллингеръ, Фюссли, Оттъ, собственныя признанія Мюнцера.

Мюнцеръ прибылъ въ лѣсные округа въ концѣ октября 1524 г., а въ ноябрѣ между крестьянами этихъ странъ на- чалось движеніе, гораздо болѣе серьезное, чѣмъ въ первый разъ. Въ такихъ обстоятельствахъ австрійское правительство призадумалось и откладывало нападеніе на Вальдсгутъ. «Тя- жело смотрѣть на все, что здѣсь дѣлается, рапортовали ему, и можно опасаться, что дѣло дойдетъ до земской войны. Здѣсь все очень дико, странно и тревожно.»

Ученики Мюнцера, еще многочисленнѣе, чѣмъ прежде, хо- дили по Оберланду, распространяя свое религіозно-политиче- ское ученіе. Оно болѣе нравилось крестьянамъ, чѣмъ люте- ранское и цвинглійское. Число проповѣдниковъ, по словамъ одного сентъ-галленскаго очевидца, было такъ велико, что по воскресеньямъ и въ праздники, куда бы ни пойдти, вездѣ встрѣчались толпы горожанъ и крестьянъ, слушавшихъ какого нибудь проповѣдника; между послѣдними можно было тотчасъ узнать перекрещенцевъ по ихъ грубому платью и по широ- кимъ войлочнымъ шляпамъ; очень многіе, бывшіе прежде лю- теранами, приняли ихъ ученіе. «Да, да, говорилъ одинъ кре- стьянинъ другому, — вотъ это такъ истинное Евангеліе. Ви- дишь ли, какъ старые то попы лгали и обманывали; нужно бы имъ, мошенникамъ, свернуть башки за то, что они такъ славно насъ надували». Скоро ни одинъ попъ, въ своемъ длинномъ черномъ платьѣ, не осмѣливался проходить мимо толпы кре- стьянъ или мѣщанъ *).

Народъ былъ въ это время взволнованъ очень многимъ. Казалось, даже сама природа сбилась съ толку; необыкновен- ныя явленія на небѣ и на землѣ, и особенно толки и рассу- жденія о нихъ, кружили крестьянамъ головы. То рассказы- вали будто бы видѣли на солнцѣ три круга и внутри ихъ го- рящій факель; то на лунѣ представлялись два круга, а вну- три крестъ. Въ Венгріи будто бы видѣли ночью на небѣ двѣ

*) Донесеніе Фридолина Зихера у Ильдефонса о. Аркса. Въ Альгау было также множество перекрещенцевъ. Кемпт. хроника.

вѣнчанная главы, сражавшіяся другъ съ другомъ; на Рейнѣ говорили, что слышали въ самый полдень въ воздухѣ смятеніе и громъ оружія, какъ будто отъ сраженія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у животныхъ рождались необыкновенные уроды. Въ одномъ мѣстѣ видѣли бой между анстами, въ другомъ между воронами и галками. Распространился слухъ о землетрясеніяхъ въ южныхъ земляхъ; въ Швабіи, Баваріи и Австріи свирѣпствовали повальные болѣзни; въ одномъ городѣ Кемптенѣ, въ Альгау, въ два года, отъ 1521 до 1523, умерло болѣе 1600 человекъ. Ко всему этому прибавились еще проливныя дожди и кометы; времена года перепутались: въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ зима была однажды такъ тепла, что бѣдный народъ ходилъ на босу ногу, какъ въ Михайловъ день; червяки и бабочки ползали и летали точно лѣтомъ; въ февралѣ цвѣли вишни, а на деревьяхъ всѣ почки разбухли и начали развертываться. Къ Святой же вдругъ настала холодная зима; вслѣдствіе сильныхъ бурь и непогодъ плоды были значительно побиты, и во всемъ Оберландѣ простой народъ впалъ въ крайнюю нужду. Все это считали предзнаменованіемъ чего-то необыкновеннаго. Но и безъ всякихъ явленій и пророчествъ, весь порядокъ вещей, продолжавшійся уже много лѣтъ, предвѣщалъ важный переворотъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что предсказаніями занимался не только народъ, но и сама высокая наука, которую тогда уважали и которой удивлялись,—сама астрологія признала 1524 г. за предѣлъ; «послѣ котораго долженъ совершиться неслыханный доселѣ переворотъ.» «Астрологи, быть можетъ, говорятъ правду, писалъ въ началѣ 1520 г. баварскій канцлеръ Экъ своему герцогу; — трудно предполагать, чтобы огонь, воспламяющійся повсюду въ настоящее время, утихъ, не произведя никакого опустошенія» *). Одна народная поговорка, распространенная издавна,

*) Письмо канцлера къ герцогу Вильгельму отъ 13 января 1520 г. Іѣрхъ 316.

говорила слѣдующее: кто въ 1523 г. не умретъ, въ 1524 г. не утонетъ, а въ 1525 г. не будетъ убитъ, скажетъ, что съ нимъ случилось чудо» *).

Съ такими то мыслями окружалъ простой народъ возбуждавшихъ его проповѣдниковъ:—одинъ, съ блѣдными, впалыми щеками, слушалъ ихъ съ яростью въ глазахъ, негодуя, что вмѣстѣ съ нимъ приходится голодать и женѣ его, и дѣтямъ; другой, у котораго продолжительное рабство и вѣчная барщина, казалось, отняли всѣ силы, слушалъ проповѣдь, сторбившись; а впереди, поближе къ проповѣднику, стояли, выпрямившись, самые понятливые, съ энергіей во взглядѣ и поступи; за толпой виднѣлись другія группы; одинъ рассказывалъ другому, какъ ему было до сихъ поръ плохо и крѣпко сжималъ товарищу руку, кланяясь, что дождутся лучшихъ дней. Нѣкоторые проповѣдь нравилась тѣмъ, что раздувала огонь, готовый уже потухнуть, и этимъ давала надежду на возможность мстить и грабить. Немногіе, конечно, стояли и слушали просто изъ любопытства и праздности. Для слушателей было неограниченное пространство, потому что новое ученіе рѣдко проповѣдывалось въ церкви; для этого обыкновенно выбиралось свободное пространство на чистомъ воздухѣ у большой липы, гдѣ нибудь въ полѣ, на лугу или на опушкѣ лѣса; подобно первому провозвѣстнику Евангелія бѣдныхъ, они проповѣдывали, гдѣ случится. Самъ Мюнцеръ пробылъ въ Оберландѣ около трехъ мѣсяцевъ. Фейфферъ ушелъ раньше обратно въ Мюльгаузенъ.

*) Рукописныя и печатныя хроники.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Дворянство начинает действовать соединенными силами.

Едва дошло до князей, дворянъ и городовъ Швабскаго союза извѣстіе о началѣ волненій, они послали къ крестьянамъ графа Вильгельма фонъ-Фюрстенберга, чтобы успокоить ихъ ласковыми словами и вмѣстѣ съ тѣмъ подробнѣе ознакомить-ся съ положеніемъ дѣлъ. Крестьяне отвѣчали ему, что «не-слѣдуютъ евангелическому ученію и собрались вовсе не для слушанія проповѣдей.» *) Для графовъ фонъ-Лупфена и фонъ-Зульца эта неудача въ попыткѣ подѣйствовать на крестьянъ ласками была тѣмъ непріятнѣе, что подданные ихъ приняли въ войнѣ съ Швейцаріею сторону Швейцарскаго союза **) и по окончаніи войны владѣтели эти наказали крестьянъ за сочувствіе швейцарцамъ.

Крестьяне Клеттгау, гдѣ ландграфомъ былъ графъ Рудольфъ фонъ-Зульцъ, были сначала всего менѣе расположены имѣть что нибудь общее съ штюлингенцами. Опасаясь взбунтовав-шихся сосѣдей, которые беспокоили и тревожили ихъ, они искали защиты и помощи у цюрихцевъ. Годъ тому назадъ графъ Рудольфъ фонъ-Зульцъ, наслѣдственный верховный судья въ надворномъ ротвейльскомъ судѣ и первый совѣт-никъ австрійскаго инспрукскаго правительства, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Клеттгау Ганса фонъ-Гейдегга. На-мѣстникъ зтотъ по просьбѣ крестьянъ послалъ въ Цюрихъ вмѣстѣ съ выборными крестьянскими депутатами одного изъ земскихъ судей, по имени Петера, просить содѣйствія цюрих-цевъ для возстановленія мира и спокойствія. Крестьяне представили совѣту 44 пункта жалобъ и просьбъ противъ сво-

*) Гербертъ изъ Parolip. ad calc. chronici Abb. Ursperg.

**) Сборникъ прел. Ф. Шмидта.

ихъ помѣщиковъ. Когда совѣтъ спросилъ ихъ, хотятъ ли они положиться на его рѣшеніе и примутъ ли ученіе Цвингли, крестьяне отвѣчали — да; посланникъ же Гейдегга сказалъ, что не имѣетъ на этотъ счетъ никакихъ инструкцій. Въ то же время совѣтъ объявилъ, что если жители Клеттгау увѣ-рены, что графъ и его чиновники не противятся евангелію и не станутъ принуждать своихъ подданныхъ къ старымъ церковнымъ порядкамъ, то онъ готовъ написать Гансу Мюл-леру бульгенбахскому и его товарищамъ, чтобы они не при-чиняли имъ никакого зла. Совѣтъ написалъ также, и съ успѣхомъ, предводителю шварцвальдскихъ крестьянъ *).

Цюрихцы полагали, что безпорядки вызваны только рели-гіозными причинами; но сами крестьяне говорили, что пер-вымъ и главнымъ поводомъ были чисто политическія при-чины; съ этимъ согласны и свидѣтельства современниковъ всѣхъ оттѣнковъ **).

Еще въ началѣ августа Швабскій союзъ совѣщался о без-порядкахъ, распространявшихся въ простомъ народѣ. «Такъ какъ общины и подданные собираются во многихъ мѣстахъ, въ городахъ и окрестностяхъ, бунтуютъ и возбуждаютъ къ мятежу другихъ, пока еще смирныхъ, и стараются поставить власти въ зависимость отъ воли и отъ прихоти подданныхъ» — то союзъ полагалъ, — что къ слѣдующему засѣданію сейма «упол-номоченные должны представить мнѣнія своихъ государей.»

*) Изъ Тіенгенскаго архива въ собраніи пр. Ф. Шмидта.

**) „...такъ какъ настоящее возстаніе подданныхъ противъ властей про-исходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе мнимыхъ тяжестей — подушной, барщины, повинностей и небольшихъ десятинъ“. — Посланіе одного им-перскаго города городу Ульму (источники изъ собранія пр. Ф. Шмидта). Рукопись Вейсенгорнской хроники говоритъ: „Ихъ первыя предпріятія были направлены противъ начальства, которое ихъ обременяло службой, оброками и крѣпостнымъ состояніемъ и отъ котораго они хотѣли осво-бодиться.“ Одинъ изъ тогдашнихъ лѣсничихъ говоритъ, что главной причиной возстанія должно считать «слишкомъ большіе налоги, слиш-комъ тяжелую работу и обремененіе крестьянъ долгами.»

Союзъ снова совѣщался въ октябрѣ и обѣщалъ скорую помощь всѣмъ владѣтелямъ, которымъ грозила опасность отъ подданныхъ.

Эрцгерцогъ Фердинандъ, къ которому, какъ къ своему сюзерену, обратился въ тоже время графъ фонъ-Лупфенъ, отдалъ крестьянамъ приказъ — оставаться спокойными и обращаться съ жалобами къ назначенной имъ въ концѣ августа комиссіи въ Радольфцелль. Но какъ часто и какъ долго они бесполезно обращались съ своими нуждами и просьбами въ имперскій палатный судъ, не находя себѣ нигдѣ ни малѣйшей защиты! Теперь они должны были надѣяться на помощь отъ эрцгерцогской комиссіи, а въ ней, кромѣ Ганса фонъ-Фрундсберга, Кристофа Фунса фонъ-Фуксберга и нѣсколькихъ депутатовъ Швабскаго союза, засѣдали владѣтельный графъ Рудольфъ фонъ-Зульцъ и Гансъ Иммеръ фонъ-Ильенбергъ, главный австрійскій намѣстникъ въ Энзисгеймѣ, образъ мыслей которыхъ былъ уже слишкомъ хорошо извѣстенъ крестьянамъ.

Немудрено поэтому, что ни одинъ крестьянинъ не явился въ комиссію. На приказъ эрцгерцога крестьяне не обратили вниманія. Они продолжали стоять лагеремъ съ распущенными знаменами. Назначивъ комиссію, эрцгерцогъ въ то же время приказалъ собрать 200 человекъ конницы и 1,500 пѣхоты, 4 пицали, 6 шланговъ, 100 штыковъ и 25 рогатокъ; Трухзесъ Георгъ фонъ-Вальдбургъ присоединилъ къ этому отряду еще 200 всадниковъ. Но такъ какъ всѣ эти войска медлили, то дворяне въ конференціи 3 сентября въ Целль положили снова вступить въ переговоры съ крестьянами, по желанію послѣднихъ, въ Шафгаузенѣ; между тѣмъ всѣ дворяне должны были «черезъ женщинъ и другихъ способныхъ къ этому дѣлу лицъ» развѣдывать, «гдѣ находятся крестьяне, какіе у нихъ замыслы, какъ они сильны, какія питаютъ надежды и на какую рассчитываютъ помощь.» Энзисгеймское правительство обязано было наблюдать, чтобы къ крестьянамъ не приходили подкрѣпленія и не привозились припасы изъ Эльзаса *).

*) Протоколъ засѣданій въ Целль.

Отъ имени графа фонъ-Лупфена на съѣздъ въ Шафгаузенѣ явился городской сельскій секретарь Болштетеръ и потребовалъ, чтобы крестьяне выдали господамъ знамена, на колынахъ просили у нихъ прощенія за свои незаконные поступки и заплатили бы за причиненные убытки. *) Но такъ какъ при всемъ этомъ графъ не обѣщалъ ничего, кромѣ прощенія и оставленія при прежнемъ порядкѣ, то крестьяне не имѣли большой охоты принять его предложеніе.

Между тѣмъ медленно собралась часть назначенныхъ войскъ. Чтобы узнать навѣрное, не будетъ ли швейцарскій союзъ поддерживать крестьянъ, господа написали 14 сентября въ Шафгаузенъ: «Его Императорское Величество намѣренъ надлежащимъ образомъ наказать своихъ непокорныхъ подданныхъ; чего можно ожидать вслѣдствіе этого отъ союза?» Союзъ отвѣчалъ: «до крестьянъ намъ нѣтъ дѣла; если бы наши крестьяне взбунтовались, то и мы наказали бы ихъ».

Гансъ Мюллеръ бургенбахскій привлекъ къ себѣ крестьянъ Шварцвальда и двинулся изъ Бахена черезъ Леффингенъ, Ленцкирхъ, Нейштадтъ, Шолахъ и Урахъ, 30 сентября въ Фуртвангенъ, 1 октября въ Брегталь и Брейлингенъ, 2 октября въ Гюльцингенъ, гдѣ на слѣдующій день, въ воскресенье, былъ церковный праздникъ.

Тутъ соединились съ ними новыя толпы евангелическаго братства изъ Гегау и Гери, т. е. изъ епископства Констанскаго и изъ деревень аббатства Рейхенау; ими предводительствовалъ Гансъ Мауреръ, и между ними и скопищемъ Мюллера долго шли переговоры. Къ 11 октября подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ стояло болѣе четырехъ съ половиною тысячъ человекъ. Гансъ Мюллеръ, услыхавъ о приближеніи дворянъ, занялъ безопасную позицію у Эватингена и Ритгейма. Люди его были большею частью вооружены еще только вилами, косами и топорами.

Не смотря на это, дворяне боялись атаковать ихъ. Въ го-

*) Рукопись Биллинг. хроники.

родкѣ Гюфингенѣ у дворянъ было не болѣе 800 чел. пѣхоты и 200 конницы, а возстаніе между тѣмъ съ каждымъ днемъ распространялось далѣе. При такихъ условіяхъ пораженіе могло бы имѣть самыя опасныя послѣдствія. Къ этому присоединялись еще затрудненія, представляемыя Шафгаузеномъ, который энергически противился вторженію въ Альпегау и Клеттгау.

Шафгаузенъ имѣлъ въ ландграфствѣ Штюлингенѣ много имѣній, которыя во время сраженія могли подвергнуться сильному раззоренію, какъ со стороны крестьянъ, такъ и со стороны дворянскихъ войскъ. Поэтому кантонъ серьезно противился вторженію туда, а господамъ въ ихъ положеніи совершенно невозможно было впутаться въ войну съ швейцарскимъ союзомъ, и потому было опасно оскорбить его; вслѣдствіе этого они по многимъ причинамъ съ удовольствіемъ приняли предложеніе Шафгаузена, открыть вмѣстѣ съ комиссарами отъ правительства путь къ переговорамъ. Но когда Шафгаузенъ составилъ условія договора, господа объявили, что не могутъ принять ихъ безъ согласія эрцгерцога Фердинанда и швабскаго союза; а крестьяне, что не согласятся на нихъ, не узнавъ предварительно желаній всего крестьянства, состоящаго съ ними въ союзѣ.

Зима уже приближалась; не то было время, когда войска охотно живутъ въ полѣ. Господа ничего такъ не желали, какъ перемирія.

Тогда въ лагерь къ крестьянамъ отправились Гансъ фонъ-Фридингенъ, гофмейстеръ епископа констанскаго, болингенскій фогтъ, Вернеръ фонъ-Эгингенъ, и два юберлингенскіе совѣтника и начали съ ними переговоры о томъ, чтобы они или помирились съ своими господами, или предоставили свои дѣла на рѣшеніе посредниковъ. Графъ Зигмундъ фонъ-Лупфенъ долженъ былъ получить подобное же приглашеніе и дожидаться рѣшенія. Земскій судъ въ Штокахѣ долженъ былъ разобрать жалобы, а пока крестьянамъ слѣдовало вести себя смирно *).

*) Письмо юберлингенскаго бурмистра Фрейбургера.

Крестьяне приняли предложеніе и разошлись, когда удалились дворянскія войска. Между собравшимися крестьянами были люди всякаго рода. Если большая часть дѣйствительно искала только освобожденія и улучшенія своей участи, то были однако и такіе, особенно ландскнехты, которымъ нравилась праздная, бродячая жизнь. Такая разгульная шайка гегауцевъ и кемптенцевъ приблизилась къ швейцарской границѣ. Шафгаузенъ и Цюрихъ послали депутатовъ увѣдомить ихъ, чтобы они не входили въ ихъ область и не производили въ ней волненія, а, напротивъ того, постарались бы успокоить своихъ.

Когда депутаты спросили о цѣли ихъ похода, они отвѣчали: «что идутъ подобно тому, какъ летаютъ вороны въ воздухѣ, туда, куда ихъ посылаетъ воля Божія, духъ и необходимость» На предложеніе, не вступать въ сношенія съ крестьянами Цюриха и Шафгаузена и немедленно возвращаться назадъ, они отвѣчали, что не могутъ ничего обѣщать безъ своихъ братьевъ; однако ушли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Крестьянскій бунтъ въ Тургау.

Швейцарскій союзъ имѣлъ основаніе не подпускать швабскихъ крестьянъ къ своимъ границамъ, хотя они дѣлали точно тоже, что нѣкогда сами швейцарцы. Между кантонами господствовало несогласіе: Цюрихъ, Шафгаузенъ и Аппенцель приняли новое ученіе; Базель, Золотурнъ, Бернъ и Гларусъ также склонялись къ нему, хотя официально придерживались еще старой вѣры; Люцернъ, Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Цугъ

и Фрейбургъ твердо держались стараго и открыто высказывались противъ новой религіи и ея послѣдователей. Подобно нѣмецкимъ дворянамъ, они приписывали всѣ волненія и бунты новому ученію тѣмъ болѣе, что и ихъ собственные крестьяне весной этого года взволновались и обнаружили неповиновеніе.

«Религіозныя нововведенія, говорилъ ораторъ десяти кантоновъ, не принявшихъ реформаціи, до того волнуютъ народъ, что онъ отказывается платить подати, десятину и другіе налоги; при этомъ ему внушено, что все должно быть общимъ, и онъ научился такъ презирать власти, что это можетъ кончиться паденіемъ Швейцаріи.»

Крестьянство волновалось, особенно въ Тургау. Тургаускіе крестьяне поклялись не бриться, пока не освободятся. Въ Тоггенбургѣ они отказались платить десятину; тоже происходило и въ Заргансерландѣ и въ Рейнской долині. Монастыри ст. Галленъ, Роршахъ, Мюнстерлингенъ, Крейцлингенъ, Фельдбахъ, Деникенъ трепетали отъ угрозъ своихъ крестьянъ. Въ серединѣ іюля тургаусцы разграбили и сожгли картезіанскій монастырь Иттингенъ. Это происшествіе имѣло очень сильное вліяніе на рѣшеніе, принятое Союзомъ противъ швабскихъ крестьянъ.

На одномъ изъ послѣднихъ сеймовъ въ Цугѣ Іозефамъ-Бергъ, тургаускій ландфогтъ за Швицъ, въ яркихъ краскахъ описалъ положеніе Тургау, волненія крестьянъ и проповѣди проповѣдниковъ; по его предложенію союзъ далъ окружнымъ судьямъ ландграфствъ Баденскаго и Тургаускаго приказаніе и полномочіе хватать каждого, безъ различія возраста, пола и званія, кто пріиметъ новое ученіе, а особенно главныхъ зачинщиковъ; приказано было сажать ихъ въ тюрьму и держать въ заключеніи до наказанія.

Четыре тургаускія общины — Верхній и нижній Штаммгеймы, Нусбауменъ и Вальталингенъ подлежали верховной власти тургаускаго ландграфства, но находились въ непосредственной зависимости отъ земскихъ судей Цюриха; подобно самимъ цюрихцамъ, жители ихъ отмѣнили обѣдню и ико-

нопочитаніе и заключили союзъ съ жителями Штейна на Рейнѣ; они обязались помогать другъ другу и защищать другъ друга, если подвергнутся насилію изъ за евангелія или если будетъ нанесено оскорбленіе ихъ проповѣдникамъ и землякамъ.

Ландфогтъ Амъ-Бергъ особенно преслѣдовалъ и лично ненавидѣлъ подсудка Іоганна Вирта, завѣдывавшаго судопроизводствомъ и собиравшаго подати за Цюрихъ въ Штаммгеймѣ. Этотъ Виртъ былъ горячій приверженецъ реформаціи. Пользуясь своей властью, ландфогтъ вступилъ ночью 17 іюля съ ротой солдатъ въ бургскій приходъ близъ Штейна; тамошній священникъ, Гансъ Эксле изъ Эйнзиделя, былъ проповѣдникомъ новаго ученія; ландфогтъ, арестовавъ его, увелъ въ резиденцію свою, Фрауенфельдъ.

Когда его уводили, Гансъ кричалъ и звалъ на помощь; крики его разбудили сосѣдей; въ Штейнѣ ударили въ набатъ; сигнальные выстрѣлы изъ замка Гогенклингена призвали къ оружію ближнія деревни; жители вооружились и бросились выручать проповѣдника; но его успѣли увести въ Фрауенфельдъ.

Къ утру собралось до 4,000 крестьянъ. Штаммгемскій подсудокъ Гансъ Виртъ выдалъ имъ знамя изъ часовни св. Анны и самъ принялъ начальство надъ ними, чтобы возстать противъ такого насильственного преслѣдованія евангелія: Штейнскій фогтъ, Конрадъ Стефанъ, и цюрихскій церковный регентъ, Эразмусъ Шмидтъ, рьяный проповѣдникъ, дѣятельно хлопотали при этомъ. Общее собраніе и совѣщаніе должно было происходить у сосѣдняго картезіанскаго монастыря Иттингена. Предводители рѣшились вытребовать у окружнаго начальника освобожденіе священника, а въ крайнемъ случаѣ освободить его силою. Они послали въ Диссенгофенъ и Шафгаузенъ просить помощи и оружія; но города эти отказали имъ и даже отправили къ нимъ людей уговаривать ихъ успокоиться.

Между тѣмъ толпы крестьянъ вломились «къ утренней похлебкѣ» въ монастырь. Въ страшномъ безпорядкѣ отъ ноч-

ной тревоги и вина *), они разломали ворота, разогнали монахов, подѣлили между собою церковныя драгоценности и одежды, разграбили кладовыя, разлили дары, сожгли молитвенники, св. книги, и на огнѣ варили и жарили рыбу и наконец сожгли весь монастырь. Его зажегъ, говорятъ, одинъ несчастный отецъ, у котораго, не смотря на его просьбы, настоятель монастыря отнялъ сына и не отдавалъ ему, и кончилось тѣмъ, что недавно мальчика разтерзала дикая свинья.

Явившись на пожаръ, предводители были недовольны излишествами и старались по возможности прекратить безчинства. Ландфогтъ, услышавъ въ окрестностяхъ набатъ, приказалъ звонить и въ Фрауенфельдѣ, и въ другихъ мѣстахъ; на звонъ къ нему сбѣжалось много народа, но не крестьянъ, а дворянъ, которые выразили готовность жертвовать жизнью и достояніемъ для восстановления порядка. Но прежде чѣмъ у ландфогта дѣло съ крестьянами дошло до драки, изъ Цюриха явилась депутація совѣта съ городскимъ знаменемъ и приказала противникамъ примириться и разойтись. Въ то же время пришла депутація и изъ Шафгаузена. По требованію депутатовъ крестьяне разошлись по домамъ. Цюрихцы арестовали нѣкоторыхъ изъ нихъ и увели въ Цюрихъ; арестованы были: Нусбаумскій подсудокъ Бурггардтъ Рюттманъ, и подсудокъ Штаммгеймскій, Гансъ Виртъ съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ, Гансъ, былъ священникомъ въ Штаммгеймѣ, а другой, мейстеръ Адріанъ, женился на монахинѣ; оба брата были ревностные проповѣдники.

Союзъ потребовалъ, чтобы Цюрихъ выдалъ арестованныхъ на судъ всѣмъ кантонамъ и съ этою цѣлью доставилъ бы ихъ въ Баденъ; но городъ хотѣлъ судить ихъ у себя. Однако когда посланный отъ сейма, засѣдавшего въ Баденѣ, Себастьянъ фонъ-Штейнъ, представилъ городу, что сеймъ желаетъ судить арестованныхъ не за религіозныя мнѣнія, а за бунтъ, цюрихцы согласились выдать ихъ. Въ судѣ, который судилъ ихъ,

*) Ансельмъ: «Когда крестьянинъ обратился въ свинью»....

засѣдалъ между прочими старовѣрами фанатиками ландфогтъ Іосифъ Амъ-Бергъ. Арестованныхъ жестоко пытали и допрашивали не только о бунтѣ, но главнымъ образомъ объ ученіи Лютера и Цвингли. Дворяне изъ религіозной и политической ненависти жаждали ихъ крови. Не смотря на то, что подсудки были совершенно невинны въ разграбленіи и пожарѣ картезіанскаго монастыря, ихъ приговорили къ смертной казни, и 24 сентября обезглавили въ Баденѣ. Съ ними былъ казненъ и старшій сынъ Вирта, Гансъ. На вопросахъ они откровенно сознались, что преданы евангелическому ученію, любятъ свободу и возставали противъ насилія, которому подвергалось евангеліе; какъ люди свободные, они пошли на смерть съ христіанскимъ терпѣніемъ и мужествомъ, возбудивъ этимъ всеобщее сожалѣніе и удивленіе къ себѣ, какъ къ истиннымъ мученикамъ; всѣ, даже католики, почувствовали негодованіе противъ жестокаго и противозаконнаго поведенія ихъ судей. Быть можетъ, общее неудовольствіе было причиною того, что судьи помиловали священника Ганса Эксле и Адріана Вирта; они были освобождены, но должны были заплатить тяжкую пеню. Конрадъ Стефанъ штейнскій бѣжалъ въ Констанцъ, который не выдалъ его. Цюрихъ потребовалъ удовлетворенія отъ девяти городовъ, казнившихъ его подданныхъ; тургаускій окружной былъ изгнанъ изъ цюрихскихъ владѣній, а фрауенфельдскій ландвебель, уличенный въ насиліи противъ евангелія и поношеніи его дерзкими словами — казненъ *).

*) Ансельмъ VI, 233 — 237. Собраніе луцерн. актовъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Выжидательная политика швабскихъ дворянъ.

Верхнешвабскіе дворяне охотно усмирили бы своихъ крестьянъ также быстро. Требования крестьянъ были изложены въ шестнадцати статьяхъ, на которыя были согласны также крестьяне Клеттгау, Гегау, Штюлингена и Баара *).

Большая часть крестьянъ искренно желали и надѣялись заключить съ господами мирное любовное соглашеніе. Аристократія питала другіе замыслы. Предложеніе дворянства разрѣшить несогласія законнымъ порядкомъ происходило единственно изъ того, что господа находились въ замѣ-

*) Статьи эти были слѣдующія: во первыхъ, мы не будемъ ни стеречь дичь, ни охотиться для господъ; дичью, рыбой и птицей должны имѣть право пользоваться всѣ; во вторыхъ, не должно принуждать крестьянъ водить своихъ собакъ въ намордникахъ; въ третьихъ, каждый долженъ имѣть право носить пищали и арбалеты; въ четвертыхъ егеря и лѣсничіе не должны никого обижать; въ пятыхъ, крестьяне не обязаны возить помѣщику навозъ; въ шестыхъ, не обязаны косить, жать, рубить, возить сѣно и дрова; въ седьмыхъ, не обязаны исполнять тяжелыя рукодѣлья; въ восьмыхъ, никого не должно сажать въ тюрьму, если онъ можетъ представить поручителя; въ девярыхъ, не обязаны платить никакихъ налоговъ, податей и пеней, кромѣ установленныхъ закономъ; въ десярыхъ, не обязаны давать семянъ, ни ходить на барщину; въ одиннадцатыхъ, не должно никого наказывать за бракъ мужчины или женщины съ чужимъ подданнымъ или ленникомъ; въ двѣнадцатыхъ, если кто нибудь повѣсится или какимъ нибудь другимъ способомъ лишитъ себя жизни, то господинъ не имѣетъ права воспользоваться его имѣніемъ и вообще, въ тринадцатыхъ, господинъ не можетъ брать ничьихъ наслѣдствъ, покуда существуютъ родственники; въ четырнадцатыхъ, должно ограничить права фогтовъ; въ пятнадцатыхъ, каждый можетъ безнаказанно подчивать дома кого угодно виномъ; въ шестнадцатыхъ, судья, призвавъ кого нибудь въ судъ за какое нибудь преступленіе, не можетъ наказывать, не доказавъ вины свидѣтелями.

шательствъ и затрудненій. Смущеніе дворянъ было тѣмъ сильнѣе, что большая часть войскъ или уже находилась въ Италіи, или должна была вскорѣ отправиться туда, такъ какъ императоръ велъ тамъ войну съ Франціей. Въ концѣ 1524 г. туда ушли послѣдніе, сколько нибудь значительные отряды войскъ. Къ тому же эрцгерцогъ не имѣлъ вначалѣ денегъ и потому не могъ на вербовать новыхъ солдатъ. Чувствуя себя слишкомъ слабыми, владѣтели хотѣли протянуть переговоры *); они тянули ихъ, чтобы собрать значительныя силы и все необходимое для открытія военныхъ дѣйствій, и тогда, неожиданно прервавъ переговоры, съ превосходными силами напасть на крестьянъ. Этой политики владѣтели держались все время, и надо быть слишкомъ наивнымъ и совершенно не знать дипломатическихъ актовъ того времени, чтобы, подобно нѣкоторымъ историкамъ и ихъ послѣдователямъ, видѣть честныя и искреннія намѣренія въ ихъ мирныхъ предложеніяхъ и вѣрить, что они дѣйствительно хотѣли отказаться отъ нѣкоторыхъ правъ своихъ.

Нѣтъ, мы знаемъ, что владѣтели не пріѣзжали на переговоры, хотя сами назначали для нихъ какой имъ было угодно срокъ; они всячески обманывали довѣрчивыхъ крестьянъ; вооружившись, они безстыдно стали говорить, что прежде нужно усмирить крестьянъ, а потомъ уже отвѣчать на ихъ жалобы; мало того, есть подлинныя письма, въ которыхъ откровенно высказано, — такъ какъ владѣтели, переписавшіеся между собой, знали, что это останется тайною, — намѣреніе обманывать народъ ложной уступчивостью и мнимымъ желаніемъ законныхъ переговоровъ, до тѣхъ поръ, пока можно будетъ усмирить его силою **).

*) Сбор. пр. Шмида, вейнгартенскій архивъ.

**) Ульмскій архивъ, вейнгартенскій архивъ въ собр. пр. Шмида; у Зейдлера, копія съ манускрипта изъ собр. прел. ф. Шмида, гдѣ эрцгерцогъ пишетъ: „Пусть Трухзесъ переговаривается съ крестьянами мирно, пока не соберетъ войско“. Ср. письма Экка къ герц. Баварскому въ 19 главѣ.

Объщавъ оставаться спокойными до законнаго рѣшенія ихъ дѣла, крестьяне предполагали, что и владѣтели, съ своей стороны, не станутъ въ продолженіе этого времени пользоваться своими правами. Однако едва они возвратились домой, какъ помѣщики стали снова попрежнему требовать съ нихъ барщины, оброка и другихъ повинностей, которыя крестьяне не хотѣли давать. Крестьяне отказывались платить и работать. Они утверждали, что дворянство должно на время прекратить свои требованія, такъ какъ законность ихъ оспаривается; если же оно намѣрено чего нибудь требовать, то пускай обращается въ судъ съ жалобой на крестьянъ.

Поступки дворянъ въ высшей степени раздражили крестьянъ, и нѣкоторые сочли себя въ правѣ не соблюдать своего общанія—не нарушать спокойствія во время переговоровъ *).

Въ это время пріѣхалъ Мюнцеръ, и началась дѣятельность проповѣдниковъ, распространявшихъ волненіе проповѣдями и прокламаціями.

*) «Die Bauern zogen wieder heim, si wollten sich basz besinnen;
Da muszten sie Erdbeern und die Morachen gewinnen.
Sie zogen wieder hiem und waren nit lang ausgewesen;
Da muszten sie auch Schneckenhäuslein lesen.
Sie möchten sein nit geniesen,
Sondern muszten in die Kriesen,
Die Herren sammlen sich und huben an zu tagen;
Da sprachen die Bauern: Wie wendt die Herrn zwacken.
Die Herrn zogen wieder heim, ihnen fing an zu grausen;
Da sprachen die Baur: den Herrn welln wir lausen.
Sie kamen zusammen und fingen an zu schieszen;
Desz wollt die Herrn sehr übel verdrieszen.“

(Народная пѣсня того времени).

(Мужики пошли домой подумать, а тамъ ихъ опять заставили собирать землянику; они пошли домой и пробыли въ отлучкѣ недолго, а имъ велѣли искать улитковыя раковины; эдакъ имъ несправиться было, а стало еще хуже. Господа собрались и начали совѣтоваться; тогда крестьяне сказали: надо господъ поприжать; господа ушли домой; они стали трусить. Мужики сказали: мы поищемъ у барина вшей; они собрались и стали стрѣлять. Господамъ пришлось плохо).

Это было въ ноябрѣ. Подданные города Виллингена, особенно въ Брегской долинѣ, начали волноваться; волненіе распространилось уже въ Гогенбергскомъ округѣ, въ Виртембергѣ, въ окрестностяхъ Тутлингена. Австрійское правительство послало въ Тутлингенъ отрядъ конныхъ войскъ подъ начальствомъ Рудольфа фонъ-Эгингена для наблюденія за движеніемъ крестьянства. Въ этой мѣстности крестьяне стояли въ числѣ 300 человекъ при Тунингенѣ близъ Тутлингена. Ими предводительствовали «Щука» и Освальдъ Медеръ. Здѣсь съ ними соединился Гансъ Мюллеръ бульгенбахскій и хотѣлъ везти ихъ въ Виртембергъ. Соединившись на пути съ австрійскими и союзными крестьянами, Гансъ Мюллеръ отступилъ къ Брейлингену и послалъ гонцовъ въ Шварцвальдъ, и вскорѣ уже стоялъ съ шестью тысячами человекъ у лѣса, по прозванію Гальде. Онъ хотѣлъ овладѣть Виллингеномъ и Гюфингеномъ, но намѣреніе это было выдано или предусмотрѣно, и непріятель, къ которому подходили сильныя подкрѣпленія изъ Фрейбурга и Вальдкирха, заняли оба города прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что нибудь сдѣлать. Его люди разбрелись болѣею частью по домамъ, а съ нимъ остались только настоящіе ландскнехты и небольшая часть крестьянъ.

Они напали на замокъ графа Зигмунда фонъ-Луффена; въ то же время клеттгаусцы осадили Кюссенбургъ, одинъ изъ замковъ ландграфа Рудольфа фонъ-Зульца, а толпа геггауцевъ двинулась противъ Гюфингена и Донауэшингена.

Въ Геггау въ это время стояло снова до тысячи вооруженныхъ крестьянъ. Трухзесъ Георгъ фонъ-Вальдбургъ вступилъ съ ними въ переговоры, наблюдалъ за ними и наконецъ, чтобы испытать ихъ мужество, взялъ у нихъ на глазахъ деревню Мюльгаузенъ, гдѣ жилъ главный начальникъ ихъ, и отогналъ у нихъ скотъ. Онъ погналъ скотъ черезъ бродъ подъ горой Мутбергомъ, надѣясь, что крестьяне будутъ преслѣдовать его, и тогда онъ атаковалъ бы ихъ съ тремя сотнями рейтаровъ. Но они не рѣшились пожертвовать выгодною своего положенія и, напротивъ того, отступили и заняли еще болѣе сильную пози-

цію, въ которой Трухзесъ не осмѣлился атаковать ихъ; оттуда они отошли еще далѣе, къ Донауэшингену. Рудольфъ фонъ-Эгингенъ и сильный гарнизонъ Виллингена оттѣснили ихъ въ Вутахскую долину. Здѣсь толпа раздѣлилась; одна часть пошла домой, а другая перешла Вутахъ, подняла гауэнштейнскихъ крестьянъ, проникла до монастыря Ст. Трудперта, разграбила и опустошила его и оттуда сдѣлала набѣгъ на Ст. Блазій, гдѣ также опустошила и разграбила монастырь, не пощадивъ даже священные сосуды и церковныя книги. Тогда прибыли старшина Фрей и другіе члены совѣтовъ Бадена и Клингнау и старались успокоить народъ. Но усилія ихъ были тщетны; областной съѣздъ, происходившій въ Мартыновъ день въ Рейнфельденѣ, также ничего не сдѣлалъ. Съ каждымъ днемъ возрастало число недовольныхъ въ Блуменеггѣ, въ Вутахской долинѣ, во владѣніяхъ аббатства Сентъ-Блазія и въ фюрстембергскихъ помѣстьяхъ. Австрійское энзисгеймское правительство, собравъ, сколько могло, солдатъ, подкрѣпило ими силы Трухзеса и Эгингена. Всѣ эти силы вступили въ ст. трудпертскую долину, разбили тамъ отрядъ крестьянъ, сожгли множество крестьянскихъ дворовъ и угнали скотъ.

Между тѣмъ наступилъ день, въ который въ Штокахѣ должны были начаться судебныя пренія по крестьянскому дѣлу. Для этого былъ назначенъ Ивановъ день, 27 декабря. Увидѣвъ, что судьями все дворяне, крестьянскіе депутаты протестовали и объявили, что хотятъ безпристрастнаго, а не дворянскаго суда. Тогда владѣтели велѣли прочитатъ указъ императора Максимилиана о земскихъ судахъ, въ доказательство, что члены земскаго суда должны быть благородные. Затѣмъ владѣтели начали жаловаться на крестьянъ суду, состоявшему изъ ихъ же братьевъ. Обвиненные ни на что не согласились и просили отсрочки, чтобы имѣть возможность представить объясненія на обвиненія дворянъ. Дворяне были принуждены согласиться, потому что этого требовалъ порядокъ суда. Въ крещенье, 6 января 1525 г., былъ назначенъ новый

съѣздъ, на который должны были собратъся, кромѣ выборныхъ крестьянъ, депутаты отъ городовъ Юберлингена, Зекингена, Лауфенбурга, Рейнфельдена, Виллингена, Фрейбурга, Вальдкирха, Триберга; посланники епископа Констанцскаго должны были явиться въ качествѣ посредниковъ.

Положеніе дѣлъ не должно было нравиться тѣмъ изъ дворянъ, которые были поумнѣе. Пламя возстанія быстро распространялось и перебѣгало отъ границы къ границѣ. Большая часть мѣстнаго дворянства, члены правительства и штокахскаго земскаго суда бѣжали изъ своихъ замковъ и городовъ въ Радольфцелль, крѣпкія стѣны котораго и благонамѣренное городское населеніе обѣщали имъ больше безопасности. Наступило крещеніе, пріѣхали посредники, прибыли выборные отъ крестьянъ; но дворяне не явились. Не было ни графа Зигмунда фонъ-Лупфена, ни графа Рудольфа фонъ-Зульца, ни Давида фонъ-Ландека. Поэтому крестьяне снова ни на что не согласились. Положили вновь собратъся черезъ четыре недѣли *).

20 января 1525 г. происходили переговоры Трухзеса Георга и нѣсколькихъ австрійскихъ комиссаровъ съ брегтальцами и другими подданными города Виллингена. Предложенія его, по которымъ крестьянамъ дѣлались нѣкоторыя уступки, были приняты всѣми, кромѣ брегтальцевъ. Въ воскресенье передъ Стрѣтениемъ онъ пріѣзжалъ снова одинъ и уговорилъ брегтальцевъ возобновить свою присягу городу и болѣе не нарушать спокойствія **). Также успѣшно кончилъ онъ переговоры съ подданными аббата Санктъ-Георгена ***).

Но онъ потерпѣлъ неудачу въ переговорахъ съ жителями Гегау. Здѣшніе крестьяне не послушались ни его краснорѣчія,

*) Рукоп. Вилинг. хрон. Нѣсколько рукоп. акт. въ собр. пр. ф. Шмида. Рукоп. хроника Ст. Блазія. Акты Штутг. госуд. арх. Особенно же Анналы Лудвига Зейдлера и одна рукопись изъ собранія пр. ф. Шмида (тоже, что цейльская рукопись).

**) Рукопись Виллингенской хроники.

***) Седьмой документъ въ приложеніяхъ къ сочиненію Вальхнера: „Трухзесъ Георгъ.“

ни увѣщаній, ни угрозъ. Они думали, что уступки, которыя онъ имъ предлагалъ, ничто иное, какъ обманъ, и были правы.

Незадолго до того графъ Вильгельмъ фонъ-Фюрстембергъ, который былъ еще лучше многихъ аристократовъ, велъ переговоры за себя, за своего брата и за графовъ фонъ-Лупфена и фонъ-Зульца съ крестьянами штюлингенскими, баарскими и клеттгаускими; переговоры происходили въ имперскомъ палатномъ судѣ въ Эслингенѣ. Крестьяне настаивали на своихъ 16 статьяхъ, требуя, чтобы онѣ были приняты въ основаніе переговоровъ, но графъ соглашался признать и принять только нѣкоторыя изъ нихъ. Такимъ образомъ рушились и эти переговоры, хотя уже прошолъ слухъ, что здѣшніе крестьяне примирились въ Эслингенѣ съ своими господами *).

Между тѣмъ эрцгерцогъ сдѣлалъ заемъ у Вельзеровъ въ Аугсбургѣ и готовилъ войско; поэтому господа заговорили съ крестьянами иначе.

Еще въ половинѣ января эрцгерцогъ писалъ въ Штокахъ своимъ комиссарамъ: «Конница должна напасть на мятежныхъ непослушныхъ крестьянъ и подданныхъ. Слѣдуетъ, гдѣ только можно, хватать ихъ, поднимать на дыбу и пытать иными способами, допрашивая, кто ихъ начальники, коноводы и зачинщики, велики ли силы ихъ, чего они хотятъ и противъ кого замышляютъ дѣйствовать; и по допросѣ должно ихъ закалывать или удавливать, или иначе строго наказывать, не давая никакой пощады; но въ особенности должны стараться тщательно выслѣживать ихъ предводителей, военачальниковъ и другихъ вождей, разузнавать, гдѣ они чаще всего бываютъ и тайкомъ неожиданно въ ночную пору забирать по домамъ и трактирамъ, порознь или всѣхъ вмѣстѣ и затѣмъ губить ихъ, какъ найдется удобнѣе. Если же до ареста они успѣютъ убѣжать въ лѣса или укрыться гдѣ нибудь, то слѣдуетъ безъ милосердія опустошать, разрушать и жечь ихъ дома, имѣнія и имущества, а у бѣглыхъ зачинщиковъ мятежа, не ограничи-

*) Сборникъ прелата фонъ-Шмида.

ваясь истребленіемъ имущества, выгонять и изгонять изъ страны ихъ женъ и дѣтей» *). Вальхнеръ относитъ это письмо къ третьему числу января, но по началу его видно, что оно не могло быть писано ранѣе половины этого мѣсяца.

Такъ говорилъ врагъ народной свободы, полуиспанецъ, полуголландецъ, эрцгерцогъ Фердинандъ, воспитанный попами въ принципахъ деспотизма. Онъ продолжалъ собирать деньги и войско, «дабы имѣть подъ рукой все нужное, если бы пришлось силою покорять и наказывать крестьянъ» **). И подобныя приказанія онъ давалъ въ то самое время, когда еще шли переговоры!

Подавить мятежъ было поручено Трухзесу Георгу фонъ-Вальдбургу, назначенному главнокомандующимъ. При немъ состояло два военные совѣтника, фонъ-Герольдсекъ и Рудольфъ фонъ-Эгингенъ.

Опасаясь, чтобы городокъ Энгенъ не присталъ къ крестьянамъ, Трухзесъ поспѣшилъ занять его. Между горожанами происходили несогласія, и нѣкоторые изъ нихъ были уже въ крестьянскомъ лагерѣ. Трухзесъ съ трудомъ выхлопоталъ, чтобы его впустили въ городъ. Изъ города онъ старался посягать раздоры между крестьянствомъ ***) и, потерпѣвъ въ этомъ неудачу, 15 февраля объявилъ «мятежнымъ крестьянамъ Гегау»: «Если они не отстанутъ отъ людей и подданныхъ, принадлежащихъ его великокняжеской австрійской свѣтлости, а именно, отъ мятежниковъ мюльгаузенскихъ, виескихъ и кирхштеттенскихъ, виновныхъ въ неповиновеніи и измѣнѣ; если не выдадутъ ему всѣхъ, имѣющихся у нихъ, мятежниковъ для поступленія съ ними по закону; если до завтрашняго вечера не внесутъ ему наличными деньгами по 10 рейнскихъ гульденовъ съ cadaго дома, принимавшаго участіе въ

*) Седьмой документъ въ приложеніяхъ у Вальхнера: Трухзесъ Георгъ.

**) Тамъ же.

***) Донесеніе комиссаровъ эрцгерцогу отъ послѣдняго числа января 1525 г. Приложеніе десятое у Вальхнера.

мятежѣ, или, по крайней мѣрѣ, если не представляютъ залогъ и поручительство въ томъ, что выплатятъ эти деньги въ теченіе мѣсяца, — то съ ними будетъ поступлено, какъ съ нарушителями имперскаго земскаго мира, т. е. ихъ накажутъ грабежомъ, огнемъ и мечомъ; пускай они подумаютъ объ этихъ условіяхъ» *).

Гегаускій народъ не имѣлъ никакого желанія принять эти «умѣренные предложенія.» Въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль крестьяне значительно усилились, и къ нимъ пристало много народа, бывшаго доселѣ спокойнымъ. Деревнямъ, не желавшимъ присоединяться къ нимъ, они грозили нападеніемъ. Едва Трухзесъ уѣхалъ въ Энгенъ, какъ возстали многія мѣстности, которыхъ до того времени удерживала въ повиновеніи близость войска **). Въ концѣ января крестьяне Шварцвальда снова собрались въ Эватингенъ, взяли другъ съ друга клятву и рѣшились силою добиваться своихъ правъ. Въ ночь на 27 число этого мѣсяца австрійское правительство получило извѣстіе, что они хотятъ расположиться передъ Гюфингеномъ. Въ воскресенье, 30, клеттгаускіе крестьяне вступили съ бѣлымъ и синимъ знаменемъ въ городъ Вальдсгутъ, бывшій въ открытомъ возстаніи.

Правительственные комиссары не знали, что дѣлать. При такомъ широкомъ распространеніи мятежа, который охватилъ множество городовъ и селеній отъ Брисгау до Констанцкаго озера и отъ Альгау до Риса, съ ихъ небольшими военными силами нельзя было ничего сдѣлать. Положеніе правительства было бы гораздо лучше, если бы Трухзесъ могъ дѣйствовать противъ всѣхъ соединенныхъ силъ крестьянъ вмѣстѣ, хотя онѣ были многочисленны. Притомъ эрцгерцогъ, живя въ Инспрукѣ, не имѣлъ никакого понятія о томъ, что дѣлается. Его инструкции, быстро слѣдовавшія одна за другой, противорѣчили

*) Документъ тамъ же. Приложение восьмое. Вотъ тѣ «умѣренные предложенія» Трухзеса и эрцгерцога, о которыхъ говорятъ многіе историки.

**) Донесеніе комиссаровъ.

другъ другу. Едва приходило приказаніе, какъ вслѣдъ за тѣмъ оно отмѣнялось; едва прислалъ онъ приказъ собрать на озерѣ изъ разныхъ мѣстъ австрійскихъ владѣній въ Швабіи конныя и пѣшія войска и атаковать ими крестьянъ, какъ приказъ этотъ былъ уже отмѣненъ и было наоборотъ повелѣно повременить рѣшительными дѣйствіями противъ крестьянъ, отослать назадъ уже прибывшую кавалерію и оставить до дальнѣйшихъ приказаній прочія войска на квартирахъ. Комиссарамъ пришлось взять на себя отвѣтственность поступить вопреки этому послѣднему приказанію, «потому что отъ него произошелъ бы для его княжеской свѣтлости явный ущербъ, вредъ и посрамленіе» *).

Швабскій союзъ также не мало стѣснялъ комиссаровъ. Они принуждены были совѣтовать и предписывать Трухзесу ничего не предпринимать противъ крестьянъ безъ явнаго повода; иначе швабскій союзъ могъ замѣтить имъ, что они начали войну безъ его вѣдома **).

Швабскій союзъ началъ дѣйствовать ревностно только тогда, когда возстаніе стало слишкомъ грозно и когда ему стала грозить опасность и съ другой стороны. Старый врагъ союза желалъ, казалось, стать во главѣ крестьянскаго движенія. 11 февраля 1525 канцлеръ Эккъ писалъ герцогу Вильгельму Баварскому: «отъ нѣкоторыхъ лютеранъ вторично слышали, что вальдсгутскіе бунтовщики и другіе мятежные крестьяне получаютъ деньги отъ герцога Ульриха Виртембергскаго.»

*) Донесеніе комиссаровъ.

**) Тамъ же.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Герцогъ Ульрихъ Опальный и крестьяне.

Когда въ 1514 году въ Виртембергѣ крестьянамъ не удалось «удержать за собой свои древнія права и остаться при справедливости», или, какъ говорили другіе, «помочь божественному правосудію», когда сотни крестьянъ и въ томъ числѣ «многіе добрые люди», «многіе благочестивые, невинные люди *)», были принуждены удалиться изъ родины—тогда Швейцарія и Шварцвальдъ дали имъ убѣжище и пристанище. «Несчастные виртембергскіе изгнанники» являлись на швейцарскіе сеймы съ просьбою заступиться за нихъ. Судьба и характеръ ихъ возбуждали участіе федеративнаго правительства. Оно услышало ихъ просьбы и ходатайствовало за нихъ, но Ульрихъ отвѣчалъ, что готовъ простить всѣхъ, просящихъ о возвращеніи въ страну, «кромѣ зачинщиковъ, начальниковъ и подстрекателей.» «Мы не можемъ принять этихъ условій, отвѣчали изгнанники на Люцернскомъ сеймѣ, потому что мы всѣ, сколько насъ есть, зачинщики и подстрекатели, но не на мошенничество какое нибудь, а на возвращеніе себѣ нашихъ древнихъ правъ. Таковы были и предки швейцарскихъ союзниковъ, Штауфахеръ и Вильгельмъ Телль, храбрые подвиги которыхъ доселѣ честно славить весь союзъ, хотя, если послушать государей и дворянъ, то честные люди эти ничто иное какъ измѣнники и злодѣи **).» Швейцарскій союзъ часто ходатайствовалъ передъ герцогомъ за изгнанниковъ. Виртембергцамъ, столь привязаннымъ къ своей

*) Рукопись Виллингенской хроники: „Въ то время многіе благочестивые невинные люди должны были разстаться съ домами и имуществами, съ женами и дѣтьми, вопреки Богу и праву.“ Такъ судили безпристрастные современники въ Виртемберга.

**) Готтингеръ. Исторія Швейцаріи. Томъ I.

родинѣ, приходилось въ теченіе долгихъ лѣтъ изнывать въ тоскѣ по родинѣ у самыхъ предѣловъ своего отечества, не смѣя переступить ихъ; но они не теряли надежды на возвращеніе, если не добромъ, то силою. Еще въ концѣ 1518 года герцогъ требовалъ, чтобы союзъ не слушалъ этихъ людей и не помогалъ имъ.

Но въ апрѣлѣ 1519 онъ былъ самъ опальнымъ изгнанникомъ, самъ молилъ швейцарскіе сеймы о помощи и блуждалъ безпріютный на рубежѣ своего отечества.

Ульрихъ продолжалъ по прежнему преслѣдовать Бѣднаго Конрада. «Какъ будто находили удовольствіе какое нибудь потѣшаться надъ кровавымъ потомъ народа.»

Тщетно сами совѣтники его представляли ему, что если онъ не вспомнить о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, а главное о Господѣ Богѣ, и не перемѣнить образа жизни и управленія, а будетъ дѣйствовать по прежнему произвольно, то изъ всего ясно и очевидно для каждаго, что онъ подвергнетъ себя опасности, лишится княжеской чести и сана, здравія и жизни и доведетъ до гибели своихъ совѣтниковъ и всю страну. Но въ этихъ совѣтахъ онъ видѣлъ лишь доказательства честолюбиваго и властолюбиваго намѣренія городской аристократіи приготовить ему участь его предшественника, Эбергарда Младшаго. Поэтому, чтобы держать ихъ въ страхѣ, онъ дѣйствовалъ жестокостями, ввелъ въ странѣ систему террора и казнилъ съ неслыханными мученіями нѣсколькихъ совѣтниковъ, въ томъ числѣ Конрада Брейнинга, обвинителя крестьянъ при кровавой расправѣ надъ Бѣднымъ Конрадомъ. Онъ тиранилъ свою жену, Баварскую принцессу; онъ, какъ убійца, собственноручно зарѣзалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, Ганса фонъ-Гуттена, происходившаго изъ могущественнаго франконскаго дома и имѣвшаго красавицу жену. Сабина, страшась за свою свободу, а, быть можетъ, и за самую жизнь, бѣжала въ Баварію. Противъ герцога поднялись вассалы Гутеновъ, почти все франконское и швабское дворянство и герцоги баварскіе. Онъ былъ объявленъ опальнымъ и наконецъ, когда, не взирая

на все это, онъ напалъ на вольный имперскій городъ Рейтлингенъ и, подчинивъ его себѣ, присоединилъ къ виртембергскимъ владѣніямъ, Швабскій союзъ изгналъ его изъ государства, которое было завоевано, занято и наконецъ продано австрійскому эрцгерцогу Фердинанду.

Такимъ образомъ иностранцы распоряжались въ Виртембергѣ. Но ненависть виртембергцевъ къ Австріи коренилась такъ давно и такъ далеко, что заставила ихъ забыть все, что они претерпѣли при Ульрихѣ. Три мѣсяца спустя послѣ своего изгнанія, Ульрихъ попытался возвратитъ себѣ свои владѣнія; онъ собралъ двѣнадцать ротъ вольныхъ ландскнехтовъ, и къ нему пристали почти всѣ, «которые нѣкогда по милости должны были покинуть страну», въ томъ числѣ 40 крестьянъ верхомъ безъ сѣделъ.

Такимъ образомъ за него шли изгнанные имъ виртембергцы, бывшіе противъ него въ Бѣдномъ Конрадѣ. Враги обвиняли его въ желаніи возвыситься посредствомъ новаго Бѣднаго Коонца. Въ концѣ 1518 г. императоръ обвинялъ его, что онъ приманиваетъ къ себѣ главныхъ начальниковъ Бѣднаго Коонца и самъ затѣваетъ возстановитъ его. Дворянство же, незадолго до его изгнанія, объявило публично, что, «увидавъ неудовольствіе именитыхъ людей своего государства на его безразсудные поступки и дѣйствія, онъ пересталъ имъ вѣрить, присталъ къ развращенной черни, расположилъ ее къ себѣ, окружилъ себя нѣкоторыми легкомысленными особами, изъ коихъ многія уже давно заслужили казнь своими преступленіями, и при помощи ихъ дѣйствовалъ противъ именитыхъ людей» *). Первый, принявшій его сторону и говорившій въ его пользу передъ штутгартскими воротами, былъ шорндорфецъ Бестлинъ, служившій въ его войскѣ начальникомъ. Въ его войскѣ было много людей, принадлежав-

*) Посланіе виртембергскаго дворянства швейцарскому союзу отъ 7 ноября 1519 г.

шихъ прежде къ Бѣдному Конраду, особенно ремстальцевъ. Они были очень преданы изгнанному герцогу.

Онъ завоевалъ Штутгартъ и большую часть своего государства. Одна современная пѣсня говоритъ, что «крестьяне и бѣдный людъ силою возстановили его» *). Но онъ не могъ удержаться противъ аристократіи и Швабскаго союза. Несмотря на храбрость и искусство начальника вольныхъ ландскнехтовъ, Ганса Мюллера, онъ потерялъ сраженіе при Унтертюркгеймѣ. Герцогъ вторично бѣжалъ изъ своихъ владѣній. Сражавшіеся за него крестьяне разошлись по деревнямъ и домамъ. Многіе, возвратившіеся съ нимъ, снова бѣжали изъ страны. Кромѣ того много бѣжало такихъ, которые прежде не были изгнанниками.

Такимъ образомъ Опальному не удалось возстановитъ себя на престолѣ съ помощью простаго народа. Тѣмъ не менѣе австрійское правительство, овладѣвшее его государствомъ, продолжало опасаться съ его стороны новой попытки.

Въ богатомъ замкѣ и развалинахъ Гегау, между восемью отдѣльно стоящими вулканическими вершинами возвышается надо всѣми ими скала Твиль или Гогентвиль. Высота ея, отъ лежащаго у ея подножія торговаго мѣстечка Зингена до вершины, три четверти часа ходьбы. На ней стояла крѣпость, которую природа и искусство сдѣлали неприступною. Она была извѣстна еще римлянамъ. Теперь она скрыта. Съ 1515 г. герцогъ Ульрихъ приобрѣлъ отъ Генриха фонъ-Клингенберга, которому она принадлежала, право доступа въ нее, а съ 23 мая 1522 г. вступилъ въ полное пользованіе ею. Онъ жилъ то въ своемъ наслѣдственномъ зарейнскомъ владѣніи Монбельярѣ, то въ Золотурнѣ, гдѣ, какъ и въ Луцернѣ, считался гражданиномъ, то наконецъ въ Гогентвилѣ; но большею частью онъ ѣздилъ по Швейцаріи, изъ города въ городъ, испрашивая помощи у союзниковъ. Съ высокой отвѣсной скалы Твиля онъ часто смотрѣлъ на разстилавшіяся внизу области

*) Аретинъ 5, 514.

верхней Швабии, тоскуя о своемъ Виртембергѣ, котораго не могъ видѣть.

Въ концѣ 1522 г. въ Виртембергѣ разнесся слухъ, что въ верхнихъ странахъ поднялся «новый Башмакъ» на помощь герцогу Ульриху, что возстали крестьяне въ Тургау, въ Гегау и другихъ окрестныхъ мѣстахъ, что они выкинули бѣлое шелковое знамя, на которомъ нарисовано солнце и золотой башмакъ съ надписью: «кто хочетъ быть свободнымъ, иди къ этому солнцу.»

Городъ Юберлингенъ также извѣщалъ объ этомъ штутгардское правительство. Онъ писалъ, что такія вещи дѣлаются по всей странѣ въ лѣсахъ и на задворьяхъ. Баронъ Георгъ фонъ-Гевенъ, извѣстный своей преданностью слуга Ульриха, женился недавно на графинѣ фонъ-Гогенталь и намѣревался пріѣхать съ ней въ свой замокъ. Когда, по обычаю нѣкоторыхъ мѣстностей Швейцарскаго союза, молодые парни пошли на встрѣчу невѣстѣ, чтобы съ почетомъ принять ее, «къ нимъ пристали башмачники и практиканы; подъ предлогомъ встрѣчи ея они хотятъ собраться въ Фрауенфельдъ и идти оттуда съ распущенными знаменами прямо въ Гогентвиль, куда герцогъ только что пріѣхалъ и гдѣ собралось много виртембергскихъ подданныхъ; оттуда они пойдутъ на княжество Виртембергъ.»

Штутгардское правительство такъ испугалось этого, что поспѣшно отправило гонцовъ къ эрцгерцогу Фердинанду на имперскій сеймъ въ Нюрнбергъ. Вооружили всю страну, усилили пограничные гарнизоны, просили скорой помощи Швабскаго союза и приказали окружнымъ фогтамъ и начальствующимъ лицамъ въ Брисгау, Эльзасѣ, Зундгау и въ другихъ приавстрійскихъ странахъ готовиться къ отраженію нападенія. «Простой народъ, писали правительственныя власти эрцгерцогу, повсюду стремится теперь сдѣлаться свободнымъ, завладѣть имуществомъ богатыхъ и не платить никакихъ повинностей. Мы замѣтили такое же настроеніе и въ Виртембергѣ. На пѣхоту, состоящую изъ горожанъ и крестьянъ, полагаться нельзя; поэтому пришлите скорѣе корпусъ кавалеріи, чтобы

можно было принять своевременныя мѣры, пока мятежъ еще не усилился.»

Правительство отправило въ округи виртембергскаго Шварцвальда двухъ тюбингенскихъ гражданъ, Михаеля Реслера и Іёрха Тишмахера. Имъ было поручено обратить вниманіе городовъ на грозящій Башмакъ, внушить имъ вѣрность правительству и представить всю опасность, которая грозитъ имъ со стороны мятежа. «Хотя Ульрихъ, поджигающій это возстаніе, и бунтовщики обѣщаютъ свободу, но извѣстно, что бывшіе подданные этого герцога не видали отъ него большой свободы, и, напротивъ того, онъ хотѣлъ даже лишить ихъ всѣхъ вольностей. Поэтому каждый разумный человѣкъ понимаетъ, что приверженцы Ульриха ни мало не помышляютъ о свободѣ, а просто хотятъ отнять и подѣлить между собою имущества тѣхъ, которые пріобрѣли его съ великимъ трудомъ и заботами. И таково всегда желаніе злонамѣреннаго Башмака лишать всѣхъ всякихъ вольностей, которыя они имѣютъ, и повергать людей въ худшее рабство, чѣмъ прежде. Еслибы герцогъ и его приверженцы вздумали поддерживать свободу, то на какія средства стали бы они удовлетворять своей роскоши, гордости и требованіямъ своего сана? Слѣдовательно, подъ заманчивымъ предлогомъ свободы, онъ хочетъ покорить неразумныхъ и глупыхъ людей тайной отравѣ своего прежняго тяжкаго ига и повергнуть ихъ въ прежнее рабство. Всякій честный человѣкъ долженъ подумать, какъ бы воспротивиться всѣми силами своими этому яростному покушенію, жертвуя жизнью и имуществомъ. Еслибы злой умыселъ этотъ не осуществился теперь же, то слѣдуетъ принять мѣры, чтобы онъ не могъ осуществиться и въ будущемъ, потому что очевидно, что герцогу Ульриху невозможно возвратиться въ свои прежнія владѣнія инымъ путемъ, кромѣ того, который такъ недостоемъ князя и христіанина. По всѣмъ же предшествовавшимъ поступкамъ его должно ожидать, что онъ и его приверженцы ни мало не задумаются снова возжечь этотъ адскій Башмакъ. Если, чего сохрани Боже, ему удалось бы, какимъ бы то ни было обра-

зомъ, достичь этого, то конечно онъ возобновить свою прежнюю тиранію и приведетъ въ исполненіе все, чего не успѣлъ исполнить, то есть, уничтожить всѣ вольности, которыми нынѣ пользуются подданные, и обратить ихъ въ такое рабство, какого еще не было ни въ одной нѣмецкой странѣ. Такъ дѣйствовалъ онъ и при недавнемъ вторженіи своемъ въ это государство.»

Швейцарскому союзу правительство писало слѣдующее: «Не вѣрьте слухамъ, будто Ульрихъ имѣетъ въ странѣ приверженцевъ и будто простой народъ пристанетъ къ нему, когда онъ начнетъ свое башмачное предпріятіе. Поэтому не помогайте, а препятствуйте ему.»

Яковъ Раммингеръ, посланный правительствомъ въ Верхнюю Швабію и Швейцарію, нашелъ всюду спокойствіе. Онъ не замѣтилъ никакихъ признаковъ опасности. Въ Цюрихѣ ни о чемъ не знали. Швейцарскій сеймъ, засѣдавшій въ Баденѣ, писалъ отъ 18 декабря въ Виртембергъ, что ничего не знаетъ и не слыхалъ о Башмакѣ или о нападеніи, будто бы готовящемся на Виртембергъ, о которыхъ его извѣщали. Однако будутъ приняты мѣры для охраненія горныхъ проходовъ и мостовъ и для поимки лицъ, оказавшихся мятежными.

Трудно сказать, насколько слухи эти были въ то время справедливы. Незадолго до того Ульрихъ занялъ у золотурнцевъ 11,000 гульденовъ подъ залогъ имѣній своихъ, Клервала и Пассавана. Приверженцы его, Каспаръ фонъ-Фрейбергъ, Буркгардъ фонъ-Вейлеръ и фонъ-Лиръ, прибыли въ это время въ Гогентвилъ подъ предлогомъ успокоить гарнизонъ, недовольный задержкой жалованья. Но трудно сказать, нужна ли была для этого столь значительная сумма. Извѣстно, что отъ 16 декабря до 19 января Ульрихъ не выѣзжалъ изъ Монбельяра, но нельзя сказать, чтобы это доказывало, что онъ не былъ въ Гогентвилѣ въ первыхъ числахъ декабря, какъ носился слухъ. Наконецъ невозможно рѣшить, былъ ли рассказъ о бѣломъ знамени Башмака чистой выдумкой, или зная это дѣйствительно уже готовилось, или наконецъ оно было

уже развернуто, но потомъ снова спрятано, до болѣе благоприятнаго времени. Однако нельзя оставить безъ вниманія тотъ фактъ, что въ Ремской долинѣ, между Громбахомъ и Гебахомъ, на дорогѣ былъ найденъ плоскій кирпичъ, неизвѣстно откуда взявшійся, точно упавшій съ неба. На одной сторонѣ его былъ изображенъ олений рогъ съ надписью: «привѣтъ Виртембергу!» а на другой охотничій рожокъ и латинская надпись: «Да здравствуетъ герцогъ Ульрихъ!»

Съ наступленіемъ лѣта 1524 г. опасенія австрійскаго правительства возобновились.

Около Михайлова дня гёппингенскій фогтъ, Яковъ фонъ-Бернгаузенъ доложилъ совѣту имперскаго города Ульма отъ имени намѣстника и совѣта штутгартскихъ, что гегаускіе крестьяне отказались служить своимъ господамъ и вступили въ сношенія съ герцогомъ Ульрихомъ, намѣреваясь вторгнуться въ Виртембергъ.

30 ноября городъ Констанцъ писалъ аббату Цвифальтенскому, который отослалъ его письмо въ Штутгартъ, «что герцогъ Ульрихъ, какъ послѣдователь лютеранской секты, имѣетъ въ Швейцаріи много приверженцевъ и обѣщаль по завоеваніи своей страны защитить евангеліе, освободить народъ отъ крѣпостной зависимости и отъ всякихъ повинностей и уничтожить монастыри и аббатства» *). Въ концѣ года было получено много донесеній изъ округовъ Тутлингенскаго и Балингенскаго о томъ, что тамошніе крестьяне находятся въ сношеніи съ гегауцами и герцогомъ, который набираетъ въ Швейцаріи войско и держитъ въ Гогентвилѣ много пушекъ.

Вскорѣ послѣ того правительственная комиссія, находившаяся въ Штоккахѣ, получила извѣстіе, что «возставшіе крестьяне въ Гегау, Шварцвальдѣ и другихъ мѣстахъ сносятся и практикуютъ съ герцогомъ Ульрихомъ, проживающимъ въ Шафгаузенѣ»; комиссію извѣщали, что «герцогъ и крестьяне, какъ мятежные, такъ и мирные, нападутъ на замки и города

*) Рукопись въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ.

и отнять у австрийского дома не только Гегау, но и все княжество Виртембергское *).

До новѣйшаго времени часто сомнѣвались въ намѣреніи Ульриха вооружить крестьянъ; но это совершенно справедливо. Чѣмъ болѣе распространялось крестьянское возстаніе, чѣмъ болѣе приходилось австрийскому правительству и Швабскому союзу хлопотать о сохраненіи порядка между своими собственными подданными въ своихъ собственныхъ странахъ, тѣмъ болѣе надеждъ открывалось Ульриху возвратить себѣ свои утраченныя владѣнія. Поэтому Ульрихъ не только пользовался крестьянскимъ возстаніемъ, но и поджигалъ его, что было совершенно естественно въ его положеніи, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не былъ слишкомъ разборчивъ въ средствахъ. Онъ уже давно состоялъ на службѣ у Франціи, воевавшей съ главнымъ врагомъ Ульриха, Австріей. Французскимъ золотомъ хотѣлъ онъ платить крестьянамъ Гегау, Тургау и герцогства Баденскаго.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Фуксштейнъ и планъ Опальнаго.

Тайные переговоры въ этомъ дѣлѣ со стороны Ульриха велъ въ это время одинъ замѣчательный авантюристъ, называвшій себя рыцаремъ и докторомъ Іоганномъ фонъ-Фуксштейномъ. Пфальцскій дворянинъ, онъ былъ сынъ не баварскаго регенсбургскаго городского правителя, о которомъ мы говорили выше, а амбергскаго земскаго судьи; до 1523 года онъ былъ канцлеромъ пфальцграфа Фридриха и титуловался по своему пфальцкому лену, Эбермансдорфу.

*) Донесеніе комиссаровъ эрцгерцогу. Прил. X у Вальхнера.

Современники, даже враги, отзываются съ похвалою о его способностяхъ. Менѣе благопріятны отзывы не только враговъ, но и друзей о его характерѣ. «Хитрый плутъ, прибѣгавшій ко всякимъ подлостямъ», называетъ его одинъ современникъ *). Губертъ Томасъ, наслѣдовавшій Фуксштейну въ должности секретаря пфальцграфа, говоритъ о немъ: «Фуксштейнъ былъ очень ловокъ, но нѣсколько подловатъ; онъ продавалъ за деньги право и честность и вертѣлъ ими, какъ хотѣлъ, если видѣлъ въ томъ свою выгоду; онъ такъ умѣлъ своимъ языкомъ расписать порокъ, что многіе обманывались и принимали его за честнаго человѣка; но въ этомъ они ошибались.»

При дворѣ пфальцграфа онъ отличался тѣмъ же геніальнымъ легкомысліемъ, тою же блистательною низостью, какъ и сами пфальцграфы, его сластолюбивые государи. Въ 1522 г. пфальцграфъ Фридрихъ сдѣлалъ его членомъ имперскаго правленія.

Въ этомъ званіи онъ помогалъ предпріятію Зикингена. Онъ участвовалъ въ заговорѣ франконскаго рыцарства и старался вовлечь пфальцграфовъ въ планъ Зикингена противъ духовныхъ государей, а когда это не удалось, хотѣлъ запутать ихъ въ распри съ ихъ родственниками. Интриги его обнаружились, потому что въ бумагахъ Зикингена были найдены его собственноручныя письма; положеніе его стало шатко. Онъ бѣжалъ изъ страны прежде, чѣмъ пфальцграфы успѣли притянуть его къ отвѣтственности за то, что, по собственнымъ словамъ его въ письмѣ къ Зикингену, онъ «слѣдовалъ духу времени» и старался «обуздать государей и освободить германское дворянство отъ ихъ невыносимаго ига.» Въ наказаніе были конфискованы его лены; онъ уѣхалъ въ Швейцарію, куда послѣ паденія Зикингена бѣжали и другіе опальные рыцари.

Онъ поступилъ на службу къ Ульриху Опальному, герцогу Виртембергскому. Съ этихъ поръ его называютъ то совѣтникомъ, то канцлеромъ Ульриха. Какъ бывшему сообщнику членовъ

*) Гемейнеръ, Регенсбургская лѣтопись по свидѣтельствамъ современниковъ.

дворянского заговора Зикингена и какъ политическому изгнаннику по той же причинѣ, какъ и они, ему не трудно было составить союзъ между ними и своимъ новымъ господиномъ, княземъ эмигрантомъ Ульрихомъ.

Изъ числа опальныхъ друзей Зикингена въ Швейцаріи находились: Гартмутъ фонъ-Кронбергъ; гофмаршалъ курфирста майнцаго, Фровенъ фонъ-Гуттенъ; Розенберги боксбергскіе; жестокій Томасъ фонъ-Абсбергъ; сынъ Франца Зикингена, Швейкеръ фонъ-Зикингенъ и, кромѣ этихъ именитыхъ вождей франконскаго рыцарскаго союза, многіе другіе опальные рыцари съ Майна, Таубера и Рейна. Между ними, кажется, находился и Флоріанъ Іейеръ фонъ-Іейерсбергъ на Ибельштатѣ.

Большая часть этихъ рыцарей участвовали подъ знаменемъ швабскаго союза въ изгнаніи герцога Ульриха изъ Виртемберга въ отмщеніе за убитаго Ульрихомъ родственника ихъ, Гуттена. Несчастіе свело въ Швейцаріи этихъ старыхъ враговъ, герцога и рыцарей, и соединило ихъ противъ общаго врага; у нихъ, какъ и у него, главною цѣлью было вернуться въ отечество и возвратить себѣ свои владѣнія.

Еще до этого Ульрихъ завелъ сношенія съ богемскимъ рыцарствомъ. Рыцари готовили ему вспомогательныя войска и крѣпости на богемско-баварской границѣ.

Франконскіе опальные съ отрядомъ въ 110 человекъ конницы собрались въ зарейнскомъ графствѣ Ульриха, Монбельярѣ. Въ Базелѣ герцогъ собралъ всѣхъ своихъ друзей и держалъ военный совѣтъ. Было рѣшено прежде всего раздѣлить силы Швабскаго союза; для этой цѣли было положено соединиться съ мятежными крестьянами Верхней Швабіи и произвести нападеніе на владѣнія герцоговъ баварскихъ со стороны Богеміи.

Баварія, т. е. тамошніе герцоги и умный баварскій канцлеръ Эккъ, была главною опорою Швабскаго союза. Было положено отвлечь вниманіе ихъ, произведя частью опальнаго дворянства Франконіи и богемскимъ рыцарствомъ вторженіе въ Баварію изъ Богеміи; въ то же время альгаускіе

крестьяне, соединившись съ Ульрихомъ и собраннымъ имъ войскомъ изъ швейцарцевъ и изгнанниковъ, участвовавшихъ нѣкогда въ виртембергскомъ возстаніи Башмака, должны были напасть на Баварію спереди. Такимъ образомъ Ульрихъ могъ бы быстро занять свое герцогство. Искуснѣйшіе изъ членовъ Бѣднаго Коонца намѣревались отправиться туда немедленно, чтобы расположить въ его пользу крестьянъ.

Гартмутъ фонъ-Кронбергъ съ частью франконскихъ опальныхъ лично отправился въ Богемію; при немъ былъ и Фукштейнъ. Другая часть изгнанныхъ франконскихъ дворянъ осталась въ Оберландѣ, чтобы руководить вторженіемъ швабскихъ крестьянъ въ баварскія владѣнія.

Франконскіе опальные сновали по богемской границѣ, заводили сношенія, набирали солдатъ. Служители ихъ вербовали конницу даже въ Верхнемъ Пфальцѣ. Осенью 1524 самъ Фукштейнъ ѣздилъ съ коннымъ отрядомъ на границу между Баваріей, Верхнимъ Пфальцемъ и Богеміей.

Въ январѣ 1525 Фукштейнъ поспѣшно возвратился къ Ульриху въ Швейцарію и былъ посланъ за деньгами къ королю Франциску французскому; тѣмъ временемъ прочіе должны были ждать благопріятной минуты для вторженія въ Баварію съ набранными войсками и поднятыми ими богемскими крестьянами. Въ письмѣ своемъ къ королю французскому Ульрихъ говоритъ, что ему представился случай собрать нѣкоторое число храбраго народа, коннаго и пѣшаго, въ томъ числѣ подданныхъ враговъ его и короля, австрійскихъ и другихъ, и жителей Верхняго и Нижняго Шварцвальда, Гегау и Клеттгау, всего нѣсколько тысячъ человекъ; при помощи ихъ онъ надѣется возвратить свое наслѣдственное княжество, но ему недостаетъ небольшой суммы денегъ; поэтому онъ проситъ его величество дать ему займы 15,000 кронъ; на эти деньги онъ найметъ упомянутыхъ шварцвальденцовъ, гегауцовъ и кледгауцовъ, а также отряды швейцарцевъ и рейтаровъ—всего до 12,000 человекъ съ пушками и артиллеристами; онъ найметъ ихъ на мѣсяцъ, платя по гульдену за человека,

а если понадобится то и на долъше, пока не возвратить себѣ свое княжество.

Фукштейнъ отправился въ лагерь короля Франциска при Павіи. Тѣмъ временемъ герцогъ продолжалъ вербовать людей и интриговать. Онъ жилъ въ своей крѣпости Твилѣ между бунтующими крестьянами; сборный пунктъ клеттгауцевъ и шварцвальденцевъ, Гюльцингенъ, лежалъ у самага подножія Твильской горы. Въ это время онъ уже старался войти въ соглашенія съ Гансомъ Мюллеромъ бульгенбахскимъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Гансомъ Мюллеромъ, отличившемся на службѣ Ульриху въ 1519 г., въ качествѣ начальника ландскнехтовъ; послѣдній, прозванный однорукимъ, служилъ въ это время въ войскѣ Швабскаго союза *). Вторженіе предводителя шварцвальденскихъ крестьянъ въ виртембергскія владѣнія было впрочемъ только рекогносцировкой. Ни крестьяне, ни Ульрихъ не были еще въ концѣ 1524 года готовы къ войнѣ. Притомъ герцогъ надѣялся, что Франція одержитъ въ верхней Италіи рѣшительную побѣду надъ Австріей; тогда крестьянамъ не трудно бы было восторжествовать, и Ульрихъ безъ труда занялъ бы Виртембергъ. Король Францискъ самъ писалъ Ульриху отъ 10 февраля 1525 г., что надѣется вскорѣ доставить ему добрыя вѣсти.

Ульрихъ снова получилъ большія суммы отъ Базеля и Золотурна подъ залогъ своихъ зарейнскихъ владѣній, откуда онъ вывезъ артиллерію въ Твиль, накупилъ новыхъ пушекъ и велѣлъ готовить порохъ и ядра. Въ Шафгаузенѣ, на Гогентвилѣ и подъ нимъ, въ Гюльцингенѣ, онъ нанималъ солдатъ и крестьянъ въ свою службу. Въ веселомъ расположеніи духа онъ разговаривалъ за столомъ въ трактирѣ съ верхнеэльзаскимъ дворяниномъ, Вольфомъ Дидрихомъ фонъ-Пиртомъ,

*) Рукописное описаніе крестьянской войны Ганса Луца аугсбургскаго, герольда Трухзеса Георга; онъ былъ очевидцемъ войны. Оригиналъ этой важной рукописи находился прежде во владѣніи у г. фонъ-Гальдера въ Аугсбургѣ, и Шмидтъ самъ снялъ съ него копію.

о томъ, какъ несправедливо упрекаютъ его, будто онъ хочетъ ввести въ свою страну Башмакъ; впрочемъ, говорилъ онъ, его поставили въ такое положеніе, что ему нельзя разбирать, кто поможетъ ему овладѣть своей страной, сапогъ или башмакъ (рыцарство или крестьянство). Но тѣмъ не менѣе онъ надѣется вернуться съ честью. Онъ намѣренъ сперва покорить страну и подданныхъ въ области Швабскаго союза, а потомъ безъ труда овладѣть своимъ герцогствомъ, такъ какъ будетъ располагать большими силами.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Происки герцога Ульриха и Фукштейна.

Прежняя репутація Ульриха была такова, что не могла привлечь къ нему крестьянъ. Поэтому герцогъ началъ поддѣлываться къ нимъ, ѣздилъ къ нимъ и говорилъ, что и онъ, какъ и они, «стоитъ за божеское право.» Онъ лично ѣздилъ къ крестьянамъ Гегау и Клеттгау, и на крестьянскую сходку въ Нейкирхенѣ; а на другія крестьянскія сходки разѣзжали его агенты *). Но ему не удалось приобрѣсти довѣрія клеттгауцевъ; онъ слишкомъ походилъ, въ ихъ глазахъ, на ихъ господина, надменнаго графа фонъ-Зульца. Не болѣе удачи имѣлъ онъ сначала и въ другихъ областяхъ.

Канцлеръ его, Фукштейнъ, отправился по этому въ Альгау и поселился тамъ въ небольшомъ имперскомъ городѣ, Кауфбейренѣ.

Тамъ, какъ и во многихъ другихъ имперскихъ городахъ, были двѣ партіи, аристократическая и общинная; въ ту пору онѣ сильно враждовали другъ съ другомъ. Аристократы, какъ

*) Въ штутгасерткомъ государственномъ архивѣ находится цѣлый рядъ документовъ по этому предмету.

въ религіи, такъ и во всемъ прочемъ, держались стараго порядка; община же стояла за новый. Главою ея былъ въ городѣ и въ округѣ новый бургормистръ, Блазій Гонольдъ. Главою старой партіи былъ прежній бургормистръ Георгъ Рёслинъ. Перевѣсъ былъ на сторонѣ общины.

Живя въ Кауфбейренѣ, Фуксштейнъ имѣлъ возможность руководить возставшими крестьянами и побуждать къ возстанію другихъ. Онъ находился здѣсь въ центрѣ крестьянъ епископа аугсбургскаго, князя аббата кемптенскаго, аббата ирзейскаго и многихъ другихъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей, области которыхъ лежали между Иллеромъ, Лехомъ и Дунаемъ, на самой границѣ Баваріи. Оттуда можно было вступать въ сношенія съ тирольцами, которые уже начали волноваться, и распространять возстаніе по верховьямъ Леха въ Баварію, посредствомъ агентовъ и прокламацій; оттуда же можно было силою принудить крестьянъ верхней Швабіи пристать къ крестьянскому союзу.

Фуксштейнъ прибылъ въ Кауфбейренъ не какъ военный начальникъ и не какъ бывший министръ курфирста, а какъ проповѣдникъ новаго ученія, какъ секретарь и слуга крестьянъ. Онъ велѣлъ устроить для себя въ церкви кафедру, съ которой проповѣдовалъ и объяснялъ по нѣмецки слово Божіе *). Кромѣ того онъ писалъ челобитныя для многихъ крестьянскихъ общинъ по сю и по ту сторону Леха; всѣ эти челобитныя имѣютъ чисто мѣстный характеръ. Вскорѣ Фуксштейнъ приобрѣлъ, въ качествѣ крестьянскаго адвоката и проповѣдника такое довѣріе между крестьянами, что въ мартѣ они сослались на него передъ швабскимъ союзомъ, какъ на одного изъ своихъ повѣренныхъ, на судъ котораго они желали представлять свои жалобы. Швабскіе комиссары менѣе всего желали имѣть его посредникомъ, а крестьяне, особенно альгаускіе, кромѣ его не хотѣли никого.

*) Донесеніе баварскаго полководца Зиг. Фафенгаузена изъ Шонгау въ Мюнхенъ, отъ 9 марта 1525 года. Іѣрхъ 168.

Атаковать герцоговъ баварскихъ разомъ съ двухъ сторонъ, изъ Богеміи и изъ Швабіи, и пресѣчь сношенія между ними и швабскимъ союзомъ — вотъ что было единственною цѣлью Ульриха и Фуксштейна, тогда какъ коноводы крестьянскаго движенія горячо стремились напротивъ того возстановить вооруженный союзъ швабовъ черезъ Баварію съ тирольцами, зальцбургцами и населеніемъ верхней и нижней Австріи. Они имѣли агентовъ во всѣхъ этихъ краяхъ и находились съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, руководя изъ Швабіи ихъ дѣйствіями *). Въ первыхъ числахъ марта крестьяне Ирзе, аугсбургской области, графства Монтфортскаго и княжества Кемптенскаго ожидали для возстанія, только сигнала изъ верхней Баваріи. Между крестьянствомъ царствовало такое единодушіе, что баварскіе полководцы не рѣшались предпринимать никакихъ мѣръ противъ баварскихъ общинъ, находившихся въ этомъ краю. «Когда въ Баваріи ударятъ въ набатъ, писали они въ Мюнхенъ, на помощь имъ тотчасъ возстанетъ большой крестьянскій союзъ, въ который вступить всякій, кто только способенъ взяться за палку или за колъ» **).

Герцогу Ульриху хотѣлось заставить баварскихъ епископовъ и князей поплатиться за его военныя издержки. Онъ располагалъ, слѣдуя плану Фуксштейна, двинуться черезъ бременскій лѣсъ, гдѣ всѣ проходы были открыты, въ графство Ротенфельсъ, соединиться съ монтфортскими, кемптенскими и другими крестьянами и немедленно вторгнуться въ Баварію ***).

Баварскіе лазутчики доносили, что «швейцарцы уже положили черезъ Гамсъ дорогу, по которой могутъ пройти и конница, и пѣхота; а прежде тамъ ея никогда не было.»

*) Письмо канцлера Эка къ герцогу Вильгельму Баварскому отъ 15 февраля 1525. Іѣрхъ 379.

**) Донесеніе Фафенгаузена отъ 9 марта. Іѣрхъ 178.

***) Докладъ лазутчика Фолькера фонъ-Фрейберга на Эйзенбергъ отъ 24 февраля. Іѣрхъ 171.

Но герцогъ Ульрихъ не спустился въ Ротенфельсъ черезъ Бухенбергъ и не вторгнулся въ Баварію; вмѣсто того онъ пошелъ ближайшимъ путемъ въ Виртембергъ.

Неизвѣстно, почему онъ измѣнилъ свой планъ; вѣроятно, по недостатку въ деньгахъ. Онъ не могъ долѣе платить жалованье тысячамъ швейцарскихъ и другихъ наемниковъ, а слѣдовательно не могъ и удерживать ихъ долѣе подъ своими знаменами. Эта причина и желаніе, какъ можно скорѣе, снова вступить во владѣніе своимъ герцогствомъ побудили его поспѣшно вторгнуться въ отечество.

Потерпѣвъ неудачу у крестьянъ Гегау и Клеттгау, Ульрихъ началъ вербовать въ Швейцаріи, гдѣ дѣло пошло успѣшнѣе. Въ половинѣ февраля Гансъ Мюллеръ бульгенбахскій заключилъ съ нимъ тайный договоръ за крестьянъ Гегау и Шварцвальда, причемъ Ульрихъ, вѣроятно, сдѣлалъ уступки, которыхъ потомъ не сдержалъ. Узнавъ его ближе, Мюллеръ пересталъ довѣрять ему. Поэтому къ герцогу присоединилось изъ всей лѣсной части страны, изъ Гегау и изъ Гёри всего только семь ротъ; онѣ собрались въ Гюльцингенъ, Штейслингенъ и Бааръ. Къ нимъ присоединились четыреста человѣкъ изъ Базеля, триста изъ Шафгаузена, отряды изъ Золотурна, изъ Тургау, Ааргау и другихъ округовъ, что составило вмѣстѣ шесть тысячъ человѣкъ пѣхоты и двѣсти конницы.

Ульрихъ двинулся съ этими силами въ концѣ февраля въ свое герцогство, Виртембергъ. Артиллерія его состояла изъ трехъ картаунъ большого калибра, трехъ кулевринъ и четырехъ фальконетовъ *). Изъ Шнайхингена онъ потребовалъ 26 февраля сдачи Балингена.

*) Обо всемъ этомъ находится множество документовъ въ штутгартскомъ архивѣ. По рукописи Ганса Луца, артиллерія состояла изъ 13 пищалей, 10 кулевринъ и 3 картаунъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Швабскій союзъ и канцлеръ Эккъ.

Въ началѣ 1525 года ульмская комиссія союзнаго сейма не находила нужнымъ назначить поголовный сборъ союзниковъ, потому что крестьяне верхней Швабіи не могли собраться въ большомъ числѣ по случаю зимы, а собравшіеся не могли по причинѣ холодной погоды долго продержаться въ лагерѣ. Къ тому же крестьяне изъ Альгау и изъ окрестностей озера были хорошо вооружены и обучены военному дѣлу, такъ что противъ нихъ было необходимо выставить хорошее войско; но оно находилось большею частію съ императоромъ въ Италіи. Если бы союзные чины приступили немедленно къ найму и набору войскъ, то можно было ожидать, что многіе солдаты поспѣшатъ изъ Италіи въ Германію, наняться на службу союзу, что поставило бы покинутого ими императора въ крайнее затрудненіе.

Чрезвычайный сеймъ, собравшійся 5 февраля 1525 года въ Ульмѣ, нашелъ возстаніе черни въ высшей степени опаснымъ. «Оно распространялось такъ быстро, что шайка крестьянъ изъ двухъ или трехъ сотъ человѣкъ въ нѣсколько дней выростала до трехъ, четырехъ тысячъ. Они желали свергнуть всѣ власти и всякое начальство и сдѣлаться сами себѣ господами.» Поэтому 11 февраля послѣдовало предписаніе союзнымъ чинамъ выставить къ 27 февраля, а, если можно, то и ранѣе, на указанныхъ мѣстахъ первую треть контингентовъ, а другую треть держать наготовѣ къ походу. Первая треть состояла изъ 1,035 человѣкъ конницы и 2,407 пѣхоты. Сборными пунктами были назначены Штутгартъ и Ульмъ. Союзный полководецъ, Ульрихъ Арцтъ, писалъ 15 февраля имперскому городу Эслингену: «Если не будутъ приняты немедлен-

но мѣры, то исторіи этой не будетъ конца. Нельзя терять ни одного часа» *).

На сеймѣ господствовали несогласія и робость. Причиною этого были частью возраставшая опасность и слабость союзнаго войска, частью разнородный составъ сейма, на которомъ сталкивались самые противоположные политическіе и религіозные интересы. Города а съ ними и всѣ послѣдователи новой религіи желали дѣйствовать въ отношеніи крестьянъ кротко и безъ вражды или, по крайней мѣрѣ, изъ благоразумія дѣлать вначалѣ видъ, что намѣрены дѣйствовать такъ. Князья и графы, хотя приверженцы старой церкви и противники городовъ, соглашались съ ними, потому что трусили и не знали, какъ быть. Но баварскій канцлеръ Эккъ полагалъ, что «не слѣдуетъ давать потачки съ самаго начала, такъ какъ одно зло влечетъ за собою другое, и что съ пятью и шестьюстами конницы можно разбить, разсѣять и наказать крестьянъ.» — Онъ видѣлъ ульмскихъ крестьянъ, но не видалъ альгаускихъ и поозерныхъ; Трухзесъ зналъ ихъ лучше. Эккъ писалъ своему герцогу отъ 12 февраля о малодушіи дворянства: «Тѣ изъ владѣтелей, у которыхъ крестьяне возстали, трусятъ ихъ до смерти; это просто старыя бабы. Они опасаются за свои дома, и никто не рѣшается дѣйствовать, пока не соберется союзное войско. Боюсь, что крестьяне нападутъ на насъ, увидя великое малодушіе дворянства.»

Канцлеръ совѣтовалъ взять въ плѣнъ предводителя ближайшей крестьянской шайки изъ окрестностей Ульма, напавъ на него ночью, не обращая вниманія на переговоры, которые союзъ велъ съ нимъ. Большинство сейма было пока еще слишкомъ честно для подобной мѣры. Канцлеръ, негодуя, пишетъ насмѣшливо своему государю отъ 12 февраля: «Достаточно десяти человекъ конницы, чтобы схватить крестьянскаго предводителя; но эти набожные добряки на сеймѣ только плачутъ, слушая мои совѣты и мнѣнія» **).

*) Изъ эслингенскаго архива. Коллекція прелата Шмида.

**) Многія письма Экка. Іѳрхъ 405.

Однако этотъ мудрый государственный мужъ самъ не отправился съ своими баварскими рыцарями, которыхъ легко могъ бы собрать десятокъ, на воинственные походы, пожинавъ лавры; 15 февраля онъ писалъ, уже поохладѣвъ, своему герцогу: «Завтра крестьяне снова соберутся. Мы предложимъ имъ прислать къ намъ депутацію, съ которою мы могли бы вести дальнѣйшіе переговоры, и дадимъ ей надежный конвой. Если они согласятся, то мы задержимъ этихъ бездѣльниковъ до прибытія нашихъ войскъ, а потомъ нападёмъ на мятежниковъ и примемъ противъ нихъ серьезныя мѣры *).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Князь-аббатъ Кемптенскій и его крестьяне.

Въ Альгау, въ кемптенскомъ аббатствѣ, возстаніе получило опредѣленную форму и связь ранѣе, чѣмъ на пространствахъ между Шварцвальдомъ и Констанцкимъ озеромъ.

Въ то время, когда въ Гегау и поозерныя страны проникало вооруженное возстаніе, вспыхнувшее въ Клеттгау и Баарѣ, кемптенскіе крестьяне еще стояли только за свое доброе старое право. Воспоминаніе о свободѣ было у нихъ еще свѣжо, угнетеніе еще ново; поэтому они дѣйствовали съ самаго начала осторожнѣе, спокойнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ другіе крестьяне. Но тѣмъ ярче обнаруживались здѣсь несправедливость и деспотизмъ владѣтелей, съ презрѣніемъ и насмѣшкою отвер-

*) Письмо канцлера отъ 15 февраля 1525. Изъ баварскаго тайнаго государственнаго архива, Іѳрхъ 407. См. 15 главу.

тавшихъ самыя справедливыя, самыя законныя просьбы и всякое соглашеніе съ подданными.

Главнымъ проповѣдникомъ евангелическаго ученія въ городѣ Кемптенѣ былъ Матіасъ Вайбель, приходскій священникъ церкви св. Лаврентія. Онъ не принадлежалъ къ революціонной партіи и предостерегалъ свою паству отъ возстанія; но онъ съ жаромъ возставалъ противъ своеволія и роскоши духовныхъ владѣтелей. Они питали къ нему за это такую ненависть, «что умертвили бы его, еслибы друзья не охраняли его.»

Когда въ Швабіи начались волненія, князь-аббатъ Себастьянъ на минуту струсилъ, подобно другимъ владѣтелямъ, и согласился снова отдать дѣло на разсмотрѣніе третейскаго суда. Онъ и крестьяне его избрали для этой цѣли шестерыхъ дворянъ: маршала Іоахима фонъ-Паппенгейма-цу-Ротенштейна; Адама Штейна-цу-Ронсперга; кемптенскихъ бургормистровъ, Гордіана Зейтера и Генриха Зельтмана, бургормистра вангенскаго, Леонгарда Кольба, и кауфбейренскаго городского старшину, Матіаса Кламера. Въ понедѣльникъ, послѣ праздника Богоявленія 1525, они должны были собраться въ Гюнцбургъ и полюбовно уладить несогласія между аббатомъ и крестьянами.

На собраніе въ Гюнцбургъ явились крестьянскіе депутаты и самъ аббатъ. Первые ясно изложили свои жалобы, но аббатъ сталъ смѣлѣе и упрямился, какъ владѣтели на шток-кахскомъ и радольфельскомъ съѣздахъ; онъ не уступилъ крестьянамъ ни въ чемъ и отказался даже продолжать переговоры на пасхѣ. Такимъ образомъ аббатъ подшутилъ въ четырнадцатый разъ надъ крестьянскими депутатами и надъ законными формальностями. Депутаты поручили третейскимъ судьямъ повторить ихъ просьбу князю. Но Адамъ Штейнъ передалъ имъ отъ имени аббата, что ему не о чемъ болѣе толковать съ ними. Тогда депутаты объявили третейскому суду, что они обязаны сообщить всему земству о всемъ, что происходило въ Гюнцбургѣ, и передать ему послѣднее рѣшеніе князя.

Они вернулись во свояси и созвали представителей всѣхъ общинъ въ Луибасъ, гдѣ съ древности собирались сходки. Каждый изъ двадцати семи приходовъ, принадлежавшихъ къ кемптенскому аббатству, прислалъ по нѣскольку человѣкъ на общій сходъ. Они согласились, не принимая пока никакого рѣшенія, разойтись по своимъ общинамъ и объявить имъ, что въ понедѣльникъ послѣ Севастьянова дня (имянинъ аббата) весь кемптенскій народъ долженъ собраться въ Луибасъ на общее народное собраніе, чтобы выслушать отчетъ о происшедшемъ на съѣздѣ въ Гюнцбургъ и рѣшить, какъ слѣдуетъ дѣйствовать далѣе, путемъ ли полюбовнаго соглашенія или судебнымъ порядкомъ.

Въ назначенный день, 21 января, крестьяне потянулись со всѣхъ сторонъ въ Луибасъ на народное собраніе; народъ шелъ изъ Гуминфурта, гдѣ шумитъ стѣсненный утесами Иллеръ; съ крутой Роггинской горы на Гауенбергъ; изъ Гелленьерста и съ рѣки Иснера; изъ Эшаха и Лаутраха; съ лѣсистой возвышенности Гогенрайна и изъ Зедельбруннена; изъ Беренбруннена въ Бёгенъ и съ истоковъ Минделя; изъ Вертаха, Іельтнаха и Ротаха.

Толпами повалили черезъ монастырскія ворота и городъ въ Луибасъ крестьяне, жившіе за городомъ выше, въ Альгау. Туда же шли и подгородные крестьяне изъ деревень, лежавшихъ ниже города. Крестьяне аугсбургской области потянулись предмѣстіемъ. Городъ далъ имъ свободный пропускъ, чтобы поживиться отъ нихъ деньгами за ѣду и питье. Между гражданами дѣло не обошлось безъ ссоръ и брани, потому что одни стояли за крестьянъ, а другіе за аббата. Нѣкоторые изъ членовъ городского совѣта поѣхали въ Луибасъ на крестьянское собраніе.

Крестьянскіе депутаты прочли собранію всѣ жалобы, принесенныя ими на гюнцбургскомъ съѣздѣ, рассказали о ходѣ переговоровъ и о своихъ безплодныхъ стараніяхъ и объявили, что теперь, когда послѣдній отвѣтъ аббата устранилъ всякую возможность полюбовной сдѣлки, они намѣрены обра-

титься къ правосудію. Съ этою то цѣлью они и созвали крестьянство, а не для того, чтобы вредить аббатству или возбуждать противъ него мятежъ и насиліе. Кто пожелалъ бы или сталъ бы дѣлать это, долженъ быть указанъ и подвергнутъ наказанію.

Но даже для большихъ общинъ было очень тяжело и накладно вести дѣло въ судѣ. Крестьянство поэтому и пыталось столько разъ добиться соглашенія, чтобы избѣжать большихъ издержекъ. Чтобы обезпечить средства на веденіе тяжбы, ораторы предложили, чтобы тѣ, кто хочетъ судиться, заявили объ этомъ и дали другъ другу клятву до конца платить всѣ расходы.

Съ этою цѣлью двое крестьянъ подняли рогатину, и всѣ присягавшіе должны были пройти подъ нею. Прошли всѣ, кто принадлежалъ аббатству; не отказался никто, кромѣ членовъ городского совѣта и другихъ, пришедшихъ изъ окрестностей поглазѣть и послушать; они не пошли, потому что присягать слѣдовало только подданнымъ монастыря. На покрытие издержекъ назначили треть ежегоднаго господскаго оброка и положили, чтобы въ слѣдующую пятницу каждый приходъ отрядилъ отъ себя по одному или по два депутата въ городъ Кемптенъ для избранія комиссіи, которая должна вести судебный процессъ. Условившись далѣе бить въ набатъ въ случаѣ, если бы противъ которой либо изъ общинъ была употреблена сила, собраніе разошлось по домамъ. Толпы повалили обратно черезъ городъ съ музыкою, пѣніемъ и бодрыми криками, воодушеваясь мужествомъ; но не было произведено никакого безчинства, и народъ разошелся въ порядкѣ по своимъ околкамъ и хижинамъ *).

Этотъ твердый, исполнѣ легальный образъ дѣйствій кемптенскихъ крестьянъ, котораго они не измѣнили, не смотря на

*) Извлеченіе изъ крестьянскихъ актовъ и изъ рукописной городской лѣтописи въ собраніи прелата Шмида. Изъ земскихъ актовъ. Гаггенмюллеръ, с. 505 — 511.

всѣ притѣсненія, несправедливости, нарушенія ихъ правъ и презрѣніе къ нимъ; это терпѣніе и рѣшимость ихъ искать правды только законнымъ путемъ, хотя они составляли многочисленное вооруженное сборище, это то называется многими историками кемптенскимъ мятежемъ!

25 января депутаты общинъ сошлись въ Кемптенѣ и избрали комиссію, уполномочивъ ее защищать крестьянъ судебнымъ порядкомъ отъ ихъ несправедливаго господина. Самымъ дѣятельнымъ членомъ комиссіи былъ Іерхъ Шмидъ изъ Луибаса, по прозванію Кнопфъ *), сынъ того Шмида изъ Луибаса, который былъ тридцать лѣтъ сряду крестьянскимъ ораторомъ и депутатомъ и исчезъ однажды на пути къ императору, вѣроятно вслѣдствіе преступныхъ козней духовенства. Благодаря аббату, сынъ повѣреннаго кемптенскихъ крестьянъ такъ обѣднѣлъ, что долженъ былъ наняться работникомъ къ одному бѣлильщику въ Кемптенѣ. Но имя его и честность доставили ему хорошую репутацію.

Его перваго избрали въ комиссію. Вторымъ былъ Іерхъ Теуберъ изъ лаубенскаго прихода, который былъ бы вольнымъ человѣкомъ, если бы духовенство не обратило его дѣда въ крѣпостное состояніе. Жена его была также вольная. Аббатъ Іоганнъ Рудольфъ, предшественникъ нынѣшняго, насильственно лишилъ ихъ свободы. Третьимъ былъ избранъ Конрадъ Майеръ изъ Гёцена, бецигаускаго прихода.

Комиссія изъ этихъ трехъ лицъ подала швабскому союзу и императору протестъ противъ дѣйствій князя-аббата. Въ этомъ протестѣ они просили рассмотреть законнымъ порядкомъ ихъ жалобы и изъявляли готовность безъ возраженій уплачивать аббату всѣ подати, оброки и пошлины, на которые онъ имѣетъ старинныя права; при этомъ они выражали надежду, что союзъ не позволитъ князю предпринимать что-

*) Обычное прозвище у швабовъ для дюжаго, коренастаго человѣка. Кнопфъ — пуговица.

бы то ни было противъ крестьянъ, пока споръ ихъ не будетъ рѣшенъ судомъ. Но князь жаловался съ своей стороны швабскому союзу, что подданные его составили заговоръ противъ аббатства и союза, и требовалъ вооруженной помощи. Онъ видѣлъ преступный мятежъ въ томъ, что крестьяне его соединились законнымъ образомъ для защиты своихъ древнихъ вольностей.

Находясь въ стѣсненномъ положеніи, члены ульмскаго союзнаго совѣта заговорили примирительнымъ тономъ; они отправили къ кемптенскимъ крестьянамъ пословъ и обѣщали кончить ихъ тяжбу съ княземъ полюбовнымъ рѣшеніемъ или судебнымъ постановленіемъ. Ульмскій союзный совѣтъ обнаружилъ даже предупредительность: дѣло въ томъ, что возстаніе вспыхнуло еще на трехъ пунктахъ, по сю и по ту сторону Ульма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Крестьянскіе лагеря на Иллеръ, Констанскомъ озерѣ и на Дунаѣ.

Проповѣдники возбуждали народъ новымъ ученіемъ не только въ Меммингенѣ и Кемптенѣ, но и по всему Альгау. Еще не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго года, аббатъ Гервикъ Вейнгартенскій писалъ совершенно спокойно, довольнымъ тономъ: «Благодаря Бога, у насъ въ Альгау Лютера мало уважаютъ *). А въ началѣ слѣдующаго года во всемъ этомъ краѣ уже бродили мюнцерскіе и другіе перекрещенцы, которыхъ народъ слушалъ очень охотно **). Но какъ ни мало

*) Изъ вейнгартенскаго архива, у Шмида.

**) Гаггенмюллеръ, 1. 512.

было лютеранства въ ученіи этихъ проповѣдниковъ, не хотѣвшихъ и знать о Лютерѣ, приверженцы стараго порядка называли этимъ именемъ все, что уклонялось отъ древней религіи или противорѣчило ей. Всѣ современные писатели этихъ странъ, изъ монашескаго и духовнаго сословія, согласны между собою въ томъ, что возстаніе было возбуждено въ ихъ краю подстрекательствомъ и рѣчами лютеранскихъ проповѣдниковъ, которые соблазняли будто бы крестьянъ, доказывая имъ, какъ тяжело власти угнетаютъ ихъ рабствомъ, барщиною налогомъ на наслѣдства и другими податями. Вслѣдствіе ихъ происковъ крестьяне собрались и поклялись «пособить св. Евангелію и слову Божію и возстановить его во всей чистотѣ» *).

На тѣсномъ пространствѣ между Кемптеномъ и окрестностями Ульма было, кромѣ аббата кемптенскаго, множество другихъ духовныхъ владѣтелей съ ихъ аббатствами, какъ то: аббаты Оттенбейренскій, Ирзѣйскій, Шуссенридскій, Вейссен-ауйскій, Альтингаузенскій земскій командоръ; аббаты Ротскій, Оксенгаузенскій, Вейнгартенскій, Мархтальскій, Роггенбургскій, Вейссенгорнскій, Виблингенскій, Эльхингенскій, Веттенгаузенскій, Цвифальтенскій и много другихъ, менѣе крупныхъ. Кромѣ того значительная часть этого пространства принадлежала епископу аугсбургскому. Между владѣніями духовныхъ господъ были разбросаны замки свѣтскихъ, также притѣснявшихъ народъ. Наконецъ крестьяне чувствовали на себѣ и руку городской аристократіи, которая также имѣла здѣсь владѣнія.

На Ридѣ, выше Ульма, жилъ въ Зульмингенѣ кузнецъ Ульрихъ. Онъ былъ искусный ораторъ и мастеръ какъ составлять планы, такъ и ковать желѣзо. Когда крестьяне собирались гдѣ нибудь въ окрестностяхъ за чаркою вина, Ульрихъ непре-

*) Краткій отчетъ о крестьянскомъ возмущеніи противъ города Фюссена. Изъ архива этого города въ собраніи прелата Шмида. Описание крестьянской войны изъ зальмансвейлерскаго архива. Тамъ же.

мѣнно являлся между ними ораторомъ *). Онъ всталъ во главѣ возстанія крестьянъ, жившихъ между Биберахомъ и Ульмомъ. 29 января, на совѣщаніи съ двадцатью крестьянами, въ трактирѣ въ Бальтрингенѣ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ биберахскому госпиталю, онъ рѣшился приступить къ дѣлу. У нихъ ежедневно происходили сходки. 2 февраля на сходку пришло уже восемьдесятъ человѣкъ, собравшихся будто бы на пирушку. Стеченіе народа въ Бальтрингенѣ увеличивалось со дня на день. Такія же сходки по трактирамъ, «будто бы для попоекъ», собирались во многихъ мѣстахъ въ Альгау, и далѣе, въ Иллертиссенѣ, Крумбахѣ, Йеттингенѣ, Вейсенгорнѣ. Черезъ недѣлю, 9 февраля, собралось уже 2000 крестьянъ на Ридѣ, при Лаупгеймѣ, между Биберахомъ и Ульмомъ, котораго не должно смѣшивать съ другимъ Лаупгеймомъ, лежащимъ ниже Ульма. Они расположились здѣсь лагеремъ и учредили братство. Вступавшіе въ него записывались, внося два крейцера. Цѣлью этого братства было освобожденіе «отъ обременявшихъ ихъ барщины, оброковъ и рабства и возстановленіе св. Евангелія и слова Божія, которыя долго утаивались.»

Вскорѣ братство это возросло до 12,000 человѣкъ. Оно разсчитывало на содѣйствіе города Бибераха, гдѣ многіе граждане сочувствовали крестьянамъ и уже стакнулись между собою. Два городскіе пекаря, Вейтъ Трѣлинъ и Александръ Стеффанъ, говорили въ лагерѣ, что не пройдетъ трехъ дней, какъ биберахскіе господа будутъ выброшены за городскія стѣны **). Крестьяне свободно приходили и уходили изъ лагеря, гдѣ развѣвалось красное знамя. Вождемъ былъ Гансъ Ваннеръ изъ Вартгаузена, а знаменосцемъ — зять его; секретаремъ же, ораторомъ и душою лагеря былъ кузнецъ Ульрихъ зультмингенскій. Лагерь былъ извѣстенъ подъ именемъ

*) Извлечение изъ рукописной лѣтописи Иоган. Эрнста Флуммерна въ собраніи прелата Шмида.

**) Тамъ же.

«бальтрингенскаго сборища» или «краснаго знамени.» Къ нему пристали всѣ ридскіе крестьяне, всѣ вассалы аббатствъ и свѣтскихъ владѣтелей всей страны при низовьяхъ Иллера, до самаго Меммингена *).

Но ясно было, что эти крестьяне не страшны ни храбростью, ни военною дисциплиною. «Насъ вынудила къ этому предпріятію несправедливость господъ» **), говорили они.

Между тѣмъ въ верхнемъ Альгау собралось другое сборище и также стало лагеремъ.

Природа раздѣлила Альгау на двѣ различныя части, верхнюю и нижнюю; границею между ними служила линія, проведенная отъ Лейткирха до Обердорфа черезъ Дитмансридъ. Къ верхней части принадлежали слѣдовательно округа Тетнангъ, Вангенъ, Исни, Лейткирхъ, Кемптенъ, Нессельвангъ, Имменштадтъ, Зонтгофенъ и вся область до Леха, до той страны, гдѣ на заднемъ планѣ уже рисуются покрытыя вѣчными снѣгами вершины Альповъ. Широкія равнины этой южной горной страны флечовой породы, поросшей лѣсомъ до самыхъ вершинъ горъ, слишкомъ прохладны для земледѣлія, но представляютъ зато превосходныя альпійскія пастбища. Онѣ населены красивымъ, сильнымъ племенемъ, занимающимся скотоводствомъ; дворы и деревни этого племени разбросаны по склонамъ и на вершинахъ горъ; густо населены только мѣстечки около приходскихъ церквей. Нижняя часть Альгау, лежащая къ сѣверу, состоитъ изъ наносныхъ холмовъ, удобныхъ для земледѣлія, и заключаетъ въ себѣ округа Аулендорфъ, Вальдзэ, Вурцахъ, Оксенгаузенъ, Вейнгартенъ, Равенсбургъ, Обергюнцбургъ, Оттенбейренъ, Кауфбейренъ, Меммингенъ и Миндельгеймъ.

25 февраля верхнеальгаускіе крестьяне расположились ла-

*) Вейсенгорнская лѣтопись Томана. Лѣтопись Зейдлера. Описаніе Зальмансвейлера. Лѣтопись Флуммерна; — всѣ эти рукописи изъ собранія прелата фонъ-Шмида.

*) Письмо канцлера Эйка. Іѳръ 405.

геремъ. Первые поднялись крестьяне округовъ Тетнанга, Райтенау, Лангенаргена и всѣ подданные графа фонъ-Монтфорта. Вскорѣ собралось до 7000 человѣкъ, потому что къ нимъ пристали и другіе округи верхняго Альгау. Кемптенскіе крестьяне также находились въ грозномъ настроеніи.

Видя, что, вопреки всѣмъ расточаемымъ обѣщаніямъ, швабскій союзъ вооружается, кемптенскіе крестьяне рѣшились и съ своей стороны приступить къ вооруженію, тѣмъ болѣе, что получили увѣдомленіе, что они первые подвергнутся нападенію. Разнесся слухъ, что на нихъ идетъ конница, и, вѣроятно, тотъ же слухъ побудилъ вооружиться тетнангскихъ крестьянъ.

По условію, заключенному въ Луибасѣ, въ воскресенье, 26 февраля, во всѣхъ кемптенскихъ церквахъ ударили въ набатъ, и вскорѣ призывный колоколь загудѣлъ по всему верхнему Альгау. Кемптенскіе крестьяне собрались въ Дитмансридѣ, чтобы отразить нападеніе, но, не дождавшись его, вечеромъ разошлись.

Тетнангскіе крестьяне собрались въ Райтенау. Черезъ день кемптенцы собрали въ Луибасѣ общее народное собраніе. Это происходило, по условію, принятому заранѣе, въ понедѣльникъ на заговѣнны. Цѣлью собранія было заключить болѣе тѣсный, прочный и обширный союзъ, для правой защиты своихъ древнихъ вольностей. На этотъ разъ въ собраніе явились также подданные епископа аугсбургскаго и многихъ другихъ владѣтелей и были приняты въ братство.

Собраніе продолжалось нѣсколько дней, но спокойно и чинно; крестьяне совѣщались и договаривались между собою на основаніи древнихъ и законныхъ правъ и обычаевъ своихъ. Городъ Кемптенъ снова прислалъ къ нимъ депутатовъ, которые обѣщали крестьянамъ отъ имени своихъ согражданъ не покидать ихъ въ этомъ дѣлѣ и, когда понадобится, поддержать ихъ жалобы своимъ свидѣтельствомъ. Здѣсь были и другіе кемптенскіе граждане, между прочимъ цеховые старшины, и также много наобѣщали.

Князь-аббатъ прислалъ сказать крестьянамъ, что готовъ

рѣшить споръ, какъ имъ угодно, полюбовно, оружіемъ или судомъ. Крестьяне отвѣтили, что и не думаютъ поднимать оружія противъ его милости и желаютъ рѣшить дѣло полюбовно или по закону. Аббатъ и его приближенные сочли этотъ скромный отвѣтъ за доказательство робости крестьянъ и вообразили, что всего лучше окончательно запугать ихъ угрозами. Княжескіе совѣтники, Марквартъ фонъ-Шелленбергъ, Гансъ фонъ-Фрейндсбергъ *) и Оттъ Цвикеръ, выѣхали къ крестьянамъ. «Вы вздумали тягаться съ нами судомъ, закричалъ Гансъ фонъ-Фрейндсбергъ; но я не затѣмъ пріѣхалъ. Мы не дадимъ вамъ никакихъ правъ, а расправимся съ вами мечемъ; мы сдѣлаемъ вдовами вашихъ женъ, осиротимъ вашихъ дѣтей. Васъ разсудятъ наши копья!» Крестьяне спросили его, что же онъ сдѣлалъ бы на ихъ мѣстѣ. Онъ посовѣтовалъ имъ уплатить налоги, какъ установлено, а дорожныя повинности черезъ годъ. Аббатъ не будетъ никого насильно брать въ подданство, но кто уже приписанъ къ аббатству, тотъ долженъ на будущее время нести свои повинности, и онъ не будутъ ни сбавлены, ни прощены. Онъ далъ сутки срока на размышленіе, сказавъ, что пришлетъ къ нимъ потомъ гонца за отвѣтомъ; съ непокорными же обѣщавъ строго расправиться. Онъ прислалъ охранную грамоту для депутатовъ, которыхъ имъ слѣдовало отправить къ аббату въ его резиденцію, замокъ Либентаннъ. Но когда депутаты явились туда, Гансъ Фрейндсбергъ объявилъ имъ, что «аббатъ не утвердилъ ничего, о чемъ онъ съ ними договорился.»

Даже слѣпой увидѣлъ бы, что аббатъ издѣвается надъ крестьянами; это ихъ раздражило; они были многочисленны и сознавали свою силу. «Карликъ задумалъ сдѣлаться великаномъ; крестьяне рѣшились побѣдить швабскій союзъ.» Собраніе разошлось, избравъ предводителей и ораторовъ и условившись между прочимъ собрать въ сборное воскресенье,

*) Не должно смѣшивать его съ знаменитымъ Георгомъ фонъ-Фрейндсбергомъ (или Фрундсбергомъ).

5 марта, на сеймъ въ городѣ Кемптенѣ депутатовъ отъ всѣхъ альгаускихъ крестьянскихъ общинъ. Крестьяне съ торжествомъ прошли обратно черезъ городъ, куда въ послѣдніе дни часто приходили, когда вздумается, и получали за деньги все, чего желали, не смотря на запрещеніе ульмскаго союзнаго совета *).

Кнопфъ изъ Луибаса не былъ въ то время въ Альгау; онъ былъ посланъ отъ земства съ двумя другими выборными въ Тюбингенъ за совѣтомъ къ знаменитому юристу доктору Юганну Феннингеру. Феннингеръ посовѣтовалъ крестьянамъ судиться и не идти на соглашеніе съ владѣтелями. Но тутъ прибылъ отъ крестьянъ Бартоломей Фрей изъ Лутпольца и сказалъ выборнымъ: «Чего вы такъ копаетесь въ Тюбингенѣ? Крестьяне въ Оберландѣ такъ сильны, что не нуждаются ни въ какихъ судахъ.» Депутаты вернулись въ Альгау.

Народъ волновался и въ самомъ городѣ Кемптенѣ. Въ среду на первой недѣлѣ поста 1 марта, вечеромъ возстаніе началось въ цеховомъ домѣ ткачей. Народъ подстрекалъ другъ друга, жалуюсь и на аббата, и на магистратъ. Въ четвергъ нѣсколько цеховъ составили сходку, чтобы изложить, что каждый изъ нихъ имѣетъ сказать противъ совета и противъ аббата. Много было заявлено при этомъ мнѣній и жалобъ; одинъ хотѣлъ того, другой,—другаго. Жаловались и на то, что всѣ ремесла обременены пошлинами и что всякая производительность въ странѣ стѣснена, такъ что простому народу въ городѣ трудно кормиться. Собраніе отказалось платить аббату налоги и повинности, требуемые церковью, и заявило желаніе имѣть проповѣдниковъ лютеранскаго ученія. Цехи снеслись другъ съ другомъ, какъ имъ дѣйствовать, и согласились, чтобы каждый цехъ избралъ по нѣсколько выборныхъ, которые составили бы между собою совѣтъ; но между цехами не было согласія, потому что одни стояли за совѣтъ,

*) Городская лѣтопись; рукопись изъ кемптенскаго архива, въ собраніи прелата Шмида. Гаггенмюллеръ I. 513—14.

другіе за общину, третьи за аббата, четвертые за крестьянъ. На слѣдующій день цеховые выборные собрались и согласились, что лучше всего воспользоваться настоящими беспорядками, чтобы совершенно освободиться изъ подъ княжеской власти. Въ субботу созвали общину, которая приняла этотъ планъ, и предложеніе выборныхъ было передано совѣту, чтобы обсудить, какъ освободиться отъ аббата и канониковъ. Совѣту, разумѣется, понравился такой планъ, и онъ обѣщалъ заняться имъ. Такимъ образомъ совѣтъ и община остались въ добромъ согласіи *).

Крестьяне всего верхняго Альгау, всѣхъ владѣльцевъ, собрались вмѣстѣ и составили одинъ общій верхне-альгаускій лагерь. Начальниками отдѣльных отрядовъ въ немъ были: Вальтеръ Бахъ изъ Ау, Петеръ Миллеръ изъ Зонтгофена, Бейхлингъ изъ Ау, Томасъ Бертлинъ изъ Нессельванга, Михаилъ Кемпфъ отсюда же, Гансъ Верцъ изъ Вертаха и Кнопфъ изъ Луибаса.

Въ сборное воскресенье 5 марта всѣ эти вожди поѣхали въ Кемптенъ; ихъ сопровождали выборные изъ всѣхъ альгаускихъ приходоу. Въ Кемптенѣ они держали первый союзный сеймъ и рѣшили силою привлечь въ свой союзъ все окрестное населеніе. Альгаускіе крестьяне, столь умѣренные до той поры, сдѣлали тогда первый рѣшительный шагъ; ихъ легальная оппозиція господамъ впервые приняла теперь видъ вооруженнаго возстанія; но и тутъ еще ихъ не покинули благоразуміе и умѣренность, которыми они отличались доселѣ.

За ними, на Лехѣ, лежалъ городъ Фюссенъ, принадлежавшій аугсбургскому епископству. Для нихъ было важно не оставлять у себя въ тылу такой важный укрѣпленный пунктъ, и имъ было необходимо, во что бы то ни стало, овладѣть имъ или

*) Городская лѣтопись, рукописная. Тутъ прелатъ Шмидъ значительно расходится съ Гаггенмюллеромъ въ подробностяхъ, хотя оба пользовались однимъ источникомъ. I. 515.

привлечь его въ свой союзъ. Принадлежавшіе къ городу поселяне пристали къ кемптенскому братству еще на Стрѣтеніе.

24 февраля въ Оберндорфѣ, между Кауфбейреномъ и Фюссеномъ, собралось восемь тысячъ крестьянъ, большею частью изъ аугсбургскаго епископства. Они пристали къ геггаускому союзу. Примѣру ихъ послѣдовали деревни на швабскомъ берегу Леха, состоявшія подъ верховною властью Баваріи.

Епископъ аугсбургскій, Христофъ фонъ-Стадіонъ, пріѣхалъ въ Оберндорфъ, чтобы лично объясниться съ крестьянами. Онъ ласково просилъ ихъ «не бунтовать и смирно дожидаться рѣшенія дѣла.» Они предъявили ему десять или пятнадцать требованій, говоря, что не послѣдуютъ его Совѣту, пока онъ не согласится на нихъ. Епископъ нашелъ среди ихъ нѣсколько священниковъ; они стояли въ кругу крестьянъ въ оружіи и латахъ, и предводили ими; здѣсь находился между прочимъ викарій оберндорфскій, Андрей Штромайеръ изъ Кемптена.

Вообще между верхнеальгаускими инсургентами было много священниковъ, состоявшихъ у нихъ въ качествѣ сельскихъ проповѣдниковъ, секретарей, совѣтниковъ и даже предводителей; называютъ имена Матіаса Рѣта, викарія мемгѣльцскаго; Христіана Ваннера, священника гальденвангскаго прихода; Вальтера Шварца, викарія мартинсцельскаго; Манга Батцера, викарія бухенбергскаго; Ганса Гѣринга, викарія легаускаго; Ганса Гафенмайра, старшаго викарія обергюнцбургскаго; Ганса Унзинна, викарія обертингаускаго; Вейта Ридле, младшаго викарія обергюнцбургскаго.

Епископъ увидѣлъ, что «отъ него отступились почти всѣ его вассалы» и рѣшились перейти къ геггауцамъ, потерявъ къ нему довѣріе. 25 февраля онъ поспѣшилъ, не обѣщавъ ничего, въ свой городъ Фюссенъ; но на слѣдующій день уѣхалъ оттуда, обнадеженный обѣщаніемъ помощи и защиты со стороны гражданъ этого города, къ которымъ онъ обратился съ воззваніемъ, уговаривая ихъ оставаться вѣрными ему.

Баварскіе государи энергичнѣе отозвались на извѣстіе, что возстаніе уже проникло далеко въ Баварію до самыхъ долинъ Леха, и что къ оберндорфскому лагерю присоединились крестьяне Эпфаха, Ледера, Аша, Денклингена и Швабшзойена, угрозами принуждая и другихъ слѣдовать ихъ примѣру. Герцоги еще 25 февраля двинули въ долину Леха отрядъ конницы и пѣхоты съ достаточною артиллеріею; но епископу аугсбургскому они не послали помощи. Его фогтъ, отправленный къ нимъ посломъ, вернулся изъ Мюнхена въ Фюссенъ съ неутѣшительнымъ отвѣтомъ, что «на этотъ разъ не находится охотниковъ служить попомъ.»

Комиссія и посланные отъ всего альгаускаго земства, собравшіеся въ Кемптенѣ, издали воззваніе къ гражданамъ Фюссена:

«Нашимъ добрымъ, мудрымъ и достопочтеннымъ друзьямъ, въ особенности нашимъ любезнымъ сосѣдямъ и вѣрнымъ пріятелямъ готовы мы оказать дружбу и усердіе. До васъ, конечно, дошелъ уже слухъ, что мы соединились въ христіанскомъ порядкѣ и согласіи, чтобы помочь слову Божію и божескимъ правамъ, и что вслѣдствіе этого между нашими властями и крестьянствомъ возникли нѣкоторыя несогласія. Теперь мы слышали, что вы соединились и вступили въ договоръ съ нашимъ милостивымъ господиномъ епископомъ. Поэтому мы желаемъ знать, намѣрены ли вы стоять за божескія права или нѣтъ, и каковъ будетъ вашъ отвѣтъ, такъ мы и будемъ дѣйствовать. Мы просимъ поэтому васъ прислать намъ письменный отвѣтъ въ Нессельвангъ».

Фюссенскіе граждане отвѣчали, что никогда не были противниками слова Божія; не заключали никакого новаго договора съ своимъ владѣтелемъ, и до сихъ поръ не понимаютъ, кто поступалъ или намѣренъ поступить съ ними несправедливо. Они изъявляли надежду, что и крестьяне не поступятъ съ ними несправедливо, и обѣщали съ своей стороны быть

для нихъ добрыми сосѣдами, насколько позволятъ обстоятельства *).

Города Меммингенъ и Кауфбейренъ отнеслись къ крестьянамъ сочувственнѣе.

Меммингенъ, сумѣвшій удержать своихъ крестьянъ отъ возстанія разумными уступками, слѣдовалъ той же политикѣ и относительно другихъ крестьянъ. Въ этомъ городѣ была сильная партія, державшая сторону крестьянъ; всѣ, кому было дорого Евангеліе, видѣли въ крестьянахъ своихъ братьевъ по Евангелію и находили ихъ жалобы основательными, тѣмъ болѣе, что простой народъ и въ городѣ имѣлъ много поводовъ къ неудовольствію. Меммингенскій проповѣдникъ Шаппелеръ былъ, по крайней мѣрѣ, не противъ возстанія, пока оно держалось въ границахъ умѣренности. Городъ раздѣлился на двѣ партіи. Аристократы, которые и здѣсь, какъ и вездѣ, «слушали новое Евангеліе и вторили ему неохотно», **) не любили Шаппелера. На проповѣдяхъ онъ былъ принужденъ окружать себя толпою послѣдователей, какъ стражею. Но и совѣтъ, собираясь, охранялся сотнею преданныхъ гражданъ ***).

Городъ сдѣлалъ необыкновенныя уступки по жалобамъ своихъ подданныхъ. Совѣтъ обѣщалъ дать имъ, если найдетъ, евангелическихъ духовниковъ для тѣхъ приходовъ, которые подлежатъ его вѣденію, а для другихъ похлопотать объ этомъ, переговоривъ съ приходскими священниками и съ владѣтелями. Десятинный сборъ былъ приостановленъ, пока крестьяне не сговорятся о немъ съ союзными чинами. Совѣтъ соглашался отмѣнить крѣпостную зависимость, хотя приобрѣлъ ее за значительныя деньги, но съ условіемъ, чтобы крестьяне платили ежегодно вассальную подать и не искали себѣ другаго леннаго господина, пока живутъ подъ покровительствомъ и властью

*) Докладъ о возстаніи около города Фюссена въ собраніи Шмида.

**) Лѣтопись Зильберейзена, рукопись въ архивѣ Веттингенскаго аббатства.

***) Гольцвартъ, рукописная лѣтопись о крестьянской войнѣ, копія въ собраніи Шмида.

города Меммингена; имъ было также запрещено принимать къ себѣ людей несвободныхъ, заключать браки съ крѣпостными и повиноваться или служить чужимъ господамъ. За то имъ было позволено ловить, бить и стрѣлять дичь для своихъ потребностей, особенно, если она заходила на ихъ землю; но запрещено употреблять для этой цѣли капканы, сѣти или петли и вообще наносить кому бы то ни было ущербъ. Ловить рыбу они могли только въ тѣхъ текучихъ и стоячихъ водахъ, которыя никому не принадлежали; но и въ свободной водѣ имъ дозволялось ловить только неводомъ и за разъ не болѣе, какъ сколько нужно для домашняго обихода; не дарить и не продавать. Боду не слѣдовало отводить; покосы на берегахъ было запрещено рыть и портить. Совѣтъ не требовалъ отъ крестьянъ барщины и позволилъ имъ откупиться отъ нея; поэтому въ этомъ отношеніи они не могли жаловаться. Впрочемъ было обѣщано удовлетворить всѣхъ, кто чѣмъ нибудь недоволенъ. Отъ платежа вассальной подати, при переходѣ лена изъ рукъ въ руки, крестьяне были уволены; но дворы отдавались имъ въ наймы только на годъ, такъ что если крестьянинъ не заплатилъ бы оброка или не сталъ бы содержать дворъ свой въ хорошемъ порядкѣ, то его можно было изгнать. За рубку лѣса былъ положенъ штрафъ по гульдону съ дерева, какъ для общиннаго, такъ и для господскаго лѣса; но совѣтъ обязался снабжать крестьянъ потребнымъ количествомъ строевого лѣса и топлива. Другія наказанія также остались во всей силѣ тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ были учреждены по желанію самихъ крестьянъ. Совѣтъ обѣщалъ изслѣдовать и удовлетворять жалобы общинъ на недостатокъ лѣса, луговъ или пахатной земли. Совѣтъ не будетъ препятствовать вассаламъ, уплатившимъ оброкъ, продавать произведенія своего труда, но съ тѣмъ, чтобы они показывали, что и сколько продано. Въ случаѣ убытковъ отъ града, оброкъ крестьянамъ всегда сбавлялся. Было обѣщано, если крестьяне покажутъ, что нѣкоторыя имѣнія слишкомъ обременены податями, немедленно производить слѣдствіе и давать законное

удовлетвореніе. Но впрочемъ совѣтъ удержалъ за собою всѣ свои верховныя права во всей силѣ *).

Въ швабскомъ союзѣ, разумѣется, говорили, что «Меммингенъ за крестьянъ» **). Альгаусцы надѣялись вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ этимъ городомъ, но совѣтъ уклонился отъ этого. Крестьяне могли безпрепятственно входить въ городъ и выходить оттуда. Такимъ образомъ изъ крестьянскаго лагеря проникъ туда, переодѣвшись крестьяниномъ, священникъ Никласъ Швейкертъ и сталъ публично говорить рѣчи, возбуждавшія простой народъ. «Возстаніе будетъ еще не таково, говорилъ онъ; оно еще порядкомъ не начиналось. Никто не обязанъ платить поамъ десятину. Довольно они насъ морочили; пора покончить съ ними». 21 марта, въ Меммингенъ прибыли крестьянскіе вожди и выборные альгаускаго христіанскаго братства, и держали здѣсь второй союзный сеймъ ***).

Въ округѣ города Кауфбейрена, гдѣ жилъ Фуксштейнъ, крестьяне собрались еще на Срѣтеніе. Они предъявили владѣтелямъ слѣдующія требованія: чтобы птица, рыба, дичь и лѣсъ были общимъ достояніемъ; чтобы крестьянамъ было дозволено свободно переходить къ городамъ и къ другимъ владѣльцамъ; чтобы на каждомъ лежала только законная ленная власть; чтобы никто не платилъ посмертной и подушной податей, подорожнаго и другихъ налоговъ; въ случаѣ же необходимости они готовы служить животомъ и имуществомъ; если господинъ обвинитъ простаго человѣка въ судѣ и проиграетъ тяжбу, то обязанъ вознаградить обвиненнаго за убытки; подсудимыхъ въ тюрьму не сажать; барщина и всякіе оброки натурой должны быть отмѣнены; крестьянъ оставить при

*) Актъ изъ архива гор. Меммингена въ собраніи прелата Шмида.

**) Письма Вольфг. Рейхарда къ его сыну, Цено. Тамъ же.

***) Изъ архива гор. Меммингена. Свидѣтельства Гольцварта и др. изъ Фюссенскаго архива.

древнихъ обычаяхъ; оброкъ взимать кауфбейренскими мѣрами; наконецъ никому не препятствовать искать правосудія *).

Видя такое настроеніе народа, кауфбейренскій городской совѣтъ понялъ, что для предотвращенія возстанія и его послѣдствій не слѣдуетъ прибѣгать къ строгости, и рѣшился переждать, пока положеніе дѣлъ не измѣнится къ лучшему. Нѣкоторые изъ гражданъ примкнули къ крестьянству, и совѣтъ, хотя не бывшій ни тайно, ни явно за одно съ нимъ, былъ принужденъ позволить крестьянамъ свободно приходить въ городъ, останавливаться, пить и ѣсть въ немъ, а гражданамъ—доставлять имъ изъ города хлѣбъ и другіе припасы. Чтобы возстановить миръ и согласіе; необходимо потерпѣть, говорили въ свое оправданіе члены совѣта швабскому союзу, а то иначе наша маленькая, бѣдная община, состоящая изъ всякаго сброда, непременно взбунтуется, если отнять у нея единственный источникъ дохода — торговлю съ крестьянами; притомъ же крестьяне легко могутъ отвести изъ города всю воду, потому что знаютъ направленіе источниковъ и колодезевъ **). Поэтому въ швабскомъ союзѣ и между дворянствомъ говорили, что кауфбейренцы на половину за городомъ, на половину въ городѣ, т. е. что одни изъ нихъ въ крестьянскомъ лагерѣ, а другіе въ городѣ,—половина за крестьянъ, а другая за союзъ ***).

Между тѣмъ въ концѣ февраля образовалось третье большое скопище крестьянъ: крестьяне Констанцкаго озера также собрались въ обширный лагерь. Альгаускіе крестьяне, стоявшіе при Райтенау подъ предводительствомъ Дитриха Гурлевагена изъ Линдау, приглашали черезъ пословъ сосѣдей съ береговъ озера вооружиться и возстать ****). Крестьяне побережья и швабскаго фогтства собрались сперва въ Айлингенъ и разо-

*) Изъ кауфбейренскаго архива въ собраніи Шмида.

**) Два письма совѣта изъ кауфбейренскаго архива у Шмида.

***) Тамъ же.

****) Изъ архива Зальмансвейлера, у Шмида.

слали гонцовъ къ Имменштату, Гагенау, во владѣнія графа фонъ-Верденберга, къ вассаламъ Зальмансвейлерскаго монастыря и по всему берегу Констанцкаго озера до Зернати́нгена и Зюпли́нгена, а также и за горы, въ графство Фуллендорфъ.

Это скопище назвалось озернымъ; имъ предводительствовалъ сперва Эйтель Гансъ Цейль-Мюллеръ изъ тамошняго мѣстечка Унтеръ-Тейрингена. Вскорѣ Эйтель Гансъ учредилъ свою главную квартиру въ Берматингенѣ и окружилъ себя гвардіею изъ двѣнадцати «драбантовъ»; онъ жилъ въ деревнѣ Берматингенъ, рядомъ съ приходской церковью. При немъ, какъ и при другихъ крестьянскихъ вождяхъ, состояла комиссія изъ крестьянскихъ выборныхъ совѣтниковъ. Каждый поселянинъ, вступая въ братство, приносилъ особую присягу. Если присягу приносила цѣлая община, то начальникъ и его совѣтъ брали съ нея по пяти гульденовъ со ста душъ на содержаніе предводителя, совѣта и тѣлохранителей. Кромѣ этого налога въ пользу главной квартиры, никто не платилъ ничего.

Въ то же самое время вооружились крестьяне и въ нижнемъ Альгау. Особенно волновались подданные рыцаря фонъ-Шелленберга и вассалы Цейля. Они возстали еще въ половинѣ февраля и старались увлечь за собою подданныхъ Трухзеса Георга фонъ-Вальдбурга, грозя въ противномъ случаѣ напасть на нихъ и раззорить. Трухзесъ Георгъ, служившій въ то время при дворѣ эрцгерцога, былъ доселѣ для своихъ крестьянъ добрымъ господиномъ; онъ не бралъ съ нихъ ни налоговъ, ни подорожной пошлыны, и они жили подъ его властью мирно и въ довольствѣ. Призванные къ возстанію другими крестьянами нижняго Альгау, они послали своему господину настоятельное приглашеніе прибыть къ нимъ въ пятницу, 5 марта. Это былъ послѣдній день срока, даннаго имъ мятежниками, чтобы рѣшить, какъ поступать съ ними, дружески или враждебно. Они призывали Трухзеса защитить ихъ, извѣщая его, что если онъ къ этому сроку не прибудетъ, то они будутъ вынуждены пристать къ возстанію.

Мятежники подсмѣивались надъ крестьянами Трухзеса и совѣтовали имъ не разсчитывать на пріѣздъ своего господина, потому что онъ не пріѣдетъ и очень радъ, что на это время не случился въ своемъ имѣніи.

Но чиновники Трухзеса успокоивали ихъ, обѣщая отъ имени господина, что имъ будетъ дано тоже, что получили по праву или по соглашенію крестьяне другихъ господъ» *).

Георгъ фонъ-Вальдбургъ отвѣчалъ имъ на ихъ письмо, что онъ неоднократно явно поступалъ съ ними наперекоръ другимъ владѣтелямъ и убѣжденъ, что, хотя всѣ крестьяне отпали отъ своихъ господъ, но они не послѣдуютъ этому примѣру и останутся вѣрными и покорными ему; что онъ и теперь полагается на нихъ и намѣренъ, если они останутся вѣрны ему, осыпать ихъ милостями въ доказательство своего расположенія къ нимъ. Среди нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ онъ душевно желалъ бы находиться среди своей жены, дѣтей и вѣрныхъ вассаловъ; но, не смотря на все его желаніе, долгъ и честь не позволяютъ ему уѣхать, такъ какъ онъ состоитъ на службѣ у эрцгерцога, который не внялъ его вѣрноподданнической просьбѣ отпустить его къ женѣ, дѣтямъ и вассаламъ, но приказалъ оставаться на своемъ постѣ. Поэтому онъ проситъ своихъ крестьянъ не слушать угрозъ и не измѣнять ему; никто не станетъ жечь и раззорять ихъ домовъ за то, что они вѣрны и покорны подданные. Пусть они вспомнятъ, какимъ онъ былъ для нихъ всегда добрымъ господиномъ. Такъ какъ, къ сожалѣнію, онъ самъ не можетъ пріѣхать къ нимъ, то проситъ ихъ отрядить человека четыре изъ своей среды и прислать къ нему для изложенія своихъ жалобъ, а прочимъ оставаться пока спокойными. Онъ намѣренъ милостиво выслушать ихъ и приказать своимъ чиновникамъ оставаться по прежнему въ мирѣ и дружбѣ съ крестьянами **).

*) Письмо Трухзеса изъ Тутлингена отъ 28 февраля 1525 года.

**) Письмо Трухзеса, XI приложеніе у Вальхнера.

Въ назначенный день возставшіе крестьяне двинулись противъ Трухзесова городка Вурцаха, чтобы заставить его вассаловъ волею или неволею вступить въ христіанскій союзъ. Покинутые своимъ господиномъ, подданные Вальдбурга пристали къ мятежникамъ. Такимъ образомъ изъ нихъ образовалось скопище въ 5000, назвавшееся ниже-альгаускимъ; они избрали себѣ въ начальники айхштеттенскаго священника Флоріана Грейзеля, бывшаго вассаломъ Трухзеса и обыкновенно называемаго «попомъ Флоріаномъ» *).

Вассалы монастыря Оксенгаузена оставались совершенно спокойны среди окружавшихъ ихъ крестьянскихъ скопищъ Бальтрингенскаго и ниже-альгаускаго, хотя главная квартира краснаго знамени, Бальтрингенъ, лежалъ всего въ милѣ отъ Оксенгаузена, а ниже-альгаускій лагерь въ двухъ миляхъ. Чтобы избѣжать насильственного присоединенія къ крестьянскому союзу, оксенгаузенцы просили городъ Ульмъ принять посредничество между ними и ихъ аббатомъ.

Испуганный мятежемъ, вспыхнувшимъ вокругъ его владѣній, аббатъ, подобно многимъ другимъ владѣтелямъ, бѣжалъ въ Ульмъ. Вассалы его послѣдовали за нимъ туда и, убѣдивъ его положиться на нихъ и вернуться къ нимъ, проводили его домой и дорогой охраняли его вооруженнымъ конвоемъ.

«Таковы были, говорить одинъ изъ членовъ этого имперскаго аббатства, выгодныя послѣдствія договора 1502 года для нашего монастыря и для всего округа.»

Договоръ этотъ свято соблюдался старымъ аббатомъ Андреемъ Киндшеромъ, наслѣдовавшимъ 17 лѣтъ тому назадъ аббату Іерониму. Вассалы любили его за это, какъ отца, и защищали монастырь, какъ могли **). Аббатъ былъ такъ привѣтливъ, что, какъ говорили, умѣлъ доставить больше

*) Зейдлеръ, рукопись у Шмида.

**) Краткая исторія имперскаго монастыря Оксенгаузена, написанная однимъ изъ его членовъ, стр. 72 — 76. Оксенгаузенскіе документы въ штутгартскомъ государственномъ архивѣ.

удовольствія, отказывая въ просьбѣ, чѣмъ иной—исполняя ее. При немъ монастырь слылъ за образецъ истинной набожности и чистоты нравовъ. Здѣсь жили въ то время многіе очень ученые священники, замѣчательные какъ сочиненіями, такъ и проповѣдями.

Подобно тому, какъ въ нижнемъ Альгау возставшимъ народомъ предводительствовалъ айхштеттенскій священникъ, такъ въ странѣ ниже Ульма народными вождями были лейпгеймскій проповѣдникъ Гансъ Якобъ Веэ, Якобъ Финстернауеръ, священникъ лангенаускій и священникъ гюнцбургскій.

Гансъ Якобъ Веэ, близкій родственникъ извѣстнаго реформатора Ганса Эберлена Гюнцбургскаго, былъ въ своемъ краю однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ ново-евангелическаго ученія; на проповѣди его стекался народъ изъ всѣхъ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ, между прочими изъ бургаускаго города Гюнцбурга, отстоявшаго всего на три четверти часа ѣзды отъ Лейпгейма; за это окрестные священники, державшіеся старой церкви, прозвали его еретикомъ и возмутителемъ народа. Веэ чувствовалъ призваніе проповѣдовать Евангеліе всѣмъ и вводить въ гражданскую жизнь христіанскую свободу. Ни преслѣдованія, ни опасность, грозившая его жизни, не могли поколебать въ немъ этого сознанія. Имъ овладѣло какое-то дикое одушевленіе. Въ 1524 г. въ праздникъ Тѣла Христова онъ объявилъ съ кафедры, что отнынѣ никогда не будетъ служить обѣдню, прибавивъ, какъ показываютъ его враги, что, «не будь въ немъ христіанской любви къ ближнему, онъ желалъ бы истребить столько людей, сколько отслужилъ обѣденъ, и когда онъ сошелъ съ кафедры, слушатели запѣли молебенъ» *).

Епископъ аугсбургскій побуждалъ совѣтъ города Ульма, которому принадлежалъ Лейпгеймъ, отнять у Веэ приходъ.

*) Это рассказываетъ капеланъ Никласъ Томанъ вейссенгорнскій, личный врагъ Веэ. Вейссенгорнская хроника, рукопись въ собраніи Шмида.

Епископъ отлучилъ его отъ церкви, но совѣтъ не настаивалъ на удаленіи проповѣдника изъ города; Везъ остался, и Эберленъ писалъ въ одномъ печатномъ сочиненіи, которое посвятилъ ему: «вашей жизни все еще ежеминутно грозитъ сильная опасность; но Богъ хранитъ васъ за то, что вы неуклонно и безстрашно проповѣдуете его слово, къ великой радости слушателей, которые стекаются къ вамъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ» *).

Между тѣмъ народное волненіе началось и въ верхней Швабіи и распространялось внизъ по Дунаю. Везъ, Финстернауеръ и гюнцбургскій священникъ, бывшій прежде злѣйшимъ врагомъ Везъ, стали открыто во главѣ возстанія. Везъ обвиняли въ томъ, что онъ возмущалъ народъ въ сосѣднихъ областяхъ. **). Въ ульмскомъ округѣ было распространено «посланіе къ крестьянамъ», показавшееся дворянамъ весьма опаснымъ. Оно было послано изъ Лейпгейма въ Гюнцбургъ. Въ пятницу, 3 марта, ульмскій совѣтъ положилъ найти, отобрать его и арестовать крестьянскихъ ораторовъ и предводителей, въ томъ числѣ бывшаго лейпгеймскаго приходскаго священника, Везъ, если онъ еще въ городѣ. 6 марта ульмскій совѣтъ предписалъ не пускать на ульмскій рынокъ жителей Лейпгейма, а 15 марта совѣщался съ союзными совѣтниками, не занять ли Лейпгеймъ войсками ***). Въ началѣ марта къ Лейпгейму стеклось до 5000 крестьянъ изъ Иллерталя, Ротталя и Биберталя, изъ Бургау и изъ всѣхъ мѣстностей, лежащихъ между Аугсбургомъ, Ульмомъ и Донаувертомъ ****).

*) Какъ долженъ вести себя во всѣхъ обстоятельствахъ служитель слова Божія. Иоганна Эберлена Гюнцбургскаго. Виттенбергъ. 1524. 4.

**) Гольцвартъ, современная лѣтопись крестьянской войны, рукопись у Шмида. Гольцварту все это было извѣстно, какъ педагогу Роггенбургскаго монастыря, находившагося въ окрестностяхъ Лейпгейма.

***) Изъ документовъ ульмскаго архива.

****) Походъ и война швабскаго союза и т. д. разсказъ очевидца 1532, безъ означенія имени автора и мѣста изданія. 4—5 листовъ, принадлежащихъ мнѣ.

Сперва они собирались не на одномъ пунктѣ, а въ различныхъ мѣстахъ и дѣлились на отряды, стоявшіе въ самомъ Лейпгеймѣ, Лангенау, Альпекѣ, Гюнцбургѣ, Лауингенѣ, Эльхингенѣ, Неренштеттенѣ. Называютъ до пятнадцати общинъ, взявшихся поголовно за оружіе, и кромѣ того сто семнадцать мѣстечекъ и дворовъ на Дунаѣ, Ротѣ, Иллерѣ и Риссѣ; изъ нихъ въ христіанскій союзъ вступило различное количество народа; изъ нѣкоторыхъ только по одному человѣку; такъ изъ одного—только одна вдова; изъ другаго—одинъ старшина. Всего въ ульмскомъ округѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ мятежниковъ набралось до 4,300 человѣкъ, въ томъ числѣ семь главныхъ начальниковъ, пять знаменосцевъ, девять совѣтниковъ и тридцать два предводителя мелкихъ шаяекъ *).

Въ числѣ предводителей находились Ульрихъ Шёнъ и зять его, Мельхиоръ Гарольдъ изъ Лейпгейма; Гансъ Цихльеръ, Мартинъ Герингъ и Мартинъ Нейфферъ изъ Лангенау; Іёрхъ Эбнеръ, изъ Ингштеттена, по прозванію Баварецъ; Гансъ Гебгардъ изъ Лангенау и Гансъ Руденъ изъ Бернштатта. Въ числѣ совѣтниковъ называютъ Томана Пауля изъ Лангенау и Каспара Брауна изъ Лейпгейма; изъ знаменосцевъ—Кнопфа Лангенаускаго **). Все скопище носило названіе лейпгеймскаго, потому что Лейпгеймъ былъ центромъ, съ котораго началось возстаніе, а въ послѣдствіи главною квартирою его.

И тутъ, какъ повсюду, крестьянъ побудило къ возстанію упрямство владѣтелей; въ началѣ крестьяне требовали только любовнаго соглашенія или законнаго разбора своихъ несогласій съ угнѣтателями. Это подтверждаетъ цѣлый рядъ фактовъ.

19 февраля крестьяне Бальцгейма объявили ульмскому со-

*) Документъ о новомъ положеніи въ Ульмѣ, въ собраніи Шмида. Rädelsfuhrer, предводитель шайки, а не Rödelsfuhrer—зачинщикъ. Rödel, Rodel, Rudel до нынѣ употребляется въ швабскомъ народномъ языкѣ и означаетъ толпу, небольшое сборище, шайку. Поэтому современные писатели всегда переводятъ Rädelsfuhrer—tribunus cohortis.

**) Изъ документовъ ульмскаго арх. у Шмида.

вѣту, что готовы предоставить свой споръ на его рѣшеніе, если онъ возмется за это дѣло; совѣтъ согласился. Въ то-же время къ его посредничеству прибѣгли вассалы Роггенбургскаго монастыря и Гервартингенскаго пробства въ тяжбѣ своей съ владѣтелями. Совѣтъ немедленно вступилъ въ сношенія съ роггенбургскимъ аббатомъ по жалобамъ его вассаловъ и добился отъ него письменнаго отвѣта. Крестьяне взяли копію съ этого отвѣта, и совѣтъ назначилъ имъ срокъ для рѣшенія до среды на первой недѣлѣ поста (1 марта), прибавивъ, чтобы до той поры они не начинали шумѣть: крестьяне обѣщали не предпринимать ничего съ своей стороны противъ аббата. Вассалы Эйтеля Бессерера также представили свои грамоты на разсмотрѣніе ульмскаго совѣта, который и этому владѣтелю далъ недѣльный срокъ, вручивъ ему копію съ жалобы.

На Матфѣевъ день (24 февраля) къ совѣту обратились крестьяне Веттенгаузенскаго монастыря, объявивъ, что заключили между собою общій союзъ противъ своего владѣтеля; совѣтъ сообщилъ объ этомъ пробсту, съ которымъ вступилъ въ сношенія еще до этого по поводу жалобъ на него со стороны крестьянъ.

Точно также и собственные вассалы города Ульма обратились въ началѣ миролюбиво съ своими жалобами къ совѣту. Совѣтъ предписалъ своимъ чиновникамъ объявить вассаламъ благодарность за то, что они ведутъ себя хорошо и законно, и просить ихъ оставаться и впредь покорными и спокойными, за что совѣтъ докажетъ имъ свою благодарность, даровавъ имъ все, чего требуютъ другіе, за исключеніемъ права гражданства; имъ было обѣщано, что они получаютъ никакъ не менѣе, чѣмъ сколько бы получили, приставъ къ мятежникамъ. Крестьянамъ Берматингена, которые жаловались, что управляющій обременяетъ ихъ незаконною барщиною, совѣтъ обѣщаль просмотрѣть въ свое время ихъ просьбы и жалобы и взялъ съ нихъ клятву, что они останутся до рѣшенія тяжбы вѣрны совѣту и не перейдутъ къ мятежникамъ. Крестьяне Фуля, Лангенау

и Геклингена также обратились къ совѣту и также получили отъ него щедрыя обѣщанія. Совѣтъ потребовалъ, чтобы всѣ родственные съ нимъ владѣтели представили ему на разсмотрѣніе свои тяжбы съ бѣднымъ народомъ и неуклонно выполнили все, что будетъ рѣшено имъ. Если же народъ не приметъ этихъ рѣшеній, то тяжбы будутъ представлены на судъ союзнаго собранія *).

Совѣтъ расточалъ всѣ эти любезности только для того, чтобы выиграть время; онъ не выполнилъ ни одного обѣщанія. Совѣтъ города Бибераха былъ, по крайней мѣрѣ, честнѣе. Когда биберахскіе подданные подали въ концѣ февраля совѣту просьбу объ освобожденіи ихъ изъ крѣпостной зависимости, большинство большого и малаго совѣтовъ отказало имъ напрямикъ **).

Владѣтели въ монастыряхъ и рыцарскихъ замкахъ думали точно также, какъ и почтенные совѣтники въ ульмской ратушѣ; только первые не умѣли такъ дипломатически воздерживать и обманывать простой народъ, и въ Ульмѣ на нихъ сердились только за это. Однако Эйтель Бессереръ фонъ-Шнирфлингенъ, ульмскій гражданинъ, вполне слѣдовалъ относительно своихъ подданныхъ тактикѣ ульмскаго совѣта, который рѣшилъ его тяжбу съ крестьянами тѣмъ, что посовѣтовалъ владѣтелю не забывать договоровъ и не угнетать бѣдный народъ, а крестьянамъ объявилъ, что откладываетъ пока рѣшеніе ихъ тяжбы, чтобы основательно выслушать впоследствии обѣ стороны, въ ожиданіи чего они должны отправлять всѣ свои повинности для господина, но за то увольняются отъ службы шнирфлингенскому приходскому священнику **). Прелаты были не такъ уступчивы. Особенно аббатъ

*) Все это основано на документахъ ульмскаго архива. Прелатъ Шмидъ, открывшій эти документы, прибавляетъ: „совѣтъ свято сдержалъ слово, т. е. не далъ крестьянамъ ничего, потому что и другіе не дали.“

**) Биберахскій архивъ.

***) Изъ актовъ ульмскаго архива.

роггенбургскій не хотѣлъ уступить своимъ крестьянамъ даже на словахъ, такъ что ульмскіе совѣтники объявили ему наконецъ, что не могутъ ничего для него сдѣлать, такъ какъ онъ не хочетъ ничѣмъ удовлетворить своихъ крестьянъ, не являясь въ совѣтъ и не соглашаясь на миролюбивую сдѣлку съ крестьянами. «Роггенбургскій монахъ», какъ называли его между собою члены совѣта, упрямылся, подобно князю-аббату Кемптенскому. Аббатъ Веттенгаузенскій потребовалъ отъ Ульма вооруженной помощи; но совѣтъ отказался поддерживать его противъ народа. При всемъ томъ, члены совѣта гораздо болѣе держали сторону господъ. Они прямо объявили крестьянамъ пробста Гервартингенскаго, что хотя совѣтъ разсмотритъ какъ ихъ жалобы, такъ и грамоты аббатства, и рѣшить ихъ тяжбу по справедливости, но что они должны оставаться вассалами пробста, а не то депутатовъ ихъ бросать въ тюрьму *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что общины одна за другою, искали полюбовнаго рѣшенія своихъ споровъ съ господами и возставали, только убѣдившись, что имъ не хотятъ сдѣлать даже самыхъ ничтожныхъ уступокъ.

Они желали испытать, не уступятъ ли цѣлой толпѣ въ томъ, въ чемъ отказывали каждому въ отдѣльности; къ тому же сообщая имъ было бы легче сопротивляться, если бы господа покусились насильственно подчинить ихъ въ то время, пока дѣло ихъ будетъ разсматриваться судебнымъ порядкомъ. Крестьяне сами говорили и тогда и впослѣдствіи, что соединились между собою потому, «что владѣтели во многихъ отношеніяхъ поступаютъ съ ними несообразно съ здравымъ смысломъ и добрыми обычаями, и потому еще, что въ святой вѣрѣ возникли явные раздоры и заблужденія. Вотъ что тяготитъ ихъ и побудило соединиться между собою; но какъ теперь, такъ и всегда они твердо намѣрены и желаютъ не противиться и не мѣшать ничему, что совершается для славы

*) Изъ протоколовъ ульмскаго совѣта отъ 25 февраля, 6 марта, 10 марта и т. д.

Божіей, на честь Его слова и на пользу святой вѣры, а, на-противъ того, содѣйствовать этому, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ, и наказывать тѣхъ, кто преднамѣренно покусился бы на какія нибудь злоупотребленія. Они никогда также не желали и не помышляли возставать противъ его императорскаго величества или противъ своихъ добрыхъ и милостивыхъ господъ; они не искали сдѣлаться господами, не добивались выйти въ начальство, а соединились между собою покорно и вѣрноподданнически, полагаясь на Бога, на своихъ господъ, на достохвальный швабскій союзъ, на всѣхъ умныхъ и именитыхъ людей, и не переставая донинѣ вѣрить, что они готовы внять ихъ жалобамъ и просьбамъ, и облегчить или устранить зло какими нибудь средствами, равно удобными и для нихъ, и для крестьянъ, за что Богъ вознаградитъ ихъ *).

Вѣсть о заключеніи общаго христіанскаго союза между столькими общинами производила всюду, куда достигала, сильное впечатлѣніе на народъ. Это событіе было единственнымъ предметомъ толковъ въ хижинахъ, поляхъ и трактирахъ; дѣло нерѣдко доходило до жаркихъ споровъ, потому что всякій принималъ чью нибудь сторону, но большинство стояло за крестьянъ.

Въ субботу 18 марта въ ульмскомъ городѣ Іейслингенѣ собралось общество въ банѣ. Тутъ былъ и трубачъ изъ великолѣпнаго замка Гельфенштейна, возвышавшагося надъ городомъ и давно уже проданнаго своими знатными владѣльцами вмѣстѣ съ городомъ за долги ульмскимъ гражданамъ **).

«Скажу вамъ, добрые люди, — обратился трубачъ къ присутствовавшимъ крестьянамъ и горожанамъ, — что дѣло возстав-

*) Посланіе крестьянскаго скопища, стоявшаго за Ульмомъ, къ швабскому союзу; въ немъ ясно сказано, что крестьяне въ Гегау и въ Альгау, есть и были съ самаго начала проникнуты тѣми же чувствами и намѣреніями.

**) Керлеръ, Исторія Гельфенштейна.

шихъ крестьянъ честно и справедливо, потому они возстали противъ притѣсненій.» — Справедливо? вскричалъ ауфгаузенскій управляющій, Іеронимъ Йейеръ, также находившійся въ банѣ. «Да, ихъ дѣло справедливо, продолжалъ трубачъ; они хотятъ только того, что указано Евангеліемъ.» — Не добиться имъ ничего, любезный мой, вступился Михаилъ Ферберъ изъ Іейслингена, — имъ нечѣмъ жить въ лагерѣ-то. Посмотримъ, кто ихъ будетъ кормить. — «Не беспокойтесь, друзья мои, сказалъ гельфенштейнскій трубачъ, крестьяне будутъ сыты: Господь Богъ прокормитъ ихъ. Накормилъ же онъ однажды многія тысячи пятью хлѣбами.» — Нехорошій человѣкъ былъ бы Богъ, еслибы сталъ кормить своимъ небеснымъ хлѣбомъ такихъ крапивниковъ *) и измѣнниковъ, перебилъ его управляющій. — «Ты смѣешь ругать крестьянъ измѣнниками! вскричалъ трубачъ. Я не взялъ бы тысячу гульденовъ, чтобы быть въ твоей шкурѣ, когда ты станешь говорить это среди крестьянъ, и не будь мы въ банѣ, я отвѣтилъ бы тебѣ иначе. Но постой, когда мы выйдемъ отсюда, ты мнѣ отвѣтишь за эти слова!» — Хорошо, любезный, сказалъ управляющій. Не только отчетъ дамъ, но и пристрою тебя къ мѣсту, если пожелаешь. — Послѣ того трубачъ вышелъ: управляющій донесъ на него въ судъ, что онъ братается съ крестьянами, и ульмскій совѣтъ нарядилъ по этому ничтожному дѣлу слѣдствіе **); вообще онъ сажалъ въ городскую тюрьму каждаго крестьянина своего округа, на котораго доносили, что онъ произнесъ какое нибудь подозрительное слово ***).

*) Аристократы еще въ X столѣтіи любили звать крестьянъ крапивниками, дѣтьми развратницъ, безсовѣстно намекая этимъ на «право первой ночи».

**) Слѣдственные акты въ собраніи Шмида.

***) Протоколъ ульмскаго совѣта 21 февраля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Уставъ союза альгаускихъ крестьянъ.

Іейслингенецъ вѣрно сказалъ, что недостатокъ продовольствія составитъ главное затрудненіе, съ которымъ придется бороться крестьянамъ въ лагеряхъ. Видя невозможность долгое время содержать въ лагерѣ большое число народа, они были вскорѣ вынуждены подумать, какъ помочь этой бѣдѣ.

Въ Меммингенѣ, гдѣ собрался второй союзный сеймъ изъ выборныхъ и предводителей альгаускихъ крестьянъ, они составили уставъ своего христіанскаго общества. Уставъ этотъ состоялъ изъ двѣнадцати параграфовъ. «Честное крестьянство христіанскаго союза» обязывалась безпрекословно нести всѣ обязательства, лежащія на немъ по божественному закону, относительно его духовныхъ и свѣтскихъ владыкъ и отнюдь не возставать противъ ихъ власти. Крестьяне изъявляли желаніе сохранять земскій миръ и никому не обижать другаго. Если же гдѣ нибудь случится возстаніе или война, то прочимъ не должно начинать безпорядковъ и враждовать между собою; ближайшее лицо, имѣющее власть водворить нарушенный миръ, обязано употребить всѣ старанія, чтобы прекратить вспыхнувшую вражду, и по первому слову его всякій долженъ повиноваться; слушники же будутъ наказаны, смотря по винѣ. Долги, признанные должниками или засвидѣтельствованные заемными письмами, печатями или свидѣтелями, заслуживающими довѣрія, слѣдуетъ уплатить; если же должникъ имѣетъ возраженіе противъ уплаты долга, то передать дѣло въ судъ. Владѣтелей замковъ, не участвующихъ въ христіанскомъ союзѣ, вѣжливо просить не запасаться лишнею провизіею, не ввозить пушекъ и не впускать въ замки людей, не принадлежащихъ къ христіанскому союзу; если же владѣльцы или монастыри пожелаютъ укрѣпить свои замки или аббатства, то обязаны принимать въ гарнизонъ только такихъ

людей, которые участвуют въ христіанскомъ союзѣ. Служители князей и владѣтелей должны отречься отъ присяги на вѣрность своимъ господамъ; кто откажется отъ присяги, можетъ поступить въ союзъ; а кто не откажется, долженъ удалиться изъ страны съ женами и дѣтьми; но обижать ихъ не слѣдуетъ. Если кто изъ владѣтелей прогонитъ управляющаго или другое лицо, принадлежащее къ христіанскому союзу, то отставленный имѣетъ право пригласить двухъ или трехъ членовъ союза, которые разберутъ, за что онъ уволенъ. Приходскихъ священниковъ и ихъ викаріевъ ласково просить проповѣдывать св. Евангеліе; кто согласится, тому приходъ долженъ положить приличное содержаніе; тѣ же, которые не согласятся, будутъ отставлены и замѣщены другими, согласными на это условіе. Никто не долженъ заключать сдѣлокъ съ своими господами, не давъ объ этомъ знать союзу и не получивъ его согласія; но, и по заключеніи сдѣлки, участіе заключившаго ее въ союзѣ не прекращается. Каждое крестьянское скопище отрядить старшину и четырехъ совѣтниковъ; эти выборные всѣхъ скопищъ будутъ сообща разсматривать и рѣшать крестьянскія дѣла, такъ какъ общинамъ нельзя безпрестанно собираться. Собственность, похищенная у союзныхъ общинъ, будетъ отобрана. Удаляясь изъ страны на работу, ремесленники обязаны дать старшинѣ своего прихода клятву никогда ничего не предпринимать противъ христіанскаго общества и, если узнаютъ, что противъ него что нибудь замышляется, немедленно увѣдомлять его объ этомъ, а въ случаѣ надобности тотчасъ же возвращаться домой помогать обществу совѣтомъ и дѣломъ. То же вмѣняется въ обязанность всѣмъ, служащимъ за границею въ солдатахъ. Судъ и расправа будутъ идти своимъ порядкомъ по прежнему; азартныя игры, богохульство и пьянство воспрещаются, и виновные въ нихъ подлежатъ наказанію. Наконецъ, подѣ страхомъ отвѣтственности личностью и имуществомъ, воспрещается всѣмъ, до дальнѣйшаго рѣшенія, бунтовать подѣ какимъ бы то ни было предлогомъ противъ своихъ господъ и начальствъ, прибѣгать противъ

нихъ къ насилію и посягать на ихъ собственность, въ видѣ ли лѣса, воды, или чего другаго.

Во вторникъ, 7 марта, уставъ этотъ былъ принятъ всѣми отрядами верхне-альгаускаго скопища; примѣру его послѣдовали нижне-альгауское, бальтрингенское и приозерное скопища *). Всѣ они обязались твердо держаться другъ друга и скрѣпили этотъ оборонительный и наступательный союзъ присягою. Но пока никакихъ насилій еще не произошло. Изъ главныхъ лагерей, гдѣ происходили собранія, крестьяне, согласно уставу, разошлись по общинамъ. Въ главныхъ квартирахъ остались только начальники и совѣты. Сборнымъ пунктомъ бальтрингенскихъ крестьянъ остался Ридъ, близъ Бибераха; крестьянъ верхняго Альгау—Луибасъ; крестьянъ нижняго Альгау—Райтенау, а прибрежныхъ—Берматингенъ. Приходы, вступившіе въ союзъ цѣликомъ, имѣли своихъ начальниковъ, совѣтниковъ и ближайшіе сборные пункты, куда начальникъ могъ сзывать общину. Туда же собирались крестьяне тѣхъ общинъ, гдѣ въ союзѣ участвовала только часть населенія. Кромѣ предводителей и совѣтниковъ были еще судьи, избранные для рѣшенія споровъ, возникающихъ въ общинахъ. По временамъ предводители собирали сходы, а въ случаѣ надобности главный предводитель сзывалъ всѣ общины въ свою главную квартиру. Во всѣхъ церквяхъ было по прежнему отмѣнено звонить во время церковной службы въ большой колоколъ, такъ какъ въ него слѣдовало бить только въ набатъ, и тогда всякій былъ обязанъ являться съ оружіемъ на свой постъ и, выслушавъ дальнѣйшія распоряженія, дѣлать, что прикажутъ или идти въ главную квартиру **).

Вотъ какимъ способомъ соединенное крестьянство этой страны думало найти удовлетвореніе своимъ жалобамъ и защититься. Безпристрастно сообразивъ все, рассказанное доселѣ по достовѣрнымъ источникамъ, припомнивъ старинныя, пи-

*) Матеріалы для исторіи крестьянской войны, стр. 54—60.

**) Изъ архива Зальмансвейлера. Рукописная лѣтопись Вейсенгорна.

санныя льготы крестьянъ, ихъ давнее право вооружаться, когда угодно, собираться и держать сходки, ихъ поведеніе въ настоящемъ случаѣ, исполненное достоинства, — нельзя не согласиться съ благороднымъ человѣкомъ, не скрывавшимъ, что сердце его лежитъ къ крестьянамъ. «Уставъ, говоритъ онъ, составленный въ Меммингенѣ начальниками и совѣтниками, явно показываетъ, что крестьянская война была не что иное, какъ отчаянный вопль человѣчества, угнетеннаго дармоѣдами и деспотами и не видѣвшаго послѣ долгихъ мученій и многихъ покорныхъ просьбъ, иного средства выйти изъ подъ гнета, кромѣ страшнаго взрыва. Отъ зари и до зари имъ только и твердили: «Плати! Плати!» Наконецъ они не хотѣли, да и не могли болѣе платить; но съ нихъ продолжали требовать. Тогда терпѣніе ихъ, долго искушаемое тираническимъ игомъ высшихъ классовъ, лопнуло, и въ отчаяніи они дошли до того, что свѣтскіе и духовные тираны назвали потомъ бунтомъ и мятежемъ» *).

Въ тотъ самый день, когда крестьяне присягнули уставу своего общества, комитетъ и депутаты трехъ лагерей отира-вили въ Ульмъ къ совѣту швабскаго союза посланіе, въ которомъ просили не вмѣнять имъ въ вину ихъ союзъ, такъ какъ цѣль его — соблюсти въ чистотѣ евангельское ученіе и божественное право **).

*) Замѣчаніе анонимнаго собирателя матеріаловъ. Ст. 55.

**) Документы изъ штутгартскаго архива.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Швабскій союзъ дипломатически надуетъ крестьянъ.

Какъ только крестьяне начали собираться, швабскій союзъ отрядилъ къ нимъ своихъ депутатовъ, чтобы подъ видомъ доброжелательства выпытать ихъ намѣренія. Съ этою цѣлью въ балтрингенскій лагерь были отправлены изъ Ульма графъ Гансъ фонъ Кенигсэггъ-Аулендорфъ и ульмскій бургормистръ Ульрихъ Нейтгардъ. Они получили въ отвѣтъ то же самое, что уже было письменно изложено крестьянскимъ комитетомъ: что крестьяне никого не намѣрены обижать и желаютъ только поддержать чистое Евангеліе и св. писаніе. Депутаты доказывали имъ, что дворянство не нарушаетъ Евангелія и что если они имѣютъ что нибудь противъ своихъ господъ, то должны предъявить свои жалобы, и получаютъ должное и справедливое удовлетвореніе; если же не состоится полюбовнаго соглашенія, то дѣла будутъ разсмотрѣны судебнымъ порядкомъ *).

Вотъ что говорило дворянство, имѣя въ виду выиграть время и надуть крестьянъ. Въ тайнѣ же, между собою, ульмскіе совѣтники подсмѣивались надъ ихъ легковѣріемъ. Канцлеръ Эккъ писалъ 15 февраля герцогу Вильгельму Баварскому, что они намѣрены до времени сдерживать этихъ бездѣльниковъ мужиковъ мнимыми уступками, пока не подоспѣетъ союзное войско, и тогда напасть на нихъ врасплохъ. «Крестьяне будутъ наказаны по заслугамъ, какъ только Богъ поможетъ намъ раздѣлаться съ твильскимъ сумасбродомъ», писалъ онъ герцогу 22 числа. Союзъ получилъ извѣстіе о приближеніи герцога Ульриха; поэтому ему было необходимо склонить крестьянъ на перемиріе. 26 февраля канцлеръ писалъ: «Завтра мы опять должны послать къ крестьянамъ депутатовъ,

*) Протоколъ ульмскаго совѣта.

чтобы поладить съ ними; иначе не будетъ возможности выслать всѣ войска противъ герцога Виртембергскаго». На другой день онъ опять писалъ: «Приходится отложить расправу съ крестьянами; мы идемъ теперь противъ герцога; если намъ удастся покончить съ нимъ, то по возвращеніи мы такъ отдѣлаемъ мужичье, что они пожалѣютъ, что затѣяли дѣло». 2 марта, въ то время, когда часть союзнаго совѣта обѣзжала крестьянскіе лагеря, стараясь задерживать крестьянъ переговорами, баварскій канцлеръ писалъ своему герцогу: «Сегодня союзное войско повсюду выступаетъ въ походъ. Наконецъ-то мы дождались этого. Какъ пріѣду, поразскажу вашей княжеской милости, какъ мы ухитрились устроить это». Такъ подсмѣивался Эккъ надъ обманутыми крестьянами, которыхъ швабскій союзъ умасливалъ переговорами и обѣщаніями разсудить ихъ жалобы и, пользуясь этимъ, вводилъ у нихъ на глазахъ всѣ войска свои въ походъ. Экку и его партіи было хорошо извѣстно, чѣмъ отвѣтять потомъ на ихъ жалобы. «Пожалуйста пока потише; нуженъ молчокъ, пишетъ онъ герцогу отъ 7 марта; требованія крестьянъ доказываютъ, что лютеранское ученіе дѣйствуетъ. Подай имъ дичь и рыбу для всѣхъ, да не бери налоговъ! Нѣтъ, этого чорта безъ палача не выгнать» *) Въ то время, какъ крестьяне ждали, что швабскій союзъ справедливо рѣшитъ ихъ дѣло, союзные совѣтники хлопотали о деньгахъ на военныя издержки, о порохѣ и оружіи, и Эккъ писалъ 9 марта герцогу: «Мы вскорѣ такъ расправимся съ крестьянами, что ихъ еретическое Евангеліе пропадетъ въ нѣсколько дней. Добрые, благочестивые люди изъ Эсслингенскаго правленія вообразили, что мы на самомъ дѣлѣ хотимъ уступить крестьянамъ. Этому не бывать; мы не хотимъ терять своей репутаціи, какъ старыя потаскухи. Мнѣ противна братская любовь, о которой толкуетъ мужичье. Я и съ родными-то, кровными братьями, неохотно подѣлился, а тутъ извольте-ка дѣлиться съ чужими, да еще съ хамами!»

*) Подлинность этихъ писемъ неопровержима. Они хранятся въ мюнхенскомъ тайномъ архивѣ. Іёрхъ ст. 407—417.

Господинъ союзный совѣтникъ канцлеръ Эккъ тайно писалъ все это въ то самое время, когда на глазахъ у него союзъ условился съ крестьянами полюбовно или законно рѣшить ихъ тяжбы и за это добился отъ нихъ перемирія.

Крестьяне приняли предложеніе союза вступить въ мирныя переговоры и заключили съ нимъ перемиріе при посредничествѣ городовъ Равенсбурга и Кемптена. Крестьянскій уставъ показываетъ, какъ серьезно смотрѣли они на свое обѣщаніе вести себя мирно въ продолженіе переговоровъ. Депутатамъ трехъ лагерей, альгаускаго, ридскаго и приозернаго, отправившимся съ охранною грамотою отъ швабскаго союза въ Ульмъ вести процессъ отъ имени союзныхъ общинъ, было наказано общимъ собраніемъ добиваться прежде полюбовнаго рѣшенія споровъ; если же союзный совѣтъ не согласится на это, а будетъ требовать рѣшенія судебнымъ порядкомъ, то депутаты должны назначить третейскихъ судей, которыхъ крестьяне считаютъ достойными довѣрія. Такими лицами въ инструкціи названы эрцгерцогъ Фердинандъ, какъ намѣстникъ императора, съ двумя евангелическими учителями, герцогъ Фридрихъ саксонскій съ Мартиномъ Лютеромъ, Филиппомъ Меланхтономъ или Помераномъ (Д-ръ Бугенгагенъ); города: Нюрнбергъ съ христіанскими учителями Озіандеромъ и Доминикомъ Шлейпнеромъ; Страсбургъ съ однимъ или двумя богословами; Цюрихъ и Линдау. Если же, говорилось въ инструкціяхъ, этихъ судей отвергнуть, то депутаты должны предложить союзному сейму самому избрать судей; но депутаты не должны принимать судей, избранныхъ союзнымъ сеймомъ, пока общее собраніе крестьянъ не утвердитъ ихъ.

Въ посредники полюбовной сдѣлки крестьяне нижняго Альгау предложили: двухъ членовъ союза, Гордіана Зейтера, бургомистра кемптенскаго, и Генриха Бессерера, бургомистра равенсбургскаго; бургомистра и совѣтъ города Меммингена въ ихъ собственномъ интересѣ, и меммингенскаго проповѣд-

ника, д-ра Христофа Шанпелера; крестьяне лагеря при Констанцкомъ озерѣ предложили Ганса Шультеса, бургомистра и констанцкаго цеховаго старшину, Цольнера, Ганса Фарнбухлера, бургомистра Линдаускаго и Ганса Боденмайера; балтрингенскій лагерь: бургомистра ридлингенскаго, Шпрингера; бургомистра заульгаускаго Витта Маурера; господина Леопольда Дика, лиценціата изъ Бабенгаузена; ридлингенскаго священника д-ра Ганса Цвика; Ульриха Роггенбургера, лиценціата изъ Кемптена; д-ра Фуксштейна; биберахскаго проповѣдника, Бартоломэ; Конрада Штарка изъ Бибераха и бургомистра кауфбейренскаго *); крестьяне нижняго Альгау: бургомистра кемптенскаго Генриха Зельтмана; кемптенскаго цеховаго старшину, Ганса Гейстунга; лейткирхенскаго бургомистра, Мартина Лохингера; иснійскаго бургомистра, Каспара Эбергарда; иснійскаго городского секретаря; рейтинскаго бургомистра изъ Эренбергскаго округа; танквейльскаго управляющаго, Вельзера и господина Эргарда, управляющаго изъ Брегенцскаго лѣса.

Это были люди городской аристократіи, пользовавшіеся довѣріемъ крестьянъ. Крестьянскіе депутаты предложили совѣту этихъ посредниковъ съ условіемъ, что если соглашеніе не состоится, то это не поведетъ къ нарушенію правъ ни одной изъ сторонъ. Но совѣтники не захотѣли и слушать про это условіе, находя его излишнимъ и бесполезнымъ для «успѣшнаго окончанія этого запутаннаго дѣла.» 25 марта Генрихъ Бессереръ, Гордіанъ Зейтеръ и депутаты трехъ лагерей сдѣлали новое предложеніе: чтобы каждый владѣтель и его вассалы, между которыми возникли недоразумѣнія и споры, избрали по два третейскихъ судьи съ каждой стороны изъ свѣтскихъ лицъ, и чтобы эти четверо судей дѣятельно ста-

*) Крестьяне называютъ его въ инструкціяхъ Конрадомъ Фреемъ. Но по документамъ кауфбейренскаго архива такого бургомистра никогда не бывало: крестьяне, вѣроятно, ошибались или въ имени лица, или въ званіи и мѣстопребываніи этого Конрада Фрея.

рались уладить споръ полюбовно. Если же въ какихъ нибудь пунктахъ полюбовное соглашеніе не состоится, то спорящіе должны предоставить дѣло на рѣшеніе третейскаго суда изъ этихъ четырехъ судей и предсѣдателя, котораго выберутъ сообща обѣ стороны; если же онѣ не сойдутся въ выборѣ его, то каждая сторона должна избрать двухъ или трехъ кандидатовъ, изъ коихъ одинъ будетъ выбранъ въ предсѣдателя по жребію или по назначенію союзнаго сейма. Что рѣшать единогласно или по большинству голосовъ этотъ президентъ и четыре засѣдателя по выслушаніи или прочтеніи словесной или письменной защиты обѣихъ сторонъ, то должно исполняться безпрекословно.

По принятіи обѣими сторонами рѣшенія третейскаго суда, крестьяне всѣхъ трехъ лагерей должны уничтожить свой союзъ, отказаться отъ налагаемыхъ имъ обязанностей, разойтись по домамъ и впредь сборищъ не составлять. Они должны повиноваться своимъ господамъ и начальству, какъ было до заключенія союза, и безпрекословно выполнять всѣ свои обязанности до окончательнаго рѣшенія спора. Все, что будетъ признано несправедливымъ, будетъ отмѣнено и должно быть совершенно уничтожено въ теченіе полугода по рѣшенію; впрочемъ срокъ будетъ окончательно опредѣленъ по принятіи рѣшенія третейскаго суда. Господа и начальство должны забыть вражду и непріязнь къ своимъ вассаламъ и не мстить имъ. Всѣ эти пункты должны быть изложены письменно и скрѣплены поручительствомъ и присягою. Для учрежденія третейскаго суда крестьяне должны прислать отъ себя въ Ульмъ уполномоченную комиссію.

Обѣ стороны потребовали недѣлю срока, чтобы обдумать это предложеніе; общее собраніе крестьянъ должно было дать отвѣтъ въ Ульмъ не позже воскресенья—2 апрѣля; до того времени они должны были воздерживаться отъ насильственныхъ поступковъ и никого не принуждать вступать въ свое общество. Швабскій союзъ обязался съ своей стороны не

предпринимать никаких дѣятельныхъ мѣръ въ продолженіе этого времени *).

Умѣренныхъ и довѣрчивыхъ было въ лагеряхъ большинство. Люди умные, люди движенія не могли поставить на своемъ. И хитрый Фуксштейнъ ничего не добился.

Такимъ образомъ притворными переговорами удалось задержать крестьянъ этихъ трехъ лагерей; простодушно повѣривъ имъ, они упустили самое дорогое время для рѣшительной борьбы. А между тѣмъ миновала опасность, грозившая швабскому союзу со стороны изгнаннаго герцога Ульриха.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Военный карнавалъ герцога Ульриха. Хитрость Трухзеса въ Гегау. Швейцарцы измѣняютъ Ульриху.

Вѣсть о вторженіи опальнаго герцога Виртембергскаго испугала не только мюнхенскій дворъ, но и всѣхъ окрестныхъ князей и владѣтелей. Къ тому же съ этою опасностью совпали и другія: крестьянское волненіе въ Тиролѣ и Форальбергѣ, бунтъ рудокоповъ въ Швацѣ, случившійся въ половинѣ февраля и съ трудомъ подавленный самимъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ, крестьянскія скопища въ Швабіи, замыслы опальныхъ рыцарей, вербовавшихъ народъ въ Богеміи, наконецъ слухъ, что Фальцъ и Гессенъ за одно съ герцогомъ Виртембергскимъ.

Глава швабскаго союза, Трухзесъ Георгъ фонъ Вальдбургъ, получивъ въ качествѣ союзнаго главнокомандующаго пред-

*) Печатное и повсюду распространенное объявленіе швабскаго союза.

писаніе выступить противъ Ульриха, поспѣшилъ успокоить выгодными обѣщаніями нѣкоторыя крестьянскія общины въ Гегау. При посредничествѣ верхнихъ имперскихъ городовъ онъ заключилъ съ ними договоръ, или, по крайней мѣрѣ, перемиріе, обѣщавъ амнистію всѣмъ и содѣйствіе тѣмъ, кого господа притѣсняютъ *). Чтобы придать болѣе вѣса своему предложенію, онъ напалъ съ двумястами испытанныхъ ратниковъ на одно изъ крестьянскихъ сборищъ въ Гегау и отправилъ плѣнныхъ въ оковахъ въ Штоккахъ. Остальное крестьянство приняло перемиріе, объявивъ, что «довольно» предложеніемъ Трухзеса, и положило оружіе, присягнувъ соблюдать договоръ. По этому договору всѣ они должны были явиться въ Штоккахъ, гдѣ ихъ засадили въ тюрьму, чего никто изъ нихъ никакъ не ожидалъ; но впрочемъ ихъ немедленно освободили и отпустили домой, равно какъ и прежнихъ плѣнниковъ, взявъ съ нихъ вторичную присягу **).

Изъ Доттернгаузена близъ Балингена герцогъ Ульрихъ послалъ солдата съ письмомъ къ швабскому союзу. Члены сейма дали солдату 5 гульденовъ, надрѣзали ему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ платье, въ знакъ полученія письма, и отправили его подъ конвоемъ обратно къ герцогу. Самъ Ульрихъ стоялъ въ Доттернгаузенѣ, а швейцарцы расположились въ окрестныхъ деревняхъ и праздновали масляницу, такъ какъ это было какъ разъ въ заговѣнье, 28 февраля.

Усмиривъ у себя въ тылу крестьянъ Гегау, Трухзесъ двинулся по слѣдамъ герцога въ Тутлингенъ съ войскомъ въ 300 человѣкъ конницы и 700 пѣхоты, большею частію изъ ландскнехтовъ. Главнымъ начальникомъ ландскнехтовъ былъ тотъ самый Гансъ Мюллеръ обѣ одной рукѣ, который такъ отличился при первомъ вторженіи герцога. Трухзесъ отправился труднымъ, но ближайшимъ путемъ черезъ Беренталь и пробрался черезъ Лохенъ — крутой утесъ, нависшій надъ городомъ Ба-

*) Современная рукопись Гольцварта Зейдлеръ.

**) 26 февраля, рукопись очевидца Ганса Луца. Гольцвартъ.

лингеномъ. Дорогою онъ встрѣтилъ отрядъ крестьянъ изъ Гегау, шедшихъ на соединеніе съ герцогомъ. Былъ полдень; во вторникъ на заговѣнье Трухзесъ атаковалъ крестьянъ, перебилъ ихъ человекъ 60 и отнялъ у нихъ знамя, черное и красное съ бѣлымъ крестомъ. Онъ послалъ этотъ трофей своему двоюродному брату, Трухзесу Вильгельму, намѣстнику герцогства Виртембергскаго. Въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ графъ Фридрихъ фонъ-Фюрстенбергъ, про котораго по этому случаю крестьяне его говорили: «умри нашъ господинъ, — чего пошли Боже, — такъ мы съ горя нарядимся въ красныя шапки *)». Придя вечеромъ къ Лохену, Трухзесъ сталъ обзрѣвать съ Лохенштейна лагерь Ульриха, при чемъ самъ онъ и окружавшіе его рыцари легли на брюхо, чтобы непріятель не замѣтилъ ихъ. Они увидѣли человекъ 300 швейцарцевъ и шварцвальденцевъ, которые совѣщались, гдѣ бы расположиться на ночь, и потомъ отправились въ деревню Вейльгеймъ, лежавшую у подошвы Лохена. «Вотъ бы хорошо напасть на нихъ завтра утромъ, сказалъ Георгъ; — славный былъ бы намъ завтракъ!» Ночью онъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія и всталъ утромъ рано. Но когда онъ началъ спускаться на зарѣ 1 марта съ своимъ авангардомъ изъ Лохена въ долину, крестьяне замѣтили его и хотѣли бѣжать въ лагерь герцога. Георгъ увидѣлъ это; но съ нимъ успѣло спуститься съ горы еще не болѣе 50 всадниковъ, почти все графы и рыцари. Однако онъ въ одно мгновеніе построилъ эту горсть людей въ боевой порядокъ и отрѣзалъ путь бѣгущимъ швейцарцамъ и шварцвальденцамъ, которые бросились къ озеру и, укрывшись за оврагомъ, приготовились къ бою. Но испуганные неожиданнымъ нападеніемъ, они не дождались нападенія, пали на колѣни и просили пощады. Желая настрашать швейцарцевъ и крестьянъ и показать имъ примѣръ, чтобы побудить ихъ покинуть герцога и вернуться домой, Трухзесъ от-

*) Ансельмъ. Рукописи Ганса Луца и Гольцварта.

казалъ въ пощадѣ и велѣлъ защищаться. Рыцари его перескочили верхами за оврагъ, перебили 133 человекъ и отняли у нихъ знамя. Изъ дворянъ нѣкоторые получили раны, но неопасныя; пало только 15 лошадей. Когда въ лагерь герцога слышали этотъ шумъ, все вооружилось и выступило на встрѣчу врагу. Но Трухзесъ, достигнувъ своей цѣли и чувствуя превосходство непріятеля, вернулся въ Эбингенъ. Онъ сражался только тогда, когда былъ заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ. Оказалось, что онъ хорошо зналъ швейцарцевъ и крестьянъ. Въ ту же ночь большая часть швейцарцевъ покинула Ульриха, частію изъ страха, увидя, что герцогство не такъ-то легко завоевать и что ихъ побили на первомъ-же шагу, частію, убѣдившись, что у герцога нечѣмъ много поживиться и что онъ намѣренъ взыскивать за грабежи. Гансъ Мюллеръ бульгенбахскій также ушелъ отъ герцога съ своимъ крестьянскимъ отрядомъ, вѣроятно убѣдившись, что настроеніе виртембергскихъ крестьянъ вовсе не таково, какимъ расписывалъ его Ульрихъ. Виртембергскіе крестьяне изъ Тутлингена и Балингена стояли за крестьянство, но не за герцога. Въ концѣ прошлаго года и здѣсь поговаривали, что добра будетъ мало, если не одолѣютъ господъ. Еще при первой рекогносцировкѣ своей Мюллеръ встрѣтилъ въ тутлингенскомъ и розенфельдскомъ округахъ сильное сочувствіе къ себѣ; нѣкоторые крестьяне даже пристали къ нему и пошли за нимъ въ лѣса. Швеннингенцы были также вполне преданы крестьянскому дѣлу, и больше всѣхъ — фогтъ и двое сыновей его. Австрійское правительство съ трудомъ удерживало эти округа отъ возстанія. Оно было вынуждено согласиться 9 января разсмотрѣть ихъ жалобы и назначить для этого третейскій судъ изъ предсѣдателя дворянскаго происхожденія, трехъ членовъ отъ правительства, четырехъ отъ бюргерства и четырехъ отъ поселянъ. Но крестьянскіе депутаты, согласившіеся на это условіе, были по возвращеніи дурно приняты крестьянами, и договоръ былъ отвергнутъ.

Такое же настроеніе умовъ увидѣлъ и Ульрихъ, вступивъ въ свое герцогство. Въ Швейцаріи онъ общалъ, если ему удастся возвратить себѣ свое герцогство, защищать евангеліе, освободить народъ отъ крѣпостнаго состоянія и отъ всѣхъ повинностей и уничтожить монастыри и аббатства. Но крестьяне, возставшіе за свободу и послѣдовавшіе за Ульрихомъ, вскорѣ убѣдились, что онъ не братъ имъ, а такой-же герцогъ, какъ и другіе, и что онъ и не помышляетъ объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости и повинностей. Поэтому они покинули и дѣло его, и его самого. Виртембергскіе крестьяне, разоряемые наемниками Ульриха, обратились къ защитнику своихъ интересовъ Гансу Мюллеру бульгенбахскому.

Если бы Трухзесъ зналъ, что двоюродный братъ его, Вильгельмъ, выслалъ къ нему изъ Тюбингена для прикрытія Балингена 300 человекъ конницы подъ начальствомъ Рудольфа фонъ-Эгингена, и если бы они успѣли соединиться, то герцогъ былъ бы разбитъ немедленно. Но Трухзесъ и Эгингенъ ничего другъ о другѣ не знали, и Ульриху удалось овладѣть Балингеномъ. Съ оставшихся швейцарцевъ онъ взялъ клятву, что они будутъ обращаться съ виртембергцами дружески. Надѣясь вознаградить быстротою недостаткомъ силы, онъ поспѣшилъ съ остатками своего войска въ Герренбергъ, оставивъ въ Балингенѣ три тяжелыхъ картауны, которыя задержали бы его на пути. Здѣсь, ближе къ центру страны, виртембергцы были расположены въ пользу своего герцога изъ ненависти къ австрійцамъ. Трухзесъ, разгадавъ планъ Ульриха, поспѣшилъ занять главные пункты до Штутгарта и самую столицу. Онъ двинулся къ Роттенбургу на Неккарѣ, между тѣмъ какъ Рудольфъ Эгингенъ пошелъ обратно въ Тюбингенъ; такимъ образомъ всѣ силы швабскаго союза сошлись съ разныхъ сторонъ при Бургерлеэнѣ между Тюбингеномъ и Роттенбургомъ. Отрядъ въ 1600 человекъ пѣхоты съ небольшимъ числомъ конницы спѣшилъ изъ Ульма черезъ Мюнзингенскій Альпъ къ Рейтлингену и Тюбингену, гдѣ уже стоялъ четырехсотенный отрядъ кавалеріи рейнскихъ

и другихъ союзныхъ князей *). Трухзесъ принялъ начальство надъ всѣми войсками союза, составлявшими въ общемъ 700 **) человекъ конницы и 14,000 пѣхоты. Въ томъ числѣ было одиннадцать виртембергскихъ ротъ, которыя собрались въ Эстербергѣ близъ Тюбингена, но не охотно шли за Австрію противъ своего герцога. Городъ Герренбергъ, зная, что Ульрихъ уже близко, также отказался впустить къ себѣ 40 человекъ конницы, посланной Трухзесомъ для занятія этого города.

Въ субботу Ульрихъ переправился за Неккаръ и пошелъ въ Бондорфъ, а оттуда въ Герренбергъ. Завидѣвъ его съ войскомъ, граждане Герренберга встрѣтили его тремя залпами изъ двойныхъ пищалей. Приближеніе его было возвѣщено тремя зажженными домами въ деревнѣ Небрингенѣ, которой Ульрихъ мстилъ за убитыхъ здѣсь трехъ солдатъ его. Въ то время, какъ онъ подступилъ къ городу, съ высотъ, окружавшихъ Герренбергъ, сталъ спускаться и Трухзесъ. Онъ шелъ въ полномъ боевомъ порядкѣ. Въ союзномъ войскѣ били тридцать барабановъ, и оно блистало пестротою сбруй и развѣвавшихся надъ нимъ 32 знаменъ. Герцогъ Ульрихъ обложилъ городъ и направилъ на него свои орудія, расположившись на госпитальной землѣ. Георгъ подошелъ къ нему на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Герцогъ велѣлъ оборотить орудія и сдѣлать три залпа по союзной конницѣ; но они не причинили ей никакого вреда, потому что были слишкомъ высоко намѣчены. Трухзесъ велѣлъ виртембергской милиціи идти къ Герренбергу защищать его; но милиціонеры отказались повиноваться и, не дожидая продолженія огня со стороны герцога, отступили въ ближайшую деревню (Гюльтштейнъ), за которою стояла союзная милиція. Послѣдняя хотѣла остановить бѣгущихъ убѣжденіями и силою; но виртембергцы рѣ-

*) Очевидецъ Гансъ Луцъ; Зейдлеръ 600.

**) Столько же показываетъ и другой очевидецъ, авторъ похода и войны швабскаго союза, а не 1600.

зились послѣдовать примѣру своихъ земляковъ, герренбергцевъ, которые, какъ они замѣтили, намѣревались перейти къ своему прежнему герцогу.

Виртембергцы ушли отъ союзниковъ съ своимъ обозомъ въ Тюбингенъ и расположились тамъ на прежней стоянкѣ, на Эстербергѣ. Наболѣе рѣшимости не идти въ бой обнаружили отряды бракенгеймскій, вайнгеймскій и маульбронскій. По уходѣ ихъ, Георгъ продержался въ полѣ до 4 часовъ, но, не будучи готовъ къ бою, отступилъ потомъ къ Роттенбургу и Тюбингену. Въ 5 часовъ вечера Герренбергъ сдался Ульриху. Онъ расположился на ночь по сосѣдству, въ Гертрингенѣ, а на слѣдующее утро, въ понедѣльникъ, пошелъ на Бёблингенъ и Зиндельфингенъ, которыми овладѣлъ безъ труда, такъ какъ они были не заняты войсками. Но тутъ Ульрихъ снова доказалъ, что не обладалъ талантами полководца. Солдаты его взяли Леонбергъ, а онъ простоялъ въ Зиндельфингенѣ отъ 6 до 9 марта. Его солдаты и швейцарцы выпили въ предмѣстіи въ монастырѣ вино и пиво, которыя нашли у монаховъ въ большомъ количествѣ.

Ульрихъ, видя, что народъ со всѣхъ сторонъ стекается къ нему съ изъявленіемъ покорности, забылъ, что, взявъ столицу Штутгартъ, онъ овладѣлъ бы всей страной.

Трухзесъ не упустилъ этого изъ вида. Союзный совѣтъ въ главной квартирѣ его требовалъ занять Тюбингенъ, Кирхгеймъ, Шорндорфъ и Геппингенъ, откуда всего удобнѣе было получить подкрѣпленіе отъ союза, что было необходимо, такъ какъ на виртембергцевъ полагаться было нельзя, и ихъ распустили. Но Георгъ стоялъ на томъ, чтобы не раздѣлять силъ, иначе Штутгартъ и всѣ остальные города будутъ потеряны. По его мнѣнію Штутгартъ слѣдовало беречь, потому что кто имъ владѣетъ, тотъ владѣетъ и всею страной. Ульрихъ ничего не сдѣлаетъ съ своею слабою артиллеріею противъ Штутгарта, если союзники будутъ стойко защищать его, потому что онъ оставилъ осадныя орудія въ Балингенѣ. Такимъ образомъ ему придется долго простоять подъ Штутгартомъ,

и швейцарцы покинуть его, потому что не любятъ долго служить бесплатно, а у герцога денегъ нѣтъ. Эти доводы восторжествовали, и Трухзесъ предписалъ графу Лудвигу фонъ-Гельфенштейну занять Штутгартъ хорошею артиллеріею, съ 1600 человекъ пѣхоты и 600 конницы. Тѣмъ временемъ герцогъ пьянствовалъ въ Зиндельфингенѣ съ своими швейцарцами и крестьянами. Ему и въ голову не приходила возможность такого дѣйствія со стороны союзниковъ. Онъ, вѣроятно, думалъ, что Трухзесъ такой же герой, какъ и онъ, и спѣшить не будетъ. Впрочемъ, Ульрихъ не забылъ о Штутгартѣ; онъ велѣлъ даже приготовить себѣ постель во дворцѣ и объявить городу, что на слѣдующую ночь будетъ тамъ ночевать. Но занять городъ онъ не подумалъ.

Гельфенштейнъ былъ очень доволенъ, найдя такой парадъ въ штутгатскомъ дворцѣ *). Граждане стояли за Ульриха, но внезапное появленіе сильнаго союзнаго войска устрало ихъ. Ульрихъ потребовалъ сдачи города. Видя расположеніе къ нему гражданъ, графъ Лудвигъ фонъ-Гельфенштейнъ собралъ своихъ солдатъ, чтобы испытать ихъ вѣрность, и сказалъ имъ: «Любезные друзья, герцогъ Ульрихъ прислалъ своего герольда съ требованіемъ сдачи города. Но всякому извѣстно, что мы присягали защищать владѣнія его императорскаго величества и его брата, что я и желаю исполнить, какъ подобаетъ благородному рыцарю. Вручаю вамъ поэтому свою жизнь, честь и достояніе и иду первый на врага, готовый умереть и возродиться. Кто за мною, пусть подниметъ руку.» Всѣ солдаты подняли руки и поклялись идти за нимъ.

«Ну, друзья мои, весело вскричалъ графъ, теперь мы зададимъ швейцарцамъ перцу!» Затѣмъ онъ говорилъ съ штутгартцами, приглашая ихъ поднять руку на присягу, что будутъ помогать ему дѣломъ и совѣтомъ; но нашлось не болѣе двадцати человекъ, которые послѣдовали этому приглашенію.

На слѣдующій день герцогъ Ульрихъ выступилъ изъ Зин-

*) Зейдлеръ, рукопись въ собраніи Шмида.

дельфингена черезъ горы къ Штутгарту. Приди онъ ранѣе, онъ вступилъ бы въ городъ безъ труда, а теперь ему пришлось осаждать его. Самымъ дѣятельнымъ союзникомъ герцога въ городѣ былъ палачъ. Онъ жилъ въ башнѣ на городской стѣнѣ. Отъ четверга до субботы, отъ артиллеріи герцога пало человѣкъ 70 непріятельскихъ солдатъ—не болѣе, а палачъ одинъ убилъ человѣкъ семь; онъ дѣлалъ это такъ ловко, что думали, что пули летѣли снаружи отъ непріятеля; въ заключеніе онъ благополучно убѣжалъ *).

Между тѣмъ, покровитель и союзникъ Ульриха, французскій король Францискъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ въ большомъ сраженіи при Павіи 24 февраля. Австрія требовала, чтобы швейцарцы отозвали своихъ изъ войска Ульриха и чтобы пригрозили имъ, если не возвратятся, казнью и лишеніемъ собственности; швейцарцы исполнили это, не смѣя противиться императору. Виртембергскіе крестьяне возетали за Ульриха только въ Балингенѣ, въ Герренбергѣ и въ окрестностяхъ Штутгарта. Ему ничего не оставалось болѣе, какъ убраться, и 17 марта онъ уже снова былъ за границами своей страны. Дѣло его съ швейцарцами и съ крестьянами разстроилось, и, какъ говорили крестьяне въ шутку, «военный карнавалъ кончился»; предпріятіе герцога не принесло пользы ни ему, ни крестьянамъ; оно не удалось, во-первыхъ потому, что вторженіе его не соотвѣтствовало первоначальному плану; во-вторыхъ потому, что эрцгерцогъ подкупилъ швейцарцевъ, служившихъ ему, склонивъ ихъ измѣнить ему и даже выдать его. Не ихъ была вина, что ему удалось спастись.

Часть виртембергскаго народа выказала при этомъ случаѣ прежнюю привязанность къ своему владѣтельному дому. Баварскій канцлеръ Эккъ называлъ эту вѣрность несчастному герцогу «мошеннической штукой, заслуживающею наказанія.» Онъ съ восторгомъ писалъ герцогу Вильгельму Баварскому по удаленіи Ульриха: «Я сейчасъ уѣзжаю изъ Ульма, чтобы на-

казать виртембергскихъ мошенниковъ. Я не премину сдѣлать съ своей стороны все, что могу для этого; это, Богъ дастъ, будетъ мнѣ здорово.» Однако герцогъ баварскій счелъ нужнымъ еще подстрекать его къ строгостямъ, хотя слышалъ, что канцлеръ «довольно лютъ на крестьянъ.» Герцогъ называлъ «бунтовщиками» тѣхъ виртембергцевъ, которые приняли своего законнаго государя и пристали къ нему *).

Вотъ что думали, говорили и писали государь и его первый министръ о той народной чертѣ, которая называется вѣрнопопданствомъ! Притомъ они высказывали свое мнѣніе въ такое время, когда слѣдовало бы ожидать, что они будутъ особенно высоко цѣнить это качество даже во врагахъ. Измѣна швейцарцевъ Ульриху была подготовлена въ тайнѣ канцлеромъ Эккомъ, его герцогомъ и швабскимъ союзомъ, а эрцгерцогъ далъ деньги на подкупъ начальниковъ и на уплату жалованья солдатамъ.

Когда швейцарцы стояли съ Ульрихомъ подъ Штутгартомъ, эрцгерцогъ сдѣлалъ имъ (9 марта) это предложеніе. Такъ какъ онъ уже заранѣе заставилъ кантоны отозвать ихъ и такъ какъ швейцарцы знали, что, не овладѣвъ Штутгартомъ, Ульрихъ не заплатитъ имъ жалованья, то рѣшились измѣнить ему. «Я уладилъ дѣло на счетъ того, чтобы предложить швейцарцамъ продать намъ герцога, пишетъ канцлеръ Эккъ Вильгельму Баварскому. Хотя швабскій союзъ, кромѣ Австріи, ничего не знаетъ объ этомъ, но я предложилъ тѣмъ, кто будетъ вести съ швейцарцами переговоры, склонить союзный сеймъ принять на себя уплату половины суммы, слѣдующей швейцарцамъ. Надѣюсь, что мы найдемъ средство навсегда избавиться отъ этого сумасброда Ульриха.» Герцоги Лудвигъ и Вильгельмъ баварскіе объявили, что совершенно согласны подкупить швейцарцевъ, чтобы они хитростью или силою

*) Письмо канцлера отъ 14 марта 1525 года. Письмо Вильгельма Баварскаго отъ 17 марта. Іѣрхъ, 417 — 419.

выдали опального герцога швабскому союзу. Предательство должно было совершиться въ Роттвейлѣ, въ одномъ монастырѣ близъ города. «Съ помощью нѣкоторыхъ лицъ» Ульрихъ успѣлъ бѣжать отъ швейцарцевъ потаеннымъ ходомъ изъ монастыря въ лѣсъ. Онъ такъ упалъ духомъ, «что желалъ смерти.» Жители Роттвейля укрыли его въ своемъ вольномъ городѣ, за что онъ подарилъ имъ часть своей артиллеріи, а остальную продалъ за 700 гульденовъ. Затѣмъ онъ распустилъ всѣхъ своихъ людей, сказавъ имъ: «Идите; теперь я не могу ничѣмъ помочь ни себѣ, ни вамъ» *).

Канцлеръ и герцоги были очень огорчены, что Опальный ускользнулъ изъ ихъ рукъ. Они заподозрили даже Трухзеса Георга фонъ-Вальдбурга въ томъ, что онъ умышленно далъ герцогу уйти изъ страны, чего тотъ не могъ бы иначе сдѣлать, потому что былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ союзными войсками **). Но тѣ, кто доставилъ Ульриху эту возможность, были конечно почестнѣе канцлера Экка и находили, что «мошенничествомъ» слѣдовало назвать не вѣрность виртембергцевъ своему несчастному государю, а предательскія козни самого Экка и швейцарцевъ.

*) Письмо канцлера Экка отъ 9 марта 1525 года. Письмо Лудвига Баварскаго отъ 17 марта. Два письма канцлера отъ 18 и 21 марта изъ Бебенгаузена и Ураха—все это памятники этого предательства.

**) Письмо канцлера отъ 30 марта. Іѳрхъ, 419.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Волненія въ Баваріи.

Съ первыхъ чиселъ марта началось движеніе и въ Баваріи. Крестьянскія сходки возникли даже въ окрестностяхъ Мюнхена, особенно въ Штарнбергскомъ округѣ. При всей строгости надзора за страной, куда не допускали проповѣдывать и возбуждать народъ ни одного иностранца, баварскіе крестьяне также не захотѣли долѣе терпѣливо переносить иго. Чтобы иностранные купцы не занесли въ страну современнаго духа, въ Баваріи отмѣнили ежегодныя ярмарки. Шпіоны изъ кожи лѣзли, чтобы пронюхать, не замышляетъ ли какой нибудь иностранецъ или туземецъ «чего нибудь въ родѣ заговора или мятежа» *).

Баварскіе герцоги, бывшіе въ 1525 году еще очень молоды, смотрѣли сначала на реформацію благосклонно. Книги въ духѣ лютеранскаго ученія печатались во множествѣ экземпляровъ въ самомъ Мюнхенѣ. Въ 1520 году, когда возстали тирольскіе крестьяне, канцлеръ Эккъ предупредилъ герцога Вильгельма на счетъ опасности распространенія въ странѣ новыхъ идей. Его беспокоило, что астрологи предсказали на 1524 годъ такую перемѣну, о какой еще и не слыхивали. Нельзя было предположить, что пожаръ, вспыхнувшій повсюду, погаснетъ, не причинивъ никакого вреда **).

Не смотря на то, до весны 1522 баварскіе герцоги продолжали, по крайней мѣрѣ, терпѣть новое ученіе. Смѣлая попытка Зикингена и франконскаго рыцарства испугала гер-

*) Правительственный актъ о защитѣ страны отъ 12 апрѣля 1525 года.

**) Письмо канцлера отъ 13 января 1520.

цога Вильгельма, расположеннаго къ городамъ и бывшаго не прочь унижить дворянство. Возстанія 1524 въ Нюрнбергѣ и въ верхней Швабіи окончательно напугали баварскихъ герцоговъ новыми идеями, и весною 1525 тревога при дворѣ усиливалась по мѣрѣ приближенія опасности. Всякій разговоръ въ трактирѣ за чаркою вина давалъ поводъ къ опасеніямъ. Въ мартѣ какой-то баварскій рыбакъ съ Аммерскаго озера въ Ландспергскомъ округѣ сидѣлъ однажды въ трактирѣ «Короны» въ Тюбингенѣ и толковалъ съ хозяиномъ о тогдашнихъ слухахъ. Шпіоны немедленно донесли объ этомъ канцлеру, бывшему еще въ Ульмѣ. Канцлеръ поспѣшилъ написать въ Мюнхенъ: «Ваше высочество, не пренебрегайте замыслами негодяевъ; они ведутъ свое дѣло все далѣе и далѣе. Надо принять мѣры, пока есть время. Трактирщикъ очевидно не хотѣлъ сказать всего, что говорилъ съ нимъ рыбакъ съ Аммерскаго озера, но далъ понять, что смыслъ его рѣчей былъ тотъ, что черезъ недѣлю баварскимъ герцогамъ придется отозвать свои войска изъ арміи швабскаго союза, такъ какъ они будутъ нужнѣе имъ дома, чѣмъ въ Виртембергѣ. Рыбакъ этотъ родомъ изъ Байердисена. Надо отыскать его и допросить подъ пыткой.»

Съ другой стороны дворъ извѣщали, что деревни: Фрюлингъ, Нидербронненъ, Гаутингъ, Аллингъ, Фаффенгофенъ, Эрлингъ, Махтольфингъ, Пархтингъ, Герменингъ, Гохштедтъ, Аубургъ, Зентлингъ, Менцингъ и Графельфингъ — подозрительны; что одинъ швабскій крестьянинъ говорилъ въ Ландспергѣ, будто крестьянское общество распространено до Изера, какъ въ Баваріи, такъ и въ Швабіи; что толкуютъ о нападении на Андексскій монастырь, и что Азмусъ Дейль изъ Нидерброннена и Вольфгангъ Фрютингеръ изъ Гаутинга объявили другимъ, что, когда поднимутся крестьяне верхней страны, прочіе должны будутъ вооружиться *).

*) Письмо Эглоффштейна отъ 23 марта. Записка герцога Вильгельма. Іёрхъ, 372.

Это извѣстіе побудило баварскаго полководца, Эглоффштейна произвести 23 марта нападеніе на Байердисенъ и Эрлингъ; онъ схватилъ шестерыхъ важнѣйшихъ крестьянъ и приказалъ заключить въ тюрьму нѣкоторыхъ другихъ, въ томъ числѣ Дейля и Фрютингера *).

Въ Баваріи народъ былъ вообще въ хорошемъ положеніи, имѣлъ собственную свободную землю и не зналъ крѣпостной зависимости въ точномъ смыслѣ этого слова. Но въ земскихъ сеймахъ крестьяне не участвовали. Однако и не пользуясь правомъ представительства на сеймахъ, баварцы были, по словамъ Авентина, «народъ веселый, ежегодно платили подать деньгами господамъ, которые впрочемъ не имѣли надъ крестьянами никакой власти, и отправляли барщину. За исключеніемъ этого, простолюдинъ дѣлалъ, что хотѣлъ, пилъ, день и ночь особенно въ праздники, кричалъ, пѣлъ, плясалъ; имѣлъ право носить оружіе, рогатины и длинные ножи.»

Крестьяне были недовольны, что ихъ лишили права пользоваться дичью, птицею и рыбою, тѣмъ болѣе, что придворные, духовенство и дворянство заразились страстью молодыхъ герцоговъ къ охотѣ и наносили народу большой ущербъ гонкой за дичью. 27-го марта 1525 гильхингская община въ Штернбергскомъ округѣ писала герцогу Вильгельму: «Мы терпимъ такіе убытки отъ охоты, которая портитъ поля, сады и другія мѣста, что просто хотъ выселяйся изъ края: все пропадаетъ, ничего не подѣлаешь. Мы готовы безпрекословно отправлять барщину, нести налоги и повинности, на сколько позволятъ наши силы и состояніе, лишь бы ваше высочество соизволили избавить насъ отъ дичи.»

Такимъ образомъ баварскіе крестьяне жаловались на убытки отъ княжескихъ охотъ и на то, что для дичи запускаютъ луга **). Но кромѣ того возникли другія жалобы—на чиновниковъ, на мелкіе десятинные налоги, на подати и пошлины,

*) Тамъ же.

**) Письмо совѣтниковъ бургаузенскаго правленія отъ 22 мая.

которыми господа тяжело и вопреки обычаю обременяютъ крестьянъ, особенно прелаты, настоятели монастырей и даже простое духовенство. Крестьяне говорили, что не будутъ платить, что у нихъ нѣтъ средствъ на уплату всѣхъ большихъ и малыхъ десятинныхъ налоговъ и что они будутъ вынуждены отказаться отъ земли *).

Баварское духовенство, подобно другимъ, увеличивало свои требованія по мѣрѣ возрастанія роскоши, а герцоги съ своей стороны притѣсняли духовенство.

Чтобы поправить финансы, истощенные войною, которую Баварія вела двадцать лѣтъ тому назадъ, канцлеръ Эккъ предложилъ герцогамъ двѣ мѣры: во-первыхъ, налагать подати, не созывая сеймовъ, потому что чертъ засѣлъ въ подданныхъ, и чернь вздумала выйти на свободу не только въ Баваріи, но и въ другихъ государствахъ; она желаетъ всеобщей анархіи, и баварскій крестьянинъ втайнѣ мечтаетъ объ этомъ, хотя явно не подаетъ вида **). Во-вторыхъ, канцлеръ совѣтовалъ взять денегъ у всѣхъ монастырей, частию заимообразно, частию въ видѣ налога. Монастыри обязаны дать, заключилъ онъ ***).

На эти деньги канцлеръ совѣтовалъ на вербовать чеховъ, или стратиотовъ, если крестьяне откажутся выставить конную милицію. Дикіе, храбрые стратиоты или албанцы служили въ то время всякому, кто платилъ имъ. Больше всего ихъ было на службѣ у Венеціи. «Это хорошая мѣра противъ крестьянъ, разсуждалъ канцлеръ; мятежъ лучше всего усмирять такими наемниками» ****).

Около 1000 на вербованныхъ чеховъ прибыли на Лехъ поздно, уже въ половинѣ апрѣля, и расположились въ Шонгау. Ту-

*) Письмо баварскихъ герцоговъ къ монастырямъ и аббатствамъ отъ 25 мая 1525 года.

**) Письмо канцлера отъ 25 февраля 1525 года

***) Письмо его же отъ 25 февраля.

****) Письмо канцлера отъ 24 февраля.

земное войско было трудно заставить сражаться противъ крестьянъ. Даже благородные вассалы и герцогскіе чиновники обнаружили далеко не тотъ духъ, какой ожидали въ нихъ встрѣтить. Всего надежнѣе были горожане. Но понадобилось много денегъ, потому что только горожане вооружились на свой счетъ. Мюнхенскій дворъ разослалъ гонцовъ во всѣ монастыри для сбора денежнаго вспомошествованія и займа «на отраженіе нѣмецкихъ турокъ», обѣщая возвратить деньги, если онѣ не понадобятся.

За невозможностью ли сопротивляться, или понимая положеніе дѣлъ, монастыри немедленно уплатили требуемый налогъ. Въ концѣ февраля въ Мюнхенъ было доставлено болѣе 30,000 гульденовъ изъ восьмидесяти монастырей. Количество налога было пропорціонально средствамъ cadaго. Напримѣръ, Тегернзэ заплатилъ 2000 гульденовъ, а Фаффемиюнстеръ всего 50.

2 апрѣля мюнхенскій дворъ принялъ, по совѣту канцлера, новую мѣру. Всѣмъ монастырямъ тайно предложили отдать свои драгоценности, серебро и дорогую утварь, на храненіе герцогамъ, такъ какъ бунтующая чернь питаетъ къ монахамъ и духовенству особенно сильную ненависть. Если бы крестьяне напали на монастыри и ограбили ихъ, то серебро и драгоценности, попавшія въ ихъ руки, могли бы способствовать успѣху ихъ дѣла.

Впослѣдствіи правительство взяло на сбереженіе драгоценности и наличныя деньги всѣхъ церквей и обложило тяжелымъ налогомъ даже простое приходское духовенство, будто бы «для спасенія родины, такъ какъ монастыри и земскіе чины, уже съ готовностью уплатили субсидіи» *).

Сверхъ того духовенству приходилось по старому обычаю выставить военный обозъ, упряжь, прислугу, лошадей, тяжелыя орудія и продовольствіе. 26 апрѣля отъ монастырей вторично потребовали вспомогательныхъ суммъ. Въ то же время

*) Инструкціи и приказы отъ 2, 22 и 23 апрѣля, 6, 9 и 13 мая.

были заключены займы у богатых городов, какъ напр. Пассау, и у богатыхъ соборныхъ капитуловъ и церквей, владѣвшихъ землями, какъ регенсбургское аббатство св. Эммерана и аугсбургское — св. Ульриха. Этотъ вторичный поборъ возбудилъ вопли среди монаховъ и монахинь. Полей и луговъ никто не покупалъ; подъ закладъ монастырскихъ зданій никто не давалъ ничего; положеніе ихъ было печально. Но герцоги отвѣчали, что сами были вынуждены отдать все свое серебро и золото на содержаніе войскъ противъ крестьянъ, которые главнымъ образомъ хотятъ повредить духовенству. Дворянство, говорилъ герцогъ Вильгельмъ, также должно пожертвовать свои драгоценности, деньги и золотыя украшенія своихъ женъ; иначе чернь восторжествуетъ, изгонитъ дворянъ и духовенство и захватитъ въ свои руки верховную власть.

Монастырь Бланкштеттенъ испыталъ, какъ взимался вторичный налогъ съ тѣхъ, кто медлилъ внести его: чешскіе наемники обообрали все имущество у монастырскихъ вассаловъ и наложили на нихъ сто гульденовъ контрибуціи, ограбивъ и раззоривъ предварительно самый монастырь *).

На жалобы настоятелей и настоятельницъ, что налогъ этотъ — нововведеніе, противное всѣмъ обычаямъ, герцоги отвѣчали, что если налогъ на церковное имущество дѣло новое и небывалое, то и крестьянское возстаніе въ настоящемъ его видѣ столь же ново и небывало. Налогъ же вызванъ возстаніемъ **).

Такимъ образомъ баварскіе герцоги достали денегъ. Гораздо труднѣе было пріобрѣсти, войско, и эта трудность приводила мюнхенскій дворъ въ смущеніе, тѣмъ болѣе, что и въ верхней Баваріи было неспокойно. Слѣдовало ожидать, что возстаніе вспыхнетъ и здѣсь, такъ какъ эта страна граничила между Шонгау и Фюссеномъ съ Альгау и съ Тиролемъ. Въ Зальцбургѣ и въ нижней Австріи настроеніе умовъ было

*) Письмо аббата отъ 15 сентября. Іѳрхъ, 367.

**) Письмо отъ 6 января 1526 года.

также очень тревожно. Если бы населеніе верхней Баваріи примкнуло къ тирольцамъ, то крестьянское общество распространилось бы непрерывною цѣпью отъ Шварцвальда до горъ нижней Австріи, отъ Эльзаса до Вѣны. Поэтому для баварскихъ герцоговъ было всего важнѣе прикрыть линію отъ Шонгау до Фюссена. Не радостно приняли въ Мюнхенѣ вѣсть о томъ, что «Томасъ Цоттъ собралъ въ Швацѣ рудокоповъ и объявилъ имъ между прочимъ, что надо работать кулаками, и что если они возстанутъ, то къ нимъ присоединятся зальцбургскіе крестьяне и многіе баварцы *).

Зальцбургская и тирольская границы возбуждали въ баварскомъ правительствѣ особенно сильныя опасенія за спокойствіе страны. Было слышно, что тамошніе рудокопы и крестьяне думаютъ направиться по взятіи Зальцбурга на Мюльдорфъ, потомъ на замокъ Бурггаузенъ, и пройти такимъ образомъ черезъ Баварію къ крестьянскому лагерю въ Шонгау, съ которымъ они были заодно.

Не меньшая опасность грозила и со стороны франконской границы; но здѣсь движеніе началось только въ концѣ апрѣля. Канцлера особенно тревожили «пьяные буяны» въ Кельгеймѣ. «Въ Кельгеймѣ народъ бѣденъ, чернь дика и упряма, писалъ онъ. Это мѣстечко можетъ заразить все герцогство и особенно нижнюю Баварію» **).

Напротивъ того, крестьяне Фаффенвинкеля, вассалы богатыхъ монастырей, лежавшихъ вокругъ Пейсенберга, были спокойны и даже заняли Пейсенбергъ, чтобы не допустить альгаускихъ мятежниковъ въ верхнюю Баварію, когда тѣ переправились черезъ Лехъ.

Но съ Дуная пришло извѣстіе, что лейпгеймское скопище намѣревается учредить два лагеря въ баварскихъ владѣніяхъ: одинъ въ Моосѣ, близъ Бургау, а другой при Велленбургѣ, въ С. Стогденѣ, у самаго Леха. Они хвастались,

*) Письмо эрцгерцога Фердинанда къ герцогу Вильгельму.

**) Письмо отъ 24 апрѣля.

что баварскіе крестьяне въ долинахъ Леха только ожидаютъ ихъ прибытія, чтобы пристать къ нимъ, и что, соединившись съ ними, они первые нападутъ на врага. »Когда къ намъ присоединятся баварцы, говорили въ лейпгемскомъ лагерѣ, то наше общество распространится по всему свѣту. Тогда мы потягаемся и съ князьями, и съ королями» *).

Но баварскихъ крестьянъ, приходившихъ въ швабскіе лагеря по одиночкѣ, не принимали **), опасаясь впустить къ себѣ лазутчиковъ и рассчитывая на присоединеніе баварцевъ всею массою.

Среди этихъ обстоятельствъ герцоги получали самые разнообразные совѣты. Канцлеръ постоянно пѣлъ одну пѣсню: что «это все плоды лютеранскаго мошенничества» — онъ иначе не называлъ реформацію, — и что надо хорошенько припугнуть ихъ. Крестьянамъ не должно позволять собираться, и нужно строго наказывать зачинщиковъ. Примѣръ много значитъ. Убѣжденіями и ласкою съ крестьянами ничего не сдѣлаешь, потому что они безразсудны и дики. Главное — деньги и хорошее войско. Здѣсь все зависитъ отъ твердости. Если государи продержатся хоть мѣсяцъ, то герцогъ Ульрихъ и крестьяне останутся безъ денегъ; надо только избѣгать пораженія. Покончивъ съ Ульрихомъ, можно будетъ расправиться съ крестьянами и съ ихъ еретическимъ евангеліемъ. На требованія ихъ нечего обращать вниманія ***).

Не такъ смотрѣлъ на дѣло членъ имперскаго правительства, баварскій совѣтникъ Шиллингъ:

«Быть можетъ, Богъ и поможетъ намъ побѣдить мятежныхъ крестьянъ, писалъ онъ герцогу Вильгельму; но полагаю, что правительству слѣдуетъ прежде всего устранить то, за что, безъ сомнѣнія, Богъ посылаетъ намъ эти испытанія,

*) Письмо правителя Ферстельдера, отъ 6 апрѣля.

**) Тамъ же.

*) Письмо Экка отъ 9 марта 1525.

бунты и возмущенія. Богъ испытываетъ насъ, дабы мы познали себя и Его *).

Но баварскіе государи не послушались голоса этого честнаго и безстрастнаго человѣка; они предпочли внушенія Экка. При Павіи была одержана побѣда; герцогъ Ульрихъ былъ разбитъ; теперь можно было располагать войсками швабскаго союза и Георгомъ фонъ-Вальдбургомъ. Положеніе крестьянъ было таково, что господа ничего лучшаго и желать не могли. Канцлеръ Эккъ, ликуя, писалъ отъ 18 марта: «Теперь надо безъ отлагательства раздѣлаться съ крестьянами; къ 25 марту союзная армія займетъ всю страну отъ Ульма до Эгингена.»

*) Письмо рыцаря Шиллинга изъ Эслингена отъ 13 марта 1525 года.